

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Андреев

А. Бенкендорфъ.

Кн. П. Вяземскій.

А. Бестужевъ.

Н. Гнѣдичъ.

А. Воейковъ.

Н. Гоголь.

Н. Гречъ.

А. Дельвигъ.

Д. Давыдовъ.

И. Дмитриевъ.

Дантесъ.

В. Жуковскій.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

40.

ИЗДАНИЕ Ф. НАВЛЕНКОВА.

40.

№ 40.

В С Ъ

П И С Ь М А

А. С. ПУШКИНА.

*Съ портретомъ автора и 25 портретами
лицъ, къ которымъ онъ писалъ.*

(Изъ коллекціи П. А. Ефремова).

.....
Цѣна 25 коп.
.....

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утв. Товарнщ. „Обществен. Польза“,
Больш. Подъячская, 39.

Butle Stax

РСТ

33.45

.A1

1897g

Дозволено цензурою .С.-Петербургъ, 2 Августа 1897 г

ПИСЬМА.

1816.

Князю П. А. Вяземскому. *Цар. Село, 27 Марта.*
— Князь Петръ Андреевичъ! — Признаюсь, что одна только надежда получить изъ Москвы русскіе стихи Шапеля и Буало могла побѣдить благословенную мою лѣньность. Такъ и быть, ужъ не пеняйте, если письмо мое заставитъ звѣвать ваше пѣтическое сіятельство; сами виноваты: зачѣмъ дразнить было несчастнаго царскосельскаго пустытника, котораго ужъ и безъ того дергаетъ бѣшеный демонъ бумагомаранія? Съ моей стороны прямо объявляю вамъ, что я не намѣренъ оставить васъ въ покоѣ, покажѣсть хромой софійскій почтальонъ не принесетъ мнѣ вашей прозы и стиховъ. Подумайте хорошенько объ этомъ; дѣлайте, что вамъ угодно, но я уже рѣшился и поставлю на своемъ.

Что сказать вамъ о нашемъ уединеніи? Никогда лицей (или ликей, только, ради Бога, не лицей) не казался мнѣ такъ несноснымъ, какъ въ нынѣшнее время. Увѣряю васъ, что уединеніе въ самомъ дѣлѣ вещь очень глупая, на зло всѣмъ философамъ и поэтамъ, которые притворяются, будто бы живали въ деревняхъ и влюблены въ безмолвіе и тишину.

Блаженъ, кто въ шумѣ городскомъ
Мечтаетъ объ уединеньѣ,

Кто видитъ только въ отдаленьѣ
 Пустыню, садикъ, сельскій домъ,
 Холмы съ безмолвными лѣсами,
 Долину съ рѣзвымъ ручейкомъ
 И даже... стадо съ пастухомъ!
 Блаженъ, кто съ добрыми друзьями
 Сидитъ до ночи за столомъ
 И надъ славенскими глупцами
 Смѣется русскими стихами;
 Блаженъ, кто шумную Москву
 Для хижины не покидаетъ...
 И не во свѣ, а наяву
 Свою любовницу ласкаетъ!..

Правда, время нашего выпуска приближается; остался годъ еще. Но цѣлый годъ еще плюсовъ, минусовъ, правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго!.. Цѣлый годъ еще думать передъ каедрой!.. Это ужасно. Право, съ радостью согласился бы я двѣнадцать разъ перечитать всѣ 12 пѣсень пресловутой Россіады, даже съ присокупленіемъ къ тому и вѣрующей критики Мерялякова съ тѣмъ только, чтобы гр. Разумовскій (министръ Нар. Просвѣщенія) сократилъ время моего заточенія. Безбожно молодого человѣка держать въ заперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную Академію и Бесѣду губителей россійскаго слова (въ занятіяхъ „Арзамаскаго“ общества). Но дѣлать нечего!

Не всѣмъ быть можно въ равной долѣ,
 И жребій съ жребіемъ не схожъ.

Отъ скуки, часто пишу я стихи довольно скучные (а иногда и очень скучные); часто читаю стихотворенія, которыя ихъ не лучше; недавно говѣлъ и исповѣдывался—все это вовсе на забавно. Любезный арзамасецъ! утѣшите насъ своими посланіями, и общаю вамъ если не

вѣчное блаженство, то, по крайней мѣрѣ, искреннюю благодарность всего лица.

Простите, князь, — гроза всѣхъ князей-стихотворцевъ на Ш. (кн. Шаликова, кн. Шаховскаго и кн. Ширинскаго-Шихматова). Обнимите Батюшкова за того больного, у котораго, годъ тому назадъ, завоевалъ онъ Бову-королевича. Не знаю, успѣю ли написать Василю Львовичу. На всякій случай обнимите и его за вѣтренаго племянника. Valeas. — *А. Пушкинъ.*

Ломоносовъ (лицейскій товарищъ Пушкина) вамъ кланяется.

1817.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Спб. 1 сентября.* — Любезный князь! — Если увидите вы Ломоносова, то напомните ему письмо, которое долженъ былъ онъ мнѣ вручить и которое потерялъ онъ у Луи, между тѣмъ какъ я скучалъ въ псковскомъ моемъ уединеніи (село Михайловское). Я очень недавно пріѣхалъ въ Петербургъ и желалъ бы какъ можно скорѣе его оставить для Москвы, то есть для Вяземскаго. Не знаю, сбудется ли мое желаніе. Покажѣсть съ нетерпѣніемъ ожидаю твоихъ новыхъ стиховъ и прошу у тебя твоего благословенія. П.

1819.

А. И. Тургеневу. — *Михайловское, 9 іюля.* — Очень мнѣ жаль, что я не простился ни съ вами, ни съ обоими Мирабо. Вотъ вамъ на память посланіе Орлову. Примите его въ вашъ отеческій карманъ; напечатайте въ собственной типографіи и подарите одинъ экземпляръ „пламенному питомцу Беллоны, у трона вѣрному гражданину“. Кстати о Беллонѣ: когда вы уви-

дите бѣлоглазаго Кавелина (директоръ слб. университета), поговорите ему, хоть ради вашего Христа, за Соболевскаго, воспитанника университетскаго пансіона. Кавелинъ притѣсняетъ его за какія-то теологическія мнѣнія, и достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ молодого человѣка вытѣсняетъ изъ пансіона, оставляя его въ нижнемъ классѣ, не смотря на успѣхи и великія способности. Вы были покровителемъ Соболевскаго; вспомните объ немъ и, какъ кардиналъ-племянникъ, зажмите ротъ доктору теологій Кавелину, который добивается поасть въ инвизиторы. Препоручаю себя вашимъ молитвамъ и прошу камергера Don Basile забыть меня по крайней мѣрѣ на три мѣсяца. — *Пушкинъ,*

П. Б. Мансурову. — 27 октября. — Насилу упростилъ я Всеволожскаго, чтобъ онъ позволилъ мнѣ написать тебѣ нѣсколько строкъ, любезный Мансуровъ, чудо-черкесь! Здоровъ ли ты, моя радость? весель ли ты, моя прелесть? — помнишь ли ты насъ, друзей твоихъ (мужескаго пола)? — — мы не забыли тебя и въ 7 часовъ съ $\frac{1}{2}$, каждый день поминаемъ въ театрѣ рукоплесканьями, вздохами — и говоримъ: свѣтъ-то нашъ Павелъ! что-то дѣлаетъ онъ теперь въ великомъ Новгородѣ? Завидуетъ намъ и плачетъ о Крыловой (актриса). Каждое утро крылатая дѣва летитъ на репетицію мимо оконъ нашего Никиты (Всеволожскаго); по прежнему поднимаются на нее телескопы, но увь... ты не видишь ее, она не видитъ тебя. — Оставимъ элегію, мой другъ. Исторически буду говорить тебѣ о нашихъ — все идетъ по прежнему; шампанское, слава Богу, здорово — актрисы также... такъ и должно... Всеволожскій Н. играетъ; мнѣ столбомъ! деньги сыплются! Сосницкая и кн.

Шаховской толстѣютъ и глупѣютъ, а я въ нихъ не влюбленъ—однакожь его вызывалъ за его дурную комедію („Пустодомы“), а ее—за посредственную игру. — Tolstoy боленъ.. Зеленая Лампа (общество великосвѣтскихъ кутиль) нагорѣла—кажется гаснетъ, а жаль — масло есть (т. е. шампанское нашего друга); пишешь-ли ты, мой собратъ? напишешь ли мнѣ, мой холовенькій? поговори мнѣ о себѣ, о военныхъ поселеніяхъ; это все мнѣ нужно, потому что я люблю тебя и ненавижу деспотизмъ. Прощай! лапочка.—*Пушкинъ.*

1820.

Ки. П. А. Вяземско-у.—*Спб., мартъ—апрѣль.*
 —Я читалъ моему преображенскому пріятелю (Катенину) нѣсколько строкъ, тобою мнѣ написанныхъ въ письмѣ къ Тургеневу, и поздравилъ его съ счастливымъ испраженіемъ Пировъ Гомеровыхъ. Желательно, чтобъ дѣло на этомъ остановилось! Онъ, кажется, боится твоей сатирической палицы. Твои первые четыре стиха насчетъ его въ посланіи къ Дмитріеву прекрасны. Остальшья, нужныя для поясненія личности, слабы и холодны, и—дружба въ сторону—Катенинъ стоитъ чего-нибудь получше и поздѣе. Онъ опоздалъ родиться, и своимъ характеромъ и образомъ мыслей весь принадлежитъ 18-му столѣтію. Въ немъ та же авторская слѣсъ, тѣ же литературныя сплетни и интриги, какъ и въ прославленномъ вѣкѣ философіи. Тогда ссора Фрерона и Вольтера занимала Европу, но теперь этимъ не удивишь. Что ни говори, вѣкъ нашъ—не вѣкъ поэтовъ. Жалѣть, кажется, нечего, а все таки жаль. Кругъ поэтовъ дѣлается часъ отъ часу тѣснѣе. Скоро мы бу-

демъ принуждены, по недостатку слушателей, читать свои стихи другъ другу на ухо. И то хорошо. Покажѣсть присылай намъ своихъ стиховъ; они плѣнительны и оживительны: „Первый Снѣгъ“—прелестъ, „Уныніе“—прелестнѣе. Читалъ ли ты послѣднее произведеніе Жуковскаго, въ Бозѣ почивающаго? Слышалъ ты его „Голосъ съ того свѣта“ и что ты объ немъ думаешь? Петербургъ душень для поэта. Я жажду краевъ чужихъ; авось полуденный воздухъ оживитъ мою душу. Поэму свою (Русланъ и Людмила) и кончилъ, и только послѣдній, т. е. окончательный стихъ ея привнесъ мнѣ истинное удовольствіе. Ты прочтешь отрывки въ журналахъ, а получишь ее уже напечатанную. Она такъ мнѣ надѣла, что не могу рѣшиться переписывать ее клочками для тебя. Письмо мое скучно, потому что съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался историческимъ лицомъ для сплетницъ С.-Пет., я глупѣю и старѣю не недѣлями, а часами. Прости; отвѣчай мнѣ, пожалуйста. Я очень радъ, что придрался къ перепишѣ. — *Пушкинъ.*

Н. И. Гнѣдичу. — Спб. май. — Чадаевъ хотѣлъ меня видѣть непременно — и просилъ отца прислать меня къ нему, какъ можно скорѣе. По счастью—тутъ и все. Дѣло шло о новыхъ слухахъ, которые нужно предупредить. Благодарю за участіе и безпокойство. — *Пушкинъ.*

А. С. Пушкину. — Кишиневъ, 24-го сентября. — Милый братъ, я виноватъ передъ твоею дружбою, постараюсь загладить вину мою длиннымъ письмомъ съ подробными разсказами. Начинаю съ яиць Леды. Приѣхавъ въ Екатеринославъ, я соскучился, поѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку по моему обыновенію. Генераль Раевскій, который ѣхалъ

на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лекаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его (ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя), сынъ его предложилъ мнѣ путешествіе къ кавказскимъ водамъ; лекарь, который съ нимъ вѣхалъ, обѣщаль меня въ дорогѣ не уморить; Инзовъ благословилъ меня на счастливый путь—я легъ въ коляску больной; черезъ недѣлю вылечился. Два мѣсяца жилъ я на Кавказѣ; воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія. Впрочемъ, купался въ теплыхъ кислосѣрныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебныя ключи находятся не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной. Кавказскій край, знойная граница Азіи, любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ геніемъ. Дикіе черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ. Дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленныя конвой—излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная сторона, до сихъ поръ не приносявшая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградою въ будущихъ войнахъ—и, можетъ быть, сбудется для насъ химерическій планъ Наполеона въ разсужденіи завоева-

нія Индіи. Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы—любовался нашими казаками: вѣчно верхомъ, вѣчно готовы драться, въ вѣчной предосторожности! Ёхалъ въ виду непріязненныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ёхали 60 казаковъ, за ними тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большого выкупа, они готовы напасть на извѣстнаго русскаго генерала. И тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого-нибудь чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію. Когда-нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія о черноморскихъ и донскихъ казакахъ—теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова. Съ полуострова Таманя, древняго Тмутаракановскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Моремъ пріѣхали мы въ Керчь. Здѣсь вижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь вижу я слѣды Пантикапей, думалъ я—на ближайшей горѣ, посреди кладбища, увидѣлъ я груду камней, утесовъ грубо высѣченныхъ, замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣло рукъ человѣческихъ. Гробъ ли это, древнее ли основаніе башни—не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на золотомъ холмѣ. Ряды камней, ровъ, почти сравнявшійся съ землею—вотъ все, что осталось отъ города Пантикапей. Нѣтъ сомнѣнія, что много драгоцѣннаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками; какой-то французъ присланъ изъ Петербурга для розысканій, но ему педостаетъ ни денегъ, ни свѣдѣній, какъ у насъ обыкновенно водится. Изъ Керчи пріѣхали мы къ Кефу, остановились у Бронев-

скаго, челоуѣка почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Теперь онъ подѣ судомъ—и, подобно старику Виргилію, разводитъ садъ на берегу моря, недалеко отъ города. Виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ не ученый челоуѣкъ, но имѣетъ большія свѣдѣнія о Крымѣ, странѣ важной и запущенной. Отсюда моремъ отправились мы мимо полуденныхъ береговъ Тавриды въ Юрзуфъ, гдѣ находилось семейство Раевскаго. Ночью на кораблѣ написалъ я элегію (Погасло дневное свѣтило), которую тебѣ присылаю; отошли ее Гречу, безъ подписи. Корабль плылъ передъ горами, покрытыми тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали татарскія селенія; онъ остановился въ виду Юрзуфа. Тамъ прожилъ я три недѣли. Мой другъ, счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевскаго. Я не видѣлъ въ немъ героя, славу русскаго войска—я въ немъ любилъ челоуѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душою; снисходительнаго, попечительнаго друга; всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель екатерининскаго вѣка, памятникъ 12 года, челоуѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжется къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе, нежели извѣстенъ. Всѣ его дочери—прелесть; старшая—женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображеніе; горы, сады, море... другъ мой, любимая моя надежда уви-

дѣтъ опять полуденный берегъ и семейство Раевского. Будешь ли ты со мной? Скоро ли соединимся? Теперь я одинъ въ пустынной для меня Молдавіи. По крайней мѣрѣ, пиши ко мнѣ — благодарю тебя за стихи; болѣе благодарилъ бы тебя за прозу. Ради Бога, почитай поэзію доброй, умной старушкою, къ которой можно иногда зайти, чтобъ забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ея милымъ болтаньемъ и сказками; но влюбиться въ нее безразсудно. Михайло Орловъ съ восторгомъ повторяетъ... русскимъ безвѣстную... я также. Прости, мой другъ! обнимаю тебя. Увѣдомь меня объ нашихъ. Все ли еще они въ деревнѣ? — Мнѣ деньги нужны, нужны! Прости. Обними же за меня Кюхельбекера и Дельвига. — Видишь ли ты иногда молодого Молчанова? Пиши мнѣ обо всей братѣ. — *Пушкинъ.*

Н. И. Гнѣдичу. — *Каменка, 4 декабря.* — Вотъ уже восемь мѣсяцевъ, какъ я веду странническую жизнь, почтенный Николай Ивановичъ. Былъ я на Кавказѣ, въ Крыму, въ Молдавіи, и теперь нахожусь въ Кіевской губерніи, въ деревнѣ Давыдовыхъ, милыхъ и умныхъ отшельниковъ, братьевъ генерала Раевского. Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь разсѣянное, было недавно — разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго наблюдателя. Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ, темного стиховъ. Вы повѣрите легко, что, преданный мгновенью, мало заботился я о толкахъ петербургскихъ. Поэму мою (*Русланъ и Людмила*), на-

печатанную подъ вашимъ отеческимъ надзоромъ и поэтическимъ покровительствомъ, я не получилъ, но сердечно благодарю васъ за милое ваше попеченіе. Нѣкоторые нумера Сына доходили до меня. Видѣлъ я прекрасный переводъ Андромахи, который читали вы мнѣ въ вашемъ эпикурейскомъ кабинетѣ, и вдохновенныя строфы: „Уже въ послѣдній разъ привѣтствовать я мнилъ“ и пр.; онѣ оживили во мнѣ воспоминанья объ васъ и чувство прекраснаго, всегда драгоценнаго для моего сердца, но не примирили меня съ критиками, которыя нашелъ я въ томъ же Сынѣ Отечества. Кто такой этотъ В. (Воейковъ), который хвалитъ мое цѣломудріе, укоряетъ меня въ безстыдствѣ, говоритъ мнѣ: краснѣй, несчастный! (что, между прочимъ, очень неучтиво) говорить, что характеры моей поэмы писаны мрачными красками этого нѣжнаго, чувствительнаго Корреджіо, и смѣлою кистью Орловскаго, который кисти въ руки не беретъ и рисуетъ только почтовые тройки да киргизскихъ лошадей? Согласенъ съ мнѣніемъ неизвѣстнаго эпиграммиста—критика его для меня ужасно какъ тяжка. Допросчикъ умнѣе, а тотъ, кто взялъ на себя трудъ отвѣчать ему (благодарность и самолюбіе въ сторону), умнѣе всѣхъ ихъ. Въ газетахъ читалъ я, что Русланъ, напечатанный для пріятнаго препровожденія скучнаго времени, продается съ превосходною картинкою; кого мнѣ за нее благодарить? Друзья мои! надѣюсь увидѣть васъ передъ моею смертію. Покаместъ у меня еще поэма готова или еще готова (К. Пльнникъ). Прощайте, нюхайте гишпанскаго табаку и чихайте громче, еще громче.

P. S. Гдѣ Жуковскій? уѣхалъ ли онъ съ ея высочествомъ? Обнимаю съ братскимъ лобзаніемъ Дельвига и Кюхельбекера. Объ немъ нѣтъ

ни слуху, ни духу—журналъ его (Невскій зритель) не видалъ, писемъ также! Мой адресъ: въ Кишиневъ—Его Пр. Ив. Никитичу Инзову.

1821.

Барону А. А. Дельвигу. *Кишиневъ, 23 марта.*

Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ!
 Твоей я прозой былъ утѣшенъ;
 Но признаюсь, баронъ, я грѣшенъ:
 Стихамъ я больше былъ бы радъ...
 Ты знаешь: я въ минуши годы,
 У береговъ кастальскихъ водъ,
 Любилъ мараť поэмы, оды;
 Ревнивый зрѣлъ меня народъ
 На кукольномъ театрѣ моды;
 Поклонникъ правды и свободы,
 Бывало, что ни напишу,
 Все для инныхъ не Русью пахнетъ;
 О чемъ цензуру ни прошу,
 Ото всего Тимковскій ахнетъ.
 Теперь я, право, чуть дышу,
 Отъ воздержанья муза чахнетъ,
 И рѣдко, рѣдко, съ ней грѣшу.
 Къ молвѣ болтливой я хладѣю
 И изъ учтивости одной
 Донинѣ волочусь за нею,
 Какъ мужъ лѣнивый за женой.
 Наскуча музъ безплодной службой,
 Другой богиней, тихой дружбой,
 Я славы замѣнилъ кумиръ;
 Но все люблю, мои поэты,
 Фантазій волшебный мѣръ,
 И чуждымъ пламенемъ согрѣтый,
 Вынимаю звуки вашихъ лиръ...

Такъ точно, позабывъ сегодня
 Проказы, игры прежнихъ дней,
 Глядеть съ лежанки ваша сводня
 На шашни молодыхъ.....

Жалѣю, Дельвицъ, что до меня дошло только одно изъ твоихъ писемъ, именно то, которое мнѣ доставлено любезнымъ Гвѣдичемъ вмѣстѣ съ дѣвственной Людмилою. Ты не довольно говоришь о себѣ и о друзьяхъ нашихъ. — О путешествіяхъ Кюхельбекера слышалъ я ужъ въ Кіевѣ. Желаю ему въ Парижѣ — духа цѣломудрія, въ канцеляріи Нарышкина — духа смиренномудрія и терпѣнія. Объ духѣ любви я не безпокоюсь: въ этомъ нуждаться не будетъ. О празднословіи молчу: дальній другъ не можетъ быть излишне болтливъ. Въ твоёмъ отсутствіи — сердце напоминало о тебѣ; объ твоей музѣ — журналы. Ты все тотъ же талантъ прекрасный и лѣнивый. Долго ли тебѣ шалить, долго ли тебѣ размѣнивать свой геній на серебряные четвертаки? — Напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени года — напиши своего Монаха: поэзія мрачная, богатырская, сильная, байроническая — твой истинный удѣлъ; умертви въ себѣ ветхаго челоуѣка, не убивай вдохновеннаго поэта. Что до меня, моя радость, скажу тебѣ, что кончилъ я новую поэму К. П л ѣ н н и к ѣ, которую надѣюсь скоро вамъ прислать. Ты ею не совсѣмъ будешь доволенъ, и будешь правъ. Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы, но что теперь ничего не пишу — я перевариваю воспоминанія и надѣюсь набрать вскорѣ новыя; чѣмъ намъ и жить, душа моя, подъ старость нашей молодости, какъ не воспоминавіями?

Недавно пріѣхалъ въ Кишиневъ, и скоро

оставляю благословенную Бессарабію: есть страны благословеннѣе.— Празднѣй міръ не самое лучшее состояніе жизни, даже и Скарментадо (Вольтеръ. Hist. des voyages de Scarmentado), кажется, не правъ — самага лучшаго состоянія нѣтъ на свѣтѣ; но разнообразіе спасительно для души.

Другъ мой, есть у меня до тебя просьба — узнай, напиши мнѣ, что дѣлается съ братомъ. Ты его любишь, потому что меня любишь. Онъ человекъ умный во всемъ смыслѣ слова, и въ немъ прекрасная душа. Боюсь за его молодость; боюсь воспитанія, которое дано будетъ ему обстоятельствами его жизни и имъ самимъ. Другого воспитанія нѣтъ для существа, одареннаго душою. Люби его; я знаю, что будутъ стараться изгладить меня изъ его сердца; въ этомъ найдутъ выгоду. Но я чувствую, что мы будемъ друзьями, и братьями не только по африканской нашей крови.— Прощай.— А. П.

Н. И. Гибдичу.— Кишиневъ, 24 марта.

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣщавшій
И хитрымъ Августомъ изгнанный
Овидій мрачны дни влачилъ;
Гдѣ элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Онъ малодушно посвятилъ;
Далече сѣверной столицы
Забывъ я вѣчный вашъ туманъ,
И вольный гласъ моеи цѣвницы
Тревожигъ сонныхъ молдаванъ.
Все тотъ же я, какъ былъ и прежде.
Съ поклономъ не хожу къ невѣждѣ,
Съ Орловымъ спорю, мало пью,
Октавію—въ слѣпой надеждѣ—
Молебновъ лести не пою,
И дружбѣ легкія посланья

Пишу безъ строгаго старанья.
 Ты, коему судьба дала
 И смѣлый умъ, и духъ высокій,
 И важнымъ пѣснямъ обрекла,
 Отрадѣ жизни одинокой;
 О ты, который воскресилъ
 Ахилла призракъ величавый
 И смѣлую пѣвицу славы
 Отъ звонкихъ узъ освободилъ!
 Твой гласъ достигъ уединенья,
 Гдѣ я сокрылся отъ гоненья
 Ханжи и гордаго глупца—
 И вновь онъ оживилъ пѣвца,
 Какъ сладкій голосъ вдохновенья.
 Избранникъ Феба! твой привѣтъ,
 Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны;
 Для музъ и дружбы живъ поэтъ;
 Его враги ему презрѣнны:
 Онъ музу битвой площадной
 Не унижаетъ предъ народомъ,
 И поучительной лозой
 Зонла хлещетъ мимоходомъ.

Вдохновительное письмо ваше, почтенный Николай Ивановичъ, нашло меня въ пустыняхъ Молдавіи; оно обрадовало и тронуло меня до глубины сердца — благодарю за воспоминаніе, за дружбу, за хвалу, за упреки, за форматъ этого письма — все показываетъ участіе, которое принимаетъ живая душа ваша во всемъ, что касается до меня. Платъе, сшитое по заказу вашему на Руслана и Людмилу, прекрасно. И вотъ уже четыре дня какъ печатные стихи, виньета и переплетъ дѣтски утѣшаютъ меня. Чувствительно благодарю почтеннаго Оленина; эти черты — сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности. — Не скоро увижу я васъ; здѣшнія обстоятельства пахнутъ долгой, долгой разлукой! Молю Феба и Казан-

скую Богоматерь, чтобъ возвратился я къ вамъ съ молодостью, воспоминаніями и еще новой поэмой; та, которую недавно кончилъ, окрещена Кавказскимъ Пльнникомъ. Вы ожидали многое, какъ видно изъ письма вашего — найдете малое, очень малое. Съ вершинъ заоблачныхъ безснѣжнаго Бешту видѣлъ я только въ отдаленіѣ ледяныя главы Казбека и Эльбруса. — Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузіи, въ глухихъ ущеліяхъ Кавказа — я поставилъ моего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца, гдѣ возвышаются въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга четыре горы, послѣдняя отрасль Кавказа. — Во всей поэмѣ не болѣе 700 стиховъ — въ скоромъ времени пришлю вамъ ее, дабы сотворили вы съ нею, что только будетъ угодно.

Кланяюсь всѣмъ знакомымъ, которые еще меня не забыли — обнимаю друзей. Съ нетерпѣніемъ ожидаю 9-го тома Русской Исторіи. — Что дѣлаетъ Карамзинъ? здоровы ли онъ, жена и дѣти? Это почтенное семейство ужасно недостаетъ моему сердцу. Дельвигу пишу въ вашемъ письмѣ — Vale. — *Пушкинъ.*

А. Н. Раевскому. — *Кишиневъ, мартъ — апрѣль.* — Увѣдомляю тебя о происшествіяхъ, которыя будутъ имѣть послѣдствія, важныя не только для нашего края, но и для всей Европы.

Греція возстала и провозгласила свою свободу. Теодоръ Владиміреско, служившій нѣкогда въ войскахъ покойнаго князя Ипсиланти, въ началѣ февраля нынѣшняго года вышелъ изъ Бухареста съ малымъ числомъ вооруженныхъ арнаутовъ и объявилъ, что греки не въ

силахъ болѣе выносить притѣсненій и грабительствъ турецкихъ начальниковъ, что рѣшились освободиться отъ ига незаконнаго, что намерены платить только подати, наложенныя правительствомъ. Эта прокламація взволновала всю Молдавію. Кн. Суццо и русскій консулъ хотѣли удержать распространеніе бунта. Пандуры и арнауты отовсюду бѣжали къ смѣлому Владиміреско—и въ нѣсколько дней онъ уже начальствовалъ 7000 войска.

21 февраля генераль князь Александръ Ипсиланти, съ двумя изъ своихъ братьевъ и съ княземъ Георгіемъ Кантакузенъ, прибылъ въ Яссы изъ Кишинева, гдѣ оставилъ онъ мать, сестеръ и двухъ братьевъ. Онъ былъ встрѣченъ тремя стами арнаутовъ, кн. Суццо и русскимъ консуломъ, и тотчасъ принялъ начальство надъ городомъ. Тамъ издавъ онъ прокламаціи, которыя быстро разошлись повсюду: въ нихъ сказано, что фениксъ Греціи воспрянетъ изъ своего пепла, что часъ гибели для Турціи насталъ и проч., и что великая держава одобряетъ подвигъ великодушный. Греки стали стекаться толпами подъ его трое знаменъ, изъ которыхъ одно трехцвѣтное, на другомъ развѣвается крестъ, обвитый лаврами, съ текстомъ: „сямъ побѣдиши“; на третьемъ изображенъ возрождающійся фениксъ. Я видѣлъ письмо одного инсургента. Съ жаромъ описываетъ онъ обрядъ освященія знаменъ и меча князя Ипсиланти, восторгъ духовенства и народа: прекрасная минута надежды и свободы.

Въ Яссахъ все спокойно Семеро турокъ были приведены къ Ипсиланти и тотчасъ казнены—странная новость со стороны европейскаго генерала! Турки, въ числѣ 100 человекъ, были перерѣзаны, 30 грековъ убиты тоже. Извѣстіе о возмущеніи дошло до Константинополя....

*

Трое бѣжавшихъ грековъ находятся со вчерашняго дня въ здѣшнемъ карантинѣ. Они уничтожили многіе ложные слухи. Старецъ Али принялъ христіанскую вѣру и окрещенъ именемъ Константина. Двухтысячный отрядъ его, который шелъ на соединеніе съ суліотами, уничтоженъ турецкимъ войскомъ. Восторгъ умовъ дошелъ до высочайшей степени: всѣ мысли устремлены къ одному предмету — на независимость древняго отечества. Въ Одессѣ я уже не засталъ любопытнаго зрѣлища: въ лавкахъ, на улицахъ, въ трактирахъ — вездѣ собирались толпы грековъ; всѣ продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты; всѣ говорили о Леонидѣ, оThemistocle, всѣ шли въ войско счастливца Исиланти. Жизнь, имѣнія грековъ въ его распоряженіи! Вначалѣ имѣлъ онъ два милліона. Одинъ Паули далъ 600,000 піастровъ, съ тѣмъ, чтобы ему ихъ возвратить по возобновленіи Греціи! 10,000 грековъ записалось въ войско; Исиланти идетъ на соединеніе съ Владиміреско. Онъ называется главнокомандующимъ сѣверныхъ греческихъ войскъ и уполномоченнымъ тайнаго правительства. Должно знать, что уже 30 лѣтъ составилось и распространилось тайное общество, цѣлью котораго было освобожденіе Греціи. Члены раздѣлены были на три степени. Низшую степень составляла военная (т. е. состоявшая изъ военныхъ людей); вторую — граждане: члены ихъ имѣли право каждый прінскать себѣ товарищей, но не воиновъ, которыхъ избирала только 3-я, высшая степень. Ты видишь простой ходъ и главную мысль этого общества, котораго основатели еще неизвѣстны. Отдѣльная вѣра, отдѣльный языкъ, независимость книгопечатанія; съ одной стороны просвѣщеніе, съ другой глубокое невѣжество — все покровительствовало

вольнoлюбивымъ патріотамъ. Всѣ купцы, все духовенство до послѣдняго монаха, считались въ обществѣ, которое нынѣ торжествуетъ. Вотъ тебѣ подробное описаніе послѣднихъ происшествій нашего края; кинемъ пророческій взоръ на будущее и постараемся разгадать судьбу Греціи.

Странная картина! Два народа (греки и итальянцы), давно надшихъ въ презрительное ничтожество, въ одно время возстаютъ отъ долгаго усыпленія и возобновляются, являются на политическомъ поприщѣ міра. Первый шагъ Ипсиланти прекрасенъ и блистателенъ. Онъ счастливо началъ—28 лѣтъ, оторванная рука, цѣль великодушная! отнынѣ онъ принадлежитъ исторіи. Завидная участь! Кинжалъ опаснѣе для него сабли турокъ; Константинъ (Али-Паша-Янинскій) не будетъ совѣстливѣе Клодовика и вліяніе молодого мстителя Греціи можетъ его встревожить. Признаюсь, я бы посоветывалъ кн. Ипсиланти предупредить престарѣлаго злодѣя: нравы той страны, гдѣ онъ теперь дѣйствуетъ, оправдываютъ политическія убійства.

Важный вопросъ: что станетъ дѣлать Россія? Займемъ ли мы Молдавію и Валахію подъ видомъ миролюбивыхъ посредниковъ? Перейдемъ ли мы за Дунай союзниками грековъ и врагами ихъ враговъ? Во всякомъ случаѣ, буду увѣдомлять.

В. Л. Давыдову (черновое). — *Кишиневъ, начало апрѣля.*

Межъ тѣмъ, какъ генераль Орловъ,
Обритый рекрутъ Гименея,
Священной страстью пламенѣя,
Подъ мѣру подойти готовъ;
Межъ тѣмъ, какъ ты, проказникъ умный.

Проводишь ночь въ бесѣдѣ шумной,
 За ужиномъ съ бутылками Ан
 Сидятъ Раевскіе моя.
 Когда вездѣ весна молодая
 Съ улыбкой распустила грязь,
 И съ горя на берегахъ Дуная
 Бушуетъ нашъ безрукій князь, (Иислаятти) —
 Тебя, Раевскихъ и Орлова,
 И память Каменки любя,
 Хочу сказать тебѣ два слова
 Про Кишиневъ и про себя.
 На этихъ дняхъ, среди собора,
 М—ъ сѣдой обжора,
 Передъ обѣдомъ, невзначай,
 Велѣлъ жить долго всей Россіи

Я сталъ уменъ, и лицемѣрю:
 Пощусь, молюсь и твердо вѣрю,
 Что Богъ проститъ мои грѣхи,
 Какъ государь—мой стихи.
 Говѣтъ Инзовъ, и наемни
 Я промѣнялъ Вольтера бредни
 И лиру, грѣшный даръ судьбы,
 На часословъ и на обѣдни,
 Да на сушеные грибы.

Но я молюсь и воздыхаю,
 Крещусь, не внемля сатанѣ,
 А все невольно вспоминаю,
 Давыдовъ, о твоёмъ винѣ...
 Вотъ эвхаристія другая,
 Когда и ты, и милый братъ,
 Передъ каминомъ надѣвая
 Демократическій халатъ,
 Спасенія чашу наполняли
 Безпѣнной, мерзлой струей
 И за здоровье тѣхъ и той
 До дна, до капли выливали...

Но тѣ въ Неаполѣ шалютъ,
 А та едва ли тамъ воскреснетъ:
 Народы тишины хотятъ,
 И долго ихъ яремъ не треснетъ.
 Ужель надежды лучъ исчезъ?
 Но нѣтъ,—мы счастьемъ насладимся,
 Кровавой чашей причастимся —
 И я скажу: Христось воскресъ!

Дегильи.—*Кишиневъ, 6 іюня* (по французски).—Предостереженіе г-ну Дегильи, отставному французскому офицеру, вызванному Пушкинымъ, но уклонившемуся отъ дуэли. Не достаточно быть Иванушкой-дурачкомъ, надо быть имъ искренне. Наканунѣ дуэли на сабляхъ не пишутъ на глазахъ жены іереміадъ и завѣщаній, не распускаютъ по городу глупыхъ сказокъ, чтобы власти могли помѣшкать дуэли, не компрометируютъ дважды своего секунданта. (Выноска Пушкина: ни генерала, который удостоилъ принять подлеца въ свой домъ). Все, что случилось—я предвидѣлъ, и мнѣ очень досадно, что я этого не высказалъ. Теперь все конечно, поберегитесь. Примите увѣренность въ чувствахъ, которыя вы заслуживаете. *Пушкинъ.*

PS. Замѣтьте при этомъ, что въ случаѣ нужды я съумѣю пустить въ ходъ свои права русскаго дворянина, такъ какъ вы ничего не смыслите въ правахъ оружія.

Л. С. Пушкину.—*Кишиневъ, 27 іюня.* —
 Б р а т у.—Здравствуй, Левъ, не благодарю тебя за письмо твое, потому что ты мнѣ дѣльнаго ничего не говоришь—я называю дѣльнымъ все, что касается до тебя. Пиши ко мнѣ, пока мѣсть я еще въ Кишиневѣ. Я тебѣ буду отвѣчать со всевозможной болтливостью, и пиши мнѣ порусски, потому что, слава Богу, съ моими консти-

туціонными друзьями я скоро позабуду русскую азбуку. Если ты въ родню, такъ ты литераторъ (сдѣлай милость, не поэтъ): пиши же мнѣ о новостяхъ нашей словесности; что такое Сотвореніе міра Милонова? что дѣлаетъ Катенинъ? Онъ ли задавалъ вопросы Воейкову въ Сынѣ Отечества прошлаго года? Кто на ны? „Черная Шаль“ тебѣ нравится—ты правъ; но ее чортъ знаетъ какъ напечатали. Кто ес такъ напечаталъ? Пахнетъ Глиной. Если ты его увидишь, обними его братски, скажи ему, что славная душа и что я люблю его, какъ должно. Вотъ еще важнѣе: постарайся свидѣться съ Всеволожскимъ и возьми у него на мой счетъ число экземпляровъ моихъ сочиненій (буде они напечатаны), розданное моими друзьями—экземпляровъ 30. Скажи ему, что я люблю его, что онъ забылъ меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D. его (марки винъ); Овощникову его (танцовщица), Лампу его—и все, елико друга моего. Поцѣлуй, если увидишь, Юрьева и Мансурова—пожелай здравія Калмыку (слуга Всеволожскаго)—и напиши мнѣ обо всемъ.—Пришли мнѣ „Тавриду“ Боброва. Vale.

Твой братъ А.

Сестрѣ (по французски).— Возвратилась ли ты изъ своего путешествія? посѣщала ли опять нарвскія подземелья, замки, водопады? занимало ли это тебя? любишь-ли ты по прежнему свои уединенныя прогулки? какія у тебя любимыя собаки? помнишь-ли трагическую смерть Омфалы и Бизара? чѣмъ забавляешься? что читаешь? видѣлась ли опять съ своей сосѣдкой Анетой Вульфъ? ѣдешь-ли верхомъ? когда возвратишься въ Петербургъ? Что подѣлываютъ Корфы? замужемъ-ли ты? готова-ли на это? не сомнѣваешься-ли въ моей дружбѣ? прощай; мой добрый другъ.— А.

А. И. Тургеневу.— *Кишиневъ, іюль.*— Въ лѣто пятое отъ Липецкаго потопа превосходительный Раекъ и превосходительный жалобный Сверчокъ на лужицѣ города Кишинева, именуемой Быкомъ, сидѣли и плакали, вспоминая тебя, Арзамасъ, Іерусалимъ ума и вкуса. Благородные гуси величественно барахтались передъ ихъ глазами въ мутныхъ водахъ упомянутой рѣчки. Живо представилсь имъ ваши отсутствующія превосходительства, и въ полнотѣ сердца своего они положили увѣдомить о себѣ членовъ православнаго братства, украшающихъ берега Мойки и Фонтанки, и потому...

С. И. Тургеневу.— *Кишиневъ, 21 августа.*— Поздравляю васъ, почтенный Сергѣй Ивановичъ, съ благополучнымъ прибытіемъ изъ Турціи чуждой въ Турцію родную. Съ радостію пріѣхалъ бы я въ Одессу побесѣдовать съ вами и подышать чистымъ европейскимъ воздухомъ, но я самъ въ карантинѣ, и смотритель Инзовъ не выпускаетъ меня, какъ зараженнаго какой-то либеральною чумою.— Скоро ли увидите вы сѣверный Стамбуль? Обнимите тамъ за меня милаго нашего муфти Александра Ивановича и мятежнаго Драгомана брата его (Н. И. Тургенева). Его Преосвященству (Александру Ивановичу Тургеневу, состоящему при оберъ-прокурорѣ св. синода) писалъ я письмо, на которое отвѣта еще не имѣю. Дѣло шло о моемъ изгнаніи—но если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня въ Бессарабіи. Предъ вами я виноватъ: полученное отъ васъ письмо я черезъ два дня перечитываю, но до сихъ поръ не отвѣчалъ; надѣюсь на великодушное прощеніе и на скорое свиданіе.

Кланяюсь Чу (Д. В. Дашкову), если Чу меня помнить—а Долгорукой меня забылъ. *Пушкинъ.*

Н. М. Гречу.—*Бишиневъ, 21 сентября.*—Извините любезный нашъ Аристархъ, если опять безпокою васъ письмами и просьбами; сдѣлайте одолженіе--доставьте письмо, здѣсь прилагаемое, брату моему; молодой человекъ меня забылъ и не прислалъ мнѣ даже своего адреса.

Вчера видѣлъ я въ Сынѣ Отечествѣ мое Посланіе къ Чадаеву; ужъ эта мнѣ цензура! Жаль мнѣ, что слово вольнолюбивый ей не нравится: оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее *libéral*, оно прямо русское, и вѣрно почтенный А. С. Шишковъ дастъ ему право гражданства въ своемъ словарѣ, вмѣстѣ съ шаротыкомъ и съ топталищемъ. Тамъ напечатано: г л у п ц а-ф и л о с о ф а; зачѣмъ глупца? Стихи относятся къ американцу Толстому, который вовсе не глупецъ; но лишняя брань не бѣда. А скромное письмо мое насчетъ моего же письма—видно, не лѣзетъ сквозь цензуру? Плохо.

Дельвигу и Гнѣдичу пробовалъ я было писать, да они и въ усь не дуютъ. Что бъ это значило? Если просто забвенье, то я имъ не пеняю; забвенье--естественный удѣлъ всякаго отсутствующаго; я бы и самъ ихъ забылъ, если бы жилъ съ эпикурейцами, въ эпикурейскомъ кабинетѣ, и умѣлъ читать Гомера; но если они на меня сердятся или разочли, что письма ихъ мнѣ не нужны--такъ плохо.

Хотѣлъ бы я прислать вамъ отрывокъ изъ моего *Кавказскаго Пѣнника*, да лѣнь переписывать. Хотите ли вы у меня купить весь кусокъ поэмы? длиною въ 800 стиховъ; стихъ шириною—4 стопы; разрѣзано на двѣ

пѣсни. Дешево отдамъ, чтобъ товаръ не залежался.—Vale.—*Пушкинъ.*

В. П. Горчакову.—Замѣчанія твои, моя радость, очень справедливы и слишкомъ снисходительны. Зачѣмъ не утопился мой Плѣнникъ вслѣдъ за черкешенкой? Какъ человекъ, онъ поступилъ очень благоразумно, но въ героѣ поэмы не благоразуміе требуется. Характеръ Плѣнника неудаченъ. Это доказываетъ, что я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія. Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи 19-го вѣка. Конечно, поэму приличнѣе было бы назвать черкешенкой—я объ этомъ не подумалъ.

Черкесы, ихъ обычаи и нравы занимаютъ большую и лучшую часть моей повѣсти, но все это ни съ чѣмъ не связано и есть истинный hors d'oeuvre. Вообще, я своей поэмой очень недоволенъ и почитаю ее гораздо ниже Руслана, хоть стихи въ ней зрѣлѣе.—Прощай, моя радость.

Неизвѣстному лицу (черновое, по французски).—Вы мой достойный наставникъ—храбрый, язвительный, злой,—но этого мало, надо быть жестокимъ тираномъ, мстительнымъ—вотъ въ какомъ духѣ я прошу васъ меня руководить. Люди не стоятъ, чтобы цѣнили ихъ за тѣ искры ума и чувства, за которыя я предполагалъ ихъ цѣнить. Ихъ слѣдуетъ цѣнить лишь по берковцамъ. Необходимо сдѣлаться такимъ же эгоистомъ, какими являются и они въ достиженіи своихъ цѣлей; лишь тогда можно занять свое опре-

дѣленное мѣсто. Скажите мнѣ, мой любезный со-
отечественникъ, правда-ли это, или я ошибаюсь?

1822.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Кишиневъ, 2 января.* —
Попандопуло привезетъ тебѣ мои стихи. Лип-
ранди беретъ доставить тебѣ мою прозу. Ты,
думаю, видѣлъ его въ Варшавѣ. Онъ мнѣ доб-
рый пріятель и (вѣрная порука за честь и умъ)
нелюбимъ нашимъ правительствомъ и въ свою
очередь не любитъ его. — Въ долгой разлукѣ
нашей одни дурацкіе журналы изрѣдка сбли-
жали насъ другъ съ другомъ. Благодарю тебя
за всѣ твои сатирическія, пророческія и вдо-
хновенныя творенія. Они прелестны. Благодарю
за все вообще. Бранюсь съ тобой за одно По-
сланіе къ Каченовскому. Какъ могъ ты
сойти въ арену вмѣстѣ съ этимъ хилымъ
кулачнымъ бойцомъ? Ты сбиль его съ ногъ, но
онъ облилъ безславный твой вѣнокъ кровью,
желчью и сивухой. Какъ съ нимъ связываться?
Довольно было съ него лихого хлыста, а не
сатирической твоей палицы. Ежели я его за-
дѣлъ въ Посланіи къ Чадаеву, то это не изъ
ненависти къ нему, но чтобы поставить съ
нимъ на одномъ ряду Толстого, котораго пре-
зирать мудренѣе. Жуковскій меня бѣситъ. Что
ему понравилось въ этомъ Мурѣ, чопорномъ
подражателѣ безобразному восточному вообра-
женію? Вся Лалла Рукъ не стоитъ десяти
строчекъ Тристрама Шанди (Романъ Л. Стер-
на 1762 г.). Пора ему имѣть собственное вооб-
раженіе и крѣпостные вымыслы. Но каковы
Баратынскій? Признайся, что онъ превзой-
детъ и Парни, и Батюшкова, если впередъ за-
шагаетъ, какъ шагаль до сихъ поръ. Вѣдь

года счастливицу! Оставимъ всё ему эротическое поприще и винемся каждый въ свою сторону, а то спасенья нѣтъ. Кавказскій мой Пльнникъ конченъ. Хочу напечатать, да лѣни много, а денегъ мало, а меркантильный успѣхъ моей прелестницы Людмилы отбиваетъ у меня охоту къ изданіямъ. Желаю счастья дядѣ. Я не пишу къ нему, потому что опасюсь журнальныхъ почестей. Скоро ли выйдутъ его творенія? Всё они вмѣстѣ не стоятъ Буянова; а что-то съ нимъ будетъ въ потомствѣ? Крайне опасуюсь, чтобъ двоюродный братъ мой не почелся моимъ сыномъ. А долго ли до грѣха? Пиши мнѣ, съ кѣмъ ты хочешь и какъ хочешь, стихами или прозой. Ей Богу, буду отвѣчать.—*Пушкинъ.*

Р. С. Пишу тебѣ у Орлова. Все тотъ же онъ, не измѣнился, хоть и женился. Началъ онъ тебѣ было диктовать нисъмо въ своемъ родѣ, но заблагоразсудилъ изорвать его. Онъ тебѣ кланяется и занять ужасно сургучемъ.

Орловъ велѣлъ тебѣ сказать, что онъ дѣлаетъ палки сургучныя (у Орлова была сургучная фабрика), а палки въ дивизіи своей уничтожилъ.

Л. С. Пушкину.—*Кишиневъ, 24 января.*—Сперва хочу съ тобою побраниться: какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полурусское, полуфранцузское письмо, ты не московская кузина. Во-вторыхъ, письма твои слишкомъ коротки—ты или не хочешь, или не можешь мнѣ говорить открыто обо всемъ—жалѣю; болтливость братской дружбы была бы мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Представь себѣ, что до моей пустыни не доходитъ ни одинъ дружній голосъ; что друзья мои, какъ нарочно, рѣшились оправдать элегическую мою мизантропію—и это состояніе несносно. Письмо, гдѣ говорилъ я тебѣ

о Тавридѣ, не дошло до тебя—это меня бѣситъ: я давалъ тебѣ нѣсколько пренорученій, самыхъ важныхъ въ отношеніи ко мнѣ. Чортъ съ ними; постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней, тогда дѣла пойдутъ иначе. Ты говоришь, что Гнѣдичъ на меня сердитъ; онъ правъ: я бы долженъ былъ къ нему прибѣгнуть съ моей новой поэмой, но у меня шла голова кругомъ. Отъ него не получалъ я давно никакого извѣстія; Гречу должно было писать—и при сей вѣрной оказіи предложилъ я ему „Плѣнника“. Къ тому же, ни Гнѣдичъ со мной, ни я съ Гнѣдичемъ не будемъ торговаться и слишкомъ наблюдать каждый свою выгоду; а съ Гречемъ я сталъ бы безсовѣстно торговаться, какъ со всякимъ брадытымъ цѣнителемъ книжнаго ума. Спроси у Дельвига, здоровъ ли онъ, все ли, слава Богу, пьетъ и кушаетъ, каково нашель мои стихи къ нему и пр. О прочихъ дошли до меня темныя извѣстія. Посылаю тебѣ мои стихи, напечатай ихъ въ „Сынѣ“ (безъ подписи и безъ ошибокъ). Если хочешь, вотъ тебѣ еще эпиграмма, которую, ради Христа, не распускай: въ ней каждый стихъ—правда:

Иной имѣлъ мою Аглаю
 За свой мундиръ и черный усь,
 Другой за деньги,—понимаю;
 Другой за то, что былъ французъ;
 Клеонъ—умомъ ее страшая,
 Дамись—за то, что нѣжно пѣлъ:
 Скажи теперь, моя Аглая,
 За что твой мужъ тебя имѣлъ?

Хочешь еще? На Каченовскаго (слѣдуетъ эпиграмма «Клеветникъ безъ дарованья», см. Алфавитный указатель).

Покупай, пожалуйста. Прощай, Фока, обнимаю тебя.—*Твой другъ Демьянъ.*

М. И. Гнѣдичу. — *Кишиневъ 29 апрѣля.*

Parve (nec invideo) sine me, liber, ibis in urbem,
Neu mihi! quo domino non licet ire tuo.

Не изъ притворной скромности прибавлю: Vade, sed incultus, qualem decet exulis esse! Недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно, такъ явны, что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ, вамъ предаю моего Кавказскаго Плѣнника: въ награду за присылку предестной вашей идилли (о которой поговоримъ на досугѣ), завѣщаю вамъ скучныя заботы изданія, но дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотвореніе сказкой, повѣстью, поэмой или вовсе никакъ не называйте, издайте его въ двухъ пѣсняхъ или только въ одной, съ предисловіемъ или безъ, отдаю вамъ въ полное распоряженіе. Vale. II.

Н. И. Гнѣдичу. — *Кишиневъ, 13 мая.* — Благодарю васъ, любезный и почтенный, за то, что вспомнили вы бессарабскаго пустытника. Онъ молчитъ, боясь надѣдать тѣмъ, которыхъ любить, но очень радъ случаю поговорить съ вами объ чемъ бы то ни было.

Если можно приступить ко второму изданію Руслана и Плѣнника, то всего бы короче для меня положиться на вашу дружбу, опытность и попеченіе; но ваши предложенія останавливаютъ меня по многимъ причинамъ: 1. Увѣрены ли вы, что цензура, поцевольтъ пропустившая въ 1-й разъ Руслана, нынче не опомнится и не заградитъ пути второму его пришествію? Замѣнять же прежнее новымъ въ ея угоду, я не въ силахъ и не намѣренъ. 2. Согласенъ съ вами, что предисловіе есть пусто-словіе довольно скучное, но мнѣ никакъ нельзя согласиться на присовоуцленіе новыхъ бред-

ней моихъ: онѣ мною обѣщаны Як. Толстому и должны поступить въ свѣтъ особливо. Правда, есть у меня готовая поэмка (Братья-Разбойники), да NB цензура.

Tout bien vu, не кончитъ ли дѣло предисловіемъ? Дайте попробовать, авось не наскучу. Я что-то въ милости у русской публики.

Je n'ai pas mérité
Ni cet excés d'honneur, ni cette indignité.

Какъ бы то ни было, воспользуюсь своимъ случаемъ, говоря ей правду неучтивую, но, быть можетъ, полезную. Я очень знаю мѣру понятія, вкуса и просвѣщенія этой публики. Есть у насъ люди, которые выше ея: этихъ она недостойна чувствовать; другіе ей по плечу: этихъ она любитъ и почитаетъ. Помню, что Хмѣльницкій читалъ однажды мнѣ своего Нерѣшительнаго. Услыша стихъ: „И должно честь отдать, что нѣмцы аккуратны“—я сказалъ ему: вспомните мое слово, при этомъ стихѣ все захопаетъ и захохочетъ.—А что тутъ остраго, смѣшнаго? Очень желалъ бы знать, сбылось ли мое предсказаніе.

Вы, котораго геній и труды слишкомъ высоки для этой дѣтской публики, что вы дѣлаете, что дѣлаетъ Гомеръ? Давно не читалъ я ничего прекраснаго. Кюхельбекеръ пишетъ мнѣ четыре-стопными стихами, что онъ былъ въ Германіи, въ Парижѣ, на Кавказѣ, и что онъ падалъ съ лошади. Все это кстати о К. Плѣнникѣ. Отъ брата давно не получалъ извѣстія; о Дельвигѣ и Баратынскомъ также; но я люблю ихъ и лѣннихъ. Vale, sed delenda est censura.—II.

Своего портрета у меня нѣтъ, да на кой чортъ имѣть его?—Знаете ли вы трогательный обычай русскаго мужика: въ свѣтлое воскресеніе выгнать на волю птичку? Вотъ вамъ стихи на это

„Въ чужбинѣ свято наблюдаю“ и т. д. (См. въ алфавит. указателѣ стихотвореніе „Птичка“).

Напечатаютъ ли безъ имени въ С. Отечества?

А. А. Бестужеву. — *Кишиневъ, 21 іюня.* — Милостивый государь Александръ Александровичъ! Давно собирался я напомнить вамъ о своемъ существованіи. Почитая прелестное ваше дарованіе и, признаюсь, невольно любя ѣдкость вашей остроты, хотѣлъ я связаться съ вами на письмѣ, не изъ одного самолюбія, но также изъ любви къ истинѣ. Вы предупредили меня. Письмо ваше такъ мило, что невозможно съ вами скромничать. Знаю, что ему не совсѣмъ бы должно вѣрить, но вѣрю поневолѣ и благодарю васъ, какъ представителя вкуса и вѣрнаго стража и покровителя нашей словесности. Посылаю вамъ мои бессарабскія бредни и желаю, чтобъ онѣ вамъгодились. Кланяйтесь отъ меня цензурѣ, старинной моей пріятельницѣ; кажется, голубушка еще поумнѣла; не понимаю, что могло встревожить ея цѣломудренность въ моихъ элегическихъ отрывкахъ. Однако должно намъ постоять изъ одного честолюбія; отдаю ихъ въ полное ваше распоряженіе. Предвижу препятствія къ напечатанію стиховъ къ Овидію, но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа; повидимому, ее настращали моимъ именемъ. Не называйте меня, а поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого вамъ угодно (напр. услужливаго Плетнева, или какого-нибудь нѣжнаго путешественника, скитающагося по Тавридѣ). Повторяю вамъ, она ужасно безтолкова, но впрочемъ довольно сговорчива. Главное дѣло въ томъ, чтобъ имя мое до нея не дошло, и все будетъ слажено. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ увидѣлъ я въ письмѣ вашемъ нѣсколько строкъ

Письма Пушкина.

3

К. О. Рылѣва; онѣ порука мнѣ въ его дружествѣ и воспоминаніи. Обнимите его за меня, любезный Александръ Александровичъ, какъ я васъ обниму при нашемъ свиданіи.—II.

Н. И. Гидичу: — *Кишиневъ, 27 іюня.*— Письмо ваше—такое существительное, которому не нужно было прилагательнаго, чтобъ меня искренно обрадовать. Отъ сердца благодарю васъ за ваше дружеское попеченіе. Вы избавили меня отъ большихъ хлопотъ, совершенно обезпечивъ судьбу Кавказскаго Плѣнника. Ваши замѣчанія насчетъ его недостатковъ совершенно справедливы и слишкомъ снисходительны; но дѣло сдѣлано. Пожалѣйте обо мнѣ: живу между гетовъ и сарматовъ; никто не понимаетъ меня; со мною нѣтъ просвѣщеннаго Аристарха; пишу какъ нибудь, не слыша ни оживительныхъ совѣтовъ, ни похвалъ, ни порицаній. Но какова наша цензура? Признаюсь, никакъ не ожидалъ отъ нея такихъ большихъ успѣховъ въ эстетикѣ. Ея критика приноситъ честь ея вкусу. Принужденъ съ нею согласиться во всемъ небесный пламень—слишкомъ обыкновенно; долгій поцѣлуй поставлено слишкомъ на выдержку (*trop hasardé*). Его томительную нѣгу вкуса тутъ она вполне—дурно, очень дурно, и потому осмѣливаюсь замѣнить этотъ киргизъ-кайсацкій стишокъ слѣдующими: какой уродно

поцѣлуй разлуки

Союзъ любви запечатлѣлъ.

Рука съ рукой, унынья полны,

Сошли ко берегу въ тишинѣ —

И русскій въ шумной глубинѣ

Уже плыветъ и цѣнить волны,

Уже противныхъ скалъ достигъ,

Уже хватается за нихъ,

Вдругъ и проч.

Съ подобострастіемъ предлагаю эти стихи на разсмотрѣніе цензуры—между тѣмъ поздравьте ее отъ моего имени. Конечно, иные скажутъ, что эстетика не ея дѣло; что она должна воздавать кесарево кесарю, а Гнѣдичево Гнѣдичу; но мало ли что говорятъ?

Я отвѣчалъ Бестужеву и послалъ ему кое-что. Нельзя ли опять сравнить его съ Катенинымъ? Любопытно бы. Грѣхъ разсмѣшилъ меня до слезъ своею сравнительною скромностью. Жуковскому я также писалъ, а онъ и въ усъ не дуетъ: нельзя ли его расшевелить? Нельзя ли потревожить и Слѣнина (книгопрод.), если онъ купилъ остальные экземпляры „Руслана“? Съ нетерпѣніемъ ожидаю Шильон. Узника; это не чета Пери и достойно такого переводчика, каковъ пѣвецъ „Громобоя“ и „Старушки“. Впрочемъ, мнѣ досадно, что онъ переводитъ, и переводитъ отрывками—иное дѣло Тассъ, Аріостъ и Гомеръ, иное дѣло пѣсня Маттисона и уродливыя повѣсти Мура. Когда-то говорилъ онъ мнѣ о поэмѣ „Родригъ“, Саутея; попросите его отъ меня, чтобъ онъ оставилъ его въ покоѣ, не смотря на просьбу одной прелестной дамы. Англійская словесность начинаетъ имѣть вліяніе на русскую. Думаю, что оно будетъ полезнѣе вліянія французской поэзии, робкой и жеманной. Тогда нѣкоторые люди упадутъ, и посмотримъ, гдѣ очутится Ив. Ив. Дмитріевъ съ своими чувствами и мыслями, взятыми изъ Флоріана и Легуве. Такъ-то пророчу я не въ своей землѣ, а между тѣмъ не предвижу конца вашей разлуки. Здѣсь у насъ молдованно и тошно; ахъ, Боже мой, что-то сдѣлается съ Вюхельбекеромъ—судьба его меня беспокоитъ до крайности... Напишите мнѣ о немъ, если будете отвѣчать.—А. Пушкинъ.

П. А. Катенину. *Кишиневъ, 19 іюля.* — Ты упрекаешь меня въ забывчивости, мой милый; воля твоя! Для малаго числа избранныхъ желаю еще увидѣть Петербургъ. Ты, конечно, въ этомъ числѣ, но дружба — не итальянскій глаголь *riombare*, ты ея также хорошо не понимаешь. Ума не приложу, какъ ты могъ взять на свой счетъ стихъ:

И сплетней разбирать игривую затѣю.

Это простиительно всякому другому, а не тебѣ. Развѣ ты не знаешь несчастныхъ сплетней, которыхъ я былъ жертвою, и не твоей ли дружбѣ (по крайней мѣрѣ, такъ понималъ я тебя) обязанъ я первымъ извѣстіемъ объ нихъ? Я не читалъ твоей комедіи, никто объ ней мнѣ не писалъ; не знаю, задѣлъ ли меня Зельскій. Можетъ быть — да, вѣроятно же нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, не могу сердиться. Еслибъ я имѣлъ что нибудь на сердцѣ, сталъ ли бы я говорить о тебѣ наряду съ тѣми, о которыхъ упоминаю? Лица и отношенія слишкомъ различны. Еслибъ ужъ на то рѣшился, написалъ ли бы стихъ столь слабый и неясный, выбралъ ли бы предметомъ эпиграммы прекрасный переводъ комедіи, которую почиталъ я непереводаемою? Какъ дѣло ни верти, ты все меня обижаешь. Надѣюсь, моя радость, что это все минутная туча и что ты любишь меня. Итакъ, оставимъ сплетни и поговоримъ объ другомъ. Ты перевелъ Сидя; поздравляю тебя и стараго моего Корнея. Сидя кажется мнѣ лучшею его трагедіею. Скажи: имѣлъ-ли ты похвальную смѣлость оставить пощечину рыцарскихъ вѣковъ на жеманной сценѣ 19-го столѣтія? Я слыхалъ, что она неприлична, смѣшна, *ridicule*. *Ridicule!* Пощечина, данная рукою гишпанскаго рыцаря вояну, посѣдѣвшему подъ шлемомъ! *Ridicule!* Боже мой, она должна произвести болѣе ужаса, чѣмъ

чаша Атреева. Какъ бы то ни было, надѣюсь увидѣть эту трагедію зимой, по-крайней мѣрѣ постараюсь. Благодарю за подробное донесеніе; знаю, что долгъ платежемъ красенъ, но *non erat hic locus...* Прощай, Эсхиль; обнимаю тебя, какъ поэта и друга...

А. С. Пушкину. *Кишиневъ, 21 іюля.*—Ты на меня дуешься, милый—нехорошо. Пиши мнѣ пожалуйста и какъ тебѣ угодно, хоть на шести языкахъ—ни слова тебѣ не скажу: мнѣ безъ тебя скучно.—Что ты дѣлаешь? Въ службѣ ли ты? Пора, ей Богу, пора. Ты меня въ примѣръ не бери; если упустишь время, послѣ будешь тужить: въ русской службѣ должно непремѣнно быть въ 26 лѣтъ полковникомъ, если хочешь быть чѣмъ-нибудь когда нибудь; слѣдственно разочти.—Тебѣ скажутъ: учишься, служба не пропадетъ; а я тебѣ говорю: служи—ученіе не пропадетъ. Конечно, я не хочу, чтобъ ты былъ такой же невѣжда, какъ В. И. Козловъ, да ты и самъ не захочешь. Чтеніе—вотъ лучшее ученіе. Знаю, что теперь не то у тебя на умѣ, но все въ лучшему.

Скажи мнѣ—выросъ ли ты? я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человѣкомъ; скажи, съ кѣмъ изъ моихъ пріятелей ты знакомъ болѣе? что ты дѣлаешь, что пишешь? Если увидишь Катенина, увѣрь его, ради Христа, что въ Посланіи моемъ къ Чадаеву нѣтъ ни одного слова объ немъ; вообрази, что онъ принялъ на себя стихъ: И сплетней разбѣрять и гривую затѣю; я получилъ отъ него полукислое письмо; онъ жалуется, что писемъ отъ меня не получилъ; не моя вина. Пиши мнѣ новости литературныя; что мой „Русланъ“? Не продается? Не запретила ли цензура? Дай знать. Если же Слѣنینъ купилъ е...

то гдѣ же деньги? а мнѣ въ нихъ нужда. Каково идетъ изданіе Бестужева? (Полярная Звѣзда на 1823 г.). Читалъ ли ты мои стихи, ему посланные? Что „Плѣнникъ?“ Радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться; мнѣ въ Петербургѣ дѣла есть. Не знаю, буду ли къ вамъ, а постараюсь. Мнѣ писали, что Б а т ю ш к о в ъ помѣшался: быть нельзя; уничтожь это вранье. Что Ж у к о в с к і й и зачѣмъ онъ ко мнѣ не пишетъ? Бываетъ ли ты у Карамзина? Отвѣчай мнѣ на всѣ вопросы, если можешь — и поскорѣе. Пригласи также Дельвига и Баратынскаго. Что Кюхельбекеръ? есть ли объ немъ извѣстія? Прощай.—Отцу пишу въ деревню.

(Приписка къ сестрѣ, по-французски). Добрый и милый другъ мой, мнѣ нѣтъ надобности въ твоихъ письмахъ, чтобъ быть увѣреннымъ въ дружбѣ твоей; но онѣ нужны мнѣ единственно какъ вещь, отъ тебя присланная. Обнимаю и люблю тебя. Веселись и выходи замужъ.

Л. С. Пушкину. *Кишиневъ, августъ или сентябрь.* — На прошедшей почтѣ (виновать: съ Долгорукимъ) я писалъ къ отцу, а къ тебѣ не успѣлъ, а нужно съ тобою потолковать кой о чемъ. Во-первыхъ, о службѣ. Если бы ты пошелъ въ военную — вотъ мой планъ, который предлагаю тебѣ на разсмотрѣніе. Въ гвардію тебѣ не зачѣмъ; служить четыре года юнкеромъ вовсе не забавно. Къ тому же тебѣ нужно, чтобъ о тебѣ немножко позабыли. Ты бы опредѣлился въ какой-нибудь полкъ корпуса Раевскаго — скоро былъ бы ты офицеромъ, а потомъ тебя перевели бы въ гвардію: Р а е в с к і й или К и с е л е в ъ — оба не откажутъ. Подумай объ этомъ, да пожалуйста не слегка, дѣло идетъ о жизни. — Теперь, моя радость, поговорю о себѣ. Лѣвись отъ меня къ Никитѣ Всеволожскому и

скажи ему, чтобъ онъ, ради Христа, погодилъ продавать мои стихотворенія до будущаго года. Если же они проданы, явись съ той же просьбой къ покупщику. Вѣтренность моя и вѣтренность моихъ товарищей надѣлала мнѣ бѣды. Около 40 билетовъ роздано—само по себѣ разумѣется, что за нихъ я буду долженъ заплатить.—Въ „Посланиі къ Овидію“ перемѣни такимъ образомъ:

Ты самъ дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной:
Ты, съ юныхъ дней презрѣвъ волненье жизни ратной,
Привыкнувъ и проч.

Кстати о стихахъ: то, что я читалъ изъ Шильонскаго Узника — прелесть. Съ нетерпѣніемъ ожидаю успѣха Орлеанской Ц... („Орлеанская Дѣва“ Шиллера въ пер. Жуковскаго). Но, актеры, актеры! пятистопные стихи безъ рѣшѣ требуютъ совершенно новой декламациі. Слышу отсюда драмо - торжественный ревъ Глухорѣва. Трагедія будетъ сыграна тономъ Смерти Роллы. Что сдѣлаетъ великолѣпная Семенова, окруженная такъ, какъ она окружена? Господь защити и помилуй — но боюсь. Не забудь увѣдомить меня объ этомъ и возьми у Жуковскаго билетъ для перваго представленія на мое имя. Читалъ стихи и прозу Бюхельбекера. Что за чудакъ! Только въ его голову могла войти жидовская мысль восцѣловать Грецію, великолѣпную, классическую, поэтическую Грецію, Грецію, гдѣ все дышетъ мифологіей и героизмомъ—славяно-русскими стихами, цѣликомъ взятыми изъ Іеремія. Чтѣ бы сказалъ Гомеръ и Пиндаръ—но что говорятъ Дельвигъ и Баратынскій? Ода къ Ермолову лучше, но стихъ: „такъ пѣлъ въ Суворова любимень Державинъ...“ слишкомъ уже греческій. Стихи къ Грибоѣдову достойны поэта, нѣкогда написавшаго: „страхъ при зво

нѣ мѣди заставляетъ народъ утрашенный толпами стремиться въ храмъ священный.—Зри, Боже! число великій унылыхъ тебя просящихъ сохранить имъ—цѣль трудъ многимъ людямъ принадлежацій“ и проч. Справься объѣтихъ стихахъ у Б. Дельвига. Б а т ю ш к о в ъ правъ, что сердится на Плетнева; на его мѣстѣ я бы съ ума сошелъ со злости. „Б а т ю ш к о в ъ и з ъ Рима“ (стихотвореніе Плетнева) не имѣетъ человѣческаго смысла, даромъ что новость на Олимпѣ мила. Вообще, мнѣніе мое, что Плетневу приличнѣе проза, нежели стихи: онъ не имѣетъ никакого чувства, никакой живости, слогъ его блѣденъ, какъ мертвецъ. Кланяйся ему отъ меня (т. е. Плетневу, а не его слогу) и увѣрь его, что онъ нашъ Гёте. II.

Mon père a eu une idée lumineuse—c'est celle de m'envoyer des habits—rappelez-la lui de ma part.

Еще слово—скажи Слѣнину, чтобъ онъ мнѣ прислалъ сукина Сына Отечества, 2-ю половину года. Можетъ вычестъ, что стоитъ, изъ своего долга.

Милый мой, у васъ пишутъ, что лучъ денницы проникалъ въ полдень въ темницу Хмѣльницкаго. Это не Хвостовъ написалъ—вотъ что меня огорчило; что дѣлаетъ Дельвигъ? чего онъ смотритъ!

Я. Н. Толстому. *Кишиневъ, 26 сентября.*—Милый Яковъ Николаевичъ. Приступаю тотчасъ къ дѣлу. Предложеніе князя Лобанова льститъ моему самолюбію, но требуетъ съ моей стороны пѣкоторыхъ объясненій. Я сперва хотѣлъ печатать мелкія свои сочиненія по подпискѣ и было роздано уже тридцать билетовъ; обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Пикитѣ Всеволожскому и самому отступить отъ изданія. Разумѣется, что за ро-

данные билеты я долженъ заплатить — и это первое условіе. Во-вторыхъ, признаюсь тебѣ, что въ числѣ моихъ стихотвореній ниня должны быть выключены, многія переправлены, для всѣхъ долженъ быть сдѣланъ новый порядокъ, и потому мнѣ необходимо нужно пересмотрѣть свою рукопись. Третье, въ послѣдніе три года я написалъ много новаго. Благодарность требуетъ, чтобъ я переслалъ князю Александру, но... милый другъ! подождемъ еще два, три мѣсяца. Какъ знать? Можетъ быть, къ новому году мы свидимся, и тогда дѣло пойдетъ на ладъ. Покажѣсть, прими мои сердечныя благодаренія: ты одинъ изъ всѣхъ моихъ товарищей, минутныхъ друзей минутной молодости, вспомнилъ обо мнѣ. Кстати или не кстати, два года и шесть мѣсяцевъ, никто ни строки, ни слова!

Горишь ли ты, лампада наша,
 Подруга бдѣній и пировъ?
 Кипишь ли ты, золотая чаша,
 Въ рукахъ веселыхъ остряковъ?
 Все тѣ же ль вы, друзья веселья,
 Друзья Киприды и стиховъ?
 Часы любви, часы похмѣлья
 По прежнему-ль летятъ на зовъ
 Свободы, лѣни и бездѣлья?
 Въ изгнаніи скучномъ, каждый часъ
 Горя завистливымъ желаньемъ,
 Я къ вамъ лечу воспоминаньемъ,
 Воображаю, вижу васъ.
 Вотъ онъ, пріютъ гостепріимный,
 Пріютъ любви и вольныхъ музъ,
 Гдѣ съ ними клятвою взаимной
 Скрѣпили вѣчный мы союзъ;
 Гдѣ дружбы знали мы блаженство,
 Гдѣ въ колпакѣ за круглый столъ
 Садилось милое равенство;
 Гдѣ своенравный произволь

Мѣняль бутылки, разговоры,
 Разказы, пѣсни шалуна,
 И разгорались наши споры
 Отъ искръ, и шутокъ, и вина.
 Я слышу, вѣрные поэты,
 Вашъ очарованный языкъ...
 Налейте мнѣ вина кометы!
 Желай мнѣ здравія, калмыкъ!

Н. И. Гнѣдичу. *Кишиневъ, 27 сентября.*—
 Приѣхали Плѣнники (Кавказскій Плѣнникъ и
 Шильонскій Узникъ, изд. Гнѣдичемъ) — и сердечно
 васъ благодарю, милый Николай Ивановичъ.
 Переменны, требуемыя цензурою, послужили въ
 пользу моего; признаюсь, что я думалъ уви-
 дѣть знаки роковыхъ ея когтей въ другихъ
 мѣстахъ и безпокоился. Напримѣръ, если бѣ
 она переменяла стихъ: простите, воль-
 ныя страницы, то мнѣ было бы жаль. Но,
 слава Богу! Горькій поцѣлуй — прелесть;
 ей дней ей-ей неблагозвучнѣе ночей; упо-
 вательныхъ мечтаній: упонительныхъ;
 на дома, дождь и градъ: на долы. Вотъ
 единственные ошибки, замѣченныя мною.

Александръ Пушкинъ мастерски литографи-
 рованъ, но не знаю, похожъ ли; примѣчаніе
 издателей очень лестно — не знаю, справедливо
 ли. Переводъ Жуковскаго *est un tour de force*.
 Злодѣй! въ бореньяхъ съ трудностью — силачъ
 необычайный! Должно быть Байрономъ — чтобъ
 выразить съ столь страшной истиной первые
 признаки сумасшествия, а Жуковскимъ — чтобъ
 это перевыразить. Мнѣ кажется, что слогъ
 Жуковскаго въ послѣднее время ужасно воз-
 мужалъ, хотя утратилъ первоначальную пре-
 лесть. Ужъ онъ не пишетъ ни Свѣтланы, ни
 Людмилы, ни прелестныхъ элегій 1-й части

Спящихъ Дѣвъ. Дай Богъ, чтобъ онъ началъ создавать.

Князь Александръ Лобановъ предлагаетъ мнѣ напечатать мои мелочи въ Парижѣ. Спасите, ради Христа; удержите его, покрайней мѣрѣ, до моего прѣзда, — а я вынырну и явлюсь къ вамъ. — Катенинъ ко мнѣ писалъ; не знаю, получилъ ли мой отвѣтъ. Какъ вашъ Петербургъ поглупѣлъ! а побывать тамъ бы нужно. Мнѣ брюхомъ хочется театра и кой-чего еще. Дельвигу и Баратынскому буду писать. Обнимаю васъ отъ души. — *А. Пушкинъ.*

PS. Я писалъ къ брату, чтобъ онъ Слѣвина упросилъ не печатать моего портрета. Если на то нужно мое согласіе — то я не согласенъ.

Л. С. Пушкину. — Кишиневъ, 6 октября. — Еслибъ ты былъ у меня подъ рукою, моя прелесть, то я бы тебѣ уши выдралъ. Зачѣмъ ты показалъ Плетневу письмо мое? Въ дружескомъ обращеніи я предаюсь рѣзкимъ и необдуманнѣмъ сужденіямъ; они должны оставаться между нами. Вся моя ссора съ Толстымъ происходитъ отъ нескромности кн. Шаховского. Впрочемъ, посланіе Плетнева, можетъ быть, первая его пьеса, которая вырвалась отъ полноты чувства; она блещетъ красотами истинными. Онъ умѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ противъ меня положеніемъ; тонъ его смѣлъ и благороденъ. На будущей почтѣ отвѣчу ему. Скажи мнѣ, милый мой, шумитъ ли мой „Плѣвникъ?“ а t-il produit du scandale, пишетъ мнѣ Orlof, voilà l'essentiel. Надѣюсь, что критики не оставятъ въ покоѣ характера „Плѣвника“; онъ для нихъ созданъ, душа моя. Я журналовъ не получаю, такъ потрудися, напиши

миѣ ихъ толки—не ради исправленія моего, но ради смиренія кичливости моей.

Я карабкаюсь и, можетъ быть, явлюсь у васъ. Но не прежде будущаго года быть миѣ на мѣстѣ; Жуковскому я писалъ, онъ миѣ не отвѣчаетъ; министру я писалъ—онъ и въ усъ не дуется. О други, Августу мольбы мои несите, но Августъ смотритъ Сентяремъ! Кстатн: получено ли мое Посланіе къ Овидію? Будетъ ли напечатано? Что Бестужевъ? Жду календаря его (альманаха „Полярная Звѣзда“). Я бы тебѣ и послалъ новые стихи, да лѣнь. Прощай, милый.—*А. Пушкинъ.*

Р. С. Другъ мой, попроси И. В. Слѣнина—чтобы онъ, за вычетомъ остальнаго долга, прислалъ 3 экзмп. Людмилы, 2 экз. Пльнника, одинъ Шильонскаго Узника, книгу Греча—и Цертелева древнія стихотворенія. Поклонись ему отъ меня.

Л. С. Пушкину (по французски). Ты въ тѣхъ лѣтахъ, когда должно думать о предстоящемъ поприщѣ; я объяснилъ тебѣ причины, по которымъ военное кажется миѣ предпочтительнѣе прочихъ. Во всякомъ случаѣ, твое поведеніе должно надолго опредѣлить твою репутацію и, можетъ быть, счастье.

Ты будешь имѣть дѣло съ людьми, которыхъ еще не знаешь. Начинай всегда съ того, чтобы думать о нихъ какъ можно хуже: немногимъ ошибешься. Не суди о нихъ по своему сердцу, которое считаю благороднымъ и добрымъ, и которое, вдобавокъ, еще и молодо; презирай ихъ самымъ вѣжливымъ образомъ. Это средство предохраняетъ отъ маленькихъ предразсудковъ и страстишекъ, съ которыми столкнешься при своемъ вступленіи въ свѣтъ.

Будь холоденъ со всѣми: фамильярность

всегда вредить; особенно же остерегайся отъ подобнаго обхожденія съ высшими, какъ бы они тебя къ тому ни вызывали. Они очень скоро превзойдутъ тебя и будутъ очень рады унижить тебя, когда этого всего меньше ожидаешь.

Никогда не допускай никакой угодливости, чуждайся уступчивости, на которую можешь быть способенъ; люди ея не понимаютъ и весьма охотно сочтутъ за низость, всегда довольные случаемъ судить о другихъ по самимъ себѣ.

Никогда не принимай благодѣяній. Благодѣяніе, въ большинствѣ случаевъ - коварство. — Избѣгай покровительства, ибо оно подчиняетъ и унижаетъ.

Хотѣлъ бы я предостеречь тебя отъ оболъщеній дружбы, но у меня не хватаетъ духу черствить твою душу въ пору ея сладчайшихъ мечтаній. Все, что я могъ бы сказать тебѣ относительно женщинъ, было бы совершенно бесполезно. Замѣчу только, что чѣмъ менѣе любятъ женщину, тѣмъ вѣрнѣе обладаніе ею. Но такое наслажденіе прилично старой обезьянѣ 18-го вѣка. Относительно той, которую любишь, желаю тебѣ отъ всего сердца обладать ею.

Никогда не забывай обиды умышленной; поменьше словъ, или вовсе безъ нихъ, и никогда не мсти оскорбленіемъ за оскорбленіе.

Если состояніе, или обстоятельства твои не позволяютъ тебѣ блистать, не старайся скрывать своихъ лишеній, обнаруживай лучше другую крайность; цинизмъ суровостью своею дѣйствуетъ внушительно на легкомысленность мнѣнія, тогда какъ маленькія плутни тщеславія сдѣлаютъ тебя смѣшнымъ и презрѣннымъ.

Никогда не бери займы, терпи лучше нужду; повѣрь, что она вовсе не такъ ужасна, какой ее изображаютъ, особенно въ сравненіи съ увѣренностію въ возможности видѣть себя безчест-

нымъ, или быть принятымъ за безчестнаго. Эти правила, предлагаемыя тебѣ мною, почерпнуты изъ собственнаго тяжкаго опыта. Желаю, чтобы ты принялъ ихъ безъ понужденія къ тому когда-либо. Они могутъ избавить тебя отъ дней мученій и бѣшенства. Когда-нибудь ты услышишь мою исповѣдь; не дешево она обойдется моему самолюбію, но это не остановитъ меня, если дѣло касается счастья твоей жизни.

П. А. Плетневу (черновое). — Я долго не отвѣчалъ тебѣ, мой милый Плетневъ; собирался отвѣчать стихами, достойными твоихъ, но отложилъ попеченіе; положеніе твое противъ меня слишкомъ выгодно, и ты слишкомъ хорошо умѣешь имъ воспользоваться. Если первый стихъ твоего посланія написанъ такъ же отъ души, какъ и всѣ прочіе, то я не раскаяваюсь въ минутной моей несправедливости: она доставила неожиданное украшеніе словесности. Если же ты на меня сердитъ, то стихи твои, какъ они ни прелестны, никогда не утѣшатъ меня. Ты конечно-бъ извинилъ мои легкомысленныя строки, если бы зналъ, какъ часто бываю подверженъ такъ называемой хандрѣ. Въ эти минуты я волю на цѣлый свѣтъ, и никакая поэзія не шевелитъ моего сердца. Не подумай, однако, что не умѣю цѣнить неоспоримаго твоего дарованія. Чувство изящнаго не совсѣмъ во мнѣ притупилось, и когда я въ совершенной памяти, твоя гармонія, поэтическая точность, благородство выраженій, стройность, чистота въ отдѣлкѣ стиховъ плѣняютъ меня, какъ поэзія моихъ любимцевъ.—По письмамъ моего брата вижу, что онъ съ тобою друженъ; завидую ему и тебѣ. *Sine ira*, милый пѣвецъ, по рукамъ и до свиданія.—Я не вполне подтверждаю, что писалъ о твоей прозѣ, но, признаюсь,

это стихотвореніе недостойно ни тебя, ни Батюшкова. Многіе приняли его за сочиненіе послѣдняго. Знаю, что съ посредственнымъ писателемъ этого не случится. Но Батюшковъ, не будучи доволенъ твоей элегіей, разсердился на тебя за ошибку другихъ; я разсердился послѣ Батюшкова... Извини мое чистосердечіе, но оно залогъ моего къ тебѣ уваженія. Прости. Sine ira, и пр.

Неизвѣстной дамѣ (черновое, по-французски).
 Не чувство торжества заставляеть меня писать къ вамъ; напротивъ, я имѣю глупость и слабость сознаться передъ вами въ смѣшной страсти и желаю откровенно объясниться съ вами по этому поводу... Не скрывайте ничего—это было бы и не достойно васъ, и совершенно бесполезно, а кокетство - легкомысленно, жестоко и напрасно. Я такъ же мало повѣрю вашему гнѣву, какъ... Чѣмъ могу я оскорбить васъ?... Я васъ люблю съ такой нѣжностью... Ваша гордость даже не можетъ быть оскорблена моей любовью.

Если бы я могъ питать какія нибудь надежды, то открылъ бы вамъ свои чувства не накануне вашего отъѣзда. Мое признаніе объясняется только экзальтаціей и волненіемъ, которыхъ мнѣ не удалось побороть въ себѣ и которыя довели меня до изнеможенія... Я ни о чемъ не прошу васъ, я самъ не знаю, чего хочу, а между тѣмъ я васъ ..

1823.

В. П. Горчакову. — *Кишиневъ, январь.*

Зима мнѣ рыхлою стѣною
 Къ воротамъ заградила путь;
 Пока трюинки предъ собою
 Не протопчу я какъ-нибудь,

Сажу я дома, какъ бездѣльникъ,
 Но ты, душа души моей,
 Узнай, что будетъ въ понедѣльникъ,
 Что скажетъ нашъ Вареоламей (мѣстный
 Кишиневскій богатъ) и проч...

Л. С. Пушкину. *Кишиневъ, январь.* -- Душа моя, какъ перевести по-русски *bévue* — Должно-бы издавать у насъ журналъ: *Révue des Bévue* — мы помѣстили-бы тамъ выписки изъ критикъ Воейкова, полуденную денницу Рылѣва, его же гербъ россійскій на вратахъ византійскихъ (во время Олега герба русскаго не было — а двуглавый орелъ есть гербъ византійскій и значитъ раздѣленіе имперіи на Западную и Восточную — у насъ же онъ ничего не значитъ). Повѣришь ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи вашихъ журналовъ, чтобъ не найти съ десятокъ этихъ *bévue*. Поговори объ этомъ съ нашими, да хлопочи о книгахъ. Ты ко мнѣ совсѣмъ не пишешь, да и всѣ вы что-то примолкли. Скажи, ради Христа, Жуковскому, чтобъ онъ продиктовалъ Якову (камердинеру) строки три на мое имя. — Батюшковъ въ Крыму. Орловъ съ нимъ видался часто. Кажется мнѣ, онъ изъ ума шутитъ. Дельвигу поклонъ, Баратынскому также. Этого ничего не печатаетъ, а я читать разучусь. Видишь ли ты Тургеневыхъ и Карамзина? Чѣмъ тебя попотчивать? Вотъ стихи Ѳ. Глинкѣ:

Когда средь оргій жизни шумной
 Меня постигнулъ остракизмъ, и т. д.

Я послалъ было ихъ черезъ тебя, но ты письма моего не получилъ; покажи ихъ Глинкѣ; обними его за меня и скажи ему, что онъ все-таки почтеннѣйшій человекъкъ здѣшняго міра.

Л. С. Пушкину. — *Кишиневъ, 30 января.* —
 Благоразумный Левинька! Благодарю за письмо-жалѣю, что прочія не дошли. Пишу тебѣ, окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журналами, письмами—и все то благо, все добро. Пиши мнѣ о Дидло, объ черкешенкѣ Истоминой, за которой я когда-то волочился подобно Кавказскому Пльннику. Бестужевъ прислалъ мнѣ „Звѣзду“—эта книга достойна всякаго вниманія; жалѣю, что Баратынскій поскупился—я надѣялся на него. Каковы стихи въ Овидію? Душа моя, и „Русланъ“, и Noel, и все—дрянь въ сравненіи съ ними.—Ради Бога, люби двѣ звѣздочки (подпись Пушкина въ „Полярной Звѣздѣ“ 1823); онѣ общають достойнаго соперника знаменитому Панаеву, знаменитому Рылѣву и прочимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ. Мечта Вонна привела въ задумчивость вонна, что служить въ иностранной коллегіи и находится нынѣ въ бессарабской канцеляріи.—Эта „Мечта“ напечатана съ ошибочнаго списка — призванье вмѣсто зыванье; тревожныхъ думъ, слово употребляемое знаменитымъ Рылѣвымъ, но которое по-русски ничего не значить; воспоминаніе и брата и друзей—стихъ трогательный, а въ Звѣздѣ—просто плоскій. Но все это не бѣда; были бы деньги. Я радъ, что Глинкѣ полюбились мои стихи—это была моя цѣль. Въ отношеніи его я не Ѳемистоклъ; мы съ нимъ пріятели и еще не ссорились за мальчика. Гнѣдичъ у меня перебиваетъ лавочку—

„Увы напрасно ждалъ тебя женихъ печальный“.

(Изъ „Гар. Дѣвы“ Гнѣдича).

и проч.—непростительно прелестно. Зналъ бы своего Гомера, а то и намъ не будетъ мѣста на Парнасѣ. — Дельвигъ, Дельвигъ! пиши ко

мнѣ и прозой, и стихами; благословляю и поздравляю тебя: добился ты наконецъ до точности языка—единственной вещи, которой у тебя не доставало: en avant! marche!

Пріѣхалъ ли царь? Впрочемъ, это я узнаю прежде, чѣмъ ты мнѣ отвѣтишь. Ты собираешься въ Москву—тамъ увидишь ты моихъ друзей, напomini имъ обо мнѣ; также и роднѣ моей, которая, Впрочемъ, мало заботится о судьбѣ племянника, находящагося въ о п а л ѣ. Можетъ быть, они правы, да и я не виноватъ.

Прощай, душа моя! если увидимся, то-то зацѣлую, заговорю и зачитаю. Я вѣдь тебѣ писалъ, что кюхельбекерно мнѣ на чужой сторонѣ; а гдѣ Кюхель...?—Ты мнѣ пишешь объ N. N. en voilà assez. Assez, такъ assez; а я все при своемъ мнѣніи.—Ты не приказываешь жаловаться на погоду въ августѣ мѣсяцѣ—такъ и быть; а вѣдь неприятно сидѣть въ заперти, когда гулять хочется. Прощай еще разъ.

Ки. П. А. Вяземскому. *Кишиневъ, 5 апрѣля.*—Мои надежды не сбылись: мнѣ нынѣшній годъ нельзя будетъ пріѣхать ни въ Москву, ни въ Петербургъ. Если лѣтомъ ты поѣдешь въ Одессу, не завернешь ли по дорогѣ въ Кишиневъ? Я познакомя тебя съ героями Скулянъ и Секу, сподвижниками Йордаки, и съ гречанкою, которая цѣловалась съ Байрономъ.

Правда ли, что говорятъ о Катенинѣ? (о высылкѣ изъ Петербурга). Мнѣ никто ничего не пишетъ. Москва, Петербургъ и Арзамасъ совершенно забыли меня. Охотниковъ пріѣхалъ? Привезъ ли тебѣ письма и прочее?

Говорятъ, что Чаадаевъ ѣдетъ за границу—давно бы такъ; но мнѣ его жаль изъ эгонизма. Любимая моя надежда была съ нимъ путешествовать. Теперь Богъ знаетъ, когда свидимся.

Важный вопрос и, сдѣлай милость, отвѣчай: гдѣ Марья Ивановна Корсакова, что живетъ или жила противъ какого-то монастыря (Страстного, что ли?). Жива ли она, гдѣ она? если умерла, чего Боже упаси, то гдѣ ея дочери? За мужемъ-ли и за кѣмъ, дѣвствуютъ-ли, или вдовствуютъ? и проч. Мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, но я общался обо всемъ узнать подробно. Кстати, не знаешь ли, минуло ли 15 лѣтъ (штаб-офицерской службы) генералу Орлову или нѣтъ еще?—*А. П.*

Стиховъ, ради Бога стиховъ, да свѣженькихъ.

А. А. Бестужеву. — Кишиневъ, 13 іюня.— Милый Бестужевъ! Позволь мнѣ первому перешагнуть чрезъ приличія и сердечно поблагодарить тебя за *Полярную Звѣзду*, за твои письма, за статью о литературѣ, за *Ольгу* и особенно за *Вечеръ на бивакѣ*! Все это ознаменовано твоею печатью, т. е. умомъ и чудесной живостью. О „Взглядѣ“ можно бы намъ поспорить на досугѣ. Признаюсь, что ни съ кѣмъ мнѣ такъ не хочется поспорить, какъ съ тобою да съ *Вяземскимъ*: вы одни можете разгорячить меня. Покамѣстъ жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ статьѣ о русской словесности забыть *Радищева*? Кого же мы будемъ помнить? Это молчаніе непростительно ни тебѣ, ни *Гречу*: я отъ тебя его не ожидалъ. Еще слово: зачѣмъ хвалить холоднаго, однообразнаго *Осипова* и обижать *Майкова*? „Елисей“ истинно смѣшонъ: ничего не знаю забавнѣе обращенія поэта къ порткамъ: .

Я мню и о тебѣ, исподняя одежда,
Что и тебѣ спастись худа была надежда.

А любовница Елисея, которая сожигаетъ его штаны въ печи,

*

Когда для пироговъ она у ней топилась;
И тѣмъ подобною Дидонѣ учинилась.

А разговоръ Зевеса съ Меркуріемъ, а герой,
который упалъ въ песокъ:

И весь сѣдалища въ немъ образъ напечаталъ.
И сказываютъ всѣ, кто ходитъ въ тотъ кабакъ,
Что виденъ и поднесъ въ песокъ сей самый знакъ.

Все это уморительно. Тебѣ, кажется, болѣе
нравится Бл.....щеніе; однакожъ Елисей ка-
жется смѣшнѣе, слѣдственно полезнѣе для здо-
ровья. Въ разсужденіи 1824 года—постараюсь
прислать тебѣ свои бессарабскія бредни. Но
нельзя ли вновь осадить цензуру и со второго
приступа овладѣть моею анеологіей? „Р а з б о й -
н и к о в ъ“ я сжегъ—и подѣломъ. Одинъ отры-
вокъ уцѣлѣлъ въ рукахъ у Николая Раевска-
го. Если отечественные звуки: х а р ч е в н я ,
к н у т ь , о с т р о г ъ , не напугаютъ нѣжныхъ
ушей читательницъ Полярной Звѣзды, то на-
печатай его. Впрочемъ, чего бояться читатель-
ницъ? Ихъ нѣтъ и не будетъ на ру-
сской землѣ, да и жалѣть не о чемъ. — Я
увѣренъ, что тѣ, которые приписываютъ новую
сатиру Арк. Родзянкѣ, ошибаются: онъ
человѣкъ благородныхъ правилъ и не станетъ
воскрешать временъ с л о в а и д ѣ л а . Доносъ
на человѣка сосланнаго есть послѣдняя сте-
пень бѣшенства и подлости, да и стихи сами
по себѣ недостойны пѣвца сократической люб-
ви.—Дельвигъ мнѣ съ годъ ужъ ничего не пи-
шетъ. Попеняйте ему и обвините его за меня;
онъ васъ, т. е. тебя обвинитъ за меня.—Про-
щай, до свиданія—А. П.

Кн. П. А. Вяземскому.—Одесса, 19 августа.—
Мнѣ скучно, милый Асмодей. Я боленъ; ци-

сать хочется, да самъ не свой. Мнѣ до тебя дѣло есть. Гнѣдичъ хочетъ купить у меня второе изданіе Руслана и Кавказскаго Пльнника, но timeo Danaos, т. е. боюсь, чтобъ онъ со мной не поступилъ какъ прежде. Я обѣщаль ему предисловія, но отъ прозы меня тошнить. Перепишись съ нимъ, возьми на себя это 2-е изданіе и освяти его своею прозой, единственною въ нашемъ прозаическомъ отечествѣ. Не хвали меня, но побрани Русь и русскую публику; стань за нѣмцевъ и англичанъ, уничтожь этихъ маркизовъ классической поэзи. Еще одна просьба: если возьмешься за изданіе, не лукавь со мною, возьми съ меня, что оно будетъ стоить, не дари меня. Я для того только до сихъ поръ и не хотѣлъ имѣть съ тобою дѣла, милый мой аристократъ. Отвѣчай мнѣ по extra почтѣ.

Я брату долженъ письмо. Что онъ за человекъ? Говорять, что онъ—славный малый и московскій франтъ. Правда-ли?—Прощай, моя прелесть. Впередъ буду писать тебѣ толковѣе. А Орловъ?

Л. С. Пушкину.—Одесса, 25 августа.—Мнѣ хочется, душа моя, написать тебѣ цѣлый романъ—три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло: здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ; я насилу уломаль Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу - я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу.—Ресторация и итальянская опера напоминали мнѣ старину и, ей-Богу, обновили мнѣ душу. Между тѣмъ пріѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляетъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ. Кажется, и хорошо, да новая печаль мнѣ сжала грудь—мнѣ стало жаль моихъ покинутыхъ цѣпей Пріѣхалъ въ Кишиневъ на

нѣсколько дней, провелъ ихъ неизъяснимо элегически—и выѣхавъ оттуда навсегда—о Кишиневѣ я вздохнулъ. Теперь я опять въ Одессѣ и все еще не могу привыкнуть къ европейскому образу жизни. Впрочемъ, я нигдѣ не бываю, кромѣ въ театрѣ. Здѣсь Туманскій. Онъ добрый малый, да иногда вретъ—напр. онъ пишетъ въ Петербургъ письмо, гдѣ говоритъ между прочимъ обо мнѣ: „Пушкинъ открылъ мнѣ немедленно свое сердце и portefeuille, любовь и пр.“—фраза, достойная В. Козлова; дѣло въ томъ, что я прочелъ ему отрывки изъ „Бахчисарайскаго Фонтана“ (новой моей поэмы), сказавъ, что я не желалъ бы ее напечатать, потому что многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и что роль Петрарки мнѣ не по нутру. Туманскій принялъ это за сердечную довѣренность и посвящаетъ меня въ Шаликовы—помогите!—Здѣсь еще Р а п ч ѣ. Знаешь-ли ты его? Будетъ Родзян к а-предатель—жду его съ нетерпѣніемъ. Пиши же мнѣ въ Одессу, да поговоримъ о дѣлѣ.

Изъясни отцу моему, что я безъ денегъ жить не могу. Жить перомъ мнѣ невозможно при нынѣшней цензурѣ; ремеслу же столярному я не обучался; въ учителя не могу идти, хоть я знаю Законъ Божій и 4 первыя правила, но служу я не по волѣ своей и въ отставку идти невозможно. Все и всѣ меня обманываютъ—на кого же, кажется, надѣяться, если не на ближнихъ и родныхъ? На хлѣбахъ у Воронцова я не стану жить—не хочу и полно: крайность можетъ довести до крайности. Мнѣ больно видѣть равнодушіе отца моего къ моему состоянію, хоть письма его очень любезны—Это напоминаетъ мнѣ Петербургъ: когда, больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы, я

бралъ извозчика отъ Аничкова Моста, онъ вѣчно бранился за 80 к. (которыхъ, вѣрно бь, ни ты, ни я не пожалѣли для слуги). Прощай, душа моя, у меня хандра, и это письмо не развеселило меня. Такъ и быть, я Вяземскому пришлю Фонтанъ, выпустивъ любовный бредъ — а жаль!

Кн. П. А. Вяземскому. *Одесса, 14 октября.* — По твоему совѣту, милый Асмодей, я далъ знать Гнѣдичу, что поручаю тебѣ изданіе Руслана и Пльнника; слѣдственно, дѣло сдѣлано. Не помню, просилъ ли я тебя о вступленіи, предисловіи и т. под., но сердечно благодарю тебя за обѣщаніе. Твоя проза обезпечить судьбу моихъ стиховъ. О какихъ перемѣнахъ говорилъ тебѣ Ранчъ? Я никогда не могъ поправить разъ мною написанное. Въ Русланѣ должно только прибавить эпилогъ и нѣсколько стиховъ къ 6-й пѣснѣ, слишкомъ поздно доставленные мною Жуковскому. Русланъ напечатанъ исправно, ошибокъ нѣтъ, кромѣ с в ѣ ж і и сонъ въ самомъ концѣ. Не помню, какъ было въ рукописи, но свѣжій сонъ тутъ смысла не имѣетъ. Кавказскій Пльнникъ — иное дѣло. Остановлялъ онъ долго взоръ — должно: вперялъ онъ неподвижный взоръ. Ж и в и, и п у т н и к ъ о ж и в а е т ъ: живи, и пльнникъ оживаетъ. Пещеры темная прохлада — влажная. И вдругъ на дома дождь и градъ — домы. Въ чужой ауль цѣною злата — за много злата (впрочемъ, какъ хочешь).

Не много радостныхъ ей дней
Судьба на долю испослала.

Зарѣзала меня цензура! Я не властенъ сказать, я не долженъ сказать, я не смѣю сказать: ей дней въ концѣ стиха. Ночей, ночей — ради

Христа, ночей судьба на долю ей послала. То-ли дѣло ночей, ибо днемъ она съ нимъ не видалась—смотри поэму. И чѣмъ же ночь неблагопристойнѣе дня? Которые изъ 24 часовъ именно противны духу нашей цензуры? Бируковъ (цензоръ) добрый малый: уговори его, или я слягу.

На смертномъ полѣ свой бивакъ.

У меня прежде было у стѣнъ Парижа. Не лучше ли, какъ думаешь? Вѣрилъ я надеждѣ и уповательнымъ мечтамъ. Это что? Упительнымъ мечтамъ. Твои отъ твоихъ: помнишь свое прелестное посланіе Давыдову? Да вотъ еще два замѣчанія, въ родѣ антикритики: 1. Подъ влажной буркой. Бурка не промокаетъ и влажна только сверху. слѣдственно можно спать подъ нею, когда нечѣмъ инымъ покрыться, а сушить нѣтъ надобности. 2. На берегу завѣтныхъ водъ. Кубань—граница. На ней карантинъ, и строго запрещается казакамъ переѣзжать об'онъ-полъ. Объясни это потолковѣе забавникамъ Вѣстника Европы. Теперь замѣчаніе типографское: Все понялъ онъ... нѣсколько точекъ, въ родѣ Шаликова и - à la ligne: прощальнымъ взоромъ и пр. Теперь я согласенъ въ томъ, что это мѣсто писано слишкомъ въ обрѣзъ; да силы нѣтъ ни поправить, ни прибавить. Sur se—обнимаю тебя съ надеждой и благодарностью. Письмо твое я получилъ черезъ Фурнье и отвѣчалъ по почтѣ. Дружба твоя съ Шаховскимъ радуется миролюбивую мою душу. Онъ, право, добрый малый, изрядный авторъ и отличный сводникъ. Вотъ тебѣ новость въ томъ же родѣ. Здѣсь Стурдза монархическій; я съ нимъ не только пріятель, но кой о чемъ и мыслимъ одинаково, не лукавя другъ передъ дру-

гомъ. Читалъ ли ты его послѣднюю brochure о Греціи? Гр. Ланжеронъ увѣряетъ меня, qu' il y a trop de bon Dieu. Здѣсь Сѣверинъ, но я съ нимъ поссорился и не кланяюсь. Вигель здѣсь былъ и поѣхалъ въ Содомъ-Кишиневъ, гдѣ, думаю, будетъ вице-губернаторомъ. У насъ скучно и холодно. Я мерзну подъ небомъ полуденнымъ.—А. П.

Р. S. Замѣчанія твои насчетъ моихъ Разбойниковъ несправедливы; какъ сюжетъ, c'est un tour de force. Это не похвала, напротивъ; но какъ слогъ, я ничего лучше не написалъ. Бахчисарайскій Фонтанъ, между нами, дрянъ, но эпитафья его—прелесть. Кстати объ эпитафьяхъ, знаешь ли эпитафья Кавказскаго Пѣнника?

Подъ бурей рока—твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти—легкій листъ.

Понимаешь, почему не оставилъ его? Но за твои четыре стиха я бы отдалъ три четверти своей поэмы. Addio.

Неизвѣстному лицу, (черновое, по франц.)
Одесса 24 октября. Отвѣчаю на вашъ P. S, т. е. онъ всего ближе касается вашего самолюбія. Подобно L. H., я рѣшилъ, сидя на диванѣ, не вмѣшиваться болѣе въ это дѣло. M. S. не возвращался пока изъ Одессы; вотъ почему я не могъ еще воспользоваться вашимъ письмомъ. Такъ какъ моя страсть значительно остыла и я въ настоящее время влюбленъ въ другую, то я рѣшилъ не показывать вашего письма г-жѣ С., какъ первоначально думалъ, и, такимъ образомъ, не выставлять передъ нею, какую привлекательность сообщаетъ вамъ его байроническій характеръ. Ваше письмо я прочту ей

лишь съ должными сокращеніями. Благодаря такому обороту, я получу передъ вами то самое преимущество, какое вы захотѣли имѣть въ вашемъ письмѣ передо мной. Прежде всего я заявляю: вы не проведете меня, любезный Іовъ. Я вижу ваше тщеславіе и страсть сквозь напускной цинизмъ и т. д. Остальное въ томъ же родѣ. Повѣрьте, что это произведетъ эффектъ. Но такъ какъ вы были всегда моимъ наставникомъ въ вопросахъ морали, то я и на этотъ разъ прошу вашего разрѣшенія и особенно вашихъ совѣтовъ. Но торопитесь, такъ какъ она скоро прійдетъ. Я имѣлъ свѣдѣнія о васъ отъ вашего брата, сообщившаго мнѣ, что Atala Napску превратила васъ въ скучнаго фата. Но послѣднее письмо ваше совсѣмъ не нагоняетъ тоски. Надѣюсь, что и мое на минуту отвлечетъ васъ отъ вашихъ страданій. Вашъ дядя — свинья, какъ вамъ хорошо извѣстно, былъ недавно здѣсь, перессорилъ всѣхъ и перессорился самъ со всѣми. Готовлю ему забористое письмо № 2, но на этотъ разъ онъ получитъ g. j. f. и такимъ образомъ будетъ посвященъ въ тайну наравнѣ со всѣми другими, пусть не прикидывается больше непонимающимъ того, что ему хотять сказать.

Кн. П. А. Вяземскому. *Одесса, 4 ноябр.* — Вотъ тебѣ, милый и почтенный Асмодей, послѣдняя моя поэма (Бахчисарайскій фонтанъ). Я выбросилъ то, что цензура выбросила бы и безъ меня, и то, что не хотѣлъ выставить передъ публикою. Если эти безсвязные отрывки покажутся тебѣ достойными тисненія, то напечатай; да сдѣлай милость, не уступай этой сукѣ....., отгрызайся за каждый стихъ и загрызи ее, если возможно, въ мое воспоминаніе.

Кромѣ тебя, у меня тамъ нѣтъ покровителей. Еще просьба: припиши къ Бахчисараю предисловіе или послѣсловіе, если не ради меня, то ради твоей похотливой Минервы. Прилагаю при семъ полицейское посланіе, яко матеріаль; почерпни изъ него свѣдѣнія, разумѣется, умолчавъ объ ихъ источникѣ. Посмотри также въ Путешествіи Апостола-Муравьева статью Бахчисарай, выпиши изъ нея что поноснѣе, да заворижи все это своею прозою, богатою наслѣдницею твоей прелестной поэзіи, по которой ношу трауръ. Полно, не воскреснетъ ли она? Что тебѣ пришло въ голову писать оперу и подчинить поэта музыканту? Чинъ чина почитай. Я бы и для Россини не пошевелился. Что касается до моихъ занятій, я теперь пишу не романъ, а романъ въ стихахъ — дьявольская разница! Въ родѣ Донъ-Жуана. О печати и думать нечего: пишу, спустя рукава. Цензура наша такъ своенравна, что съ нею невозможно и размѣрить круга своего дѣйствія. Лучше объ ней и не думать; а если брать, такъ брать; не то, что и когтей марать. Новое изданіе очень мило. Съ Богомъ, милый ангелъ или аггелъ Асмодей. Вообрази, что я еще не читалъ твоей статьи, побѣдившей цензуру? Вотъ каково жить поазіатски, не читая журналовъ. Одесса — городъ европейскій; вотъ почему русскихъ книгъ здѣсь и не видать. — А. П.

Василью Львовичу, дядѣ, влзяюся и пишу на дняхъ.

Ки. П. А. Вяземскому. — Одесса, ноябрь. — Конечно ты правъ, и вотъ тебѣ перемѣны (къ Бахчисарайскому фонтану) Язвительныя лобзанія. Поставь п р о н з и т е л ь н ы х ъ. Это будетъ ново. Дѣло въ томъ, что моя грузинка кусается

и это непременно должно быть известно публикѣ. Хладнаго скопца уничтожаю изъ уваженія въ давней дѣвственности А. П.

Не зрять лица его гаремъ,
Тамъ....
И не утѣшены никѣмъ,
Старѣютъ жены.

Меня ввелъ во искушеніе Бобровъ; онъ говоритъ въ своей „Тавридѣ: Подъ стражею скопцовъ гарема. Мнѣ хотѣлось что-нибудь у него украсть, а къ тому же я желалъ бы оставить русскому языку нѣкоторую библейскую откровенность. Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе.

Но вѣрой матери моей
Была твоя....

Если найдешь удачную переѣмну, то подарь меня ею; если жъ нѣтъ, оставь такъ. Равна грузинка красотой, но инка кр..., а слово грузинка тутъ необходимо. Впрочемъ, дѣлай, что хочешь. Апостоль (Муравьевъ Апостоль) написалъ свое путешествіе по Крыму; оно печатается. Впрочемъ, ожидать его нечего. Что такое Грибоѣдовъ? Мнѣ сказывали, что онъ написалъ комедію на Чаадаева; въ теперешнихъ обстоятельствахъ это чрезвычайно благородно съ его стороны (тогда Чаадаева преслѣдовали)! Посылаю Разбойниковъ. Какъ бишь у меня? Вперялъ онъ неподвижный в з о р ь; поставь л ю б о п ы т н ы й, а стихъ все-таки калмыцкій.

Кн. П. А. Вяземскому. *Одесса, 11 ноября.*—
 Вотъ тебѣ и Р а з б о й н и к и. Истинное происшествіе подало мнѣ поводъ написать этотъ отрывокъ. Въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославлѣ, два разбойника, закованные вмѣстѣ, переплыли черезъ Днѣпръ и спаслись. Ихъ отдыхъ на островкѣ, потопленіе одного изъ стражей—мною не выдуманы. Нѣкоторые стихи напоминаютъ переводъ Ш и л ъ о н с к а г о. У з н и к а. — Это несчастіе для меня. Я съ Жуковскимъ сошелся нечаянно; отрывокъ мой написанъ въ концѣ 1821 года.

Бар. А. А. Дельвигу.—*Одесса, 16 ноября.*—
 Мой Дельвигъ, я получилъ всѣ твои письма и отвѣчалъ почти на всѣ. Вчера повѣяло мнѣ жизнію лицейскою; слава и благодареніе за то тебѣ и моему Пущину! Вамъ скучно, намъ скучно: сказать ли вамъ сказку про бѣлаго быка? Душа моя, ты слишкомъ мало пишешь, по крайней мѣрѣ слишкомъ мало печатаешь. Вирочемъ, я живу по-азіатски, не читая вашихъ журналовъ. Надняхъ попались мнѣ твои прелестные сонеты—прочелъ ихъ съ жадностью, восхищеніемъ и благодарностью за вдохновенное воспоминаніе дружбы нашей. Раздѣляю твои надежды на Языкова и давнюю любовь къ непорочной музѣ Баратынскаго. Жду и не дождусь появленія въ свѣтъ вашихъ стиховъ; только ихъ получу, заколю агнца, восхваляю Господа и украшу цвѣтами свой шалашъ, хоть Бируковъ находить это слишкомъ сладострастнымъ. — Сатира къ Гнѣдичу мнѣ не нравится, даромъ, что стихи прекрасные—въ нихъ мало перца; С о м о в ъ б е з м у н д и р н ы й непростительно. Просвѣщенному ли человѣку, русскому сатирику, пристало смѣяться надъ независимостью писа-

теля? Это шутка, достойная коллежскаго совѣтника Измайлова. Жду также Полярной Звѣзды. Жалѣю, что мои элегии писаны противъ религiи и правительства: я полу-Хвостовъ—люблю писать стихи (но не переписывать) и не отдавать въ печать (а видѣть ихъ въ печати). Ты просишь Бахчисарайскаго Фонтана—онъ надняхъ отосланъ къ Вяземскому. Это безсвязные отрывки, за которые ты меня пожурить, а все-таки похвалишь. Пишу теперь новую поэму, въ которой забалтываюсь до-нелая (Евгенiй Онѣгинъ). Бируковъ ея не увидитъ, зато что онъ фи-дита, блажной дитя. Богъ знаетъ, когда мы и прочитаемъ ее вмѣстѣ—скучно, моя радость! вотъ припѣвъ моей жизни. Если бь хоть братъ Левъ прискакалъ ко мнѣ въ Одессу! гдѣ онъ, что онъ? ничего не знаю. Друзья, друзья, пора промѣнять мнѣ почести изгнанiя на радость свиданiя.—Правда ли, что ѣдетъ къ вамъ Россини и итальянская опера?—Боже мой! это представители рая небеснаго. Умру съ тоски и зависти.—А. П.

Р. S. Вели прислать мнѣ нѣмецкаго Плѣника (переводъ „Кавказскаго Плѣнника“).

Неизвѣстнымъ дамамъ въ Кишиневѣ (черное, по французски). *Одесса, ноябрь.*

Да, я отгадалъ, вы именно тѣ двѣ очаровательницы, которыя вспомнили о бывшемъ кишиневскомъ отшельникѣ. Я тысячу разъ осыпалъ поцѣлуями эти строки, напоминавшiя мнѣ столько сумасбродствъ, терзанiй, ума, граци, мазурокъ и т. д. Какъ жестоки вы, сударыня, предполагая, что я способенъ веселиться тамъ, гдѣ не могу ни встрѣтить, ни забыть васъ. Увы, любезная *Maiguine*, вдали отъ васъ, я чувствую себя неловко, мрачно и даже замѣчаю въ себѣ

ливъ умственныхъ силъ. Я даже утратилъ способность писать каррикатуры, хотя жена проф. Мурузи очень легко можетъ наводить на нихъ. Меня преслѣдуетъ только одна мысль, а именно возвратиться, пасть къ вашимъ ногамъ и посвятить вамъ, какъ говорилъ одинъ добродушный поэтъ, тотъ остатокъ себя, который я еще могу назвать своимъ. Вспоминаете ли вы еще о корректурахъ, которыя дѣлали во время оно? О, какъ было бы хорошо, если бы вы могли повторить ихъ здѣсь! Но развѣ правда, что вы думаете возвратиться въ Одессу? Приѣзжайте, ради Бога. Чтобы привлечь васъ—у насъ здѣсь балы, итальянская опера, вечера, концерты, чичисбеи, вздыхатели и все, что вы только захотите. Я буду передразнивать обезьяну и нарисую вамъ г-жу Воронцову въ 8-ми позахъ Аретина.

Кстати объ Аретинѣ, я вамъ долженъ сказать, что сдѣлался цѣломудренъ и добродѣтеленъ—разумѣется, на словахъ; мое поведеніе всегда отличалось этими свойствами. Очень пріятно тецерь смотрѣть на меня и слушать. Не ускорить ли это вашего приѣзда? Еще разъ прошу васъ именовъ неба приѣхать и простить мнѣ вольности, иногда попадающіяся въ моихъ письмахъ къ той, которая слишкомъ умна для того, чтобы быть недотрогой, но которую я люблю и уважаю.

Что же касается васъ, прелестная капризница, то вашъ почеркъ заставилъ меня встрепенуться. Не говорите, что вамъ извѣстенъ мой характеръ; если бы вы меня знали, то не огорчили бы сомнѣніемъ въ моей преданности къ вамъ и искренности моихъ сожалѣній.

С. всегда слылъ за человѣка съ сверхъестественнымъ терпѣніемъ. А. сказалъ о немъ, что гдѣ-бы онъ ни былъ, отъ него всюду разить терпѣніемъ...

А. И. Тургеневу.— Одесса, 1 декабря. — Вы помните Кипренскаго, который изъ поэтическаго Рима напечаталъ вамъ въ „Сынѣ Отечества“ поклонъ и свое почтеніе. Я обнимаю васъ изъ прозаической Одессы, не благодаря ни за что, но цѣня въ полной мѣрѣ и ваше воспоминаніе, и дружеское попеченіе, которому я обязанъ перемѣною своей судьбы. Надобно, подобно мнѣ, провести три года въ душномъ азіатскомъ заточеніи, чтобъ почувствовать цѣну и невольнаго европейскаго воздуха. Теперь мнѣ было бы совершенно хорошо, еслибъ не отсутствіе кой-кого. Когда мы свидимся, вы не узнаете меня; я сталъ скученъ, какъ Грибко, и благограженъ, какъ Чеботаревъ.

Исчезла прежняя живость!

Простите-жъ иногда мою мнѣ молчаливость,
Мое уныніе... Терпите, о друзья,
Терпите казнь за то, что къ вамъ привязанъ я.

Кстати о стихахъ: вы желали видѣть оду на смерть Наполеона. Она не хороша; вотъ вамъ самыя сносныя строфы:

(слѣдуютъ три строфы отъ „Когда надеждой озаренный“ до „Ихъ цѣпи лаврами обвилъ“. (См. въ алфавитномъ указателѣ стихотвореніе „Наполеонъ“).

Вотъ послѣдняя: „Да будетъ омраченъ позоромъ“. (Тамъ-же).

Эта строфа нынѣ не имѣетъ смысла, но она писана въ началѣ 1821 г. Впрочемъ, это мой послѣдній либеральный бредъ; я закаялся и написалъ надняхъ подражаніе баснѣ умѣреннаго демократа: „Изыде съятель съяти сѣмена своя“. (См. алфавитный указатель).

Поклонъ братьямъ и братьѣ. Благодарю васъ за то, что вы успокоили меня насчетъ Н. М. и К. А. Карамзинныхъ. Но что дѣлаетъ поэтическая, незабвенная, конституціональная, анти-

польская, небесная княгиня Е. И. Голицына? Возможно-ли, чтобъ я еще жалѣлъ о вашемъ Петербургѣ?

Жуковскому грѣхъ; чѣмъ я хуже принцессы Шарлотты, что онъ мнѣ ни строчки въ три года не напишетъ? Правда-ли, что онъ переводитъ „Гяура?“ А я надосугѣ пишу новую поэму „Евгеній Онѣгинъ“, гдѣ захлебываюсь желчью, и двѣ пѣсни уже готовы.

М. Н. Илизову (по франц.). *Одесса, послѣ 8 декабря.*—Посылаю вамъ, генералъ, 360 рублей, которые я вамъ такъ давно былъ долженъ. Примите увѣреніе въ моей благодарности. У меня не хватаетъ духа извиниться передъ Вами: мнѣ очень совѣстно, что я не могъ до сихъ поръ уплатить Вамъ этого долга. Но дѣло въ томъ, что я нахотился въ крайней нуждѣ. Примите и пр.

Мн. П. А. Вяземскому. *Одесса, 20 декабря.*

Какая бъ ни была вина.

Такъ и у меня начерно.

Символь, конечно, дерзновенный,

Незнанья жалкая вина.

Вина, culpa, faute; symbole téméraire, faute déplorable de l'ignorance. У насъ слово вина имѣетъ два значенія: одно изъ нихъ здѣсь не имѣло бы смысла. Оставьте эти стихи, пускай они aux Saumaises futurs préparent des tortures (стихъ Буало).

Я бы хотѣлъ узнать, нельзя ли въ перепишкѣ вашей избѣгнуть какъ-нибудь почты. Я бы тебѣ переслалъ кой-что слишкомъ для нея тяжелое. Сходнѣе намъ въ Азіи писать по оказіи. Что Кривцовъ? Его превосходительство могъ бы мнѣ аукнуть. Я жду Полярной Звѣзды въ надеждѣ

Письма Пушкина.

б

видѣть тебя распечатнаго. Что журналъ Анахарсиса-Клоца Кюхельбекера („Мнемозина“)? Рисунокъ съ Фонтана оставимъ до другого изданія. Печатай скорѣе; не ради славы прошу, а ради Мамона.

Ты, кажется, собираешься сдѣлать заочное описаніе Бахчисарая? Брось это. Мадригалы Софѣ Погоцкой, это дѣло другое. Впрочемъ, въ моемъ эплогѣ описаніе дворца въ нынѣшнемъ его положеніи подробно и вѣрно, и Зонтагъ болѣе моего не замѣтитъ. Что, если бы ты заѣхалъ къ намъ на югъ нынче весною? Мы бы провели гдѣто въ Крыму, куда собирается пропасть дѣльнаго народа, женщинъ и мужчинъ. Пріѣзжай, ей-Богу, веселѣе здѣсь, чѣмъ у васъ на сѣверѣ!

Ф. Ф. Вигелю (черновое). *Одесса, декабрь.*

Проклятый городъ Кишиневъ!
Тебя бранить языкъ устанеть!
Когда нибудь на грѣшный кровъ
Твоихъ запачканныхъ домовъ
Небесный громъ, конечно, грянетъ
И не найду твоихъ слѣдовъ!
Падуть, погибнуть, пламенѣя,
И лавки грязныя жидовъ,
И пестрый домъ Варѣоломея (молд. бояринъ).
Такъ, если вѣрить Моисею,
Погибъ несчастливый Содомъ;
Но только съ этимъ городкомъ
Я Кишиневъ равнять не смѣю:
Я слишкомъ съ библіей знакомъ
И къ лести вовсе не привыченъ;
Содомъ, ты знаешь, былъ отличенъ
Не только вѣжливымъ грѣхомъ,
Но просвѣщеніемъ, пирами,
Гостепріимными домами

И красотою стройныхъ дѣвъ;
 Мнѣ жаль, что пламенемъ, громами
 Его сразилъ Егови гнѣвъ.

Въ блаженствѣ, въ разилеченьяхъ свѣта
 Избранный Богомъ человекъ
 Провелъ бы тамъ свой мирный вѣкъ.
 Но въ Кишиневѣ, видишь самъ,
 Ты не найдешь ни милыхъ дамъ,
 Ни сводни, ни книгопродавца.
 Жалю о твоей судьбѣ;
 Не знаю, придутъ ли къ тебѣ
 Подъ вечеръ милыхъ три красавца.
 На всякій случай, милый другъ,
 Лишь только будетъ мнѣ досугъ,
 Прощусь съ Одессою, явлюсь я...
 Тебѣ служить я буду радъ
 Своей бесѣдою шальною,
 Стихами, прозой, всей душою,
 Но, Вигель, пощади мой...

Эти стихи, слѣдственно, шутка. Не сердитесь
 нусмѣхнитесь, любезный Филиппъ Филипповичъ.
 Вы скучаете въ вертепѣ, гдѣ я скучалъ три
 года. Желаю васъ разсѣять хоть на минуту и
 сообщаю вамъ свѣдѣнія, которыхъ вы требо-
 вали отъ меня въ письмѣ къ Шв. Изъ трехъ,
 думаю, годенъ къ употребленію въ пользу соб-
 ственно меньшей. Онъ спитъ въ одной комнатѣ
 съ братомъ Михаиломъ... Изъ этого можете вы-
 вести важныя заключенія. Предоставляю ихъ
 вашей опытности и благоразумію. Старшій братъ,
 какъ вы и замѣтили, глупъ, какъ а...скій жезль,
 слѣдственно, чортъ съ нимъ. Обнимите ихъ отъ
 меня дружески и также скажите имъ, что Пуш-
 кинъ цѣлуетъ ручки Майгинъ и желаетъ ей
 счастья на землѣ, умалчивая о небесахъ, о
 которыхъ не получилъ еще достаточныхъ свѣ-

*

дѣній. Пульхерин Вареоломей объявите за тайну, что я влюбленъ въ нее безъ памяти и буду наднихъ экзекуторъ и камергеръ, въ подражаніе другу Завальскому (чиновникъ у Воронцова). Полторацкимъ поклонъ и старая дружба. Алексѣеву тоже и еще что-нибудь. Гдѣ и что Липранди? Мнѣ брюхомъ хочется видѣть его. У насъ холодно, грязно. Обѣдаемъ славно. Я пью, какъ Лотъ Содомскій, и жалѣю, что не имѣю съ собой ни одной дочки. Недавно выдался намъ молодой денекъ. Я былъ президентомъ попойки. Всѣ перепились и потомъ поѣхали..

Н. И. Кривцову. *Одесса, декабрь.* — Милый мой Кривцовъ, помнишь Пушкина? Не думай, что онъ впервые послѣ разлуки пишетъ къ тебѣ. Но Богъ знаетъ, почему письма мои къ тебѣ не доходили. О тебѣ доходятъ до меня только темные слухи. А ты ни строчкой не порадовалъ изгнанника! Правда ли, что ты сталъ аристократомъ? Это дѣло. Но не забывай демократическихъ друзей 1818 года. Всѣ мы разбрелись. Всѣ мы перемѣнились. О дружба, дружба!

А. Н. Раевскому (черновое, по-французски). — Константинопольскіе нищіе, карманные ворюшки, бродяги безъ смѣлости, которые не могли выдержать перваго огня даже плохихъ турецкихъ стрѣлковъ—вотъ что они. Они составили бы забавный отрядъ въ арміи графа Витгенштейна. Что касается до офицеровъ, то они еще хуже солдатъ. Мы видѣли этихъ новыхъ Леонидовъ на улицахъ Одессы и Кишинева, со многими изъ нихъ были лично знакомы, и свидѣтельствуемъ теперь о ихъ полномъ ничтожествѣ: ни малѣйшей идеи о военномъ искусствѣ, никакого понятія о чести, ни-

какого энтузіазма. Они отыскали средство быть пошлыми въ то самое время, когда рассказы ихъ должны были бы интересовать каждаго европейца. Французы и русскіе, которые здѣсь живутъ, не скрываютъ презрѣнія къ нимъ, вполне ими заслуженнаго; да они все и переносятъ, даже палочные удары, съ хладнокровіемъ, поистинѣ достойнымъ *Θεμιστοκλα*. Я не варваръ и не апостоль Корана, дѣло Греціи меня живо трогаетъ: вотъ почему я и негодую, видя, что на долю этихъ несчастныхъ (*misérables*) выпала священная обязанность быть защитниками свободы.

А. А. Шишкову.—Съ ума ты сошелъ, милый Шишковъ; ты мнѣ писалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ: „Милостивый государь“, „дестное ваше знакомство“, „честь имѣю“, „покорнѣйшій слуга“,—такъ что я и не узналъ моего царскосельскаго товарища. Если заблагодарасудишь писать ко мнѣ, впередъ прошу тебя быть со мною на старой ногѣ, не то, мнѣ будетъ грустно. До сихъ поръ жалѣю, душа моя, что мы не столкнулись на Кавказѣ; могли бы мы и стариной потряхуть, и поповѣсничать, и въ язычки постучать. Впрочемъ, судьба наша, кажется, одинакова и родились мы, видно, подъ однимъ созвѣздіемъ. Пишетъ ли къ тебѣ общій нашъ пріятель Кюхельбекеръ? Онъ на меня надулся, Богъ знаетъ почему. Помири насъ.

Что стихи? Куда зарылъ ты свой золотой талантъ? Подъ свѣтами Эльбруса, подъ тифлисскими виноградниками? Если у тебя есть что-нибудь, пришли мнѣ—право, сердцу хочется! Обнимаю тебя; письмо мое безтолково, да не всегда мнѣ быть толковѣе.—А. Пушкинъ.

PS. Недавно я узналъ, что ты знакомъ и

родственникъ почтенному нашему Александру Ивановичу (Казначеевъ, правитель канцеляріи гр. Воронцова). Онъ доставляетъ мнѣ случай снестись съ тобою, а самъ заваленъ бумагами и дѣлами; любить тебя есть ему время, а писать къ тебѣ—наврядъ.

1824.

Л. С. Пушкину. *Одесса, январь* —Такъ какъ я дождался оказіи, то и буду писать тебѣ спустя рукава. Н. Раевскій здѣсь. Онъ о тебѣ привезъ мнѣ недостаточныя извѣстія; зачѣмъ ты съ нимъ чинился и не поѣхалъ по-видаться со мною? денегъ не было? послѣ бы сочлись, а иначе, Богъ знаетъ, когда сойдемся. Ты знаешь, я дважды просилъ Ивана Ивановича о своемъ отпускѣ чрезъ его м—ровъ и два раза воспослѣдовалъ всемилостивѣйшій отказъ. Осталось одно — писать прямо на его имя: такому-то въ З. Д., что напротивъ П. К., не то взять тихонько трость и шляпу и поѣхать по-смотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпежь. *Ubi bene, ibi patria.* А мнѣ *bene* тамъ, гдѣ растетъ тринѣтрава, братцы! Были бы деньги, а гдѣ мнѣ ихъ взять? Что до славы, то ею въ Россіи мудроно довольствоваться. Русская слава можетъ льстить какому-нибудь В. Козлову, которому льстятъ и петербургскія знакомства, а человѣкъ немного порядочный презираетъ и тѣхъ, и другихъ. *Mais pourquoi chantais-tu?* На сей вопросъ Ламартина отвѣчаю—я пѣлъ, какъ булочникъ печеть, портной шьетъ, Козловъ пишетъ, лекаръ морить—за деньги, за деньги, за деньги: таковъ я въ наготѣ моего цинизма. Плетневъ пишетъ мнѣ, что „Бахчисарайскій Фонтанъ“ у всѣхъ въ рукахъ. Благодарю васъ, друзья

мои, за ваше милостивое попеченіе о моей сла-
вѣ! благодарю въ особенности Тургенева,
моего благодѣтеля; благодарю Воейкова, мо-
его высокаго покровителя и знаменитаго друга!
остається узнать, раскупится ли хоть одинъ эк-
земпляръ печатный тѣми, у которыхъ есть пол-
ныя рукописи; но это бездѣлица — поэтъ не дол-
женъ думать о своемъ пропитаніи и долженъ,
какъ Корниловичъ, писать съ надеждою со-
рвать улыбку прекраснаго пола. Душа моя, меня
тошнитъ съ досады — на что ни взгляну, все
такая гадость, такая подлость, такая глупость.
Долго ли этому быть? Кстати о гадости — чи-
талъ я „Федору“ Лобанова (Федра трагедія Ра-
сина, переведенная М. Лобановымъ. Спб. 1823) — хо-
тѣлъ писать на нее критику, не ради Лоба-
нова, а ради маркиза Расина — перо вывалилось
изъ рукъ — и объ этомъ у васъ шумять, и это
называютъ ваши журналисты прекраснѣйшимъ
переводомъ извѣстной трагедіи г. Расина!
Voulez-vous découvrir la trace de ses pas —

падѣшься найти

Тезея жаркій слѣдъ, плъ темные пути —

м... его въ рѣчю! вотъ какъ все переведено.
А чѣмъ и держится Иванъ Ивановичъ Расинъ,
какъ не стихами, полными смысла, точности и
гармоніи! Планъ и характеръ „Федры“ — верхъ
глупости и ничтожества въ изобрѣтеніи; Тезей
не что иное, какъ первый Мольеровъ рогащъ;
Ипполитъ, *le superbe, le fier Hippolyte et même
un peu farouche*, Ипполитъ, суровый скиѣскій
выб..., — не что иное, какъ благовоспитанный
мальчикъ, учтивый и почтительный —

Un mensonge si noir... и проч.

Прочти всю эту хваленую тираду, и удосто-
вѣришься, что Расинъ понятія не имѣлъ объ
созданіи трагическаго лица: сравни его съ рѣчью

молодого любовника Паризины Байроновой — увидишь разницу умовъ. А Терамень, аббатъ и сводникъ — *vous m'ôte où seriez vous etc...* — вотъ глубина глупости! Съ Рылѣвымъ мирюсь. „Войнаровскій“ полонъ жизни. Что Кюхля? Дельвигу буду писать; но если не успѣю, скажи ему, чтобъ онъ взялъ у Тургенева „Олега Вѣщаго“ и напечаталъ. Можетъ быть, я ему приплю отрывки изъ „Онѣгина“; это — лучшее мое произведеніе. Не вѣрь Н. Раевскому, который бранить его — онъ ожидалъ отъ меня романтизма, напелъ сатиру и цинизмъ, и порядочно не расчухалъ.

А. А. Бестужеву. — *Одесса, 12 января.* — Конечно, я на тебя сердитъ и готовъ, съ твоего позволенія, браниться хоть до завтра. Ты напечаталъ именно тѣ стихи, объ которыхъ именно я просилъ тебя: ты не знаешь, до какой степени это мнѣ досадно. Ты пишешь, что безъ трехъ послѣднихъ стиховъ элегія не имѣла бы смысла. Великая важность! а какой же смыслъ имѣеть: Какъ ясной влагою полубогиня грудь вздымала или: съ болѣзнью и тоской твои глаза? и проч. Я давно уже не сержусь за опечатки, но встарину мнѣ случалось забалтываться стихами, и мнѣ грустно видѣть, что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли, ни бѣдной собственности! Это простиительно Воейкову, но *et tu autem Brute*.

Гнѣдичъ шутитъ со мной шутки въ другомъ родѣ. Онъ разгласилъ, будто бы всѣ новые стихи, обѣщанные мною Толстому, проданы уже ему, Гнѣдичу. Толстой написалъ мнѣ письмо пресухое, въ которомъ онъ справедливо жалуется на мое легкомысліе, отказался отъ изданія моихъ стихотвореній, уѣхалъ въ Парижъ и объ

немъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Онъ переписывается съ тобою въ Сынѣ Отечества; напиши ему слово обо мнѣ, оправдай меня въ его глазахъ, да пришли его адресъ.

Повторяю тебѣ въ послѣдній разъ мои нени и просьбы и обвиняю тебя sans gancine и съ благодарностью за все остальное прозу и стихи. Ты—все ты, т. е. милъ, живъ, уменъ; Баратынский—прелесть и чудо. Признаніе—совершенство! Послѣ него никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы наборщикъ клялся мнѣ Евангеліемъ поступить со мною милостивѣе. Рылѣева Войнаровскій несравненно лучше всѣхъ его Думъ: слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти еще нѣтъ. Дельвигъ—молодецъ. Я буду ему писать... Готовъ христоваться съ тобою стихами, но сдѣлай милость... пощади! Прощай, мой милый Walter. Туманскаго вчера и сегодня я не видалъ и письма твоего не отдалъ. Онъ славный малый, но какъ поэтъ я не люблю его. Дай Богъ ему премудрости. — А. Пушкинъ.

Ө. В. Булгарину.—Одесса, 1 февраля. — Вы очень меня обяжете, если помѣстите въ своихъ „Листкахъ“ здѣсь прилагаемыя двѣ пьесы. Онѣ были съ ошибками напечатаны въ Полярной Звѣздѣ, отчего въ нихъ и нѣтъ никакого смысла. Это въ людяхъ бѣда не большая, но стихи—не люди. Свидѣтельствую вамъ искреннее почтеніе.

А. А. Бестужеву.—Одесса, 8 февраля. — Ты не получилъ, видно, письма моего. Не стану повторять то, чего довольно и на одинъ разъ. О твоей повѣсти („Замкъ Нейгаузенъ“) въ Полярной Звѣздѣ скажу, что она не въ примѣръ лучше (т. е. занимательнѣе) тѣхъ, которыя были напе-

чатаны въ прошломъ годѣ, *et c'est beaucoup dire*. Корниловичъ—славный малый и много обѣщаетъ, но зачѣмъ пишетъ онъ: для снисходительнаго вниманія, милостивый государь NN ожидаетъ одобрительной улыбки прекраснаго пола, для продолженія любопытныхъ своихъ трудовъ? Все это старо, не нужно и слишкомъ уже пахнетъ Шаликовскою невинностью. Булгаръ говоритъ, что Бестужевъ отличается „новостію мыслей“; можно бы съ большимъ уваженіемъ употреблять слово „мысли“.

Арабская сказка (О. И. Сенковского) — прелесть. Совѣтую тебѣ держать за воротъ этого Сенковского. Между поэтами не вижу Гнѣдича — это досадно; нѣтъ и Языкова — и его жаль. Похабный мадригалъ А. Родзянки можно бы оставить покойному Нахимову. „Вчера люблю и мыслю“ помѣстятъ современемъ въ грамматику для примѣра безсмыслицы. Плетнева Родина хороша; Баратынскій — чудо; мои пьесы плохи. Вотъ тебѣ и все о Полярной.

Радуюсь, что мой Фонтанъ шумитъ. Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи рассказъ молодой женщины:

*Aux douces loix des vers je j'liais les accents
De sa bouche aimable et naïve.*

Впрочемъ я писалъ его единственно для себя, а напечаталъ потому, что деньги были нужны.

Третій пунктъ, и самый нужный, съ эпиграфомъ: безъ церемоніи. Ты требуешь отъ меня десятка пьесъ, какъ будто у меня ихъ сотни. Едва ли наберу ихъ и пятокъ, да и то не забудь моихъ отношеній съ цензурой. Даромъ у тебя братъ денегъ не стану; къ тому же, я обѣщалъ Кюхельбекеру, которому вѣрно мои стихи нужныѣе, нежели тебѣ. — Объ моей поэзіи (Евгевій Оаѳгивъ) нечего и думать. Если когда

нибудь она и будетъ напечатана, то вѣрно не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ.

Прощай, поклонъ Рылѣву, обними Дельвига, брата и братью.

Мн. П. А. Вяземскому.—Одесса, 8 марта.--
Отъ всего сердца благодарю тебя, милый европеецъ, за неожиданное посланіе или посылку. Начинаю почитать нашихъ книгопродавцевъ и думать, что ремесло наше, право, не хуже другого. Одно меня затрудняетъ: ты продалъ все изданіе за 3000 р., а сколько же стоило тебѣ его напечатать? Ты все-таки даришь меня, безсовѣстный! Ради Христа, вычти изъ остальныхъ денегъ, что тебѣ слѣдуетъ, да пришли ихъ сюда. Росту имъ не зачѣмъ. А у меня имъ не залежаться, хоть я, право, не мотъ. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму. Благо, я не принадлежу къ нашимъ писателямъ 18 вѣка: я пишу для себя, а печатаю для денегъ, а ничуть не для улыбки прекраснаго пола.

Жду съ нетерпѣніемъ моего Фонтана, т. е. твоего предисловія. Недавно прочелъ я твои давнишнія замѣчанія на Булгарина: это — лучшая изъ твоихъ полемическихъ статей. „Жизнь Дмитріева“ еще не видалъ; но, милый, грѣхъ тебѣ унижать нашего Крылова. Твое мнѣніе должно быть закономъ въ нашей словесности, а ты по непростительному пристрастію судишь вопреки своей совѣсти и покровительствуешь чортъ знаетъ кому. И что такое Дмитріевъ? Всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова, всѣ его сатиры одного изъ твоихъ посланій, а все прочее — перваго стихотворенія Жуковскаго. Ты его когда-то называлъ *le poète de notre civilisation*. Быть такъ, но хороша наша *civilisation*!

Твое порученіе отыскать тебѣ домъ обрадо-

вало меня несказанно. Дѣло не къ спѣху, однако изволь изъяснить мнѣ потолковѣе, что такое: въ началѣ лѣта и недорого. Левъ Нарышкинъ, съ которымъ я ужъ объ этомъ говорилъ, уѣзжаетъ въ чужіе края въ началѣ лѣта. Онъ нанимаетъ здѣсь домъ за 500 р. въ мѣсяцъ, а дачу не очень помню за сколько. Я бы совѣтовалъ тебѣ для дѣтей нанять дачу, потому что въ городѣ пыль несносна. Буду еще хлопотать; впрочемъ, твоего слишкомъ дорого не понимаю; ты деньги все въѣдъ истратишь, если не на то, такъ на другое. Жду отвѣта. Сергѣя Волконскаго здѣсь еще нѣтъ.

Неизвѣстному лицу въ Москвѣ. — *Одесса, мартъ.* — ...Читая Библию, святой духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. Ты хочешь узнать, что я дѣлаю? — Пишу цѣстрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чистаго аэеизма. Здѣсь англичанинъ, глухой философъ, единственный умный аеей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ исписалъ листовъ тысячу, чтобъ доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent créateur et régulateur, мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе всего правдоподобная.....

Кн. П. А. Вяземскому. — *Одесса, мартъ — апрѣль.* — Сейчасъ возвратился изъ Кишинева и нахожу письма, посылки и Бахчисарай. Не знаю какъ тебя благодарить. „Разговоръ“ (предисловіе) прелесть: какъ мысли, такъ и блистательный образъ ихъ выраженія. Сужденія неоспоримы. Слогъ твой чудно шагнулъ впередъ. Недавно прочелъ я и жизнь Дмитріева.

Все, что въ ней разсужденіе—прекрасно. Но эта статья—*tout de force et affaire de parti*. Читая твои критическія сочиненія и письма, я и самъ собрался съ мыслями и думаю надняхъ написать кое-что о нашей бѣдной словесности, о вліяніи Ломоносова, Карамзина, Дмитріева и Жуковскаго. Авось и тисну. Тогда *du choc des opinions jaillira de l'argent*. Знаешь ли что? Твой Разговоръ болѣе писанъ для Европы, чѣмъ для Руси. Ты правъ въ отношеніи романтической поэзіи. Но старая классическая, на которую ты нападаешь, полно, существуетъ ли у насъ? Это еще вопросъ. Повторяю тебѣ передъ евангеліемъ и святымъ причащеніемъ, что Дмитріевъ, не смотря на все старое свое вліяніе, не имѣетъ, не долженъ имѣть болѣе вѣсу, чѣмъ Херасковъ или дядя Василь. Развѣ онъ одинъ представляетъ въ себѣ классическую нашу словесность, какъ Мордвиновъ заключаетъ въ себѣ одномъ всю русскую оппозицію? И чѣмъ онъ классикъ? Гдѣ его трагедіи, поэмы дидактическія или эпическія? Развѣ классикъ въ посланіяхъ къ Сѣвериной, да въ эпиграммахъ, переведенныхъ изъ Гишара? — Мнѣнія Вѣстника Европы не можно почитать за мнѣнія; на Благонамѣренный сердиться невозможно. Гдѣ же враги романтической поэзіи? Гдѣ столбы классической?! Обо всемъ этомъ поговоримъ на досугѣ. Теперь поговоримъ о дѣлѣ, т. е. о деньгахъ. Сл нинѣ предлагаетъ мнѣ за Онѣгина, сколько я хочу. Какова Русь! Да она въ самомъ дѣлѣ въ Европѣ. А я думалъ, что это ошибка географовъ. Дѣло стало за цензурой; а я не шучу, потому что дѣло идетъ о будущей судьбѣ моей, о независимости, мнѣ необходимой. Чтобъ напечатать Онѣгина, я въ состояніи... Какъ бы то ни было, готовъ хоть въ петлю. Кюхельбекеру, Матюш-

кину, Верстовскому усердный мой поклонъ. Буду немедленно имъ отвѣчать. Брата я пожурить за рукописную извѣстность Бахчисарая. Каковъ Булгаринъ и вся братія! Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники. Прости, душа, да пришли мнѣ денегъ. Ты не понялъ меня, когда я говорилъ тебѣ объ оказіи. — Почтъейстеръ мнѣ въ долгъ вѣрять, да мнѣ не вѣрится.

Л. С. Пушкину. — *Одесса, 1 апрѣля.* — Вотъ, что пишетъ ко мнѣ Вяземскій:

„Въ Благонамѣренномъ читалъ я, что въ какомъ-то ученомъ обществѣ читали твой „Фонтанъ“ еще до напечатанія. На что это похоже? и въ Петербургѣ ходятъ тысячи списковъ съ него—кто же послѣ будетъ покупать; я на совѣсти грѣха не имѣю, и проч.“

Ни я. Но мнѣ скажутъ: а какое тебѣ дѣло? Вѣдь ты взялъ свои 3000 руб., а тамъ хоть трава не рости. Все такъ, но жаль, если книгопродавцы, въ первый разъ поступившіе по-европейски, обдернутся и останутся въ пакладѣ—да впередъ невозможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барышемъ. Такимъ образомъ обязанъ я за все, про все — друзьямъ моей славы—чортъ ихъ возьми и съ нею; тутъ смотри, какъ бы съ голоду не околѣть, а они кричатъ: слава! Видишь, душа моя, мнѣ на всѣхъ васъ досадно; требую отъ тебя одного: наиши мнѣ, какъ „Фонтанъ“ расходится—или заишусь въ гр. Хвостовы и самъ раскуплю : оловину изданія. Что это со мною дѣлаютъ журналисты! Булгаринъ хуже Воейкова: какъ можно печатать партикулярныя письма—мало ли что мнѣ приходится на умъ въ дружеской перепискѣ, а имъ бы все и печатать—это разбой; рѣшено: прерываю со всѣми переписку—не хочу съ ними имѣть ничего общаго. А они глухо

ругай или глупо хвали меня — мнѣ все равно: ихъ ни въ грошъ не ставлю, а публику считаю наравнѣ съ книгопродавцами — пусть покупаютъ и врутъ, что хотятъ. — А. II.

PS. Письмо это доставить тебѣ С е н я в и н ъ, адъютантъ гр. Воронцова, славнѣйшій малый, мой пріятель; онъ доставитъ тебѣ обо мнѣ всѣ свѣдѣнія, которыхъ только пожелаешь. — Мнѣ сказывали, что ты будто собираешься ко мнѣ; куда тебѣ! Развѣ на казенный счетъ, да въ сопровожденіи жандарма. Пиши мнѣ. Ни ты, ни отецъ ни словечка не отвѣчае те мнѣ на мои элегическіе отрывки, денегъ не шлете, а подрываетъ мой книжный торгъ — куда хорошо!

А. И. Казначееву (правитель канцеляріи гр. Воронцова). *Одесса, 25 мая.* — Почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ! Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ — не знаю въ правѣ ли отозваться на предписаніе его сіятельства (гр. Воронцова). Какъ бы то ни было, надѣюсь на вашу снисходительность и приѣмлю смѣлость объясниться откровенно насчетъ моего положенія.

Семь лѣтъ я службою не занимался, не написалъ ни одной бумаги, не былъ въ сношеніи ни съ однимъ начальникомъ. Эти семь лѣтъ, какъ вамъ извѣстно, вовсе для меня потеряны. Жалобы съ моей стороны были бы не у мѣста. Я самъ заградилъ себѣ путь и выбралъ другую цѣль. Ради Бога, не думайте, чтобъ я сталъ смотрѣть на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ рѣмача, или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка; оно, просто, мое ремесло. отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость. Думаю, что графъ Воронцовъ не захочетъ меня лишить ни того, ни другого.

Мнѣ скажутъ, что я, получая 700 рублей, обязанъ служить. Вы знаете, что только въ Москвѣ или въ Петербургѣ можно вести книжный торгъ, ибо только тамъ находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно долженъ отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній, единственно по той причинѣ, что нахожусь за 2000 верстъ отъ столицъ. Правительству угодно вознаграждать нѣкоторымъ образомъ мои утраты: я принимаю эти 700 руб. не такъ, какъ жалованье чиновника, но какъ паекъ ссылочнаго невольника. Я готовъ отъ нихъ отказаться, если могу быть властенъ въ моемъ времени и занятіяхъ. Вхожу въ эти подробности, потому что дорожу мнѣніемъ гр. Воронцова, такъ-же какъ и вашимъ, какъ и мнѣніемъ всякаго честнаго человѣка.

Повторяю здѣсь то, что уже извѣстно графу Михаилу Семеновичу. Если бы я хотѣлъ служить, то никогда бы не выбралъ себѣ другого начальника кромѣ его сіятельства; но чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался отъ всѣхъ выгодъ службы и отъ всякой надежды на дальнѣйшіе успѣхи въ оной.

Знаю, что довольно этого письма, чтобы меня, какъ говорится, уничтожить. Если графъ прикажетъ подать въ отставку—я готовъ, но чувствую, что, перемѣнивъ мою зависимость, я много потеряю, а ничего выиграть не надѣюсь.

Еще одно слово: вы, можетъ быть, не знаете, что у меня аневризмъ. Вотъ уже восемь лѣтъ, какъ я ношу съ собою смерть... Могу представить свидѣтельство какого угодно доктора. Уже ли нельзя оставить меня въ покоѣ на остатокъ жизни, которая вѣрно не продлится?

Свидѣтельствую вамъ глубочайшее почтеніе и сердечную преданность.

Н. А. Казначееву (черновое, по-французски)
Одесса, июнь.—Весьма сожалѣю, что увольненіе мое причиняетъ вамъ столько заботъ, и искренно тронуть вашимъ участіемъ. Что касается до опасеній за послѣдствія, какія могутъ возникнуть изъ этого увольненія—я не могу считать ихъ основательными. О чемъ мнѣ сожалѣть? Не о моей ли потерянной карьерѣ? Но у меня было довольно времени, чтобы свыкнуться съ этой идеей. Не о моемъ ли жалованьи? Но мои литературныя занятія доставятъ мнѣ гораздо болѣе денегъ, чѣмъ занятія служебныя. Вы мнѣ говорите о покровительствѣ и дружбѣ—двухъ вещахъ, по моему мнѣнію, несоединимыхъ. Я не могу, да и не хочу напрашиваться на дружбу съ гр. Воронцовымъ, а еще менѣе на его покровительство (мое уваженіе къ этому человѣку не дозволитъ мнѣ упизиться предъ нимъ). Ничто такъ не позоритъ человѣка, какъ протекція. Я имѣю своего рода демократическіе предразсудки, которые, думаю, стоятъ предразсудковъ аристократическихъ. Я жажду одного—независимости (простите мнѣ это слово ради самаго понятія). Я надѣюсь обрѣсти ее съ помощью мужества и постоянныхъ усилій. Вотъ ужъ я усилъ побѣдить мое отвращеніе—писать и продавать стихи ради насущнаго хлѣба. Стихи, разъ мною написанные, ужъ кажутся мнѣ товаромъ, по столько-то за штуку. Не понимаю ужаса моихъ друзей (мнѣ не совсѣмъ ясно, что такое мои друзья). Мнѣ только становится не въ мочь зависѣть отъ хорошаго или дурного пищеваренія того или другого начальника; мнѣ надоѣло видѣть, что меня въ моемъ отечествѣ принимаютъ хуже, чѣмъ какого-нибудь британскаго молокососа, который пріѣзжаетъ къ намъ расточать свою пошлость и безпечную болтовню. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что гр. Р-

ронцовъ, будучи умнымъ человекомъ, съумѣетъ повредить мнѣ во мнѣніи публики, но я оставляю его въ покоѣ наслаждаться триумфомъ, потому что такъ же мало дѣлю общественное мнѣніе, какъ и восторги нашихъ журналистовъ.

Л. С. Пушкину. *Одесса. 12 іюня.* Ты спрашиваешь моего мнѣнія насчетъ болгаринскаго вранья—чортъ съ нимъ. Охота тебѣ связываться съ журналистами на словахъ, какъ Вяземскому на письмѣ. Должно имѣть уваженіе къ самому себѣ. Ты, Дельвигъ и я можемъ всѣ трое плюнуть на сволочь нашей литературы—вотъ тебѣ и весь мой совѣтъ. Напиши мнѣ лучше что нибудь о „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“—выйдутъ-ли и когда выйдутъ? Съ перемѣною министерства ожидаю и перемѣны цензуры. А жаль... la soupe était pleine. Бруковъ и Красовскій не въ терпежъ были глупы, своенравны и притѣснительны. Это долго не могло продлиться. На какомъ основаніи началъ свои дѣйствія дѣдушка Шишковъ? Не запретилъ ли онъ Бахчисарайскій Фонтанъ изъ уваженія къ святынѣ академическаго словаря и неблажно составленному слову в о д о м е т ъ? Шутки въ сторону—ожидаю добра для литературы вообще, и посылаю ему лобзаніе не яко Іударзамасецъ, но яко разбойникъ-романтикъ. Попытаюсь толкнуться къ вратамъ цензуры съ первою главой или пѣснью „Онѣгина“. Авось пролѣзетъ. Ты требуешь отъ меня подробностей объ „Онѣгинѣ“ скучно, душа моя. Въ другой разъ когда-нибудь. Теперь я ничего не пишу: хлопоты другого рода. Неприятности всякаго рода; скучно и пыльно. Сюда пріѣхала кн. Вѣра Вяземская, добрая и милая баба; но мужъ былъ бы я больше радъ. Жуковскаго я по-

лучилъ. Славный былъ покойникъ, дай Богъ ему царство небесное! Слушай, душа моя, деньги мнѣ нужны. Продай на годъ „Кавказскаго Пльнника“ за 2000 р., кому бишь? Вотъ перемѣны:

И путникъ оживаетъ—и плѣнникъ. Остановлялъ онъ долго взоръ—вперялъ онь любопытный взоръ. И уповательнымъ мечтамъ—и уонительнымъ. Не много... ей дней н очей—ради Бога. Прощай.

Кн. П. А. Вяземскому. *Одесса, 13—14 іюля.*— Я ждалъ отъѣзда Трубедкого, чтобъ писать тебѣ спустя рукава. Начну съ того, что всего ближе касается до меня. Я поссорился съ Воронцовымъ и завелъ съ нимъ полемическую переписку, которая кончилась съ моей стороны просьбою въ отставку. Но чѣмъ кончатъ власти, еще неизвѣстно. Покажѣсть не говори объ этомъ никому. А у меня голова кругомъ идетъ. По твоимъ письмамъ къ кн. Вѣрѣ (В. О. Вяземская) вижу, что и тебѣ кюхельбекерно и тошно. Тебѣ грустно по Байронѣ, а я такъ радъ его смерти, какъ высокому предмету для поэзіи. Геній Байрона блѣднѣлъ съ его молодостію. Въ своихъ трагедіяхъ, не выключая и Кавна, онъ уже не тотъ пламенный демонъ, который создалъ Гаура и Чайльдъ Гарольда. Первые двѣ пѣсни Донъ-Жуана выше слѣдующихъ. Его поэзія видимо измѣнялась. Онъ весь созданъ былъ навыворотъ. Постепенности въ немъ не было; онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ—пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже ему не возвратились. Послѣ 4-й пѣсни Child-Harold, Байрона мы не слышали, а писалъ какой-то другой поэтъ съ высокимъ чело-вѣческимъ талантомъ. Твоя мысль восцѣтъ его

смерть въ 5-й пѣсни его героя прелестна, но мнѣ не по силамъ. Греція мнѣ огадила. О судьбѣ грековъ позволено разсуждать, какъ о судьбѣ моей братии-негровъ. Можно тѣмъ и другимъ желать освобожденія отъ рабства нестерпимаго, но чтобы всѣ просвѣщенные европейскіе народы бредили Греціей—это непростительное ребячество. Іезуиты натолковали намъ о Θεμιστοκλῆς и Περικλῆς, и мы вообразили, что пакостный народъ, состоящій изъ разбойниковъ и лавочниковъ, есть законнорожденный ихъ потомокъ и наслѣдникъ ихъ школьной славы. Ты скажешь, что я перемѣнилъ свое мнѣніе. Пріѣхалъ бы ты къ намъ въ Одессу посмотрѣть на соотечественниковъ Μιλτιάδα, и ты бы со мною согласился. Да посмотри, что писалъ назадъ тому вѣсколькѣ лѣтъ самъ Байронъ въ замѣчаніяхъ на Child Harold, тамъ, гдѣ онъ ссылается на мнѣніе Фовеля, французскаго консула, помнится, въ Смирнѣ. Обѣщаю тебѣ однакожь вирши на смерть его превосходительства.

Хотѣлось бы мнѣ съ тобою поговорить о перемѣнѣ министерства. Что ты объ этомъ думаешь? Я и радъ, и нѣтъ. Давно девизъ всякаго русскаго есть: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Оппозиція русская, составившаяся, благодаря русскаго Бога, изъ нашихъ писателей, какихъ бы то ни было, приходила уже въ какое-то нетерпѣніе, которое я изподтишка поддразнивалъ, ожидая чего нибудь. А теперь, какъ только позволять NN говорить своей любовницѣ, что она божественна, что у ней очи небесныя, и что любовь есть священное чувство,—вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдутъ вратъ своимъ чередомъ, чины своимъ чередомъ, Русь своимъ чередомъ. Съ другой стороны деньги, Онѣгинъ, святая заповѣдь Корана—вообще мой

эгоизмъ. Еще слово. Я позволилъ брату продать второе изданіе *Кавказскаго Пляника*. Деньги были нужны, а (какъ я говорилъ) 3-е изданіе отъ насъ не уйдетъ. Да ты пакостишь со мною: даришь меня и связываешься чортъ знаетъ съ кѣмъ. Ты вздорный издатель; а Гнѣдичъ, хоть и невыгодный пріятель, за то ужъ копѣйки не подаритъ и смирно себѣ сидитъ, не бранясь ни съ Каченовскимъ, ни съ Дмитриевымъ.—А. II.

Пришли же и ты мнѣ стиховъ.

А. А. Бестужеву. *Одесса, 29 іюня.*—Милый Бестужевъ, ты ошибся, думая, что я сердить на тебя—лѣнь одна мнѣ помѣшала отвѣчать на твое послѣднее нисъмо (другого я не получалъ). Булгаринъ другое дѣло. Съ этимъ человекомъ опасно переписываться. Гораздо веселѣе его читать. Посуди самъ: мнѣ случилось когда-то быть влюблену безъ памяти; я обыкновенно въ такомъ случаѣ пишу элегіи, какъ другой. Но пріятно ли вывѣшивать на показъ... свои....? Богъ тебя простить, но ты осрамилъ меня въ нынѣшней „Звѣздѣ“, напечатавъ три послѣдніе стиха моей элегіи.—Чортъ дернулъ меня написать еще некстати *Бахчисарайскомъ Фонтанѣ* какія-то чувствительныя строчки и припоминать тутъ же элегическую мою красавицу.—Вообрази мое отчаяніе, когда я увидѣлъ ихъ напечатанными! Журналъ можетъ попасть въ ея руки; чтожъ она подумаетъ, видя, съ какой охотою бесѣдую объ ней съ „однимъ изъ петербургскихъ моихъ пріятелей?“ Обязана ли она знать, что она мною не названа, что письмо распечатано и напечатано Булгаринымъ, что проклятая элегія доставлена тебѣ чортъ знаетъ кѣмъ, и что никто не вино-

вать? Признаюсь, одной мыслию этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики. Голова у меня закружилась, я хотѣлъ просто напечатать въ Вѣстникѣ Европы (единственный журналъ, на котораго не имѣю права жаловаться), что Булгаринъ не былъ въ правѣ пользоваться перепискою двухъ частныхъ лицъ, еще живыхъ, безъ согласія ихъ собственнаго. Но, перекрестясь, предалъ все это забвенію. Отзвонилъ и съ колокольни долой. Мнѣ грустно, мой милый, что ты ничего не пишешь. Кто жъ будетъ писать? М. Дмитріевъ, да А. Писаревъ? Хороши! Если бы покойникъ Байронъ связался браниться съ полупокойникомъ Гете, то и тутъ бы Европа не шевельнулась, чтобы ихъ сравнить, подразнить, или окатить холодной водой. Вѣкъ полемики миновалъ. Для кого же занимательно мнѣніе Дмитріева о мнѣніи Вяземскаго, или мнѣніе Писарева о самомъ себѣ? Я принужденъ былъ вмѣшаться, ибо призванъ былъ въ свидѣтели М. Дмитріевымъ, но больше не буду.

Он ѣгинъ мой растетъ, да чортъ его напечатаетъ. — Я думалъ, что цензура ваша поумнѣла при Шишковѣ; но вижу, что и при старомъ по старому. Если согласіе мое не шутя тебѣ нужно для напечатанія „Разбойниковъ“, то я его никакъ не дамъ, если не пропустятъ грезъ и харчевни (скоты! скоты! скоты!), а н..а—къ чорту его!

Кончу дружеской комиссіей — постарайся увидѣть Никиту Всеволожскаго, лучшаго изъ минутныхъ друзей моей минутной молодости. Напомни этому милому безпамятному эгоисту, что существуетъ пѣкто А. Пушкинъ, такой же эгоистъ и пріятный стихотворецъ. — Онъ Пушкинъ продалъ ему когда-то собраніе своихъ

стихотвореній за 1000 р. асс. Нынѣ за ту же цѣну хочеть у него ихъ купить. — Согласится ли Ариштицъ Всеволодовичъ? Я бы въ придачу предложилъ ему мою дружбу, *mais il l'a depuis longtemps, d'ailleurs ça ne fait que 1000 roubles.* Покажи ему мое письмо. — Мужайся, дай отвѣтъ скорѣй, какъ говорятъ Богъ Иова или Ломоносова.

Н. В. Всеволожскому (черновое). *Одесса, июль.* — Не могу повѣрить, чтобы ты забылъ меня, милый Всеволожскій, — ты помнишь Пушкина, проведеннаго съ тобою столько веселыхъ часовъ, — Пушкина, котораго ты видалъ и пьянаго и влюбленнаго, не всегда вѣрнаго твоимъ субботамъ, но неизмѣннаго твоего товарища въ театрѣ, на персянка твоихъ шалостей; того Пушкина, который отрезвилъ тебя въ страстную пятницу и привелъ тебя подъ руку въ церковь..., да помолишься Господу Богу и насмотришься на Вышлаго Господа... Сей самый Пушкинъ честь имѣеть напомнить тебѣ о своемъ существованіи и приступаетъ къ нѣкоторому дѣлу, близко до него касающемуся. Помнишь ли ты, что я тебѣ полупродалъ, полу-проигралъ рукопись своихъ стихотвореній, ибо знаешь... родить задоръ... Я раскался, но поздно. Нынѣ рѣшился я исправить свои погрѣшности, начиная съ моихъ стиховъ; большая часть ихъ ниже посредственности, годится только на...; нѣкоторые хочеть мнѣ спасти. Царь не боится свободы. Продай мнѣ назадъ мою рукопись за ту же цѣну — 1000 р. (я знаю, что ты со мной торговаться не станешь, даромъ же взять не захочу). Деньги тебѣ доставлю съ благодарностью, какъ скоро выручу... Надѣюсь, что мои стихи у Смирдина не залежатся. Передумаи и дай отвѣтъ. Обнимаю тебя..., обнимаю и прошу.. когда не свидимся..

А. Н. Раевскому (черновое). *Одесса, июль.*—
 Съ удивленіемъ услышалъ я, что ты считаешь
 меня врагомъ освобождающейся Греціи и по-
 борникомъ турецкаго рабства. Видно, слова
 мои были тебѣ странно перетолкованы, но что бѣ
 тебѣ ни говорили, ты не долженъ былъ вѣрить,
 чтобы когда нибудь сердце мое не доброжела-
 тельствовало благороднымъ усиліямъ возрож-
 дающагося народа. Жалѣю, что принужденъ
 оправдываться передъ тобою. Повторю и здѣсь
 то, что случилось мнѣ говорить касательно гре-
 ковъ. Исключительные люди по большей части
 самолюбивы, безпокойны, невѣжественны, упря-
 мы; старая истина, которую все таки не худо
 повторить. Они не терпятъ противорѣчія, ни-
 когда не прощаютъ неуваженія; они легко
 увлекаются пышными словами, охотно повто-
 ряютъ всякую новость, и къ ней привыкнувъ,
 уже не могутъ съ нею разстаться.

Когда что-нибудь дѣлается общимъ мнѣніемъ,
 то глупость общая вредитъ ему столько же,
 сколько и единодушіе его поддерживааетъ. Греки
 между европейцами имѣютъ гораздо болѣе вред-
 ныхъ поборниковъ, нежели благоразумныхъ
 друзей. Ничто еще не было столь н а р о д н о,
 какъ дѣло грековъ, хотя многія въ ихъ полити-
 ческомъ отношеніи были важнѣе для Европы.

А. И. Тургеневу. *Одесса, 14 июля.*—Вы ужъ
 узнали, думаю, о просьбѣ моей въ отставку; съ
 нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія своей участи и
 съ надеждою поглядываю на вашу сѣверь. Не
 странно ли, что я поладилъ съ Инзовымъ, а не
 могъ ужиться съ Воронцовымъ. Дѣло въ томъ,
 что онъ началъ вдругъ обходиться со мною съ
 непристойнымъ неуваженіемъ, я могъ дожидаться
 большихъ неприятностей и своей просьбой пред-
 упредилъ его желанія. Воронцовъ — вандалъ.

придворный хамъ и мелкій эгоистъ. Онъ видѣлъ во мнѣ коллежскаго секретаря, а я, признаюсь, думалъ о себѣ что-то другое. Старичекъ Инзовъ сажалъ меня подѣ арестъ всякій разъ, какъ мнѣ случалось побить молдавскаго боярина; правда, — по за то добрый мистикъ въ то же время приходилъ меня навѣщать и бесѣдовать со мною о гишпанской революціи. Не знаю, Воронцовъ посадилъ ли бы меня подѣ арестъ, но ужъ вѣрно не пришелъ бы ко мнѣ толковать о конституціи кортесовъ. Удаляюсь отъ зла и сотворю благо: брошу службу, займусь риемой. Зная старую вашу привязанность къ шалостямъ окаянной музы, я было хотѣлъ прислать вамъ вѣсколько строфъ моего Оиѣгипа, да лѣнь. Не знаю, пустятъ ли этого бѣднаго Оиѣгипа въ небесное царствіе печати; на всякій случай, попробую. Послѣдняя перемѣна министерства обрадовала бы меня вполнѣ, если бы вы остались на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Это истинная потеря для насъ, писателей. Удаленіе Голицына едва ли можетъ ее вознаграждать. Простите, милый и почтенный! Это письмо будетъ вамъ доставлено кн. Волконской, которую вы такъ любите и которая такъ любезна. Если вы давно не видались съ ея дочерью, то вы изумитесь правотѣ и вѣрности прелестной ея головы. Обнимаю всѣхъ, то есть весьма немногихъ — цѣлую руку К. А. Карамзиной и княгинѣ Голицыной, *constitutionnelle ou anti-constitutionnelle, mais adorable, comme la liberté.* А. И.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Одесса, 15 іюля.* —
 За что ты меня бранишь въ письмахъ къ своей женѣ? За отставку, т. е. за мою независимость? За что ты ко мнѣ не пишешь? Приѣдешь ли къ намъ въ полуденную пыль? Дай Богъ! Но поладишь ли ты съ здѣшними властями? Это во-

прось, на который отвѣчать мнѣ не хочется, хоть и можно бы. Кюхельбекеръ ѣдетъ сюда. Жду его съ петербургіемъ. Да и онъ ничего ко мнѣ не пишетъ. Что онъ не отвѣчаетъ на мое письмо? Далъ ли ты ему „Разбойниковъ“ для „Мнемозины“? Я бы изъ Опѣгина переслалъ бы что-нибудь, да нельзя: все заклеяно печатью отверженія. Я было хотѣлъ сбыть съ рукъ Плѣвника, но плутня Ольдекопа мнѣ помѣшала. Онъ перепечаталъ Плѣвника, и я долженъ буду хлопотать о взысканіи по законамъ. Прощай, моя радость. Благослови, преосвѣщенный владыко Асмодей.

А. Н. Вульфъ. Михайловское, 20 сентября.

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!
 Пріѣзжай сюда зимой,
 Да Языкова поэта
 Затащи ко мнѣ съ собой
 Погулять верхомъ норой,
 Пострѣлять изъ пистолета.
 Лайонъ, мой курчавый братъ
 (Не Михайловскій приказчикъ),
 Привезетъ намъ, право, кладъ!
 Что — бутылочъ полный ящикъ.
 Запируемъ — ужъ молчи!
 Чудо — жизнь анахорета!
 Въ Троегорскомъ до ночи,
 А въ Михайловскомъ до свѣта;
 Дни — любви посвящены,
 Ночью — царствуютъ стаканы;
 Мы же — то смертельно пьяны,
 То мертвецки влюблены.

Въ самомъ дѣлѣ, милый, жду тебя съ отверстыми объятіями и съ откупоренными бутылочкамъ. — Уговори Языкова, да отдай ему мое письмо; такъ какъ я подъ строгимъ присмо-

громъ, то если вамъ обонимъ заблагоравсудится мнѣ отвѣчать, пришли въсьма подѣ двойнымъ конвертомъ на имя сестры твоей Анны Николаевны.

До свиданія, мой милый. А. П.

П. А. Плетиеву. (черновое). *Михайловское сентябрь - октябрь.*

Ты издалъ дядю моего,
Творца Опаснаго Сосѣда, —
Достойнъ очень онъ того,
Хотя покойная Весѣда
И не вѣнчала ликъ его.
Теперь издай меня, пріятель,
Плоды пустыхъ моихъ трудовъ;
Когда ты будешь свой издатель

.....

Безвѣчно и радостно полагаюсь на тебя въ отношеніи моего Онѣгина. Совови мой ареопагъ: ты, Жуковский, Вяземскій, Гнѣдичъ и Дельвигъ; отъ васъ ожидаю суда и съ покорностью приму его рѣшеніе. Жалѣю, что нѣтъ Баратынскаго; говорятъ, онъ...

Л. С. Пушкину. *Михайловское, конецъ октября.* — Братъ, ты мнѣ пришлешь нѣмецкую критику Кавказскаго Плѣнника (спросить у Греча)? Да книгъ, ради Бога, книгъ. Если гг. издатели не захотятъ удостонтъ меня присылкою своихъ альманаховъ, то скажи Слѣнину, чтобъ онъ мнѣ ихъ препроводилъ, въ томъ числѣ и „Талию“ (альманахъ Булгарина). Кстати о талии: надняхъ я мѣрялся поясомъ съ Евпраксією (Вульфъ), и талии наши нашлись одинаковы. Слѣдственно, изъ двухъ одно: или я имѣю талию 15-тигѣтней дѣвушки, или она — талию 25-тигѣтнаго мужчины. Евпраксія дуется

и очень мила, съ Анеткою бранюсь; надоѣла! Еще комисси: пришли мнѣ рукописную мою книгу, да портретъ Чадаева, да перстенъ мнѣ грустно безъ него; рискни съ Михайломъ. Надѣюсь, что разбойники тебя не ограбили. NB. Какъ можно ѣздить безъ оружія! Это и въ Азіи не дѣлается. Что „Онѣгинъ?“ Пере-мѣни стихъ: звонокъ раздался—поставь: „швейцара мимо онъ стрѣлой“. Въ „Разговорѣ“, послѣ: Искалъ внимаѣе красоты—нужно непременно:

Глаза прелестныя читали
 Меня съ улыбкою любви,
 Уста волшебныя шептали
 Мнѣ звуки сладкіе мои.

Не забудь Фонтъ-Визина писать Фонтъ-Визинъ. Что онъ за нехристь? Онъ русскій, изъ перерусскихъ русскій. Здѣсь слышно, будто губернаторъ приглашаетъ меня во Псковъ. Если не получу особеннаго повелѣнія, вѣрно я не тронусь съ мѣста. Развѣ выгонятъ меня отецъ и мать. Впрочемъ, я всего ожидаю. Однако цоговори, заступникъ мой, съ Жуковскимъ и съ Карамзинымъ. Я не прошу отъ правительства полумилостей; это было бы полумѣра, и самая жалкая. Пусть оставятъ меня такъ, пока царь не рѣшитъ моей участи. Зная его твердость и, если угодно, упрямство, я бы не надѣялся на переменную судьбу моей, но со мной онъ поступилъ не только строго, но и справедливо. Не надѣясь на его снисхожденіе, надѣюсь на справедливость его. Какъ бы то ни было, не желаю быть въ Петербургѣ, и вѣрно нога моя дома ужъ не будетъ. Сестру цѣлую очень. Друзей моихъ также—тебя въ особенности. Стиховъ, стиховъ, стиховъ! *les conversations de Byron! Walter Scott!* это пища души. Знаешь-ли мож:

занятія? до обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки — и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма! ахъ, Боже мой, чуть не забылъ! вотъ тебѣ задача: историческое, сухое извѣстіе о Стенькѣ Разинѣ, единственномъ поэтическомъ лицѣ русской исторіи.— Прощай, моя радость. Чтожъ чухонка Баратынскаго (поэма „Эда“)? Я жду.

В. А. Жуковскому. *Михайловскоз, 31 октября.*— Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи! Приѣхавъ сюда, былъ я всѣми встрѣченъ какъ нельзя лучше; но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкой, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та же участь. Пещуровъ, назначенный за мною смотрѣть, имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку; короче, быть моимъ шпиономъ. Всмыслчивость и раздражительная чувствительность отца не позволили мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу, до меня касающуюся. Наконецъ, желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно — болѣе ни слова... Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé. Жуковскій, думай о моемъ положеніи и суди. Голова моя закипѣла, когда я узналъ все это. Иду къ отцу; пахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю

тѣмъ, что говорю смуть въ послѣдній разъ...

Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ!... Потомъ, что хотѣлъ биты!...

Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ обвиненіемъ?... Рудниковъ сибирскій и лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что терпятъ за меня братъ и сестра. Еще разъ — снаси меня. — *А. П.*

Поспѣши: обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ Я съ ними не хочу объясняться. Дойдетъ до правительства; посуди, что будетъ. А на меня и суда нѣтъ. Я *hors de loi*.

P. S. Надобно тебѣ знать, что я уже писалъ бумагу къ губернатору, въ которой прошу его о крѣпости, умалчивая о причинахъ. *П. А.* Осипова, у которой пишу тебѣ эти строки, уговорила меня сдѣлать тебѣ и эту довѣренность. Признаюсь, мнѣ немного на себя досадно; да, душа моя, голова кругомъ идетъ.

Б. А. Адеркасу (псковскій губернаторъ). Михайловское, ноябрь. — Милостивый государь Борись Александровичъ! Государь императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей, думая тѣмъ облегчить ихъ горестъ и участь сына. Но важныя обвиненія правительства пали на сердце моего отца и раздражали мнительность, простибельную старости и вѣжной любви его къ прочимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь, для его спокойствія и своего собственнаго, просить его императорское величество, да соизволитъ меня перевести въ одну

изъ своихъ крѣдостей. Ожидаю сей послѣдней
многости отъ ходатайства вашего превосходительства.

Л. С. Пушкину. — Тригорское, въ началѣ
нояб., я. — Дѣла мои все въ томъ же порядкѣ; я
въ Михайловскомъ рѣдко. АINETTE очень
смѣшна; сестра расскажетъ тебѣ мои новыя
фарсы. Всѣ тамъ о тебѣ сожалеютъ; я ревную
и браню тебя — скука смертная вездѣ. Скажи
отъ меня Жуковскому, чтобъ онъ помолчалъ о
впрошествіяхъ, ему извѣстныхъ — я рѣшительно
не хочу выносить сору изъ Михайловской
избы — и ты, душа, держи языкъ на привязи.
Видѣлъ ли ты всѣхъ святыхъ? шумить ли Пи-
теръ? что твой приѣздъ и что „Опѣгипъ“?

NB. Пришли мнѣ: 1. Oeuvres de Lebrun,
odes, élégies etc. — найдешь у St-Florent, 2. стр-
выя спички, 3. карты, т. е. картежныя (объ
этомъ скажи Михайлѣ, пусть онъ ихъ держитъ
и продаетъ), 4. живень Емельки Пугачева, Пу-
тешествіе по Тавридѣ Муравьева, 5. горчицы
и сыру; но это ты и самъ мнѣ привезешь. Что
наши литературныя наны, и что сволочь? Я
тружусь во славу Корана („Подражаніе Корану“),
и написалъ еще кое-что — лѣнь прислать. Про-
шай; отвыкни современемъ отъ Напокина, отъ
Сабурова, отъ вина и отъ Воейковой — а то бу-
дешь un fréluquet, что гораздо хуже чѣмъ Mi-
gtil и godelureau dissolu. Языковъ будетъ въ
Дерптѣ не прежде января. — Всѣмъ поклонъ,
лишь же живѣе. — А. П.

PS. Братъ, вотъ тебѣ картинка для Опѣгипа — найди искусный и быстрый карандашъ.
Если и будетъ другая, такъ чтобъ все въ томъ
же мѣстоположеніи. Та же сцена, слышишь
ли? Это мнѣ нужно непременно. — Да пришли
мнѣ калоши съ Михайломъ.

Вотъ, перешедши мостъ Кокушкинъ,
 Опершись задомъ о гравитъ,
 Самъ Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
 Съ мосле Онѣгинимъ стоитъ.
 Не удостаивая вглядомъ
 Твердню власти роковой,
 Онъ къ крѣпости сталь гордо задомъ:
 Не плюй въ колодезь, милый мой!

Л. С Пушкину. *Михайловское, въ поло-*
винѣ ноября.—Скажи моему геию-хранителю,
 моему Жуковскому, что, слава Богу, все кон-
 чено Письмо мое къ Адеркасу у меня; наши,
 думаю, доѣхали, а я живъ и здоровъ. Что это
 у васъ? Потопъ! (наводненіе 7 ноября) вишто
 проклятому Петербургу! voilà une belle occa-
 sion à vos dames de faire de b—t. Жаль мнѣ
 „Цвѣтовъ“ Дельвига; да на долго ли это его
 задержать въ тинѣ петербургской? Что погре-
 ба—признаюсь, и по нихъ сердце болитъ. Не
 найдется ли между вами Ноя для насажденія
 винограда? На святой Руси не штука ходить
 нагишомъ, а хамы смѣются. Вирѣчемъ, это все
 вздоръ. А вотъ важное: тетка умерла! Ъду
 завтра въ Св. Горы и велю отпѣть молебень,
 или панихиду, смотря по тому, что дешевле.
 Думаю, что наши отправятся въ Москву; доб-
 рый путь! печатай, печатай „Онѣгина“ и съ
 „Разговоромъ“. Обними Плетиева и Гнѣ-
 ди ча; обоимъ буду писать на будущей почтѣ.
 Вотъ тебѣ, Анна Николаевна (Вульфъ на тебя
 сердита. Рокотовъ (сосѣдъ Осиповыхъ по имѣнію)
 пересказалъ Прасковѣ Александровнѣ (Оси-
 повой) твои письма въ Лубны и къ матери.
 Опять сплетни! и ты хрощъ! Все-таки она при-
 казалла тебя, пустельга, расцѣловать. Евпраксія
 уморительно смѣшна; я предлагаю ей завести

съ тобою философическую переписку. Она все завидуешь сестрѣ, что та пишетъ и получаетъ письма. Отправь съ Михайломъ все, что уцѣлѣло отъ Александрійскаго пожара, да книги, о которыхъ упоминаю въ письмѣ съ сестрой. Библию, библию! и французскую непременно. Образъ жизни моей все тотъ же: стиховъ не пишу, продолжаю свои записки, да читаю Кларису — мочи нѣтъ, какая скучная дура! Жду твоихъ писемъ; что Всеволожскій, что моя рукопись, что письмо мое къ кн. В. Ѳ. (Одоевскому). Будетъ ли картина у „Онѣгина“? Что дѣлаютъ Полярные господа (Рылѣевъ и Бестужевъ, изгнатели «Полярной Звѣзды»). Что Кюхля? Прощай, душа моя, будь здоровъ и не напейся вьянъ, какъ Ной, послѣ своего потопа.

НВ. Я очень радъ этому потопу, потому что возлѣ. У васъ будетъ голодъ, слышишь-ли? Торопи Дельвига, присылай мнѣ чухонку Баратынскаго, не-то прокляну тебя. Скажи сестрѣ, что я получилъ письмо къ ней отъ милой кузины графини Ивеличъ (Екатерина Марковна) и распечаталъ, полагая, что оно столько же отвѣтъ мнѣ, какъ и ей. Объявленіе о потопѣ, о Колосовой, умъ, любезность и все тутъ. Поцѣлуй ее за меня, т. е. сестру Ольгу, а гр. Екатеринѣ дружеское рукожатіе. Скажи Сабурову, чтобъ онъ не дурачился, усовѣсти его. Письма же ко мнѣ.

Ахъ, милый, богатая мысль! распечаталъ нарочно. Вѣрно есть бочки, *pro fas et nefas* продающіяся въ Петербургѣ, — купи, что можно будетъ, подешевле и получше. Этотъ потопъ — оказія.

В. А. Жуковскому. — *Михайловское, 24 ноября.* — Мнѣ жаль, милый, почтенный другъ, что я надѣлалъ эту всю тревогу; но что мнѣ было

дѣлать! Я сосланъ за строчку глупаго письма. Что было бы, если бы правительство узнало обвиненіе отца? Отецъ говорилъ послѣ: Дуракъ! Въ чемъ оправдывается! Да я бы связать его велѣлъ! Зачѣмъ же обвинять было сына? Да какъ онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непристойно размахивать руками? Это дѣло десятое. Да онъ убилъ отца словами... каламбуръ и только. Воля твоя, тутъ и поэзія не поможетъ!

Что-жъ, милый, будетъ ли что нибудь для моей маленькой гречанки? Она въ жалкомъ положеніи, а будущее для нея и того жалче. Дочь героя, Жуковский! она родня поэтамъ по поэзіи; но А...ъ даже не полу-герой. Мнѣ жаль, что онъ бессмертенъ твоими стихами, а дѣлать нечего.. Получилъ я вчера письмо отъ Вяземскаго уморительно смѣшное. Какъ могъ онъ на Руси сохранить свою веселость! Ты увидишь Карамзиныхъ. Тебя да ихъ люблю страстно; скажи имъ отъ меня, что хочешь.

Кн. В. Ѡ. Вяземской (черновое по франц.) Михайловское, въ ноябрь. Милая и добрая; прелестная и великодушная княгиня Вѣра, я долженъ поблагодарить васъ за ваше письмо; слова были бы слишкомъ холодны и слабы, чтобы выразить вамъ все мое умиленіе и благодарность. Ваша нѣжная дружба могла бы удовлетворить всякую душу, не зараженную эгоизмомъ въ такой сильной степени, какъ моя. Она одна служитъ мнѣ утѣшеніемъ въ моихъ невзгодахъ и одна можетъ ослабить силу тоски, свѣдающей мое глупое существованіе. Вы должны знать ее, эту глупую жизнь. Что я предвидѣлъ, то именно и случилось. Мое при-

существо въ пѣдрахъ семьи только способствовало усиленію страданій, и безъ того достаточно реальныхъ. Губернаторъ имѣлъ низость предложить моему отцу быть его агентомъ надо мною. Меня попрекаютъ за ссылку, опасаются быть замѣшанными въ мою опалу, увѣряютъ, что я проповѣдую атеизмъ сестрѣ, этому „небесному созданію“, и брату, очень смѣшному и юному субъекту, восторгавшемуся моими стихами, по который! конечно, скучаетъ со мною. Отецъ мой имѣлъ слабость принять на себя обязанность, ставящую его въ фальшивое положеніе по отношенію ко мнѣ. Вслѣдствіе этого я провожу на лошади или въ полѣ все время, когда только не лежу въ постели. Все, напоминающее море, наводитъ на меня грусть, журчанье ручья вызываетъ постоянныя страданія; я думаю, что чистое небо заставило бы меня плакать отъ злости. Но слава Богу,—небо у насъ синее, а луна—точно рѣпа.

Относительно сосѣдей, мнѣ стоило только оттолкнуть ихъ въ началѣ,—и вотъ я приобрѣлъ среди нихъ репутацію Овѣгива и сдѣлался пророкомъ у себя на родинѣ.

Единственнымъ моимъ обществомъ служить добрая старая сосѣдка, у которой я часто бываю и выслушиваю ея патриархальныя бесѣды. Ея дочери, непривлекательныя во всѣхъ отношеніяхъ, играютъ мнѣ пьесы Россини, которыя выписаны мною. Я нахожусь въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для окончанія моего поэтического романа, но скука—холодная муза, и поэма не очень-то подвигается; прилагаю обѣщанную вамъ строфу, покажите ее князю Петру, но предупредите его, чтобы онъ не судилъ по этому образчику о всей книгѣ.

Прощайте, глубокоуважаемая княгиня, и знайте, что я мысленно стою у вашихъ ногъ

*

въ грустномъ настроеніи. Покажите это письмо только тѣмъ, кого я люблю и кто интересуется мною не изъ любопытства, а изъ дружбы. Бога ради пришлите мнѣ словечко изъ Одессы о вашихъ дѣтяхъ. Совѣтывались ли вы съ докторомъ Мирэ? Какъ онъ поживаетъ, а что М...

Кн. П. А. Вяземскому. *Михайловское, 29 ноября.*— Олъдекопъ надоѣлъ. Плюнемъ на него, и квитъ. Предложеніе твое касательно моихъ элегій несбыточно, и вотъ почему: въ 1820 г. переписалъ я свое вранье и намѣренъ былъ издать его по подпискѣ, напечаталъ билеты и роздалъ около сорока. Я проигралъ потому рукопись мою Никитѣ Всеволожскому (разумѣется, съ извѣстнымъ условіемъ). Между тѣмъ принужденъ былъ бѣжать изъ Мекки въ Медину: мой Коранъ пошелъ по рукамъ, и донынѣ правовѣрные ожидаютъ его. Теперь поручилъ я брату отыскать и перекупить мою рукопись, и тогда приступимъ къ изданію элегій, посланій и смѣси. Должно будетъ объявить въ газетахъ, что такъ какъ розданные билеты могли затеряться по причинѣ долговременной остановки изданія, то довольно будетъ, для полученія экземпляра, одного имени съ адресомъ, ибо (солжемъ на всякій страхъ) имена всѣхъ гг. подписчиковъ находятся у издателя. Если понесу убытокъ и потерю нѣсколько экземпляровъ, пеня не на кого; самъ виноватъ (это остается между нами). Братъ увезъ Овѣгина въ Петербургъ и тамъ его напечатаетъ. Не сердись, милый; чувствую, что въ тебѣ теряю вѣрнѣйшаго попечителя; но въ нынѣшнія обстоятельства всякій другой мой издатель невольно привлечетъ на себя вниманіе и неудовольствіе. — Дивлюсь, какъ Письмо Тани очутилось у

тебя. NB. Истолюкй это мнѣ. Отвѣчаю на твою критику. Нелюдимъ не есть мизантропъ, т. е. ненавидящій людей, а убѣгающій отъ людей. Онѣгинъ нелюдимъ для деревенскихъ сосѣдей; какъ полагаемъ, причиной тому то, что въ глуши, въ деревнѣ все ему скучно, и что блескъ одинъ можетъ привлечь его. Если, впрочемъ, смыслъ и не совсѣмъ точенъ, то тѣмъ болѣе истинны въ письмѣ. Письмо женщины, къ тому же 17-лѣтней, къ тому же влюбленной! Что жъ, душа моя, твоя проза о Байронѣ? Я жду, не дождусь. Смерть моей тетки не внушила ли какого нибудь перевода Вас. Львовичу? Нѣтъ ли хоть эпитафіи? Пиши мнѣ: Ея высокородію Парасковѣ Александровнѣ Осиповой, въ Опочку, въ село Троегорское, для доставленія А. С., и все тутъ; да найди для конверта ручку почетче твоей. Прощай, добрый слушатель; отвѣчай же мнѣ на мое полуслово. Княгинѣ Вѣрѣ я писалъ; получила ли она письмо мое? Не кланяюсь, а поклоняюсь ей.

P. S. Знаешь ли ты мою „Телѣгу Живни“? (Слѣдуетъ это стихотвореніе. См. алфавитный указатель).

Можно напечатать, пропустивъ русскій титулъ.

Д. М. Княжевичу. (черновое). *Михайловское, ноябрь—декабрь.* — Бура, кажется, успокоилась. Осмѣливаюсь выглянуть изъ своего гнѣзда и подать вамъ голосъ, милый Дмитрій Максимовичъ. Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ я захожусь въ глухой деревнѣ,—скучно, да нечего дѣлать. Здѣсь нѣтъ ни моря, ни голубого неба полуны, ни итальянской оперы, ни вась, друзья мои. Но за то нѣтъ ни саранчи, ни милордовъ Уоронцовыхъ. Уединеніе мое совершенно, правднсть торжественна. Сосѣдей около меня мало,

я знакомъ только съ однимъ семействомъ, да и то вижу довольнорѣдко, — совершенный Онѣгинъ; цѣлый день верхомъ, вечеромъ слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; вы, кажется, разъ ее видѣли; она — единственная моя подруга, и съ нею только мнѣ не скучно. Я въ переносѣ только съ Жуковскимъ и Вяземскимъ. Объ Одессѣ — ни слуху, ни духу. Сердце вѣсти просить, — а то не смѣлъ затѣять переписку съ оставленными товарищами (долго крѣпился, по не утерпѣлъ). Ради Бога, слово живое объ Одессѣ, — скажите мнѣ, что у васъ дѣлается; скажите, во-первыхъ, выздоровѣла ли Катенька. Гр. Р. я сердечно желаю всего, счастья, почт. и благо...

В. А. Жуковскому. *Михайловское, декабрь.* — Не знаю, получилъ ли ты очень нужное письмо; на всякій случай, повторю вкратцѣ о дѣлѣ, которое меня задираетъ за живое. Восемилѣтняя Родоса Сафѣионосъ, дочь грека, падшаго въ Скулянской битвѣ, которая воспитывается въ Кишиневѣ у Катерины Христофоровны Крупанской, жены бывшего вице-губернатора Бессараби. Нельзя ли сиротку пріютить? Она — племянница русскаго полковника, слѣдовательно можетъ отвѣчать за дворянку. Пошевели сердце Марин, поэтъ, и оправдаемъ провидѣнье. — О себѣ говоритъ не намѣренъ, а хладнокровно не могу всего этого раздумать; можетъ быть, тебя разсержу, выливая, что у меня на сердцѣ. — Братъ привезетъ тебѣ мои стихи; жду твоихъ, какъ утѣшенія. Обвиняю тебя горячо, хоть и грустно. Введи меня въ семейство Карамзина; скажи имъ, что я для нихъ тотъ-же; обними изъ нихъ, кого можно; прочимъ — всю душу.

А. С. Пушкину. *Михайловское, декабрь.*— Вульфъ здѣсь, я ему ничего еще не говорилъ, но жду тебя—пріѣзжай хоть съ П. А. (Плетневимъ), хоть съ Дельвигомъ; переговориться нужно непременно.

Съ Рокотовымъ я писалъ къ тебѣ—получи это письмо непременно. Тутъ я, по глупости лѣтъ, прислалъ тебѣ святочную пѣсенку. Вѣтренный юноша Рокотовъ можетъ письмо затерять, а ничуть не забавно мнѣ попасть въ крѣпость pour des chansons.

Христомъ Богомъ прошу скорѣе вытащить „Онѣгина“ изъ-подъ цензуры—слава....—деньги нужны. Долго не торгуйся за стихи—рѣжь, рви, кромсай хоть всѣ 54 строфы, но денегъ, ради Бога, денегъ!—У меня съ Тригорскими завязалось дѣло презабавное—некогда тебѣ рассказывать, а уморительно смѣшно. Благодарю тебя за книги; да пришли же мнѣ всевозможные календари (альманхи), кромѣ придворнаго и академическаго. Кстати—начало рѣчи старика Шишкова меня тронуло, да конецъ подгадилъ все. Что вынѣ цензура? Напиши мнѣ вѣчто: о Карамзинѣ, ой, ихъ, Жуковскомъ, Тургеневѣ А., Сѣверинѣ, Рылѣевѣ и Бестужевѣ и вообще о толкахъ публики.—Насѣли ли на Воронцова?... говорятъ, бѣсится—за что бы, важется? да люди таковы!

Пришли мнѣ бумаги почтовой и простой, если вина, такъ и сыру, не забудь и (говоря по делилевски) витую сталь, пронзающую засмоленную главу бутылки, т. е. штопоръ.

Мнѣ дьявольски не нравятся петербургскіе толки о моемъ побѣгѣ; зачѣмъ мнѣ бѣжать? здѣсь такъ хорошо! Когда ты будешь у меня, то станемъ траговать о банкирѣ, о перепискѣ, о мѣстѣ пребыванія Чадаева (эти условныя выраженія должны были означать

устройство пересылки денегъ и корреспондентъ за границу, въ случаѣ бѣгства). Вотъ пункты, о которыхъ можешь уже освѣдомиться.

Кто думаетъ нашихъ доѣхать? Избави меня

Отъ усыпителя глупца,
Отъ пробудителя нахала!

Впрочемъ всѣхъ милости просимъ. Съ посланнымъ посылай, что задумаешь. Addio.

Получилъ ли ты письмо мое о потопѣ, гдѣ я говорю тебѣ: *voilà une belle occasion pour nos dames de faire de l-t?*

NB. NB. Хотѣлъ послать тебѣ стиховъ, да лѣнь.

Л. С. Пушкину. *Михайловское, 4 декабря.*— Не стыдно ли Кюхлѣ напечатать ошибочно моего „Демона!“ моего „Демона!“ послѣ этого онъ и Вѣрюю напечатаетъ ошибочно. Не давать ему за то ни „Моря“, ни капли стиховъ отъ меня. NB г. издатель Онѣгина!

Стихи для васъ—одна забава,
Немножко стоитъ вамъ присѣсть.

Понимаете? Да нельзя ли еще подъ „Разговоромъ“ поставить число: 1823 годъ? Стихъ: „вся жизньъ, одна ли, двѣ ли ночи“, надобно бы выкинуть, да жаль—хорошъ. Жаль еще, что Поэтъ не побранилъ потомства въ присутствіи своего книгопродавца. *Mes aggrèges-neveux me devront cet ombrage.* Съ журналистами дѣлай что угодно; дарю тебѣ мои мелочи на пряники; продавай или дари, что упомяну, а переписывать мочи нѣтъ. Михайло привезъ мнѣ все благополучно, а Библии нѣтъ. Библия для христіанина—то же, что исторія для народа. Этой фразой (наоборотъ) начиналось прежде предъ-

словіе Исторіи Карамзина. При мнѣ онъ ее и переѣнилъ. Закрытие театра и запрещеніе баловъ (послѣ наводненія 7 ноября)—мѣра благоразумная. Благопристойность того требовала. Конечно, народъ не участвуетъ въ увеселеніяхъ высшаго класса, но во время общественнаго бѣдствія не должно дразнить его обидной роскошью. Лавочники, видя освѣщеніе бельэтажа, могли бы разбить зеркальныя окна—и былъ бы убытокъ. Ты видишь, что я безпристрастенъ. Желалъ бы я похвалить и прочія мѣры правительства, да газеты говорятъ объ одномъ розданномъ милліонѣ. Велико дѣло милліонъ; но соль, но хлѣбъ, но овесъ, но вино? Объ этомъ зимою не грѣхъ бы подумать, хоть въ одиночку, хоть комитетомъ. Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ: онъ вовсе не такъ забавенъ, какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается помочь какому нибудь несчастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ. Но прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго. Ничуть не забавно стоять въ Инвалидѣ на ряду съ идилическимъ коллежскимъ ассессоромъ Панаевымъ. Пришли же мнѣ „Эду“ Баратынскую. Ахъ, онъ чухонцы! да если она милѣе моей черкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ и съ нимъ никогда знаться не буду.

Кланяйся Вас. Вас. Энгельгардту и Гнѣдичу, и Плетневу, и Онѣгину, и Слѣнину. Присылай мнѣ „Старину“; это пріятная новость. Торопи Дельвига; надѣюсь, что не претерпѣлъ онъ убытку. Что Козловъ слѣпой? ты читалъ ему Онѣгина?

(Приписка сестрѣ). Милая Оля, благодарю за письмо, ты очень мила, и я тебя очень люблю, хоть этому ты и не вѣришь. Si ce que vous dites concernant le testament d'A. Л. est

vrai, c'est joli de sa part. Au vrai j'ai toujours aimé ma pauvre tante et je suis fâché que Chalicof ait p... sur son tombeau. Няня исполнила твою комиссію, ѳздѣла въ Св. Горы и отправила панихиду, или что было нужно. Она цѣлуетъ тебя, я также. Твои Троегорскія пріятельницы несносныя... кромѣ матери. Я у нихъ рѣдко. Сижу дома да жду зимы.

Левъ! сожги письмо мое.

Л. С. Пушкину. Михайловское; конецъ декабря. — Братъ! здравствуй — писалъ тебѣ на дняхъ. Съ тебя довольно. — Поздравляю тебя съ Рождествомъ Господа нашего и прошу поторопить Дельвига. Пришли мнѣ Цвѣтовъ („Сѣверные Цвѣты“) да Эду, да поѳзжай къ Энгельгардтову обѣду. — Кланяйся господину Жуковскому. Заѳзжай къ Пушину и Малиновскому. Поцѣлуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина. Да пришли мнѣ кольцо, мой Лайонъ.

Л. С. Пушкину. (черновое). Михайловское, декабрь.

Что же? Будетъ ли вино,
Лайонъ? Жду его давно.
Знаешь ли, какого рода?
Милый мой, мнѣ все равно,
У меня законъ одинъ:
Жажды полная свобода
И терпимость всякихъ винъ!
Погребъ мой гостепріимный
Радъ мадерѣ золотой
И подъ пробкой смоляной
Сень-Пере бутылкѣ длиннѣй.
Въ лѣта юныя мои,

Въ лѣта юности безумной,
 Поэтическій Аи
 Нравился мнѣ пѣной шумной,
 Сямъ подобіемъ любви.
 Но бургонское.....
 Мнѣ понравилось потомъ;
 Нинѣ нѣтъ во мнѣ пристрастья:
 Безъ разбора.....
 Вина обхожу кругомъ..

Бар. А. А. Дельвигу. *Михайловское, декабрь* — Путешествіе по Тавридѣ прочелъ я съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ. Я былъ на полуостровѣ въ тотъ же годъ и почти въ то же время, какъ и Иванъ Матвѣевичъ. Очень сожалѣю, что мы не встрѣтились. Оставляю въ сторонѣ остроумныя его изысканія; для повѣрки оныхъ потребны обширныя свѣдѣнія. Но знаешь ли, что болѣе всего поразило меня въ этой книгѣ? Различіе нашихъ впечатлѣній — посуди самъ.

Изъ Азіи переѣхали мы въ Европу (изъ Тамани въ Керчь) на кораблѣ. Я тотчасъ отправился на такъ названную Митридатову гробницу (развалины какой-то башни); тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапей не сильнѣе подѣйствовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшія ровъ, старыя кирпичи — и только. Изъ Феодосіи до самаго Юрзуфа ѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ; луны не было; звѣзды блистали; передо мною въ туманѣ тянулись полуденныя горы... „Вотъ Чатырдагъ“, сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа.

Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленныя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-дагъ... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный...

Въ Юрзуфѣ жилъ я сѣднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностію неаполитанскаго lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество. Вотъ все, что пребываніе мое въ Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти.

Я объѣхалъ полуденный берегъ, и Путешествіе Муравьева оживило во мнѣ много воспоминаній, но страшный переходъ его по скаламъ Кикинеиса не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти. По горной лѣстницѣ взообразились мы пѣшкомъ, держа за хвостъ татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось какимъ-то таинственнымъ восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы, и первый предметъ, поразившій меня, была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я началъ ужъ тосковать о миломъ полуднѣ, хотя все еще находился въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и тополи, и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діавы. Видно, мифологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ:

по крайней мѣрѣ, тутъ посѣтили меня рюмы.
Я думалъ сгнхами. Вотъ они;

Къ чему холодныя сомнѣнья? и пр. (См. въ
Алфавит. указателѣ: Посланіе къ Чаадаеву).

Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной. Я прежде слышалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К. (Раевская) поэтически описывала мнѣ его, называя *la fontaine des larmes*. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ; изъ заржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большою досадою на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ, и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. Раевскій почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханское кладбище—

Но не тѣмъ

Въ то время сердце полно было

лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы о которомъ говоритъ Муравьевъ, я о немъ не вспомнилъ, когда писалъ свою поэму, а то бы непременно имъ воспользовался.

Растолкуй мнѣ теперь, почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣетъ для меня прелесть неизяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста, оставленныя съ такимъ равнодушіемъ? Или воспоминаніе—самая сильная способность души нашей и имъ очаровано все, что подвластно ему?... и проч.

И: И. Кривцову. (? черновое) *Изъ Михайловскаго.* — Помнишь ли ты, житель свободной Англій, что есть на свѣтѣ Псковская губернія,

откуда писать тебѣ твой лѣнивѣцъ, котораго ты вѣрно помнишь и любишь, который о тебѣ каждый день груститъ, на котораго ты можешь и долженъ бы сердиться, но не знаю, сердисься ли?

Я не люблю писать: языкъ и голосъ едва достаточны для выраженія нашихъ мыслей и чувствъ, а перо еще глупѣе, такъ глупо, такъ медленно; письмо не можетъ замѣнить разговора. Какъ бы то ни было, я виноватъ, зная, что мое письмо можетъ на минуту напомнить тебѣ объ нашей Россіи, о вечерахъ у Тургенева и Карамзина, и не исполнивъ дружескаго долга.

1825.

Л. С. Пушкину. *Михайловское, январь.* — Получилъ, мой милый, милое письмо твое. Дельвига съ нетерпѣніемъ ожидаю. Жалѣю о строгихъ мѣрахъ, принятыхъ въ твоемъ отношеніи. — Читалъ объявленіе объ „Онѣгинѣ“ въ „Пчелѣ“; жду шума. Если изданіе раскупится, то приступи тотчасъ къ изданію другому, или условься съ какимъ нибудь книгопродавцемъ. Отпиши о впечатлѣніи, имъ произведенномъ. — У меня произошла перемѣна въ министерствѣ: Розу Григорьевну я принужденъ былъ выгнать за непристойное поведеніе и слова, которыхъ не долженъ былъ я вынести. А то бы она уморила няню, которая начала отъ нея худѣть. Я велѣлъ Розѣ отдать мнѣ счеты. Она показала мнѣ, что за два года (1823 и 4-й) ей ничего не платили (?) и считаетъ по 200 р. на годъ, итого 400 руб. По моему счету ей слѣдуетъ 100 руб. Наличныхъ денегъ у ней 300 р.; изъ нихъ 100 выдамъ ей, а 200 перешлю въ Петербургъ.

Узнай и отпиши обстоятельно, сколько именно положено ей благостыни и заплачено ли что нибудь въ эти два года? Я нарядилъ комитетъ, составленный изъ Василья, Архипа и старосты — велѣлъ перемѣрять хлѣбъ и открылъ нѣкоторыя злоупотребленія, т. е. нѣсколько утаенныхъ четвертей. Впрочемъ, она — мерзавка и воровка. Покажѣсть я принялъ бразды правленія.

Ты спрашиваешь: зачѣмъ пишу я Булгарину? потому что онъ мнѣ другъ. Есть у меня еще друзья: Сабуровъ Яшка, Мухановъ, Давыдовъ и проч. Эти друзья не въ примѣръ хуже Булгарина. — Они надняхъ меня зарѣжутъ. — Покажѣсть я почтенному Фаддею Венедиктовичу послалъ два отрывка изъ „Онѣгина“, которыхъ нѣтъ ни у Дельвига, ни у Бестужева не было и не будетъ..... а кто виновать? Все друзья, все треклятые друзья.

Кланяйся моему другу Воейкову. Надъ нимъ подъ „Моремъ и Землею“ должно было поставить: идиллія Мосха. — Отъ этого я бы не удавился, а Бюнъ старикъ при своемъ остался-бъ. Тоже и объ Ив. Ив. Парни — но тутъ я самъ виновать.

Если придетъ тебѣ пакетъ на имя Дельвига, то распечатай — позволяю. Шлетнева цѣлую и буду писать.

Да пришлите же мнѣ Старику и Талію, Господи помилуй! не допросишься. Здѣсь письмо къ издателю или... Невскаго Альманаха. Прочитай его, да доставь. Онъ, каналья, лжетъ на меня въ афишкахъ, да мнѣ присылаетъ свое вранье — добро! Начало Кота Измайлова очень мило.

P. S. Слѣпой попъ перевелъ Сираха (смотри Инвалидъ № какой-то), издаетъ по подпискѣ — подпишись на нѣсколько экземпляровъ.

Кн. П. А. Вяземскому. *Михайловское, январь.* — Некогда мнѣ писать княгинѣ. Благодарн се за попеченіе, за укоризны, даже за совѣты: ибо все носить отпечатокъ ся дружбы, для меня драгоцѣнной. Ты, конечно, правъ: болѣе чѣмъ когда нибудь обязанъ я уважать себя. Увидѣться передъ правительствомъ была бы глупость. Довольно ему одного Граббе. (Гр. П. Х. Граббе былъ тогда удаленъ на жительство въ Ярославль).

Я писалъ тебѣ надняхъ и послалъ нѣкоторые стихи. Ты мнѣ пишешь: пришли мнѣ всѣ стихи. Легко сказать! Пущивъ привезетъ тебѣ отрывокъ изъ Цыганъ. Завѣтныхъ покажѣсть нѣтъ.

Кн. П. А. Вяземскому. *Михайловское, 25 января.* (Слѣдуетъ стихотвореніе «Пріятели» . См. алфавитный указатель).

Напечатай гдѣ нибудь.

Какъ ты находишь статью, что написалъ нашъ Плетневъ? Экая срашашь! Ты спишь, Бруть! Да скажи мнѣ, кто у васъ изъ Москвы такъ горячо вступился за пѣмдевъ противъ Бестужева (котораго я не читалъ)? Хочешь еще эпиграмму?

Нашъ другъ Глаголь, кутейникъ въ эполетахъ,
Бормочетъ намъ растянутый псаломъ;
Поэтъ Глаголь, не становись фертомъ;
Дьячекъ Глаголь, ты—ижидъ въ поэтахъ.

Не выдавай меня, милый: Глаголь (Ө. Н. Глинка) бо другъ сердца моего, мужъ благъ, незлобивъ, удаляйся отъ всякія скверны.

И. О. Рылѣву. Михайловское, 25 января.— Благодарю тебя за ты и за письмо. Пущинъ привезетъ тебѣ отрывки изъ моихъ Цыгановъ Желая, чтобы они тебѣ понравились. Жду Полярной Звѣзды съ нетерпѣніемъ; знаешь для чего? для Войнаровскаго. Эта поэма нужна была для нашей словесности. Бестужевъ пишетъ мнѣ много объ Опѣгинѣ. Скажи ему, что онъ не правъ. Ужели хочетъ онъ изгнать все легкое и веселое изъ области поэзии? Куда же дѣнутся сатиры и комедіи? Слѣдственно, должно будетъ уничтожить и Orlando furioso, и Гудибраза, и Руссelle, и Веръ-Вера, и Рейпеке-Фуксъ, и лучшую часть Душеньки, и сказки Лафонтена, и басни Крылова, и проч. и проч. Это немного строга. Картина свѣтской жизни также входитъ въ область поэзии. Но довольно объ Опѣгинѣ.

Согласенъ съ Бестужевымъ въ мнѣніи о критической статьѣ Плетнева, но не совсемъ соглашаюсь съ строгимъ приговоромъ о Жуковскомъ. Зачѣмъ кусать намъ груди кормилицы нашей, потому что зубки прорѣзались? Что ни говори, Жуковский имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности; къ тому же, переводный слогъ его останется навсегда образцовымъ. Охъ, ужъ эта мнѣ республика словесности! За что корить? За что вѣнчать? Что касается до Батюшкова, уважимъ въ немъ несчастіе и несозрѣвшія надежды. — Прощай, поэтъ.

А. А. Бестужеву. Михайловское, послѣ 25 января.— Рылѣвъ доставитъ тебѣ моихъ Цыгановъ. Пожури моего брата за то, что онъ не сдержалъ своего слова. Я не хотѣлъ, чтобы эта поэма была извѣстна прежде времени; те-

перь нечего дѣлать, принужденъ ее напечатать, пока не растаскали ее по клочкамъ.

Слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, котораго онъ достоинъ. Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить. Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собой признаннымъ.—Слѣдственно, не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его—характеры и рѣзкая картины нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана не ясно: не то б..., не то московская кузина. Молчалинъ не довольно рѣзко подлѣ; не нужно ли было сдѣлать изъ него и труса? Старая пружина—но штатскій трусъ въ большомъ свѣтѣ между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. Les r'gros du bal, сплетни, рассказъ Репетилова о клубѣ, Загорѣцкій, всѣми отъявленный и вездѣ принятый—вотъ черты истинно комическаго генія.—Теперь вопросъ: въ комедіи Горе отъ ума кто умное дѣйствующее лицо? Отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь ли, что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малый, проведеншій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, островами и сатирическими замѣчаніями. Все, что говорятъ онъ, очень умно. Но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину? Это неппростительно. Первый признакъ умнаго человѣка,—съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловыми и тому под. Встать, что такое Репетиловъ? Въ немъ два, три, десять характеровъ.—Зачѣмъ дѣлать его гадкимъ? Довольно того, что онъ вѣтренъ и глупъ съ та-

кимъ простодушіемъ; довольно, чтобъ онъ признавался поминутно въ своей глупости, а не въ мдрвостяхъ. Это смущеніе чрезвычайно ново на театрѣ, хотъ кому изъ насъ не случалось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся. Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи, недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молчалину прелестна — и какъ натуральна! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія; но Грибоѣдовъ, видно, не захотѣлъ — его воля.

О стихахъ я не говорю — половина должна войти въ поговорку. Покажи это Грибоѣдову; можетъ быть, я въ пномъ ошибся. — Слушая его комедію, я не критиковалъ, а наслаждался. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда уже не могъ я справиться. — По крайней мѣрѣ, говорю прямо, безъ обвиняковъ, какъ истинному таланту.

Тебѣ, кажется, Олегъ (Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ) не нравится — напрасно. Товарищеская любовь стараго князя къ своему коню и заботливость о его судьбѣ есть черта трогательнаго простодушія, да и пропшествоіе само по себѣ въ своей простотѣ имѣетъ много поэтическаго.

Листъ кругомъ; на сей разъ довольно. Я не получилъ Литературныхъ Листовъ Булгарина, тотъ нумеръ, гдѣ твоя критика на Боуринга. Вели прислать.

Ки. П. А. Вяземскому. — *Михайловское, февраль.* — Что ты замолкъ? Получилъ ли ты отъ меня письмо, гдѣ говорилъ я тебѣ объ Ольдекопѣ, о собраніи моихъ элегій, о Татьянѣ etc? Въ „Цвѣтахъ“ встрѣтилъ я тебя и чуть не задохся со смѣху, прочитавъ твою Черту мѣстности. Это маленькая прелесть. Чистосер-

дечны й от вѣтъ растянуть; рюмы: слезы, розы—завели тебя. Краткость одно изъ достоинствъ сказки эпиграмматической. Сквозь кашель и сквозь слезы—очень забавно, но вся мужнина рѣчь до: за гробомъ ревность мучить—растянута и натянута. Еще мучительнѣй вдвойнѣ—едва ли не плеоназмъ. Вотъ тебѣ критика, длиннѣе твоей піесы. Да, ты одинъ можешь ввести и усовершенствовать этотъ родъ стихотворенія. Руссо въ немъ образецъ, и его похабныя эпиграммы стократъ выше одъ и гимновъ. Прочелъ я въ Инвалидѣ объявленіе о Телеграфѣ. Что тамъ моего? Море или Телѣга? Что мой Кюхля, за котораго я страдаю, но все люблю? Говорять, его обстоятельства не хороши—чѣмъ нехороши? Жду къ себѣ надняхъ брата и Дельвига. Покажѣсть я одинъ одинешенекъ; живу недорослемъ, валяюсь на лежанкѣ и слушаю старыя сказки да пѣсни. Стихи не лѣзутъ. Я, кажется, писалъ тебѣ, что мои Цыганы никуда не годятся: не вѣрь—я совралъ. Ты будешь ими очень доволенъ. Овѣгинъ печатается; братъ и Плетневъ смотрять за изданіемъ; не ожидалъ я, чтобъ онъ протерся сквозь цензуру. Честь и слава Шишкову! Знаешь ты мое „Второе Посланіе Цензору“ (см. Алфавит. указатель)? Тамъ, между прочимъ:

Обдумавъ, наконецъ, намѣренья благія,

.

Осиротѣвшаго вѣнца Екатерины etc.

Такъ арзамасецъ говоритъ нынѣ о дядѣ Шишковѣ: *tempora alitri!* Вотъ почему я не рѣшился, по твоему совѣту, къ нему прибѣгнуть въ дѣлѣ своемъ съ Ольдекопомъ. Въ подлостяхъ нужно нѣкоторое благородство. Я же подличалъ благонамѣренно, имѣя въ виду пользу нашей сло-

вѣности и усмиреніе кичливаго Красовскаго. Прощай, кланяйся княгинѣ и дѣтей поцѣлуй

А. С. Пушкину.— *Михайловское, въ половинѣ февраля* — Я съ тобою не бравюсь (хоть и хочется) по 18 причинамъ: 1, потому, что это было бы напрасно... Цыгановъ, нечего дѣлать, перепишу и пришлю къ вамъ, а вы ихъ тисните. Твои опасенія на счетъ пріѣзда ко мнѣ вовсе не справедливы. Я не въ Шлиссельбургѣ, а при физической возможности свиданія, лишъ онаго двухъ братьевъ была бы жестокость безъ цѣли, слѣдственно, вовсе не въ духѣ нашего времени, ни...

Жду шуму отъ Онѣгина; покажѣть мнѣ довольно скучно; ты мнѣ не присылаешь conversations de Vugon, добро! но, милый мой, если только возможно—отыщи, купи, выпроси, укради записки Фуше и давай мнѣ ихъ сюда; за нихъ отдалъ бы я всего Шекспира; ты не воображаешь, что такое Fouché! Онъ, по мнѣ, очаровательнѣе Байрона. Эти записки должны быть сто разъ поучительнѣе, занимательнѣе, ярче записокъ Наполеона, т. е. какъ политика, потому что въ войнѣ я ни чорта не понимаю. На своей скалѣ (прости, Боже, мое согрѣшеніе) Наполеонъ поглупѣлъ—во-первыхъ, лжетъ какъ ребенокъ (т. е. замѣтно); во-вторыхъ, судить о такомъ-то не какъ Наполеонъ, а какъ парижскій памфлетеръ, какой нибудь Прадтъ или Гизо. Мнѣ что-то очень, очень кажется, что Bertrand и Montholon подкуплены! Тѣмъ болѣе, что самыхъ важныхъ свѣдѣній именно и не находится. Читалъ ты записки Napoléon? Если вѣтъ, такъ прочти. Это, между прочимъ, прекрасный романъ, mais tout ce qui est politique n'est fait que pour la canaille.

Довольно о вадорѣ, поговоримъ о важномъ. Мой Коншинъ (Туманскій) написалъ, ей-Богу, миленькую пьесу: „Дѣвушка влюбленному поэту“—кромѣ авторами. А куда онъ, Коншинъ! Его э л е г і я въ „Цвѣтахъ“ какова? Твое сужденіе о комедіи Грибоѣдова слишкомъ строго. Бестужеву писалъ я объ ней подробно; онъ покажетъ тебѣ письмо мое.

По журналамъ вижу необыкновенное броженіе мыслей; это предвѣщаетъ перемѣну министерства на Парнасѣ. Я—министръ иностранныхъ дѣлъ и, кажется, дѣло до меня не касается. Если Палей пойдетъ какъ начать, Рылѣевъ будетъ министромъ. Плетчевъ неосторожнымъ усердіемъ повредилъ Баратынскому, но Эда все исправить. Что Баратынскій?.. и мораль долга ль?.. какъ узнать? Гдѣ вѣстникъ искупленія? Бѣдный Баратынскій! какъ объ немъ подумаешь, такъ поневолѣ постыдишься унывать. Прощай, стиховъ новыхъ нѣтъ—пишу записки; но и презрѣнная проза мнѣ надобла.

Пріѣхалъ гр. Воронцовъ? Узнай и отиши мнѣ, какъ отозвался онъ обо мнѣ въ свѣтѣ, а о другомъ мнѣ и знать не нужно.

Присовѣтуй Рылѣеву въ новой его поэмѣ (Войнаровскій) помѣстить въ свитѣ Петра I нашего дѣдушку. Его арапская рожа произведетъ странное дѣйствіе на всю картину Полтавской битвы.

Кн. П. А. Вяземскому.—*Михайловское, 19 февраля.*—Скажи отъ меня Муханову, что ему грѣхъ шутить со мною шутки журнальныя. Онъ безъ спросу взялъ у меня начало Цыгановъ и распустилъ его по свѣту. Варваръ! Вѣдь это кровь моя, вѣдь это деньги! Теперь я долженъ и Цыгановъ распечатать, а вовсе не во время!

Онѣгда напечатанъ; думаю, уже выступилъ въ свѣтъ. Ты увидишь въ Разговорѣ поэта и книгопродавца мадригалъ кн. Шаликову. Онъ милый поэтъ, человекъ достойный уваженія и вѣдуюсь, что искренняя и полная похвала съ моей стороны не будетъ ему непріятна. Онъ именно поэтъ прекраснаго пола. Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement.

Что же Телеграфъ обѣтованный? („Московский Телеграфъ“). Ты въ самомъ дѣлѣ напечаталъ Телѣгу, проказникъ? Прочіе журналы всѣ получили и болѣе чѣмъ когда нибудь чувствую необходимость какой нибудь Edinburgh Review. Да вотъ-те Христось: литература мнѣ надоѣла. Прозы твоей брюхомъ хочу. Что издание Фонвизина?

Кланяюсь княгинѣ и цѣлую руки, хоть это изъ моды вышло.

Н. М. Гнѣдичу.—*Михайловское, 23 февраля.*—Кажется, вамъ обязанъ Онѣгинъ покровительствомъ Шишкова и счастливымъ избавленіемъ отъ Бирукова (цензоръ). Вижу, что дружба наша неизмѣнилась, и это меня утѣшаетъ.

Нынѣшнія мои обстоятельства не позволяютъ мнѣ и желать вашихъ писемъ. Но жду стиховъ вашихъ, хоть печатныхъ, хоть рукописныхъ.— Пѣсни греческія — прелесть и tout de force. Об остроумномъ предисловіи можно бы потолковать. Сходство пѣсенной поэзіи обонхъ народовъ явно, но причины? . . .

Братъ говорилъ мнѣ о скоромъ совершеніи вашего Гомера. Это будетъ первый классическій, европейскій подвигъ въ нашемъ отечествѣ (чортъ возьми это отечество). Но отдохнувъ послѣ Иліады, что предпримете вы въ полномъ

цвѣтъ генія, возмужавъ во храмѣ Гомеровомъ, какъ Ахиллъ въ вертепѣ Кентавра? Я жду отъ васъ эпической поэмы. Тѣнь Святослава скитается не воспѣтая—писали вы мнѣ когда-то. А Владиміръ? А Мстиславъ? А Донской? А Ермакъ? А Пожарскій? Исторія народа принадлежитъ поэту.

Когда вашъ корабль, нагруженный сокровищами Греціи, входитъ въ пристань при ожиданіи толпы—стыжусь вамъ говорить о моей мелочной лавкѣ № 1.—Много у меня начато; ничего не кончено. Сижу у моря, жду переменъ погоды. Ничего не пишу, а читаю мало, потому что вы мало печатаете.

День объявленія греческаго бунта Александромъ Ипсиланти.

Л. С. Пушкину. — *Тригорское, 12 марта.*— Братъ, обвиняю тебя и надаю до ногъ. Обвиняю также алжирца Севеволожскаго. Перешли же мнѣ проклятую мою рукопись—и давай уничтожать, переписывать и издавать. Какъ жаль, что тебя со мною не будетъ! дѣло бы пошло скорѣе и лучше. Дельвига жду, хоть онъ и не поможетъ. У него твой вкусъ, да не твой почеркъ. Элегии мои переписаны—потомъ посланія, потомъ смѣсь, потомъ, благословясь, я въ цензуру.

Душа моя, горчицы, рому, что-нибудь къ укусу—да книгъ: conversations de Byron. mémoires de Fouché, Талию, „Старину“ да Sismondi (littérature), да Schlegel (Dramaturgie), если есть у St.-Florent. Хотѣлъ бы я также имѣть Новое изданіе Собранія Рус. Стих., да дорого 75 руб., я и за всю Русь столько не даю. Посмотри однакожь.

Каченовскій возсталъ на меня. Напиши

мнѣ, благоприсоеенъ ли товъ его критикъ; если нѣтъ,—пришлю эпиграмму.

У васъ ересь. Говорятъ, что въ стихахъ — стихи не главное. Что же главное? проза? Должно заранѣе истребить это гоневіемъ, кнутомъ, колыями, пѣснями на голось: одинъ сижу во компаніи, и тому под.

Анна Николаевна (Вульфъ) тебѣ кланяется и очень жалѣетъ, что тебя здѣсь нѣтъ, потому что я влюбился и миртилъничая. Знаешь ея кузину А. И. Вульфъ? Ессе foemina!

Мочи нѣтъ, хочется Дельвига. Писалъ я тебѣ о калошахъ? не надобно ихъ. Гнѣдича пѣсни получилъ. На дняхъ буду писать ему съ претензіями. Покажѣсть благодари его—думаю, что экземпляръ Онѣгина ты ему отъ меня поднесъ. Что касается до оныхъ дамъ, надѣюсь, что это шутка. А чего добраго! однакожъ это было бы мнѣ во всякомъ случаѣ очень неприятно.

Доставъ у Рылѣва или Бестужева мои мелкія стихотворенія и перешли мнѣ скорѣе. Что жъ ты обѣщался мнѣ прислать Парни?

Л. С. Пушкину.—*Михайловское, 14 марта.*—
Напрасно воображаешь ты, что я на тебя сержуся—и не думалъ. Нѣсколько разъ писалъ тебѣ, видно еще до тебя не дошло. Всеволожскій со мною шутить: я долженъ ему 1000, а не 500; переговоры съ нимъ и благодари очень за рукопись. Онъ славный человекъ, хотя и жеится. Тотчасъ займусь новымъ собраніемъ и перешлю тебѣ.

Ради Бога, погоди въ разсужденіи отставки. Можетъ быть, тебя притѣсняють безъ вѣдома... Просьбу твою могутъ почестъ слѣдствіемъ моего внушенія etc. etc. etc. — Погоди хоть Дельвига.

Увѣдомъ о Баратынскомъ—свѣчку поставлю за Закревскаго, если онъ его выручить.

Л. С. Пушкину. — *Михайловское, 15 марта.*—Братъ Левъ и братъ Плетневъ! Третьяго дня получилъ я мою рукопись. Сегодня отсылаю всѣ мои новыя и старыя стихи. Я выстиралъ черное бѣлье наскоро, а новое спилъ на живую витку. Но съ вашею помощью надѣюсь, что Барыня Публика меня по щекамъ не прибьетъ, какъ непотребную прачку.

Ошибки правописанія, знаки препинанія, бессмыслицы прошу самимъ исправить — у меня на то глазъ не достанетъ. Въ порядкѣ пьесъ держитесь также вашего благоусмотрѣнія. Только не подражайте изданію Батюшкова—исключайте, марайте съ плеча. Позволяю, прошу даже. Но для сего труда возьмите себѣ въ помощники Жуковскаго—не во гнѣвъ Булгарину, и Гнѣдича—не во гнѣвъ Грибоѣдову. Эпиграфа или не надобно, или изъ А. Chénier. Виньетку бы не худо; даже можно, даже нужно — даже ради Христа сдѣлайте; именно Психея, которая задумалась надъ цвѣткомъ (кстати: что прелестнѣе строфы Жуковскаго—Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородны—и слѣдующей? Конца не люблю). Что, если бѣ волшебная кисть Ѳ. Толстого?

Нѣтъ, слишкомъ дорога!

А ужась какъ мила!..

Къ тому же, кромѣ Уткина ни чей рѣзецъ не достоинъ его карандаша.— Впрочемъ, это все наружность. „Иною прелестью плѣняется!“ — — —

Пересчитавъ посылаемыя вамъ стихотворенія, нахожу 60 или около (пбо часть подземныхъ богамъ непредвидима). Бпрук овъ человекъ

просвѣщенный; кромѣ его я ни съ кѣмъ дѣла имѣть не хочу. Онъ и въ грозное время былъ милостивъ и жалостливъ. Нынѣ повинуюсь его приговорамъ безусловно.

Что сказать вамъ объ изданіи? Печатайте каждую піесу на особенномъ листочкѣ, исправно, чисто, какъ послѣднее изданіе Жуковскаго, и пожалуйста безъ ~~~~~ и безъ ~~~~~ и безъ ~~~~~—вся эта пестрота безобразна и напоминаетъ Азію. Заглавіе крупными буквами и à la ligne. Но каждую штуку особенно, хоть бы изъ четырехъ стиховъ состоящую (развѣ изъ двухъ, такъ можно à la ligne и другую). 60 піесъ! довольно ли будетъ для 1 тома? Не прислать ли вамъ для наполненія Царя Никиту и 40 его дочерей?

Братъ Левъ! не серди журналистовъ! дурная привычка!

Братъ Плетневъ! не пиши добрыхъ критикъ! будь зубастъ и бойся приторности. — Простите, дѣти! я цѣлявъ.

А. А. Бестужеву. — Михайловское, 21 марта. — Отвѣчаю на первый параграфъ твоего Взагляда. „У римлянъ вѣкъ посредственности предшествовалъ вѣку ге н і е в ѣ.“ Грѣхъ отнять это титуло у такихъ людей, каковы Virgilij, Гораций, Тибуллъ, Овидій и Лукрецій, хоть они, кромѣ двухъ послѣднихъ (виновать! Гораций не подражатель), шли столбовой дорогой подражанія. Критики греческой мы не имѣемъ. Въ Италіи Dante и Petrarca предшествовали Тассу и Аріосту; ои предшествовали Alfieri и Foscolo. У англичавъ Мильтонъ и Шекспиръ писали врежде Аддисона и Попа, послѣ которыхъ явились Southey, Walter Scott, Moore и Byron. Изъ этого мудрено вывести какое нибудь за-

ключеніе или правило. Слова твои исполнѣ можно примѣнить къ одной французской литературѣ.

„У насъ есть критика и нѣтъ литературы“; гдѣ же ты это нашелъ? Именно критики у насъ недостаетъ. Отселѣ репутація Домоносова (уважаю въ немъ великаго чело-вѣка, но конечно не великаго поэта; онъ по-нялъ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго; вотъ его главная заслуга) и Хераскова, и если послѣдній упалъ въ общемъ мнѣніи, то вѣрно ужъ не отъ критики Мерзлякова. Кумиръ Державина, $\frac{1}{4}$ золотой $\frac{3}{4}$ свинцовый, донинѣ еще не оцѣненъ. „Ода къ Фелицѣ“ стоитъ наряду съ „Вельможей“, „Ода Богъ“ — съ „Одой на смерть Мещерскаго“. „Ода къ Зубову“ недавно открыта. Княжнинъ безмятежно пользуется своею славою, Богдановичъ причисленъ къ лику великихъ поэтовъ, Дмитріевъ также. Мы не имѣемъ ни единого комментарія, ни единой критической книги. Мы не знаемъ, что такое Крыловъ — Крыловъ, который столь же выше Лафонтена, какъ Державинъ выше Ж. Б. Руссо. — Что же ты называешь критикой? Вѣстникъ Европы и Благонамѣренный? Библиографическія извѣстія Греча и Булгарина? Свои статьи?.. Но признайся, что все не можетъ установить мнѣнія въ публикѣ (у одного только народа критика предшествовала литературѣ — у германцевъ); не можетъ почестъся уложеніемъ вкуса. — Каченовскій тупъ и скученъ, Гречь и ты остры и забавны — вотъ и все, что можно сказать объ васъ. Но гдѣ же критика? Нѣтъ, фразу твою можно сказать наоборотъ: литература кой-какая у насъ есть, а критики нѣтъ. Впрочемъ, ты и самъ немного повже съ этимъ согласишься

„Отчего у насъ нѣтъ геніевъ и ма-

ло талантовъ?" Во-первыхъ, у насъ Державинъ и Крыловъ; во-вторыхъ, гдѣ же бываетъ много талантовъ?

„Ободренія у насъ нѣтъ, и слава Богу.“ Отчего же нѣтъ? Державинъ, Дмитриевъ были въ ободреніе сдѣланы министрами. Вѣкъ Екатерины—вѣкъ ободреній; отъ этого онъ еще не хуже другого. Карамзинъ, кажется, ободренъ; Жуковский не можетъ жаловаться; Крыловъ—также. Гнѣдичъ въ тишинѣ кабинета совершаетъ свой подвигъ; посмотримъ, когда появится его Гомеръ. Изъ неободренныхъ вижу только себя и Баратынскаго — и не говорю: слава Богу!

„Ободреніе можетъ оперить только обыкновенные таланты“. Не говорю объ Августовомъ вѣкѣ, но Тассъ и Аріостъ оставили въ своихъ поэмахъ слѣды княжескаго покровительства. Шекспиръ лучшія свои комедіи написалъ по заказу Елизаветы. Мольеръ былъ камердинеромъ Людовика; безсмертный Тартюфъ, плодъ самаго сильнаго напряженія комическаго генія, обязанъ бытіемъ своимъ заступничеству монарха. Вольтеръ лучшую свою поэмѣ писалъ подъ покровительствомъ Фридриха... Державину покровительствовали три царя. Ты не то сказалъ, что хотѣлъ; я буду за тебя говорить.—Во первыхъ, пришли мнѣ свой адресъ, чтобъ я не докучалъ Булгарину.—Рылѣву не пишу, жду сперва Войнаровскаго. Скажи ему, что въ отношеніи мнѣнія Байрона онъ правъ; я хотѣлъ было покривить душой, да не удалось. И Bowles, и Вугон въ моемъ спорѣ заврались. У меня есть на то очень, очень дѣльное опроверженіе.—Хочешь, пришлю? Переписывать скучно.

Откуда ты взялъ, что я лъщу Рылѣву? Мнѣніе свое о его „Думахъ“ я сказалъ вслухъ и ясно; о поэмахъ его также. Очень знаю, что

я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своей дорогой. Онъ въ душѣ поэтъ; я опасаюсь его не на шутку, и жалѣю очень, что его не застрѣлилъ, когда имѣлъ къ тому случай; да чортъ его зналъ! Жду съ нетерпѣніемъ Войнаровскаго и перешлю ему всѣ мои замѣчанія. — Ради Христа, чтобъ онъ присалъ, да болѣе, болѣе!

Твое письмо очень умно, но все-таки ты не правъ; все-таки ты смотришь на Онѣгина не съ той точки; все-таки онъ — лучшее произведеніе мое. Ты сравниваешь первую главу съ Донъ Жуаномъ. Никто болѣе меня не уважаетъ Донъ Жуана (первыя 5 пѣсней — другихъ не читалъ), но въ немъ нѣтъ ничего общаго съ Онѣгинымъ. Ты говоришь о сатирѣ англичанина Байрона, сравниваешь ее съ моею и требуешь отъ меня таковой же. Нѣтъ, моя душа многого хочешь. Гдѣ у меня сатира? О ней и помниа нѣтъ въ Евгениі Онѣгинѣ. У меня бы затрещала набережная, если бъ коснулся я сатиры. Самое слово сатирическій не должно бы находиться въ предисловіи. Дождись другихъ пѣсень. Ахъ если бъ заманить тебя въ Михайловское!.. Ты увидишь, что если уже и сравнивать Онѣгина съ Донъ Жуаномъ, то развѣ въ одномъ отношеніи: кто милѣе и прелестнѣе (gracieuse) — Татьяна или Юлія? 1-я пѣснь просто быстрое введеніе, и я имъ доволенъ (что очень рѣдко со мною случается). Симъ заключаю полемику нашу... Жду Полярной Звѣзды. Давай ее сюда.

Предвижу, что буду согласенъ съ тобою въ твоихъ мнѣніяхъ литературныхъ. Надѣюсь, что наконецъ отдашь справедливость Катенину. Это было бы, кстати, благородно, достойно тебя. Ошибаться и усовершенствоваться сужденія мои сродно мыслящему созданію. — Б е з к о р р е к т

ное признаніе въ этомъ требуетъ душевной силы.— Впрочемъ, этому буду радъ для Катенина, а для себя жду твоихъ повѣстей. Да возьми за романъ — Что тебя держитъ? Вообрази: у насъ ты будешь первый во всѣхъ отношеніяхъ слова; въ Европѣ также получишь свою цѣну: во-первыхъ, какъ истинный талантъ; во-вторыхъ, по новизнѣ предметовъ, красокъ, etc.— Подумай, братъ, объ этомъ на досугъ... но тебѣ хочется въ ротмистры!..

Л. С. Пушкину.— *Михайловское, 27 марта.*— Душа моя, что за прелесть Бабушкинъ Котъ! (въ Повѣсти Погорѣльскаго „Лафертовская наковница“). Я перечелъ два раза однимъ духомъ всю повѣсть, теперь только и брежу Аркадіемъ Фалалѣичемъ Мурлыкинымъ. Выступаю плавно, зажмурия глаза, повертывая голову и выгибая спину.— Погорѣльскій вѣдь Перовекій, не правда-ли?

Объ Вяземскомъ получилъ извѣстіе. Перешли ему, душа моя, все, что ты имѣешь на бумагѣ и въ памяти изъ моихъ новыхъ сочиненій. Этимъ очень обяжешь меня и загладишь пакости чтенъебѣсія.

Получилъ ли ты мои стихотворенія? Вотъ въ чемъ должно состоять предисловіе: 1. Многія изъ сихъ стихотвореній—дрянь и недостойны вниманія россійской публики; но какъ они часто бывали печатаны Богъ вѣсть кѣмъ, чортъ знаетъ подъ какими заглавіями, съ поправками наборщика и съ ошибками издателя—такъ вотъ они, извольте-съ покупать-съ, хоть это-съ г...-съ (скавать это помягче). 2. Мы (сирѣчь издатели) должны были изъ полного собранія выбросить многія штуки, которыя могли бы показаться темиими, будучи написаны въ обстоятельствахъ

неизвѣстныхъ или малозамѣтныхъ для почетнѣйшей публики (россійской), или могущія быть занимательными единственно нѣкоторымъ частнымъ лицамъ. (Приписка сбоку: или слишкомъ незрѣлая, ибо г. Пушкинъ изволилъ печатать свои стихи въ 1814 году, т. е. 14-ти лѣтъ), или какъ угодно. 3. Пожалуйста безъ малѣйшей похвалы мнѣ—это непристойность, и въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ я забылъ замѣтить это Вяземскому. 4. Все это должно быть выражено романтически, безъ буфонства. Напротивъ. Во всемъ этомъ полагаюсь на Плетнева. Если я скажу, что проза его лучше моей, вѣдь онъ не повѣритъ. — Ну, по крайней мѣрѣ, столь же хороша. Доволенъ ли онъ? Да перешли, на всякій случай, это предисловіе въ Михайловское, а я пришлю вамъ замѣчанья свои.

Когда пошлешь стихи мои Вяземскому—напиши ему, чтобъ онъ никому не давалъ, потому что эдакъ меня опять обоѣрадутъ, а у меня нѣтъ родительской деревни съ соловьями и съ медвѣдями. Прощай; сестру поцѣлуй.

Великая пятница.

PS. Я „Телеграфомъ“ очень доволенъ—и мыслю или мыслю поддержать его. — Скажи это и Жуковскому. Дельвига нѣтъ еще!

Такъ какъ Воейковъ ведетъ себя хорошо, то думаю прислать и ему стиховъ—то ли дѣло не красть, не ругаться по м..., не перепечатывать, писемъ не перехватывать и проч.—люди не осудятъ, а я скажу спасибо.

Тиснуть еще стихи кн. Голицыной Суворовой; возьми ихъ отъ нея. Думаю, что Посланіе къ Овидію, Вчера былъ день, и Море могутъ быть, разнообразія ради, помѣщены въ элегіяхъ—да и вообще можно перемѣнить весь порядокъ. R. S. V. P. (Retournez s'il vous plait).

Не напечатать ли въ концѣ Воспоминан-

нія въ Царскомъ Селѣ, съ нотой, что они писаны мною 14-ти лѣтъ—и съ выпискою изъ моихъ записокъ (объ Державинѣ), ась? Да тиснуть еще мою Птичку—да четыре стиха о дружбѣ: «Что дружба? легкой пылъ похмѣлья».

Л. С. Пушкину (безъ числа).—Я было послалъ это въ Сыпь Отечества, да кажется журналъ сей противу меня возстанеть, судя по сухому объявленію Пчелы. Въ такомъ случаѣ мнѣ не годится тамъ явиться, какъ даннику атамана Греча и есаула Булгарина. Дарю отрывки тебѣ: печатай, гдѣ хочешь.

А. Н. Вульфъ.—*Михайловское, весною.*—Любезный Алексѣй Николаевичъ—благодарю васъ за воспоминанья, обнимаю васъ братски, также и Языкова; Посланіе его и чувствительная Элегія—прелесть. Въ посланіи, послѣ т о б о й храню его, стихъ пропущенъ. А стихъ Языкова мнѣ дорогъ. А. П.

Л. С. Пушкину. — *Михайловское, въ началѣ апрѣля.*

„Живѣ, живѣ курилка!“ (См. алф. указат.). Вотъ тебѣ требуемая эпиграмма на Каченовскаго; перешли ее Вяземскому. А между тѣмъ пришли мнѣ тотъ № Вѣстника Европы, гдѣ напечатанъ второй разговоръ лже-Дмитріева; это мнѣ нужно для предисловія къ Бахчисарайскому Фонтану. Не худо бы мнѣ переслать и весь процессъ (и Вѣстникъ, и Дамскій журналъ).

Подпись слѣпного поэта (И. И. Козлова) тронула меня несказанно. Повѣсть его прелесть —

сердись онъ, не сердись — а „хотѣлъ простить—простить не могъ“ достойно Байрона. Видѣніе, конецъ—прекрасны. Поэма не, можетъ быть, лучше поэмы („Чернецъ“) — по крайней мѣрѣ ужасное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое затменіе, останется вѣчнымъ образцомъ мучительной поэзіи. Хочется отвѣчать ему стихами; если успѣю, пошлю ихъ съ этимъ письмомъ.

Гвѣдичъ не получилъ моего письма? Жаль; оно, сколько помню, было очень забавно. Въ томъ же пакетѣ находились два очень нужные — тебѣ и Плетневу. — Что Плетневъ умоляетъ? Конечно, бѣдный боленъ, или „Войнаровскимъ“ недоволенъ — кстати, каковы мои замѣчанія? Надѣюсь, не скажешь, что я ему кажу — а виновать: „Войнаровский“ мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно, что его здѣсь нѣтъ у меня.

Если можно, пришли мнѣ послѣднюю *Genlis* — да *Child Harold — Lamartine* (то-то чепуха должна быть!), да вообще чтонибудь новенькаго, да и Старинну. „Талию“ получилъ и письмо отъ издателя. Не успѣлъ еще пробѣжать: *Ворожея* (Пьеса Шаховскаго) показалась мнѣ *du bon comique*. А Хмѣльницкій, моя старинная любовница — я къ нему имѣю такую слабость, что готовъ помѣстить въ честь его цѣлый куплетъ въ 1-ую пѣснь Онѣгина (да кой чортъ! говорятъ, онъ сердится, если объ немъ упоминаютъ, какъ о драматическомъ писателѣ). Вяземскій правъ, а все-таки на него сердить. Надѣюсь, что Дельвигъ и Баратынскій привезутъ мнѣ и Анахарсиса Клоца, который вѣрно сердится на меня за то, что мнѣ не понутру рѣзво скачущая кровь Грибоѣдова.

Дельвигу объятія мои отверсты. Жду отъ него писемъ изъ эгоизма, изъ аневризма и проч.

Письмо Жуковскаго наконецъ я разобралъ.

Что за прелесть чертовская его небесная душа! Овъ—святой, хотя родился романтикомъ, а не грекомъ, и человекъ, да каковъ еще!

Тиснуть Царское Село, и съ нотой. Напрасно объявляли о Братяхъ Разбойникахъ; ихъ бы можно напечатать и въ Разныхъ Стихотвореніяхъ. Богатая мысль напечатать Нар. (Наполеона), да цензура—д... лучшія строфы потонуть.

А. С. Пушкину. — Михайловское, 7 апреля. —

Сейчасъ получилъ отъ тебя письмо, и повѣстку — вѣроятно отъ Плетнева. Письмо Аннѣ Николаевнѣ отдалъ; не прочитавъ, и сжегъ его тотчасъ (изъ опасенія или изъ ревности — какъ хочешь). Она въ претензіи за твою нѣжності и за то, что онѣ тебя усмирилъ. Полярную еще не получалъ. — Справься, ради Бога, объ Фонтанѣ. Селивановскій предлагаетъ мнѣ 12,000 р., а я долженъ отъ нихъ отказаться; такъ съ голоду умру съ отцомъ, да съ Ольдекопомъ. Прощай, я бѣшенъ.

Благодарю очень за отрывокъ изъ письма Баратынскаго. Дельвига здѣсь еще нѣтъ.

On vous permet d'écrire des lettres, mais sous l'adresse de notre sœur (пойми), c'est ainsi, voyez vous, que j'écris à Анна Ив. Вульфъ sous le nom d'Euphrosine — Господи Иисусе Христе! quelles misères... цѣлуй Ольгу — quelle amabilité et dans quel humeur charmante est ceci!!! Comment osez vous m'écrire une lettre comme celui, c'est bien que votre frère a pris la peine de la bruler pour moi! Да еще смѣлѣ прибавить прибавленіе объ ономъ въ письмѣ къ вашему брату!!!

Вотъ тебѣ мой вчерашній impromptu:
Семейственной любви и нѣжной дружбы ради.
Хвалю тебя, сестра, не спереди, а сзади.

Сожги же это, показавъ ей. Variantes en l'honneur de m-lle NN.:

Почтевія, любви и нѣжной дружбы ради,
Хвалю тебя, мой другъ, не спереди, а сзади.

М-lle NN ваходить, что первый текстъ тебѣ приличенъ. Honny soit etc.

Я заказалъ обѣдню за упокой души Байрона (сегодня день его смерти), Анна Николаевна также, и въ обѣихъ церквахъ Тригорскаго и Воронича происходили молебствія—это немножко напоминаетъ la messe de Frédéric II pour le repos de l'âme de m-g de Voltaire. Вяземскому посылаю вынутую просвиру отцомъ Шкодой за упокой поэта.

Кн. П. А. Вяземскому.— *Михайловское, 7 апреля.*—Нынче день смерти Байрона. Я заказалъ съ вечера обѣдню за упокой его души. Мой попъ удивился моей набожности и вручилъ мнѣ просвиру, вынутую за упокой раба Божія боярина Георгія. Отсылаю ее къ тебѣ.

Онѣгина переписываю. Немедленно и онъ явится къ тебѣ.

Сейчасъ получилъ я Войнаровскаго и Думы съ письмомъ Пущина. Предложеніе Селивановскаго за три поэмы 12000 р., кажется, долженъ я буду отклонить по причинѣ новой типографической плутни: Бахчисарайскій Фонтанъ перепечатанъ.

Прощай, милый; у меня хандра, и нѣтъ ни единой мысли въ головѣ моей. Кланяйся женѣ. Я вамъ обоимъ душою преданъ.— А. П.

Кн. П. А. Вяземскому.— *Михайловское, апрель (до 22-го).*—Надѣюсь, что ты выздоровѣлъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю о томъ officialнаго извѣстія. Братъ перешлетъ тебѣ мои стихи. Я

переписываю для тебя Оуѣгина. Желаю, чтобъ онъ помогъ тебѣ улыбнуться. Въ первый разъ улыбка читателя те *sourit*; извини эту плоскость: въ крови! А между тѣмъ будь мнѣ благодаренъ: отроду ни для кого ничего не переписывалъ, даже для Голицыной. Изъ сего слѣдуетъ, что я въ тебя влюбленъ, какъ Кюхельбекерскій Державинъ въ Суворова.

Занимаетъ-ли еще тебя россійская литература? Я было на Полевого очень ошетинился за Невскій Альманахъ и за пародію Жуковскаго. Но теперь съ нимъ помирился. Я даже такого мнѣнія, что должно непремѣнно поддержать его журналъ. Хочешь? Я согласенъ.

Стихотворенія мои отосланы въ Петербургъ, подъ Бирукова. Почти все извѣстно уже, но все нужно было соединить воедино. Изъ всего, что должно было предать забвенію, болѣе всего жалѣю о своихъ эпиграммахъ. Ихъ всѣхъ около 50, и всѣ оригинальныя; но, по несчастію, я могу сказать какъ Chamfort: *Tous ceux contre lesquels j'en ai fait sont encore en vie*, а съ живыми—полно, не хочу ссориться. Изъ посланія къ Чадаеву вымаралъ я стихи, которые тебѣ не понравились, единственно для тебя, изъ уваженія къ тебѣ, а не потому, что они другимъ не понутру.

Кланяйся Давыдову, который забылъ меня. Сестра Ольга въ него влюблена, и подѣломъ. Кстати или нѣтъ: онъ критиковалъ ей въ Бахч. Фонтанѣ Заремины очи. Я бы съ нимъ согласился, если бы дѣло шло не о Востокѣ. Слогъ восточный былъ для меня образцомъ, сколько возможно намъ благоразумнымъ, холоднымъ европейцамъ. Кстати еще: знаешь, почему не люблю я Мура? Потому, что онъ черзчуръ ужъ восточенъ. Онъ подражаетъ ребячески и уродливо ребячеству и уродливости

Саади, Гафиза и Магомста. Европейецъ и въ упоеніи восточной роскоши долженъ сохранить вкусъ и взоръ европейца. Вотъ почему Байронъ такъ и прелестенъ въ Гяурѣ и въ Абидосской Невѣстѣ и проч.

Л. С. Пушкину. *Михайловское, 22-го апрѣля.* — Фуше, Oeuvres dramatiques de Schiller, Schlegel, Don Juan (последнія 6-я и пр. пѣсни), новый Walter Scott, Сибирскій Вѣстникъ весь — и все это черезъ St-Florent, а не черезъ Сленина. — Вино, вино, ромъ (12 бутылокъ), горчицы, Fleur d'orange, чемоданъ дорожный. Сыру лимбургскаго. Книгу оъ верховой ѣздѣ — хочу жеребцовъ выѣзжать: вольное подражаніе Alfieri и Байрону. Какъ я былъ радъ баронову пріѣзду. Онъ очень милъ! Наши барышни всѣ въ него влюбились, а онъ равнодушенъ какъ колода, любить лежать на постели, восхищаясь Чигиринскимъ Старостомъ („Смерть Чигиринскаго Старосты“ Рыльва); приказываетъ тебѣ кланяться, мысленно тебя цѣлуя 100 разъ, желаетъ тебѣ 1000 хорошихъ вещей (напримѣръ, устриць).

23 (апрѣля). Сейчасъ получилъ письмо отъ тебя. Благодарю за обѣщаніе предисловія. — Думаю, что можно вачать, благословясь. — О Посланіи къ Чадаеву скажу тебѣ, что пощечины повторять не нужно. Толстой явится у меня во всемъ блескѣ въ 4-й пѣснѣ Онѣгина, если его пасквиль этого стоитъ, и по-сему попроси его эниграмму и пр. отъ Вяземскаго (непремѣнно). Ты, голубчикъ, не находишь толку въ мдѣй лунѣ — что жъ дѣлать, а напечатать уже такъ. — Если Сабуровъ не уѣхалъ еще въ Одессу, то попроси его обо мнѣ тамъ ничего не врать. Жалѣю, что не могу быть

увѣренъ и въ твоей молчаливости. Скажи сестрѣ, что я поссорилъ ее съ Анной Николаевной, показавъ (и не читавъ) нечаянно письмо, гдѣ она говоритъ: elle me boude mais je m'en f... или подобное. Я Анету увѣрилъ, что сестра очень сердится на нее и все черезъ эти билетки.

des bretelles
des bottes (или не нужно).

Брату Плагневу поклонъ да пара словъ—на динхъ къ нему пишу.

И. П. А. Вяземскому.—*Михайловское, конецъ августа.* - Дельвигъ у меня. Черезъ него пересылаю тебѣ 2 главу Онѣгина (тебѣ единственно и только для тебя переписаннаго). За разговоръ съ няней, безъ письма, братъ получилъ 600 р. Ты видишь, что это деньги, слѣдственно должно держать ихъ подъ ключемъ. Отъ тебя нѣтъ ни слуху, ни духу. Надѣюсь, что ты здоровъ; о другомъ надѣяться не смѣю; но судьба, кажется, могла бы быть довольна.

Улыбнись, мой милый. Вотъ тебѣ элегія на смерть А н н ы Л ь в о в н ы.

Охъ, тетенька! Охъ, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты къ маменькѣ любовна,
Была ты къ папенькѣ добра.
Была ты Лизаветой Львовной
Любима больше серебра;
Матѣй Михайловичъ, какъ кровный,
Тебя встрѣчалъ средн двора.
Давно ли съ Ольгой Сергѣвной,
Со Львомъ Сергѣичемъ давно-ль,
Какъ бы на смѣхъ судьбинѣ гнѣвной,
Ты раздѣляла хлѣбъ да соль?
Увы! зачѣмъ, Василий Львовичъ

Твой гробъ стихами обмочилъ,
Или зачѣмъ подлецъ-поповичъ,
Его Красовскій пропустилъ?!

(Я да Дельвигъ).

Кстати: зачѣмъ ты не хотѣлъ отвѣчать на письмо Дельвига? Онъ человѣкъ достойный уваженія во всѣхъ отношеніяхъ и не чета нашей литературной С.-Петербургской сволочи. Пожалуйста, ради меня, поддержи его Цвѣты на слѣдующій годъ. Мы всѣ объ нихъ постараемся. Да вѣтъ ли у тебя и прозы? Что мнишь ты о Полярной?... Есть ли у тебя какія нибудь извѣстія объ Одессѣ? Перешли мнѣ что нибудь о томъ.

К. Ѡ. Рылѣву. — *Михайловское, конецъ апрѣля.* — Думаю, ты уже получилъ замѣчанія мои на Воинаровскаго. Прибавлю одно: вездѣ, гдѣ я ничего не сказалъ, должно подразумевать знаки восхищенія, прекрасно, и пр. Полагая, что хорошее писано съ умыслу — не счелъ за нужное отмѣчать для тебя. Что сказать тебѣ о Думахъ? Во всѣхъ встрѣчаются стихи живые; окончательныя строфы Петра въ Острогжскѣ чрезвычайно оригинальны. Но вообще всѣ онѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. Всѣ онѣ на одинъ покрой, составлены изъ общихъ мѣстъ (loci topici): описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и правоученіе. Национальнаго русскаго вѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ именъ (исключая Ивана Сусанина — первую думу, по которой началъ я подозрѣвать въ тебѣ истинный талантъ).

Ты напрасно не поправилъ въ Олегъ герба Россіи. Древній гербъ, св. Георгій, не могъ находиться на щитѣ языческаго Олега. Новѣйшій, двуглавый орелъ есть гербъ византійскій и принятъ у насъ во время Іоанна Ш, не прежде. Лѣтописецъ, просто говоритъ: „то же еѣ“

вѣси щитъ свой на вратѣхъ на показаніе побѣды“.

Объ Исповѣди Наливайко скажу, что мудроно что нибудь у насъ напечатать истинно хорошаго въ этомъ родѣ. Нахожу отрывокъ этотъ растянутымъ; но и тутъ, конечно, наложилъ ты свою печать. Тебѣ скучно въ Петербургѣ, а мнѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа. Какъ быть? — Прощай, поэтъ, когда-то свидимся?

А. А. Бестужеву. — *Михайловское, концъ апрѣля.* — Такъ! мы можемъ праведно гордиться: наша словесность, уступая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ передъ ними отличается, что не носитъ на себѣ печати рабскаго униженія. — Наши таланты благородны, независимы. Съ Державинымъ умолкнулъ голосъ лести, а какъ опъ льстиль?

«О, вспомни! какъ въ томъ восхищенѣ
Пророча, я тебя хвалилъ.

Смотри, я рекъ, триумфъ — минуту,

. А добродѣтель вѣкъ живетъ».

Прочти посланіе къ Александру (Жуковскаго 1815 г.). Вотъ какъ русскій поэтъ говоритъ русскому царю. Пересмотри наши журналы, все текущее въ литературѣ...

О нашей лирѣ можно сказать, что Мирабо сказалъ о Сіесѣ: *Son silence est une calamité publique*. Иностранцы намъ изумляются; они отдають намъ полную справедливость, не понимая, какъ это сдѣлалось. Причина ясна. У насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества. Аристократическая гордость сливается у нихъ съ авторскимъ самолюбіемъ; мы не хотимъ быть покровительствуемы равными — вотъ чего

п...ъ Воронцовъ не пошмасть. Онъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою, а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе, какъ шести сотлѣтій дворянинъ. Дьявольская разнида!...

Все, что ты говоришь о нашемъ воспитаніи, о чужестранныхъ и междоусобныхъ (преlestь!) подражаніяхъ--прекрасно, выражено сильно и съ краснорѣчіемъ сердечнымъ; вообще мысли въ тебѣ кипятъ. Объ О н ѣ г и н ѣ ты не высказалъ всего, что имѣлъ на сердцѣ; чувствую почему--и благодарю; но зачѣмъ же ясно не обнаружить своего мнѣнія? Покажѣсть мы будемъ руководствоваться личными нашими отношеніями, критики у насъ не будетъ, а ты достоинъ ее создать.

Твой Турниръ (въ „П. Звѣздѣ.“) напоминаетъ турниръ W. Scott'a. Брось пѣмцевъ и обратись къ намъ, православнымъ; да полно тебѣ писать быстрыя повѣсти съ романтическими переходами, это хорошо для поэмы романтической. Романъ требуетъ б о л т о в н и; высказывай все начисто. — Твой Владиміръ говоритъ языкомъ нѣмецкой драмы, смотреть на солнце въ полночь (стр. 330) etc; но описаніе стана литовскаго, разговоръ плотника съ часовымъ--преlestь; конецъ также. Впрочемъ, вездѣ твоя необыкновенная живость...

Р ы л ѣ в ѣ покажетъ тебѣ, конечно, мои замѣчанія на В о й н а р о в с к а г о, а ты пришли мнѣ свои возраженія. Покажѣсть обнимаю тебя отъ души.

Еще слово: ты умѣлъ въ 1822 г. жаловаться на туманы нашей словесности, а нынѣшній годъ и спасибо не сказалъ старику Шишкову. Кому же, какъ не ему, обязаны мы нашимъ оживленіемъ?

Ии П. А. Вяземскому. — *Михайловское, 25 мая.*
 — Ты спрашиваешь, доволенъ ли я тѣмъ, что ска-
 залъ ты обо мнѣ въ Телеграфѣ. Что за вопросъ?
 Европейскія статьи такъ рѣдки въ нашихъ жур-
 налахъ! А твоимъ перомъ водятъ и вкусъ, и
 пристрастіе дружбы. Но ты слишкомъ бережешь
 меня въ отношеніи къ Жуковскому. Я не слѣд-
 ствіе, а точно ученикъ его, и только тѣмъ и
 беру, что не смѣю сунуться на дорогу его, а
 бреду проселочной. Никто не имѣлъ и не бу-
 деть имѣть слога, равнаго въ могуществѣ и
 разнообразіи слогу его. Въ бореньяхъ съ труд-
 ностью силачъ необычайный. Переводы избало-
 вали его, излѣнили; онъ не хочетъ самъ сози-
 дать; но онъ, какъ Voss, геній перевода. Къ
 тому же смѣшно говорить объ немъ, какъ объ
 отцѣвѣтшестъ, тогда какъ слогъ его еще мужаетъ.
 Былое сбудется опять, а я все чаю въ воскре-
 сеніе мертвыхъ. Читалъ я твое о Чернецѣ;
 ты исполнилъ долгъ своего сердца. Эта поэма,
 конечно, полна чувства и умѣе Войнаровскаго,
 но въ Рылѣвѣ есть болѣе замашки или раз-
 машки въ слогѣ. У него есть какой-то тамъ
 палачъ съ засученными рукавами, за котораго
 я бы дорого далъ. За то Думы — дрянъ, и назва-
 ніе сіе происходитъ отъ нѣмецкаго *dum*, а
 не отъ польскаго, какъ казалось бы съ перваго
 взгляда. Стихи Неѣлова — прелесть. Статьи и
 стиховъ Шаликова не читалъ. Неужто онъ оби-
 жается моими стихами? Вотъ ужъ тутъ-то я не-
 виненъ, какъ барашекъ. Спросите у брата Лео-
 но: онъ скажетъ вамъ, что, увидѣвъ у меня имя
 князя Шаликова, онъ присовѣтовалъ мнѣ за-
 мѣнить его Батюшковымъ. Я было и послушал-
 ся, да стало жаль, *et j'ai remis bravement Cha-
 likoff!* Это могу доказать черною бумагою.
 Твои каламбуры очень милы. Здѣшнія дѣвицы
 находятъ ихъ весьма забавными, а все-таки жду

твое о Байронѣ Благодарю за Casimir (какъ бы выкроить изъ него saletbourg? выгадай ка!). Ты, кажется, любишь Казимира (Делавинь), а я такъ нѣтъ. Конечно, онъ поэтъ, но все не Вольтеръ, не Гете... далеко кулику до орла! Первый геній тамъ будетъ романтикъ и увлечетъ французскія головы Богъ вѣдаетъ куда. Кстати: я замѣтилъ, что всѣ (даже и ты) имѣютъ у насъ самое темное понятіе о романтизмѣ. Объ этомъ надобно будетъ на досугѣ потолковать, но не теперь; мочи нѣтъ. усталъ. Писалъ по всѣмъ—даже и къ Булгарину.

В. А. Жуковскому.—*Михайловское, май — июнь.* — Вотъ тебѣ человѣческой отвѣтъ: мой аневризмъ носилъ я десять лѣтъ и съ Божіею помощію могу проносить еще года три. Слѣдственно, дѣло не къ спѣху, но Михайловское душно для меня. Если бъ царь меня до излеченія отпустилъ за границу, то это было бы благодѣяніе, за которое я бы вѣчно былъ ему и друзьямъ моимъ благодаренъ. Вяземскій пишетъ мнѣ, что друзья мои въ отношеніи властей извѣрились во мнѣ: напрасно. Я общалъ Н. М. (Карамзину) два года ничего не писать противу правительства — и не писалъ. Книжка жъ не противу правительства писанъ, и хоть стихи и не совсѣмъ чисты въ отношеніи слога, но намѣреніе въ нихъ безгрѣшно. Теперь же все это мнѣ надоѣло, и если меня оставятъ въ покоѣ, то вѣрно я буду думать объ однихъ пятистопныхъ безъ риемъ. Смѣло полагаясь на рѣшеніе твое, посылаю тебѣ черновое къ самому Бѣлому; кажется, подлости съ моей стороны ни въ поступкѣ, ни въ выраженіи нѣтъ. Пишу по-французски, потому что языкъ этотъ дѣловой и мнѣ болѣе по перу. Впрочемъ, да будетъ воля

твоя; если покажется это непристойнымъ, то можно перевести, а братъ переписатьъ и подпишетъ за меня.

Все это тринь-трава. Ничего не говорилъ я тебѣ о твоихъ стихотвореніяхъ. Затѣмъ слушаешься ты маркиза Блудова? Пора бы тебѣ удостовѣриться въ односторонности его вкуса. Къ тому же не вижу въ немъ и безкорыстной любви къ твоей славѣ. Выбрасывая, уничтожая самовластно, онъ не исключилъ изъ собранія П о с л а н і я къ нему, произведенія, конечно, слабаго. Нѣтъ, Жуковскій,

Веселаго пути Ко древнему Дунаю
Я Блудову желаю И

Надпись къ Гете, Ахъ, если бъ мой милый, Генію—все это прелесть, а гдѣ они? Знаешь, что выйдетъ? Послѣ твоей смерти все это напечатаютъ съ ошибками и съ приобщеніемъ стиховъ Кюхельбекера. Подумать страшно! Дельвигъ расскажетъ тебѣ мои литературныя занятія. Жалѣю, что нѣтъ у меня твоихъ совѣтовъ, или хотъ присутствія: оно вдохновеніе. Кончи, ради Бога, Водолаза (баллада Шиллера „Кубокъ“). — Ты спрашиваешь, какая цѣль у Цыгановъ? Вотъ на! Цѣль поэзи — поэзія, какъ говоритъ Дельвигъ (если не укралъ этого). Думы Рылѣва и цѣлятъ, а все не-впадаютъ.

Къ письму приложено слѣд. черновое прошеніе.

„Обязанный признать снисходительность в. в—ва въ самую минуту вашей ко мнѣ немилости, я долгомъ бы себѣ поставилъ переносить эту немилость въ почтительномъ молчаніи, если бы необходимость не побуждала меня нарушить его.

Здоровье мое было сильно разстроено въ пер-

вой молодости; до сихъ поръ у меня не было средствъ леч. ться. А невризмъ, которымъ я страдаю лѣтъ десять, требовалъ бы также безотлагательной операціи. Легко убѣдиться въ истинѣ моего заявленія.

Меня укоряли, государь, въ томъ, что я когда то полагался на великодушіе вашего права. Ныпѣ сознаюсъ, что единственно къ нему прибѣгаю. Умоляю ваше величество дозволить мнѣ удалиться куда нибудь въ Европу, гдѣ я не буду лишень всякой помощи“.

Въ бумагахъ Пушкина сохранился просктъ этого же прошенія въ иной, болѣе полной редакціи, а именно:

„Мнѣ было 20 лѣтъ въ 1820 году. Нѣсколько необдуманыхъ словъ, нѣсколько сатирическихъ стиховъ обратили на меня вниманіе. Разнесся слухъ, что я былъ позванъ въ тайную канцелярію и высѣченъ. Слухъ былъ давно общимъ, когда дошелъ до меня. Я почелъ себя опозореннымъ передъ свѣтомъ, я потерялся, дрался — мнѣ было 20 лѣтъ! Я размышлялъ, не приступить ли мнѣ къ самоубійству или... Но въ первомъ случаѣ я самъ бы способствовалъ къ укрѣленію слуха, который меня безчестилъ; я не смывалъ никакой обиды, потому что обиды не было: я только совершалъ преступленіе и приносилъ жертву общественному мнѣнію, которое презиралъ... Таковы были мои размышленія; я сообщилъ ихъ одному другу, который вполнѣ раздѣлялъ мой взглядъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ начать попытки оправданія себя передъ правительствомъ: я понялъ, что это бесполезно. Тогда я рѣшился выкавать столько наглости, столько хвастовства и буйства въ моихъ рѣчахъ и въ моихъ сочиненіяхъ, сколько нужно было для того, чтобы понудить правительство обращаться

со мною, какъ съ преступникомъ. Я жаждалъ Сибири, какъ восстановления чести.

Я былъ глубоко тронутъ великодушными мѣрами правительства относительно меня, которыя окончательно уничтожили смѣшную клевету“...

Бар. А. А. Дельвигу.— *Михайловское, 8 юня.*— Жду, жду писемъ отъ тебя— и не дождусь. Не принялъ ли ты опять въ услуженіе покойнаго Никиту, или ждешь оказіи? Проклятая оказія! Ради Бога, напиши мнѣ что нибудь: ты знаешь, что я имѣлъ несчастіе потерять бабушку Чичерину и дядю Петра Львовича— получилъ эти извѣстія безъ пріуготовленія и нахожусь въ ужасномъ положеніи— утѣшь меня, это священный долгъ дружбы (сего священнаго чувства). Что дѣлають мои Р а з в ы я С т и х о т в о р е н і я? Видѣлъ ли ихъ Бируковъ Грозный? Отъ Плетнева не получилъ ни единой строчки. Что мой Онѣгинъ? Продается ли? Кстати, скажи Плетневу, чтобъ онъ Льву давалъ изъ моихъ денегъ на орѣхи, а не на комисіи мои, потому что это напрасно: такого безсовѣстнаго комисіонера нѣтъ и не будетъ. — По твоёмъ отъѣздѣ перечелъ я Державина всего, и вотъ мое окончательное мнѣніи. Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни дужа русскаго языка (вотъ почему онъ и ниже Ломоносова)— онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія. Вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы (исключая чего знаешь). Что же въ немъ?— мысли, картины и движенія, истинно поэтическія; читая его, кажется, читаешь дурной, вольный переводъ съ какого-то чуднаго подлинника. Ей Богу, его

геній думалъ потатарски, а русской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ, современемъ переведенный, изумить Европу, а мы изъ гордости пародной не скажемъ всего, что мы знаемъ о немъ (намъ говоря уже о его министерствѣ); у Державина должно сохранить будетъ одъ восемь да нѣскольکو отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ Суворова— жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ. Довольно о Державинѣ.— Что дѣлаетъ Жуковский? Передай мнѣ его мнѣніе о 2-й главѣ Онѣгина, да о томъ, что у меня въ пальцахъ. Какую Крыловъ выдержалъ операцію? Дай Богъ ему многія лѣта—его Мельникъ хорошъ, какъ Демьянъ и Фокя. Видѣлъ ли ты Н. М. (Карамзина)? Идетъ ли впередъ исторія? Гдѣ онъ остановится? Не на избраніи ли Романовыхъ?.. Шестъ Пушкиныхъ подписали избирательную грамоту, да два руку приложили за неумѣніемъ писать! А я, грамотный потомокъ ихъ, что я? гдѣ я?..

Кн. П. А. Вяземскому.—*Михайловское, июнь.*— Ты вызываешься сосводничать мнѣ Полевого. Дѣло въ томъ, что я радъ помогать ему, а условій вѣрно никакихъ не выполняю—свѣдственно и денегъ его мнѣ не надобно. Да ты смотри за нимъ, ради Бога! И ему случается завираться. Напримѣръ: Донъ Кихотъ искоренилъ въ Европѣ странствующихъ рыцарей!!!— Въ Италиі, кромѣ Dante единственно, не было романтизма. А онъ въ Италиі-то и возникъ. Что же такое Аріостъ? А предшественники его, начиная отъ *Vuovo d'Antona* до *Orlando innamorato*? Какъ можно писать такъ наобумъ! А ты не пренебрегай журнальными мелочами: *Napoléon* ими занимался и былъ лучшимъ жур-

наистомъ Парижа (какъ замѣтилъ, помнится, Фуше).

Кн. П. А. Вяземскому.—*Михайловское, июнь.*—
 Думаю, что ты уже получилъ отвѣтъ мой на предложенія Телеграфа. Если ему нужны стихи мои, то пошли ему, что тебѣ попадетъ (кромя Онѣгина); если же мое имя, какъ сотрудника, то не соглашусь изъ благородной гордости, т. е. амбиціи: Телеграфъ—человѣкъ порядочный и честный, но враль и невѣжда, а вранье и невѣжество журнала дѣлится между его издателями; въ часть эту входитъ не намѣренъ. Не смотря на перемѣну министерства и на улучшенія цензуры, все-таки не могу отвѣчать за Красовскаго съ братьею. Пожалуй я подряжусь выставять по стольку-то піесъ, да въ накладѣ можетъ остаться журналъ, если такъ восхоцетъ Богъ да Бируковъ. Я всегда былъ склоненъ аристократичествовать, а съ тѣхъ поръ какъ пошелъ моръ на Пушкиныхъ, я и пуще зачуфырился: стихами торгую en gros, а свою мелочную лавку № 1 запираю. Къ тому же, между нами: братъ Левъ у меня на рукахъ; отъ отца ему денегъ на шампанское не будетъ; такъ пускай Телеграфъ съ нимъ сдѣлается, и дай Богъ имъ обоимъ расторговаться съ моею легкой руки. A demain les affaires sérieuses... Какую піесню изъ *Béranger* перевелъ дядя В. Л.? Ужъ не *le bon Dieu* ли? Объяви ему за тайну, что его въ томъ подозрѣваютъ въ Петербургѣ и что готовится уже слѣдственная комиссія, составленная изъ гр. Хвостова, Магницкаго и г-жи Хвостовой (автора *К а м и н а* и слѣдств. соперницы Вас. Львовича). Не худо увѣдомить его, что уже давно былъ бы онъ сосланъ, еслибы не чрезвычайная извѣстность (*extrême popularité*) его *Опаснаго Сосѣда*. Она-

саются шума! — Какъ жаль, что умеръ А. М. (А. М. Пушкинъ, дальній родственникъ поэта) и что не видалъ я дядиной травы! Но Дмитриевъ живъ, все еще не потеряно. Я послалъ въ Пчелу, а не въ Телеграфъ мою опечатку, потому что въ Москву почта идетъ несносно долго. Полевой напрасно огорчился; ты не напрасно прибавилъ журнальнымъ, а я не даромъ отозвался, *et le diable n'y perd rien*.

Вотъ еще эпиграмма на Благонимѣреннаго, который, говорятъ, критиковалъ моихъ Пріятелей:

«Недавно я стихами какъ-то свистнулъ» и т. д. (см. въ алфавит. указателѣ: «*Ex ungue leonem*»).

Отослано къ Полевому. Ты уже, думаю, босоножка, полощешься въ морской лужицѣ, а я наслаждаюсь душнымъ запахомъ смолистыхъ почекъ березъ, подъ кропильницею псковскаго неба и жду, чтобъ Нѣкто повернулъ сверху кранъ, и золотые дожди остановились.Theta въ сторону, у насъ холодно и грязно. Жду разрѣшенія моей участи.

В. А. Жуковскому.—*Михайловское, июнь — июль.* — Неожиданная милость его величества (разрѣшеніе лечиться въ Псковѣ) тронула меня несказанно, тѣмъ болѣе, что здѣшній губернаторъ предлагалъ уже мнѣ имѣть жительство во Псковѣ, но я строго придерживался повелѣнія высшаго начальства. — Я сирравлялся о псковскихъ операторахъ; мнѣ указали тамъ на нѣкотораго Всеволодова, очень искуснаго по ветеринарной части и извѣстнаго въ ученномъ свѣтѣ по своей книгѣ объ лѣченіи лошадей.

Не смотря на все это, я рѣшился остаться въ Михайловскомъ; тѣмъ не менѣе чувствую отеческую снисходительность его величества.

Боюсь, чтобъ медленность мою пользоваться монаршею милостию не почли за небреженіе или возмутительное упрямство—но можно ли въ человѣческомъ сердцѣ предполагать такую адскую неблагодарность?

Дѣло въ томъ, что десять лѣтъ не думавъ о своемъ аневризмѣ, не вижу причины вдругъ о немъ расхлопотаться. Я все жду отъ человѣколюбиваго сердца императора, авось-либо позволить онъ мнѣ современемъ искать стороны мнѣ по сердцу и лѣкарю по довѣрчивости собственнаго разсудка, а не по приказанію высшаго начальства. — Обнимаю тебя горячо. — *А. Пушкинъ.*

Ки. П. А. Вяземскому. — *Михайловское, 13 іюля.* — Братъ писалъ мнѣ, что ты въ Царскомъ Селѣ, что онъ переписалъ для тебя мои стихи, а отъ тебя жду-жду письма и не дождусь. Что ты? Въ Ревелѣ или еще нѣтъ? И что мой Байронъ или Бейронъ, *toi dont le monde encore ignore le vrai nom!* Сейчасъ прочелъ твои замѣчанія на замѣчанія Дениса на замѣчанія Наполеона. Чудо-хорошо! Твой слогъ живой и оригинальный тутъ еще живѣе и оригинальнѣе. Ты хорошо сдѣлалъ, что заступился явно за галицизмы. Когданибудь должно же вслухъ сказать, что русскій метафизическій языкъ находится у насъ еще въ дикомъ состояніи. Дай Богъ ему когданибудь образоваться на подобіе французскаго (яснаго, точнаго языка прозы, т. е. языка мыслей). Объ этомъ есть у меня строфы три въ Онѣгинѣ. За твоей статьею слѣдуетъ моя о *M-me de Stael*; но не разглашай этого: тутъ есть одно великое слово, поставленное во-первыхъ ради цензуры, а во-вторыхъ для

*

вящаго а н о н и м а. Вѣроятно, ты уже знаешь царскую ко мнѣ милость и позволеніе пріѣхать во Псковъ. Я справлялся о тамошнихъ операторахъ; мнѣ рекомендуютъ Всеволодова, очень искуснаго коновала; увидимъ. Покамѣсть, душа моя, я предпринялъ такой литературный подвигъ, за который ты меня расцѣлуешь: романтическую трагедію. Смотри — молчи же! Объ этомъ знаютъ весьма немногіе. Читалъ ты моего А. Шенье въ темницѣ? Суди о немъ какъ езуитъ — по намѣренію. Милый мой! Мое намѣреніе обнять тебя, но плоть немощна. Прости, прощай. Съ тобою ли твоя княгиня-лебедушка? Кланяйся ей отъ арзамасскаго гуса.

Р. S. Передо мной моя трагедія. Не могу вытерчѣть, чтобъ не выписать ея заглавія. Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ. Писалъ рабъ Божій Александръ сынъ Сергѣевъ Пушкинъ, въ лѣто 7333, на городищѣ Вороничѣ. Каково?

А. Н. Вульфъ (по французски). — *Михайловское, 21 июля.* — Пишу вамъ въ грустномъ опьяненіи; видите — держу слово.

И такъ, доѣхали ли вы до Риги? одержали ли побѣды? скоро ли выйдете замужъ? наняли ли улановъ? увѣдомьте меня обо всемъ этомъ съ величайшей подробностью, ибо вы знаете, что, не смотря на мои злыя шутки, я истинно интересуюсь тѣмъ, что до васъ касается. Хотѣлъ побранить васъ, да не хватаетъ духу при такомъ почтительномъ разстояніи, за то вамъ будутъ нравоченія и совѣты. Извольте прислушаться. 1) Ради Бога будьте вѣтренны лишь съ вашими друзьями [мужескаго рода], они воспользуются этой вѣтренностью лишь для самихъ

себя, тогда какъ подруги повредятъ вамъ, ибо усвойте себѣ ту мысль, что всѣ онѣ такія же тщеславныя и болтливыя, какъ вы сами. 2) Носите короткія платья, ибо у васъ премиленькія ножки, да не растрепывайте височковъ, хотя бы это было и по модѣ, такъ какъ у васъ, къ несчастію, кругленькое личико. 3) Съ нѣкотораго времени вы стали очень ученой, но учености своей не выказывайте, и если уланъ скажетъ вамъ, что „съ вами нездорово вальсировать“ — не смѣйтесь, не жеманьтесь, не показывайте виду, что этимъ чванитесь; поднесите платокъ къ носу, отвернитесь и заговорите о чемъ-нибудь другомъ. 4) Не забудьте послѣдняго изданія Байрона.

Знаете ли, за что я хотѣлъ васъ побранить — нѣтъ? Дѣвица непостоянная, безчувственная, безъ... и т. д. и т. д. и т. д. А обѣщанія ваши, сдержали вы ихъ? Добро! говоритъ о нихъ больше не стану и прощаю васъ, тѣмъ болѣе, что и самъ объ этомъ вспомнилъ лишь послѣ вашего отъѣзда. Странно! гдѣ же у меня тогда была голова? Теперь поговоримъ о другомъ.

Все Тригорское поетъ: не мила ей прелесть ночи, а у меня сердце поетъ; вчера Алексѣй [Вульфъ] и я говорили битыхъ четыре часа. У насъ еще никогда не было такого продолжительнаго разговора. Угадайте, что насъ вдругъ такъ сблизило? С к у к а? Е д и н с т в о ч у в с т в а? Ничего этого не знаю; я каждую ночь гуляю по саду и говорю: она была здѣсь; камень, о который она споткнулась, лежитъ у меня на столѣ подлѣ вѣтки поблекшаго геліотропа. Пишу много стиховъ — все это, если хотите, очень похоже на любовь; но, клянусь вамъ, что ничего этого нѣтъ. Если бы я былъ влюбленъ, то въ воскресенье со мною сдѣлались бы судороги отъ бѣшенства и

ревности; мнѣ же оно было только немного обидно. Однако же мысль, что я для нея ничего не значу; что, пробудивъ и занявъ ея воображеніе, я только потѣшилъ ея любопытство; что воспоминаніе обо мнѣ ни на минуту не сдѣлаетъ ее разсѣяннѣе среди ея торжествъ, ни мрачнѣе въ дни грусти, что ея прелестные глаза останутся на какомъ нибудь рижскомъ вертопрахѣ съ тѣмъ же пронзающимъ сердце и сладостнымъ выраженіемъ—нѣтъ, эта мысль мнѣ несносна... Скажите ей, что она убьетъ меня;—нѣтъ, не гонорите ей этого, она насмѣется надъ этимъ, очаровательное созданіе! Но, скажите ей, что если въ ея сердцѣ нѣтъ на мою долю тайной нѣжности, если въ немъ нѣтъ таинственной, меланхолической ко мнѣ склонности—я презираю ее, слышите ли? да, презираю, не смотря на все удивленіе, которое должно возбудиться въ ней этимъ столь новымъ чувствомъ.

Простите, m-lle баронесса, примите поклонъ вашего прозаическаго обожателя.

Р. S. Пришлите мнѣ общанный вами ре-цептъ, я надѣлалъ столько глупостей, что мочи нѣтъ—проклятый пріѣздъ, прокля-тый отъѣздъ!

Бар. А. А. Дельвигу. — *Михайловское, 23 іюля.*—Сейчасъ узнаю, что ты ко мнѣ писалъ, но письмо твое до меня не дошло. Дай Богъ, чтобъ новый Никита имъ воспользовался! Я чрезвычайно за тебя беспокоюсь: не сказалъ ли ты чего нибудь лишняго или необдуманнаго? участіе дружбы можно перетолковать въ дурную сторону - а я боюсь быть причиною не-пріятностей для лучшихъ изъ друзей моихъ.

Мнѣ пишетъ П. А. (Плетневъ), что обо мнѣ

намѣрены передоложить Напрасно; письмо моей матери ясно; отвѣтъ окончателенъ. Въ Псковѣ конечно есть лекаря—чего жъ мнѣ болѣе?

Съ братомъ я въ сношенія входитъ не намѣренъ - онъ зналъ мои обстоятельства, и самовольно затрудняетъ ихъ. У меня нѣтъ ни копѣйки денегъ въ минуту нужную; я не знаю, когда и какъ я получу ихъ. Безпечность и легкомысліе эгоизма извинительны только до нѣкоторой степени. Если онъ захочетъ переписать мои стихи вмѣсто того, чтобы читать ихъ на ужинахъ и украшать ими альбомъ Воейковой, то я буду ему благодаренъ - если нѣтъ, то пусть отдастъ онъ рукопись мою тебѣ, а ты уже похлопочи съ Плетневымъ.

Ты, слышалъ я, женишься въ августѣ; поздравляю, мой милый—будь счастливъ, хоть это чертовски мудрено. - Цѣлую руку твоей невѣстѣ и заочно люблю ее, какъ дочь Салтыкова и жену Дельвига. Р. S. П. А. (Осипова) уѣхала и я одинъ...

Зачѣмъ было замѣнять мое письмо, дѣльное и благоразумное (прошеніе къ государю), письмомъ моей матери? Не полагались ли на чувствительность...? Ошибка важная! въ первомъ случаѣ я бы поступилъ прямодушно, во второмъ могли только подозрѣвать мою хитрость и неуклончивость.

Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ римскимъ сенатомъ къ заточенію на какомъ то безлюдномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что человѣка, коему дарована жизнь, не должно лишать способовъ къ поддержанію жизни. Слова достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго!—Чѣмъ болѣе читаю Тацита, тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ умовъ древности.

П. А. Осиповой (по франц.).—*Михайловское, 25 іюля.*—Препровождаю къ вамъ, мил. государыня, два письма на ваше имя. Одно отъ Плетнева: оно было вложено въ мой конвертъ. Я надѣюсь, что эти письма застанутъ васъ уже въ Ригѣ, веселою и довольною путешествіемъ. Мои петербургскіе друзья были увѣрены, что я васъ сопровождаю. Плетневъ сообщаетъ мнѣ довольно странную вѣсть: опредѣленіе его величества показалось имъ недоразумѣніемъ, и они рѣшились снова ему доложить. Услуги пріятелей доведутъ меня, пожалуй, до Шлюссельбурга, гдѣ конечно не будетъ сосѣдства Тригорскаго, — которое, какъ бы пусто оно ни было въ эту минуту, доставляетъ мнѣ истинное утѣшеніе. Жду съ нетерпѣніемъ вѣсти отъ васъ; пишите мнѣ, прошу васъ; умолчу о моихъ чувствахъ дружбы и вѣчной благодарности къ вамъ и прошу принять мой душевный привѣтъ.

А. П. Кернъ (по франц.).—*Михайловское, 25 іюля.*—Я имѣлъ слабость просить позволенія писать къ вамъ, а вы—легкомысліе, или кокетство дать мнѣ на это позволеніе. Переписка ни къ чему не ведетъ, я это знаю; но у меня нѣтъ силъ противиться желанію имѣть слово, написанное вашей хорошенькой ручкой. Вашъ пріѣздъ въ Тригорское оставилъ во мнѣ впечатлѣніе глубже и мучительнѣе того, которое произвела на меня въ былые дни наша встрѣча у Оленина. Въ моей печальной деревенской глуши не могу сдѣлать ничего лучшаго, какъ стараться больше не думать о васъ. Вы должны были бы желать мнѣ этого, хоть ради крошки жалости ко мнѣ въ душѣ вашей; но вѣтренность всегда жестока и всѣ вы, барыни, вертя головы, какъ ни по-

пало, въ восхищеніи отъ сознанья, что есть душа, страдающая вамъ во славу и честь.

Прощайте, божественная, бѣнусь и падаю къ вашимъ ножкамъ. Тысячу любенностей Ермолаю Федоровичу и поклонъ г-жѣ Вульфъ.

Опять берусь за перо, ибо умираю со скуки и могу заниматься только вами. Надѣюсь, что письмо это вы прочтете украдкой—спрячете ли его опять у себя на груди? Напишите ли мнѣ длинный отвѣтъ? напишите мнѣ все, что вамъ въ голову прійдетъ, заклинаю васъ. Если боитесь моей нескромной хвастливости, если не хотите компрометировать себя, измѣните почеркъ, подпишитесь вымышленнымъ именемъ, мое сердце съумѣетъ признать васъ. Если выраженія ваши будутъ столь же нѣжны, какъ взглядъ вашъ, увы! постараюсь имъ повѣрить, или обмануть себя, это все равно. Знаете ли, что, перечитывая эти строки, я устыдился ихъ сентиментальнаго тона; что скажетъ Анна Николаевна? Ахъ вы чудотворка, или чудотворица!

Л. С. Пушкину.—Михайловское, 23 іюля —
Еслибъ Плетневъ показалъ тебѣ мои письма, такъ ты бы понялъ мое положеніе. Теперь пишу тебѣ изъ необходимости. Ты зналъ, что деньги мнѣ будутъ нужны. Я на тебя полагался, какъ на брата—между тѣмъ годъ прошелъ, а у меня ни полушки. Если бъ я имѣлъ дѣло съ одними книгопродавцами, то имѣлъ бы тысячу 15.

Ты взялъ отъ Плетнева для выкупа моей рукописи 2000 р., заплатилъ 500, доплатилъ ли остальные 500, и осталось ли чтонибудь отъ остальной тысячи?

Я отослалъ тебѣ мои рукописи въ мартѣ; онѣ еще не собраны, не цензурованы—ты читаешь ихъ своимъ пріятелямъ до тѣхъ поръ,

что они наизусть передають ихъ московской публикѣ. Благодарю.

Дельвига письма до меня не доходятъ. Изданіе поэмъ моихъ не двинется никогда. Между тѣмъ я отказался отъ предложенія Заикина. Теперь прошу, если возможно, возобновить переговоры.

Словомъ, мнѣ нужны деньги или удавиться. Ты зналъ это, ты обѣщаль мнѣ капиталъ прежде году, а я на тебя полагался.

Упрекать тебя не стану, а благодарить ей-Богу не за что.

При семъ письмо Заикина. Я не утруждаю тебя новыми хлопотами. Прошу единственно исполнѣ истолковать Плетневу мои обстоятельства. Полагаюсь на его дружбу. Если же ты захочешь продикуовать „Цыгановъ“ для отдачи въ цензуру, покѣмъстъ не перешлю своего списка, я почту себя очень обязаннымъ.

Заплачены ли Вяземскому 600 рублей?

И. Ф. Майеру.—*Михайловское, 29 іюля.* — Сейчасъ получено мною извѣстіе, что В. А. Жуковскій писалъ вамъ о моемъ аневризмѣ и просилъ васъ пріѣхать въ Псковъ для совершенія операціи. Нѣтъ сомнѣнія, что вы согласитесь; но умоляю васъ, ради Бога, не пріѣзжайте и не беспокойтесь обо мнѣ. Операція, требуемая аневризмомъ, слишкомъ маловажна, чтобы отвлечь человѣка знаменитаго отъ его занятій и мѣстопробыванія. Благодареніе ваше было бы мучительно для моей совѣсти; я не долженъ и не могу согласиться принять его. Смѣло ссылаюсь на собственный вашъ образъ мыслей и на благородство вашего сердца.

Позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое глу-

бочайшее уваженіе, какъ человѣку знаменитому и другу Жуковскаго.—*Александръ Пушкинъ.*

П. А. Осиповой (по франц.).—*Михайловское, 29 іюля.*—Милост. государыня. Вы получили изъ Пскова бесполезное письмо, которое я уничтожилъ; посылаю вамъ другое изъ Батова и отъ матушки. Вы увидите, какая чудная душа этотъ Жуковскій. Но я рѣшительно не могу позволить Мойеру дѣлать мнѣ операцію и сейчасъ писалъ ему, умоляя его не прѣзжать въ Псковъ. Не знаю, какъ можетъ еще матушка надѣяться; я уже давно утратилъ всякую надежду. Роковъ явился ко мнѣ на другой день вашего отъѣзда; было бы любезнѣе оставить меня одного скучать. Я посѣтилъ вчера Тригорскій замокъ, его садъ и библіотеку. Тамошнее уединеніе полно поэзін, потому что оно полно вами и воспоминаніями о васъ. Его любезные хозяева должны были бы поспѣшить возвращеніемъ; но это желаніе слишкомъ отзывается эгоистическимъ чувствомъ—семьянина; если Рига вамъ нравится, веселитесь и вспоминайте иногда изгнанника Тригорскаго (т. е. Михайловскаго); вы видите, я смѣшиваю наши жилища, и все по привычкѣ.

Бога ради не пишите матушкѣ объ отказѣ Мойеру; это поведетъ къ бесполезнымъ толкамъ; я уже порѣшилъ съ этимъ дѣломъ.

П. А. Осиповой (по франц.).—*Михайловское 1 авг.*—Я сію минуту отъ васъ. Малютка совершенно здорова и приняла меня очень любезно. Погода у насъ стояла ужасная, вѣтеръ, бури и пр. Вотъ и всѣ новости, какія могу вамъ сообщить. Полагаю, что письма вашего управляющаго будутъ подробнѣе. Примите, милостивая

государыня, увѣреніе въ совершенномъ уваженіи моемъ и преданности. Прошу напомнить обо мнѣ всей любезной семьѣ вашей.

Н. А. Полевому.—*Михайловское, 2 августа.*—

Милостивый государь! Виноватъ передъ вами, долго не отвѣчалъ на ваше письмо: хлопоты всякаго рода не давали мнѣ покоя ни на минуту. Также не благодарилъ я васъ еще за присылку Телеграфа и за удовольствіе, мнѣ доставленное вами въ моемъ уединеніи — это непростительно.

Радуюсь, что стихи мои могутъ пригодиться вашему журналу (конечно, лучшему изъ всѣхъ нашихъ журналовъ). Я писалъ кн. Вяземскому, чтобы онъ потрудился вамъ ихъ доставить. У него много моихъ бредней. Надѣюсь на вашу снисходительность и желаю, чтобы они понравились публикѣ. Свидѣтельствую вамъ искреннее свое уваженіе.—А. П.

П. А. Плетневу.—*Михайловское, 3 августа.*—

Милый мой поэтъ, вотъ тебѣ еще поправка въ А. Шенье (въ посвященіи Н. Раевскому послѣдняя строфа):

Пѣвцу etc.

Несу надгробные цвѣты etc.

Что не слышно тебя? У насъ очень дождикъ шумитъ—вѣтеръ шумитъ, лѣсъ шумитъ—шумно, а скучно! Женится ли Дельвигъ? Опиши мнѣ всю церемонію. Какъ онъ хорошъ долженъ быть подъ вѣнцомъ! Жаль, что я не буду его шаферомъ. Скажи отъ меня Козлову, что недавно посѣтила нашъ край одна прелесть, которая небесно поетъ его Венеціанскую Ночь на голосъ гондольерскаго речитатива; я

общалъ о томъ извѣстить милаго, вдохновеннаго слѣнца. Жаль, что онъ не увидитъ ее, но пусть вообразитъ себѣ красоту и задумчивость; по крайней мѣрѣ, дай Богъ ему ее слышать!

Questo e scritto in presenza della donna, come ognuno può veder. Addio, caro poeta. Scrivetemi, vi prego.—Tuto il vostro.

П. А. Осиповой (по франц.).—*Михайловское, 8 августа.*—М. государыня. Вчера получилъ я ваше письмо отъ 31-го, писанное на другой день вашего приѣзда въ Ригу. Вы не можете себѣ представить, какъ тронуть я этимъ доказательствомъ вашей дружбы и вашего вниманія ко мнѣ; оно дошло до глубины души и отъ души благодарю васъ. Ваше письмо застало меня въ Тригорскомъ Анна Богдановна сказала мнѣ, что васъ ждутъ туда къ половинѣ августа: я не смѣю надѣяться.

Что говорилъ вамъ Кернъ относительно родительскаго надзора Адеркаса надо мною? Не рѣшительныя ли это приказанія? Значитъ ли чтонибудь Кернъ въ этомъ дѣлѣ, или одни общественные толки? Полагаю что вамъ въ Ригѣ лучше извѣстно, что дѣлается въ Европѣ, чѣмъ мнѣ въ Михайловскомъ. Что же касается новостей петербургскихъ, я ничего не знаю, что тамъ происходитъ. Мы ждемъ осени, однако пользуемся еще нѣсколькими хорошими днями, и благодаря вамъ, на моихъ окнахъ постоянно цвѣты.

Прощайте; примите увѣреніе въ моей нѣжной и почтительной преданности. Вѣрьте, что на землѣ нѣтъ ничего лучшаго и болѣе вѣрнаго, какъ дружба и свобода. Вы научили меня цѣнить прелесть первой.

Кн. П. А. Вяземскому. — Михайловское, 10 августа. Накупался ли ты въ морѣ, и куда изъ Ревеля думаешь отправиться? Напиши, пожалуйста, а я изъ Михайловскаго не тронусь. Что твой Байронъ? Перепли мнѣ его и прежде печати. Да нѣтъ ли стиховъ покойнаго поэта Вяземскаго? Хоть эпиграммъ? Знаешь ли его лучшую эпиграмму: Что нужды, говоритъ разсчетливый etc. Виновать! Я самовластно сдѣлалъ въ ней перемѣны, перемѣшавъ стихи слѣдующимъ образомъ: 1, 2, 3—7, 8, 4, 5, 6. Не напечатать ли, сказавъ: Нѣтъ, я въ прихожую пойду путемъ доходнымъ; если цензура не пропуститъ осьмого стиха, такъ и безъ него обойдемся; главная прелесть: я не поэтъ, а дворянинъ! и еще прелесть послѣ посвященія Войнаровскаго, на которое мой Дельвигъ уморительно сердится.

Что Карамзины? Я бы къ нимъ писалъ, но боюсь приличія. А все люблю ихъ отъ всего сердца. Жуковский со мной такъ проказить, что нельзя его не обожать и не сердиться на него. Какова наша текучая словесность? Настоящій насморкъ! Мнѣ жаль, что отъ Бюхельбекера отбили охоту къ журналамъ; онъ чловѣкъ дѣльный съ перомъ въ рукахъ, хоть и сумасбродъ. Жду разбора Шихматова. То-то вранья чаю! Сейчасъ прочелъ антикритику Целевого.

Нѣтъ, мой милый. Не то и не такъ. Разборъ новой пѣтки басенъ—вотъ критика. Когда-то мы возьмемся за журналъ! Мочи нѣтъ хочется, а покамѣстъ смотри хоть за Полевымъ. Чѣмъ мнѣ тебя попотчивать? Вотъ тебѣ мой бон-мо (ради соли вообрази, что это бон-мо сказано чувствительной дѣвушкѣ, дѣтъ 26). Quest ce que le sentiment?—Un supplément du

tempérament.. Что болѣе вамъ нравится? Запахъ розы или резеды?—Запахъ селедки.

П. А. Осиповой (по франц.).—*Михайловское, 11 авг.*—Говорить ли о моей благодарности? Очень любезно съ вашей стороны, что не забываете вашего отшельника. Письма ваши приводятъ меня въ восторгъ, а великодушная забота обо мнѣ трогательна. Не знаю, что предстоитъ мнѣ въ будущемъ; знаю только, что мои чувства къ вамъ останутся всегда неизмѣнными. Еще сегодня былъ я въ Тригорскомъ. Малютка совершенно здорова и прехорошенькая. Я согласенъ съ вами, что слухи, дошедшіе до г. Керна, не вѣрны, но вы правы: ими не слѣдуетъ пренебрегать. На дняхъ я былъ у Пещурова, лукаваго ходатая, какъ вы его называете; онъ думалъ, что я въ Псковѣ (NB). Я рассчитываю еще провѣдать моего стараго негра-дядю. Онъ, вѣроятно, умретъ на дняхъ, а мнѣ надо добыть отъ него записки, относящіяся до моего предка. Свидѣтельствую почтеніе всему вашему милому семейству и остаюсь вамъ преданнымъ.

А. П. Кернъ (по франц.).—*Михайловское, 14 авг.*—Перечитываю ваше письмо вдоль и поперекъ и говорю: милая! прелесть! божественная... а потомъ: ахъ, мерзкая! Простите, моя кроткая красавица, но это правда. Что вы божественны—въ этомъ никто не сомнѣвается, но иногда въ васъ рѣшительно нѣтъ здраваго смысла... Еще разъ простите и утѣштесь, потому что отъ этого вы еще милѣе. Напр., что вы хотите сказать этой печатью, которая должна быть вамъ прилична и нравиться (счастливая печать), и о значеніи которой вы спрашива-

ваете меня? — Я рѣшительно не догадываюсь, чего вы желаете—развѣ только тутъ есть какой-нибудь тайный смыслъ? Можетъ быть, вы требуете у меня девиза для нея—это было бы совсѣмъ à la Netty. Ну, пожалуй, оставьте по прежнему: „не скоро, а здорово“, лишь бы только это не было девизомъ вашей поѣздки въ Тригорское — и поговоримъ о другомъ. Вы пишете, что я не знаю вашего характера—да что мнѣ за дѣло до вашего характера? Богъ съ нимъ! развѣ у хорошенькихъ жепцинь долженъ быть характеръ? Главная вещь — глаза, зубы, руки и ноги... (прибавилъ бы и сердце, но кухня ваша слишкомъ опошшила это слово)... Вы говорите, что васъ легко узнать, т. е. вы хотите сказать — легко полюбить—съ этимъ я согласенъ, и самъ тому живое доказательство. Въ отношеніи къ вамъ я велъ себя какъ 14-лѣтній мальчикъ — это негодится, по съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я мало по малу возвращаю потерянное превосходство и пользуюсь этимъ для того, чтобы побрапить васъ. Если когда нибудь мы свидимся, то общайте мнѣ... Нѣтъ, не хочу я вашихъ общаній; притомъ же письмо всегда такъ холодно, въ почтовой просьбѣ нѣтъ ни силы, ни волненія, а въ отказѣ—ни граціи, ни нѣги! — И такъ до свиданія — и поговоримъ о другомъ. Въ какомъ положеніи подагра вашего супруга? Надѣюсь, что она порядочно прихватила его на другой день послѣ вашего пріѣзда? По дѣломъ ему! Если бы вы знали, какое отвращеніе, смѣшанное съ почтеніемъ, я питаю къ этому человеку. Божество мое, ради Бога устройте, чтобъ онъ игралъ и страдалъ подагрой... Подагра! подагра! Это моя единственная надежда!

Перечитывая еще разъ ваше письмо, я вижу

въ немъ страшное если, котораго сначала не замѣтилъ. „Если моя кузница останется, то я приѣду нынче осенью“ и пр.—Ради неба, пусть же она останется! Постарайтесь ее чѣмъ нибудь занять; нѣтъ ничего легче: прикажите какому нибудь офицеру изъ вашего гарнизона влюбиться въ нее, а когда пора будетъ ѣхать, досадите ей, отбивъ ее вадыхателя — а это еще легче. Но не выказывайте ей этого: изъ упрямства она способна все сдѣлать какъ-разъ наперекоръ.. А что вы дѣлаете съ своимъ кузеномъ? — скажите откровенно. Посылайте-ка его скорѣе назадъ въ университетъ; не знаю почему, я такъ же какъ и г. Кернъ не очень люблю этихъ студентовъ. А г-нъ Кернъ человекъ достойный, умный, разсудительный и проч., и у него только одинъ недостатокъ — что онъ вашъ мужъ. Какъ это можно быть вашимъ мужемъ? — Объ этомъ я не могу себѣ составить понятія, какъ и о рабѣ.

Это было написано вчера. Сегодня почтовый день, и не знаю почему, я вбилъ себѣ въ голову, что получу отъ васъ письмо. Этого не случилось, и я теперь въ сквернѣйшемъ расположеніи духа, хоть знаю, что это несправедливо и что я долженъ бы быть благодаренъ вамъ за прошлый разъ. Но что же мнѣ дѣлать? Умоляю васъ, божество мое, сжаьтесь надъ моею слабостью, пишите мнѣ, любите меня, и тогда я постараюсь быть любезнымъ. Прощайте, дайте ручку.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Михайловсксе, 15 августа.* — Мой милый, поэзія — твой родной языкъ, слышна по выговору; но кто жъ виноватъ, что ты столь же рѣдко говоришь на немъ, какъ дамы 1807 года на славяно-росскомъ! И нѣтъ надъ тобою какъ бы нѣкоего Шишкова, или

Сергѣя Глибки, или моей няни Василисы, чтобъ на тебя прикрикнуть: извольте-де браниться въ приемахъ, извольте жаловаться въ стихахъ. — Благодарю очень за Водопадъ (стихотв. Вяземскаго). Давай мутить его сейчасъ же.

. съ гнѣвомъ
Сердитый влѣги властелинъ—

вля, вля звуки музыкальные, но можно ли напр. сказать о молніи: властительница небеснаго огня? Водопадъ самъ состоитъ изъ влѣги, какъ молнія сама огонь. Перемѣнить какъ-нибудь. Валяй его съ какихъ-нибудь стремнинъ, вершинъ и тому под. 2-я строфа—прелесть. Дождь брызжетъ отъ (такой-то) сшибки твоихъ междуособныхъ волнъ: междуособный значитъ *mutuel*, но не заключаетъ въ себѣ идеи брани, спора; должно непременно тутъ дополнить смыслъ. — 5-я и 6-я строфы—прелестны.

Но ты, питомецъ тайной бури.

Не питомецъ, скорѣе родитель. И то не хорошо. Не соперникъ ли? Тайной, о гремящемъ водопадѣ говоря, не годится. О бурѣ физической—также. И гралище глухой войны—не совсѣмъ точно. Ты не зеркало (впрочемъ это придирка) и пр. Не ясьѣ ли, и не живѣ ли: ты не приемлешь ихъ лазури etc. Точность требовала бы: не отражаешь. Но твое повтореніе „ты“ тутъ нужно.

Подъ грознымъ знаменемъ etc.

Хранишь etc. Но вся строфа сбивчива. Зародышъ непогоды о водопадѣ—темно, Вѣчно бьющій огонь—тройная метафора. Не вычеркнуть ли всю строфу? Ворвавшись—чудно хорошо. Какъ средь пустыни etc. не должно тутъ двойнымъ сравненіемъ раздѣ-

кать вниманіе; да и сравненіе неточно. Вихорь и пустыню уничтожь-ка! Посмотри, что выдетъ изъ того.

Какъ ты, внезапно разгорится.

Вотъ видишь ли? Ты сказалъ о водопадѣ огненномъ метафорически, т. е. блистающій, какъ огонь, а идѣсь ужъ переносишь въ жару страсти сей самый водопадный пламень (выражаюсь какъ нельзя хуже, но ты повиняешься меня). И такъ не лучше-ли:

Какъ ты, пустыни о разразится.

etc. А? Или что другое, но разгорится слишкомъ натянуто. Напиши же мнѣ, въ чемъ ты именно согласишься. Твои письма гораздо важнѣе для моего ума, чѣмъ операція для моего аневризма. Они точно оживляютъ меня, какъ умный разговоръ, какъ музыка Россини, какъ похотливое кокетство итальянки. Пиши мнѣ. Въ Псковѣ это для меня будетъ благодѣяніе. Я созвалъ нежданнхъ гостей—преlestь. Не лучше ли еще не званыхъ? Нѣтъ, *cela serait de l'esprit*.

При семь дѣловая бумага; ради Бога, употреби ее въ дѣло.

1811 года дядя мой Василій Львовичъ, по благорасположенію своему ко мнѣ и ко всей семьѣ моей, во время путешествія изъ Москвы въ Слб., взялъ у меня займы 100 рублей ассигн., данные мнѣ па орѣхи покойной бабушкой моей Варварой Васильевной Чичериной и покойной тетужкой Анной Львовной. Свидѣтелемъ онаго займа былъ извѣстный Игнатій; но и самъ Василій Львовичъ, по благородству сердца своего, отъ онаго не откажется. Такъ какъ оному прошло уже болѣе 16 лѣтъ безъ всякаго съ моей стороны взысканія или предьявленія, и какъ я потерялъ уже все законное:

*

право на взысканіе вышеупомянутыхъ 100 р. (съ процентами за 14 лѣтъ, что составляетъ болѣе 200 рублей), то униженно молю его высокоблагородіе милостиваго государя, дядю моего, заплатить мнѣ сіи 200 рублей по долгу христіанскому; получить же оныя деньги я уполномочиваю князя Петра Андреевича Вяземскаго, извѣстнаго литератора.

Коллежскій секретарь Александръ Сергѣевъ
Пушкинъ.

В. А. Жуковскому. — *Михайловское, 17 августа.* — Отче, въ руцѣ твои предаю духъ мой! Мнѣ право совѣстно, что жили мои такъ всѣхъ васъ беспокоятъ. Операція аневризма ничего не значить, и, ей Богу, первый псковскій коноваль съ нимъ могъ бы управиться. Въ Псковъ поѣду не прежде, какъ въ глубокую осень; оттуда буду тебѣ писать, свѣтлая душа. — На дняхъ видѣлся у Пещурова съ какимъ-то докторомъ-аматеромъ; онъ нуще успокоилъ меня — только здѣсь мнѣ кюхельбекерно. Согласенъ, что жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегіей въ родѣ Кюшнина. Кстати объ элегіяхъ: трагедія моя идетъ, и думаю къ зимѣ ее кончить, вслѣдствіе чего читаю только Карамзина да лѣтописи. Что за чудо эти два послѣдніе тома Карамзина! Какая жизнь! *C'est palpitant comme la gazette d'hier*, писалъ я Раевскому. Одна просьба, моя прелесть! Нельзя ли мнѣ доставить или жизнь Желѣзнаго колпака, или житіе какогонибудь юродиваго. Я напрасно искалъ Василія Блаженнаго въ Четыхъ Минелхъ. А мнѣ бы очень нужно. Обнимаю тебя отъ души. Вижу по газетамъ, что Перовскій у васъ. Счастливецъ! Онъ видѣлъ и Римъ, и Везувій!

А. П. Кернъ (по франц.).— *Михайловское*, 28 авг.— Вотъ письмо къ вашей тетускѣ; если ея нѣтъ уже въ Ригѣ, можете оставить его у себя. Скажите на милость, можноли быть такой вѣтренницей? какимъ образомъ письмо, адресованное къ вамъ, попало въ чужія руки? — Но что сдѣлано, то сдѣлано — поговоримъ о томъ, что намъ остается дѣлать.

Если вашъ почтеннѣйшій супругъ слишкомъ надоѣлъ вамъ, бросьте его, и знаете ли какъ? оставьте все ваше семейство, возьмите почтовыхъ и прѣзжайте... вы думаете, въ Тригорское?—совсѣмъ нѣтъ—въ Михайловское. Этотъ прекрасный проектъ бродить у меня въ головѣ ужъ цѣлую четверть часа... Понимаете ли вы, какъ велико было бы мое счастье! — Вы скажете — а огласка? а скандалъ? — Кой чорты! бросить мужа — ужъ есть полнѣйшій скандалъ — остальное ничего не значить. — Но согласитесь, что въ проектѣ моемъ много романическаго... сходство характеровъ, борьба съ препятствіями, органъ кражи, развитый въ сильной степени, и проч. и проч. и проч. — Представьте себѣ удивленіе вашей тетуски! — Тутъ сейчасъ разрывъ. Вы начнете тайкомъ видѣться съ вашей кузиной, отчего дружба становится пріятнѣе, — а если умретъ Кернъ, вы сдѣлаетесь свободны, какъ воздухъ... Ну, что вы скажете? Не говорилъ ли я вамъ, что бываю въ состояніи дать совѣтъ смѣлый и важный?

Однако, поговоримъ серьезно, т. е. хладнокровно. Увижу ли я васъ опять? мысль, что нѣтъ, приводитъ меня въ трепетъ. Вы скажете: утѣштесь. Очень бы радъ, но какъ? Влюбиться? — невозможно: для этого нужно прежде забыть ваши спазмы... Бѣжать изъ Россіи? удавиться? жениться? — Все это представляетъ большія трудности — до нихъ я не охотникъ. Ахъ,

встать, какъ я буду получать ваши письма? Тетушка ваша противъ нашей переписки—такой цѣломудренной, такой невинной. [да и какъ же иначе?... за 400 верстъ?...] Очень можетъ быть, что наши письма станутъ перехватывать, читать, комментировать и потомъ предавать торжественному сожженію. Постарайтесь измѣнить почеркъ, а тамъ я увижу. Но все таки пишите мнѣ, пишите много—въ длину, въ ширину и діагонально (геометрической терминъ)... А главное, не лишайте меня надежды увидѣться съ вами; иначе, я серьезно постараюсь влюбиться въ кого нибудь другого... Да, я и забылъ сказать вамъ, что написалъ къ Нетти письмо очень пѣжное, униженное. Я безъ ума отъ Нетти... Она наивна, а вы—нѣтъ. Отчего вы не наивны? Неправда ли, что я гораздо любезнѣе въ письмахъ, чѣмъ въ разговорѣ? Но приѣзжайте сюда — и я обѣщаю вамъ, что буду необыкновенно любезенъ; я буду веселъ въ понедѣльникъ, эквалтированъ во вторникъ, пѣженъ въ среду, проворенъ и ловокъ въ четвергъ, въ пятницу, въ субботу и въ воскресенье, я буду всѣмъ, чѣмъ вы прикажете, и цѣлую недѣлю стану лежать у вашихъ ногъ. Прощайте!

Не распечатывайте прилагаемаго здѣсь письма—это не хорошо. Тетушка ваша разсердится. Но подивитесь, какъ Господь смѣсилъ все: г-жа Осипова распечатываетъ ваше письмо, вы — письмо къ ней, я—письмо Нетти,—и всѣ мы находимъ въ этихъ письмахъ много для себя поучительнаго... Просто чудеса!

(Госпожѣ Осиповой).

Да, сударыня, *bonny soit qui mal y pense* (стыдно тому, кто худо объ этомъ думаетъ). Только злые люди могутъ думать, что переписка въ состояніи повести къ чему нибудь. Ужъ не

по опыту ли знаютъ это иныя особы? но я прощаю имъ, вы сдѣлайте то же, и станемъ продолжать.

Послѣднее письмо ваше [писанное въ полночь] прелестное. Я смѣялся отъ всей души, но долженъ замѣтить вамъ, что вы слишкомъ строги къ вашей милой племянницѣ. Правда, она вѣтрена — но вѣдь надо имѣть терпѣніе. Еще какихъ-нибудь двадцать лѣтъ — и ручаюсь вамъ, что она исправится. Что же касается до ея кокетства, то вы совершенно правы: оно хоть-кого приведетъ въ отчаяніе. — Какъ это она не довольствуется тѣмъ, что имѣетъ счастье нравиться спру Керну? Такъ нѣтъ — нужно еще кружить голову вашему сыну, своему двоюродному брату. По прїѣздѣ въ Тригорское ей приходитъ мысль — завладѣть Рокотовымъ и мною... Но этого мало: въ Ригѣ, въ ея проклятой крѣпости, она видитъ проклятаго плѣнника и становится кокетливымъ провидѣніемъ этого проклятаго каторжника! Мало и этого: отъ васъ я узнаю, что въ дѣлѣ замѣшано еще нѣсколько мушкетеровъ! — ну, ужъ это слишкомъ! Рокотовъ узнаетъ объ этомъ, и посмотримъ, что онъ еще скажетъ. Но увѣдомьте, пожалуйста, увѣрены ли вы въ томъ, что она кокетничаетъ безразлично? Сама она говоритъ, что нѣтъ, и мнѣ прїятнѣе вѣрить ей. Еще болѣе меня успокоиваетъ то, что не у всѣхъ одинаковая манера ухаживания, — пусть только ея поклонники будутъ почтительны, робки и деликатны, съ меня этого довольно. Благодарю васъ, что не передали ей моего письма; въ немъ было слишкомъ много нѣжностей, а въ настоящихъ обстоятельствахъ это смѣшно съ моей стороны. Я напишу ей другое, напишу съ тою дерзостью, которая отличаетъ меня, и рѣшительно прекращу съ ней всякія сношенія; — я отыму у всѣхъ право гово-

рить, что я внесъ раздоръ въ семейство. не до-
пуцу Ермолая Оедоровича обвинять меня въ
отсутствіи нравственныхъ правахъ, а жепу его—
насмѣхаться надо мною.

Какъ вы любезны, найдя портретъ схожимъ
„смѣла въ... и пр.“ Не такъ ли? Она и отъ
этого отиѣкивается, но дѣло кончено— я ей не
ставу болѣе вѣрять.

Прощайте, сударыня, — съ большимъ нетерпѣ-
ніемъ ожидаю вашего пріѣзда. Мы станемъ зло-
словить сѣверную Нетти, которая всегда будетъ
вызывать во мнѣ сожалѣніе, что я увидѣлъ ее,
и еще больше, что... Простите этому черель-
чуръ искреннему признанію человѣка, который
любитъ васъ очень нѣжно, хотя совершенно
иначе.

П. А. Натенину. — *Михайловское, 24 сен-
тября.*— Ты не можешь себѣ вообразить, милый
и почтенный Павелъ Александровичъ, какъ об-
радовало меня твое письмо, знакъ неизмѣни-
вшейся твоей дружбы... Наша связь основана
не на одинаковомъ образѣ мыслей, но на люб-
ви къ одинаковымъ занятіямъ. Ты огорчаешь
меня увѣреніемъ, что оставилъ поэзію — об-
щую нашу любовницу. Если это правда, что
же утѣшаетъ тебя, кто утѣшаетъ ее?... Я думалъ,
что въ своей глуши—ты созидаетъ; нѣтъ—ты
хлопочешь и тягаешься, а между, тѣмъ годы
бѣгутъ.

Non fugant, Posthume, Posthume, labuntur anni.

А что всего хуже, съ ними улетаютъ и стра-
сти, и воображеніе. Послушайся, милый, за-
прись, да примись за романтическую трагедію
въ 18-ти дѣйствіяхъ (какъ трагедіи Софін Але-
ксѣевны). Ты сдѣлаешь переворотъ въ нашей
словесности, и никто болѣе тебя того не до-

стоинъ. Прочелъ въ Альманахъ Булгарина 3-е дѣйствіе твоей „Андромахи“, прелестное въ величавой простотѣ своей. Оно мнѣ живо напомнило одинъ изъ лучшихъ вечеровъ моей жизни; помнишь?... На чердакѣ кн. Шаховского.

Какъ ты находишь первый актъ Венцеслава? По мнѣ чудно хорошо. Старика Котроу, признаюсь, я не читалъ, по-гиспански не знаю, а отъ Жандра въ восхищеніи; кончена ли вся трагедія?

Что сказать тебѣ о себѣ, о своихъ занятіяхъ? Стихи покамѣстъ я бросилъ и пишу свои *mémoires*, то есть переписываю набѣло скучную, сбивчивую черновую тетрадь. 4 пѣсни Оцъ-гина у меня готовы и еще множество отрывковъ; но мнѣ не до нихъ. Радуюсь, что 1-я пѣснь тебѣ по праву—я самъ ее люблю; впрочемъ, на всѣ мои стихи я гляжу довольно равнодушно, какъ на старыя проказы съ Каверинимъ, съ театральнымъ маіоромъ и проч. Больше не буду!—*Addio poeta, rivederia, ma quando?*

Кн. П. А. Вяземскому. — *Михайловское, 15 сентября.*—*Résumé.* Вы находите, что позволеніе ѣхать во Псковъ есть шагъ впередъ; а я думаю, что шагъ назадъ. Но полно объ ансверизмѣ. Онъ мнѣ надоѣлъ, какъ наши журналы.

Жалѣю, что о Staël писалъ Мухановъ (или адъютантъ Раевского): онъ—мой пріятель, и я бы не тронулъ его, а все же онъ виноватъ. М-me Staël наша — не тронь ея. Впрочемъ я пощадилъ его (см. алф. указатель: „О г-жѣ Сталь и г-нѣ Мухановъ“). Какъ мнѣ жаль, что Полевой пустился безъ тебя въ антикритику! Онъ длиненъ и скученъ, педавантъ и цевѣжда. Ради Бога, надѣнь на него строгій мундштукъ и выѣжай его на досугѣ. Будутъ и стихи, по погоди немного.

Горчаковъ мнѣ живо напомнилъ лицей. Кажется, онъ не перемѣнился во многомъ, хоть и созрѣлъ и слѣдственно подсохъ. Ты вбилъ ему въ голову, что я объѣдаюсь гоненіемъ. Охъ, душа моя — меня тошнитъ... Но предлагаемое да ѣдятъ.

А. П. Кернь (по франц.).— *Михайловскіе, 22 сент.*— Ради Бога не отсылайте къ г-жѣ Осиповой письма, найденнаго вами въ вашемъ конвертѣ. Развѣ вы не видите, что оно написано единственно въ назиданіе вамъ. Оставьте это письмо у себя, а иначе вы насъ поссорите... Я было хотѣлъ помирить васъ, но послѣ вашихъ послѣднихъ сумасбродствъ, потерялъ всякую надежду на это... Кстати, вы клянетесь мнѣ всѣми богами, что ни съ кѣмъ не кокетничаете, а между тѣмъ вы на ты съ своимъ двоюроднымъ братомъ, вы говорите, ему: я презираю твою мать... Это ужасно! Слѣдовало сказать вашу мать, а еще лучше ничего не слѣдовало говорить, потому что эта фраза имѣла дьявольскій эффектъ. Право, ревность въ сторону, я совѣтую вамъ прекратить эту переписку, — совѣтую, какъ другъ, преданный вамъ истинно, безъ всякихъ фразъ и уловокъ. Не понимаю, что за цѣль у васъ кокетничать съ молодымъ студентомъ [къ тому же не поэтомъ], и еще на такомъ почтительномъ разстояніи. Вы сами знаете, что я находилъ это кокетство очень естественнымъ въ то время, когда онъ былъ подлѣ васъ, потому что надо же быть разсудительнымъ. Дѣло кончено, не такъ ли? Переписку — прочь! а я ручаюсь вамъ, что отъ этого любовь его не уменьшится. Теперь скажите—серьезно ли вы одобряете мой проектъ? Анета въ ужасъ пришла, когда узнала о немъ, а у меня голова кружится отъ радости. Но я

не вѣрю въ счастье — и это очень понятно не вѣрю я, чтобъ вы, ангельской любви, захотѣли; разубѣдить мою невѣрующую и увядшую душу. Но, по крайней мѣрѣ, пріѣзжайте въ Псковъ; вамъ это такъ легко. — При одной мысли объ этомъ, сердце мое бьется, въ глазахъ темнѣетъ, я весь изнемогаю... Неужели она, какъ и многія другія мысли, останется тщетной надеждой?... Но къ дѣлу. Прежде всего вамъ нуженъ предлогъ, напр. болѣзнь Анеты — какъ вы думаете? Или не поѣдете ли вы въ Петербургъ? — вѣдь тогда вы мнѣ дадите знать объ этомъ: да? — Не обманывайте меня, милый ангелъ! если бъ вы знали, какъ я благословляю васъ за то, что разстанусь съ жизнью, извѣдавъ счастье! — Не говорите мнѣ объ удивленіи — это не чувство... Говорите мнѣ о любви — я жажду ея. А главное — пи слова о стихахъ. Совѣтъ вашъ — писать къ его величеству — тронулъ меня, какъ доказательство того, что вы думали обо мнѣ; на колѣняхъ благодарю тебя за него, но не могу ему послѣдовать... Пусть сама судьба распоряжается моею жизнью — я ни во что не хочу вмѣшиваться... У меня только и есть дорогаго, что надежда еще увидѣть васъ все еще прекрасной и молодой... Еще разъ, не обманывайте меня.

Завтра день рожденія вашей тетушки — поэтому я поѣду въ Тригорское. Вашъ планъ — выдать замужъ Анету, чтобы имѣть у нея прибѣжище — восхитителенъ, но я еще не сообщилъ его ей. Ради Бога, отвѣчайте на главные пункты этого письма — и только тогда я повѣрю, что свѣтъ стѣнитъ еще того, чтобы жить.

Ии. П. А. Вяземскому. Михайловское, 24 сентября. — Горчаковъ доставить тебѣ мое

письмо. Мы встрѣтились и разстались довольно холодно, по крайней мѣрѣ съ моей стороны. Онъ ужасно высохъ. Впрочемъ, такъ и должно: зрѣлости нѣтъ и у насъ на сѣверѣ: мы или сохнемъ, или гниемъ. Первое все таки лучше. Отъ нечего дѣлать, я прочелъ ему нѣсколько сценъ изъ моей комедіи. Попроси его не говорить объ нихъ; не то объ ней заговорятъ, а она мнѣ опротивѣтъ, какъ мои Цыганы, которыхъ я не могъ докончить по сей причинѣ. Радуюсь однако участи моей пѣсни Рѣжмента. Это очень близкій переводъ. Посылаю тебѣ дикій напѣвъ подлинника. Покажи это Виельгорскому. Кажется, мотивъ чрезвычайно счастливый. Отдай его Полевому и съ пѣсней. Сестра мнѣ пишетъ изъ Москвы. Видаешься ли ты съ ней? Ради Бога, докажи Вас. Львовичу, что элегія на смерть Анны Львовны мое произведеніе, а какогонибудь другого беззаконника. Онъ восклицаетъ: „А она его сестрѣ 15,000 оставила!“ Это напоминаетъ чай, которымъ онъ поилъ Милова. Дѣло въ томъ, что конечно Дельвигъ болѣе виноватъ, нежели я. Похлопочи обо мнѣ, душа моя, какъ о братѣ.

Сатирикъ и поэтъ любовный,
 Нашъ Аристиппъ и Асмодей,
 Ты не племянникъ Анны Львовны,
 Покойной тетуски моей.
 Писатель нѣжный, тонкій, острый,
 Мой дядюшка—не дядя твой;
 Но, милый, музы наши—сестры,
 Итакъ, ты все же братецъ мой.

Variante — Василій Львовичъ, тонкій, острый. Кланяйся княгинѣ и сестрѣ
 Некогда болѣе писать.

Н. Н. Раевскому (по франц.)—*Михайловское, сентябрь*.—Гдѣ вы? Изъ газетъ я узналъ, что вы перешли въ другой полкъ. Желаю, чтобъ это вамъ забавляло. Что вашъ братъ? Вы ничего не говорите мнѣ о немъ въ письмѣ отъ 13 мая. Лечится ли онъ?

Вотъ что касается до меня: друзья мои хлопотали изъ всѣхъ силъ, чтобъ получить мнѣ дозволеніе полечиться; мать писала къ его величеству, и затѣмъ я получилъ дозволеніе отправиться въ Псковъ и даже тамъ жить, но я не намѣренъ воспользоваться этимъ, съѣзжу туда только на нѣсколько дней. Покамѣстъ же я совершенно одинокъ; единственная сосѣдка, которую я посѣщаль, уѣхала въ Ригу, и я буквально остался въ сообществѣ съ моей старой няней и съ моей трагедіей; послѣдняя поднимается, и я ею доволенъ. Сочиняя ее, я думалъ о трагедіи вообще: это, можетъ быть, всего менѣе изслѣдованный родъ. Классики и романтики основывали его законы на правдоподобіи, а оно-то и исключается самой сущностью драмы. Не говоря уже о времени и проч., какое къ чорту правдоподобіе можетъ быть въ залѣ, раздѣленномъ на двѣ половины, изъ которыхъ одна запята двумя тысячами человѣкъ, будто бы невидимыхъ для находящихся на сценѣ. 2) Языкъ Напримѣръ, Филоктеть у Лагарпа говоритъ чистымъ французскимъ языкомъ, выслушавши тираду Пирра: „Увы! я слышу сладкіе звуки греческой рѣчи“ и проч. Вспомните древнихъ и трагическія ихъ маски съ двойными лицами—все это не представляетъли условнаго неправдоподобія? 3) Время, мѣсто и проч. и проч. Истинные геніи трагедій никогда не хлопотали о правдоподобіи. Посмотрите, какъ храбро Корнель распрядился съ „Сидомъ“. А, вы желаете закона 24-хъ часовъ? Извольте!—

и за тѣмъ онъ наваливаетъ происшествій на 4 мѣсяца. Но пѣтъ ничего безполезнѣе, по моему мнѣнію, маленькихъ поправокъ въ принятыхъ законахъ: Альфіерп глубоко чувствуетъ смѣшное значеніе рѣчей въ-с т о р о и у; онъ его уничтожаетъ, но за то растягиваетъ монологъ и считаетъ, что произвелъ революцію въ системѣ трагедіи. Какое ребячество!

Правдоподобіе положеній и истина разговора—вотъ настоящіе законы трагедіи. Я не читалъ ни Кальдерона, ни Веги, но что за человекъ Шекспиръ! Не могу прійти въ себя! Какъ ничтоженъ передъ нимъ Байронъ-трагикъ, этотъ Байронъ, всего на всего постигшій только одинъ характеръ (у жепиципъ нѣтъ характера; у нихъ страсти въ ихъ молодости, и вотъ почему такъ легко выводить ихъ). И вотъ Байронъ раздѣлилъ между своими героями тѣ и другія черты собственнаго характера: одному далъ свою гордость, другому—свою ненависть, третьему—свою меланхолію и проч., и такимъ-то образомъ изъ одного характера—полнаго, мрачнаго и энергичнаго—создалъ множество характеровъ ничтожныхъ. Это вовсе ужъ не трагедія.

Есть и еще заблужденіе: задумавъ какойнибудь характеръ, стараются высказать его даже въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ (таковы педанты и моряки въ старыхъ романахъ Фильдинга). Заговорщикъ говоритъ: „дайте мнѣ пить“ — какъ заговорщикъ, а это смѣшно. Вспомните Байронова О з л о б л е н н а г о: „онъ заплатилъ!“ (ha pagato). Это однообразіе, тупость лаконизма, непрерывная ярость — развѣ это естественно? Отсюда и неловкость, и робость разговора. Читайте Шекспира. Нисколько не боясь скомпрометировать свое дѣйствующее лицо, онъ заставляетъ его разговаривать съ полной непринужденностью жизни, ибо увѣренъ,

что въ свое время и въ своемъ мѣстѣ оно найдетъ языкъ, соотвѣтствующій его характеру.

Вы меня спросите: трагедія моя характерная ли для костюмовъ? Я выбралъ наиболѣе удобный родъ, но стараюсь соединить ихъ оба. Я пишу и думаю. Большая часть сценъ требуютъ только разсужденія; когда же дохожу до сцены, требующей вдохновенія, то выжидаю или пере-скакиваю черезъ нее. Это способъ работы для меня совершенно новый. Я чувствую, что душа моя совсѣмъ развернулась—я могу творить.

А. Н Вульфъ.—*Михайловское, сентябрь.*—Любезный Алексѣй Николаевичъ, я не успѣлъ благодарить васъ за дружеское стараніе о проклятыхъ моихъ сочиненіяхъ; чортъ съ ними, и съ цензоромъ, и съ наборщикомъ, и съ tutti quanti: дѣло теперь не о томъ.—Друзья мои и родители вѣчно со мной проказятъ; теперь послали мою коляску въ Мюлеру съ тѣмъ, чтобъ онъ въ ней ко мнѣ пріѣхалъ и опять уѣхалъ, и опять отослалъ вазадъ эту бѣдную коляску.—Вразумите его.—Дайте ему отъ меня честное слово, что я не хочу этой операціи, хотя бы и очень радъ былъ съ нимъ познакомиться. А объ коляскѣ, сдѣлайте милость, напишите мнѣ два слова, что она? гдѣ? etc. Vale, mi fili in spiritis. Кланяюсь Языкову; я написалъ надняхъ подражаніе Элегіи на „Подите прочь“.

Кн. П. А. Вяземскому.—*Михайловское, сентябрь.*—Я думалъ, что ты давно получилъ отъ Льва Сергѣича 600 р., украденные Савеловымъ. Узнаю, что Левъ ихъ промоталъ; извини его и жди оброка, что соберу надняхъ съ моего сельца С.-Петербурга.

Милый, мнѣ надоѣло тебѣ писать, потому что не могу являться тебѣ въ халатѣ на-распашку и спустя рукава. Разговоръ нашъ похожъ на предисловіе г-на Лемонте (къ переводу басенъ Крылова). Мы съ тобою толкуемъ лишь о Полевомъ, да о Булгаринѣ—а они неспосны и въ бумажномъ переплетѣ. Ты уменъ, о чемъ ни заговори, а я передъ тобою дуракъ дуракомъ. Условимся: пиши мнѣ и не жди отвѣтовъ.

Твоя статья объ аббатствѣ Байрона? Что за чудо Донъ-Жуанъ! Я знаю только пять первыхъ пѣсенъ. Прочитавъ первыя двѣ, я сказалъ тотчасъ Раевскому, что это *chef d'oeuvre* Байрона и очень обрадовался послѣ, увидя, что W. Scott моего мнѣнія. Мнѣ нуженъ англійскій языкъ, и вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способовъ учиться, пока пора. Грѣхъ гонителямъ моимъ! И я, какъ А. Шенье, могу ударить себя въ голову и сказать: *il y avait quelque chose là...* Извини эту поэтическую похвальбу и прозаическую хандру; мочи нѣтъ, сердить: не выспался и не ...ся.

Зачѣмъ жалѣешь ты о потерѣ Записокъ Байрона? Чортъ съ ними! Слава Богу, что потеряны. Онъ исповѣдался въ своихъ стихахъ, невольно увлеченный восторгомъ поэзии. Въ хладнокровной прозѣ онъ бы лгалъ и хитрилъ, то стараясь блеснуть искренностію, то мараив своихъ враговъ. Его бы уличили, какъ уличили Руссо; а тамъ злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпѣ и будь заодно съ гениемъ. Поступокъ Мура (онъ уничтожилъ записки Байрона) лучше его Лада-Руда (въ его поэтическомъ отношеніи). Мы знаемъ Байрова довольно. Видѣли его на троихъ съ ... видѣли въ мученіяхъ великой души, видѣли въ гробѣ посреди воскресающей Греціи. О ... тебѣ видѣть его на с...ѣ Толпа жадно читаетъ

исповѣди, записки etc., потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могучаго. При открытіи всякой мерзости она въ восхищеніи. Онъ малъ, какъ мы, онъ мерзокъ, какъ мы! Врете, подлецы: онъ и малъ, и мерзокъ—не такъ, какъ вы—иначе! Писать свои *mémoires* заманчиво и пріятно. Никого такъ не любишь, никого такъ не знаешь, какъ самого себя. Предметъ неистощимый. Но трудно. Не лгать—можно; быть искреннимъ—невозможность физическая. Перо иногда остановится, какъ съ разбѣга передъ пропастью—на томъ, что посторонній прочелъ быравнодушно. Презирать судъ людей не трудно; презирать судъ собственный невозможно.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Михайловское, осенью.* — Поздравляю тебя, моя радость, съ романтической трагедіею, въ ней же первая персона— Борисъ Годуновъ! Трагедія моя кончена. Я перечелъ ее вслухъ, одинъ, и билъ въ ладоши, и кричалъ: ай да Пушкинъ, ай да..! Юродивый мой—малый презабавный; Марина тебѣ понравится, ибо она полька и собою прензрядна (въ родѣ К. О.; сказывалъ это я тебѣ?). Прочіе также очень милы, кромѣ капитана Маржерета, который все сквернословить; цензура его не пропуститъ—Жуковский говоритъ, что царь меня проститъ за трагедію. Наврядъ, мой милый! Хотя она и въ хорошемъ духѣ писана, да никакъ не могъ упрятать всѣхъ моихъ ушей подъ колпакъ юродиваго: торчатъ! Ты уморительно критикуешь Крылова. «Молчи, то знаю я сама; да эта крыса моя кума». Я назвалъ его представителемъ духа русскаго народа—не ручаюсь, чтобъ онъ отчасти не вонялъ. Въ старину нашъ народъ назывался смердъ (см.

Исторію Карамзина). Дѣло въ томъ, что Крыловъ—преоригинальная туша, графъ Орловъ (издатель басенъ Крылова въ переводѣ на французскій языкъ) забавень, а мы—розини и пр.

Я изъ Пскова написалъ тебѣ было уморительное письмо, да сжегъ. Тамошній архіерей отецъ Евгеній принялъ меня, какъ отца Евгенія (Овѣгина). Губернаторъ также былъ весьма милостивъ далъ мнѣ переправить свои стишкись. Вотъ каково! Прощай, мой милый.

Въ глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животомъ,
Я не парю, сижу орломъ
И боленъ праздностью поносной.
Бумаги берегу запасъ;
Натуги вдохновенья чуждый,
Хожу я рѣдко на Парнасъ,
И то лишь за большою пуждой.
Но твой ватѣйливый навозъ
Пріятно мнѣ щекотитъ носъ:
Хвостова онъ напоминаетъ,
Отца зубастыхъ голубей, (въ баснѣ Хвостова.)
И духъ мой снова посылаетъ
Ко испражненью прежнихъ дней.

Благодарствую, душа моя, и цѣлую тебя... Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Михайловскомъ, только два раза хохоталъ: при разборѣ н о в о й н і п т н к и б а с е н ѣ и при посвященіи... Какъ же мнѣ не любить тебя? Какъ мнѣ передъ тобою не подличать? Но подличать готовъ, а переносывать, воля твоя, не стану: смерть моя, и только.

А. П. Кернъ. (по франц.) — *Михайловское, сент.*—Вы приводите меня въ отчаяніе. Я было принялся писать вамъ глупости, надъ которыми

вы бы умерли со смѣху,—и вотъ ваши строки вдругъ нагнали на меня грусть. Пожалуйста, постарайтесь отдѣлаться отъ своихъ снзмовъ, которые очень идутъ къ вамъ, но которые—предупреждаю васъ—ни къ чорту не годятся. Отчего вы не заставляете меня брацать васъ?—Если у васъ рука болитъ, не надо было писать мнѣ... Что за сумасбродка!

Скажите, однако, что же такое сдѣлалъ бѣд-ный мужъ вашъ? Ужъ не ревнуетъ ли онъ?—Что жъ, я сознаюсь, что онъ былъ бы правъ въ этомъ случаѣ: вы не умѣете или (что еще хуже) не хотите щадить людей... А хорошенькая жевцнна всегда властна... быть властной... Боже меня избави читать вамъ проповѣдь, но вѣдь согласитесь, что надо сколько нибудь оказывать уваженія мужу—иначе, никому не захотѣлось бы въ мужа. Не слишкомъ прибѣгайте къ насилію, это необходимо для свѣта. Послушайте, я говорю съ полной откровенностью: за 400 верстъ вы нашли средство заставить меня ревновать... что же было бы въ четырехъ шагахъ? Простите, божество мое, что я, не стѣсняясь, высказываю вамъ мой образъ мыслей—это доказательство самаго искренняго участія; я люблю васъ гораздо больше, чѣмъ вы думаете... Постарайтесь же какъ нибудь поладить съ этимъ проклятымъ Керномъ. Согласенъ, что онъ не геній, но вѣдь и не идіотъ же онъ. Кротость, кокетство, (а главное, ради Бога, отказы, отказы и отказы) — повергнуть его къ ногамъ вашимъ—мѣсто, которому я зави-дую отъ всей души... Но что же дѣлать?—Отъѣздъ Анеты привелъ меня въ отчаяніе.—Во что бы то ни стало, вы должны нынче осенью приѣхать сюда или хоть въ Псковъ. Предлогомъ можетъ быть болѣзнь Анеты. Какъ вы думаете объ этомъ? Пишите, умоляю васъ, но ни слова

не говорите объ этомъ А. Вульфъ. Такъ прѣдете? да? а до тѣхъ поръ не рѣшайте ничего насчетъ вашего мужа... Вы молоды, передъ вами цѣлая будущность, а онъ... Притомъ, будьте увѣрены, что я не изъ тѣхъ, которые никогда не совѣтуютъ рѣшиться на сильную и рѣзкую мѣру... ипогда это необходимо; но прежде надо поразсудить хорошенько и не дѣлать безполезной огласки.

Прощайте; теперь 'ночь и передо мною виситъ вашъ образъ, полный грусти и сладострастія; я будто вижу ваши глаза, полуоткрытый ротикъ. Прощайте... мнѣ чудится, что я упогъ вашихъ, сжимаю ихъ, чувствую ваши колѣна.. О, я отдалъ бы всю кровь свою за минуту дѣйствительности!—Прощайте и вѣрьте моему безумному бреду... онъ смѣшонъ, но искренень.

PS. Анна Петровна, я вамъ жалуясь на Анну Николаевну—она меня не цѣловала въ глаза, какъ вы изволили приказывать. Adieu belle dame. Весь вашъ—*Яблочный Пирогъ*.

В. А. Жуковскому, — *Тригорское, 6 октября.* — Надняхъ, увидя въ окошко осень, свѣлъ я въ телѣжку и прискакалъ во Псковъ. Губернаторъ (Адеркасъ, про котораго Пушкинъ написалъ: «Господинъ фонъ-Адеркасъ, худо кормите вы насъ: Вы такой же рестораторъ, какъ великій губернаторъ») принялъ меня очень мило; я поговорилъ съ нимъ о своей жилѣ, посоветовался съ очень добрымъ лекаремъ и прѣхалъ обратно въ свое Михайловское. Теперь, имѣя обстоятельныя свѣдѣнія о своемъ аневризмѣ, поговорю объ немъ толкомъ.—П. А. Осипова, будучи въ Ригѣ, со своею заботливостію дружбы говорила обо мнѣ оператору Руланду. Операция не штука, считалъ онъ, но слѣдствія могутъ быть важны; бо

ной долженъ лежать нѣсколько недѣль неподвижно etc. -- Воля твоя. мой милый; ни во Псковѣ, ни въ Михайловскомъ я на то не соглашусь; все равно умереть со скуки или съ аневризма, но первая смерть вѣрнѣе другой. Я постели не вытерплю, во что бы тамъ ни стало.— 2-е. Псковской лекарь говоритъ: можно обойтись и безъ операціи, но нужны строгія предосторожности—не ходите много пѣшкомъ, не бѣдите верхомъ, не дѣлайте сильныхъ движеній etc. etc. Ссылаюсь на всѣхъ: что мнѣ прикажете дѣлать въ деревнѣ или во Псковѣ, если всякое движеніе будетъ мнѣ запрещено? Губернаторъ обѣщался отнестись, что лечиться во Псковѣ мнѣ невозможно—итакъ, погодимъ, авось либо царь что нибудь рѣшить въ мою пользу.

Теперь 3-й § (и самый важный): Мойера не хочу рѣшительно. Ты пишешь: „прими его, какъ меня“. Мудрено. Я не доволюсь богаты, чтобы выписывать себѣ славныхъ операторовъ, а даромъ лечиться не намѣренъ—они не ты. Конечно, я съ радостью и благодарностью далъ бы тебѣ срѣзать не только становую жилу, но и голову: отъ тебя благодѣяніе мнѣ не тяжело, а отъ другого не хочу—будь онъ тебѣ распріятель, будь онъ сынъ Карамзина.

Милый мой, посидимъ у моря, подождемъ погоды; я не умру—это невозможно: Богъ не захочетъ, чтобы Годуновъ со мною уничтожился. Дай срокъ: жадно принимаю твое пророчество пусть трагедія искупить меня... Но до трагедій ли нашему черствому вѣку? По крайней мѣрѣ оставь мнѣ надежду. Чувствую, что операція отниметъ ее у меня. Она закабалитъ меня на десять лѣтъ ссылочной жизни. Мнѣ уже не будетъ ни надежды, ни предлога—страшно подумать! Отче! не брани меня и не сердись, когда я бѣшусь. Подумай о моемъ по-

ложенин—вовсе незавидное, что ни толкуютъ.
Хоть кого съ ума сведеть.

А. Н. Вульфъ. — *Михайловское, октябрь.* —
Милый Алексѣй Николаевичъ, чувствительно
благодарю васъ за дружеское исполненіе мо-
ихъ препорученій, и проч. Почтеннаго Мойера
благодарю отъ сердца; вполне чувствую и цѣню
его благосклонность и памѣреніе мнѣ помочь;
но повторяю рѣшительно: ни во Цеконъ, ни въ
моей глуши лечиться я не памѣренъ. О ко-
ляскѣ моей осмѣливаюсь привести вамъ нижай-
шую просьбу. Если (что можетъ случиться)
денегъ у васъ ссть, то прикажите, панявѣ ло-
шадей, отправить ее въ Опочку; если же (что
также случается) денегъ нѣтъ—то напишите,
сколько ихъ будетъ нужно. На всякій случай
поспѣшимъ, пока дороги не испортились (услов-
ное выраженіе). Что скажу вамъ поваго? Вы,
конечно, уже знаете все, что касается до про-
ѣзда Анны Петровны (Кернъ). Мужъ ее очень
милый человекъ, мы познакомились и подружи-
лись. Желалъ бы я очень исполнить желаніе
ваше касательно подражанія Языкову; но не
нахожу его подъ рукой; вотъ начало:

Какъ широко,
Какъ глубоко.

Нѣтъ, Бога ради,
Цельзя-ли... и пр.

Не написалъ ли Языковъ еще чегонибудь
въ томъ же родѣ? или въ другомъ? перешлите
намъ — мы будемъ очень благодарны.

Бар. А. А. Дельвигу. *Михайловское, октябрь.*
Брови царь нахмура,
Говорилъ вчера:
Повалила буря
Паматникъ Петра.

Тотъ перепугался:
«Я не зналъ! Ужель?»
Царь расхохотался:
Первый, братъ, апрѣль!

Говорилъ онъ съ горемъ	То есть, разумѣю.
Фрейлинамъ дворца:	Вдругъ примолвилъ онъ:
Вѣшаютъ за моремъ	Вѣшаютъ за шею—
.	Строгъ у нихъ законъ.

Вотъ тебѣ, душа моя, приращеніе къ куплетамъ Эрнстова (лицейскій товарищъ Пушкина). Поцѣлуй его отъ меня въ лобъ. Я помню его отрокомъ, вырвавшимся изъ-подъ полоцкихъ езуитовъ. Благословляю его во имя Феба и св. Бобонія безносаго

Писалъ и брату объ Андреѣ Шевье. Впрочемъ, твоя святая воля. А боюсь, чтобъ томъ Разныхъ Стихотвореній небылъ слишкомъ тонокъ. Возьми себѣ весь портретъ Татьяны, до: отъ Ричардсона безъ ума, да еще конецъ отъ: своимъ пенатамъ возвращенный. Какъ ты думаешь? Отпиши, покажѣсть еще не женатъ. Кланяйся отъ меня почтенному, умнѣйшему арзамасцу (М. А. Салтыкову), будущему своему тестю; а изъ жены своей сдѣлай арзамаску — непременно. — Жду писемъ.

А. А. Бестужеву. — *Михайловское, 30 ноября.* — Я очень обрадовался письму твоему, мой милый. Я думалъ уже, что ты на меня дуешься. — Радуюсь и твоимъ занятіямъ. — Изученіе новѣйшихъ языковъ должно въ наше время замѣнить латинскій и греческій: таковъ духъ вѣка и его требованія. Ты, да, кажется, Вяземскій, одни изъ нашихъ литераторовъ учатся; всѣ прочіе разучаются. Жаль! высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ ихъ образумить. — Ты ѣдешь въ Москву; поговори тамъ съ Вяземскимъ о журналѣ, онъ самъ чувствуетъ въ немъ необходимость, а дѣло было бы чудно-хорошо. — Ты пеняешь мнѣ за то, что я не печатаюсь; надола мнѣ печать опечатками, критиками, за-

прещевіями etc.—Одвако поэмы мои скоро выйдуть. И онѣ мнѣ надобли. Русланъ—молокосось, Плъпникъ—зелень, и предѣ поэзіей кавказской природы поэма моя—Голіковская проза. Кстати, кто писалъ о горцахъ въ „Пчелѣ“? Вотъ поэзія! Не Якубовичъ ли, герой моего воображенія? Когда я вру съ женщинами, я ихъ увѣряю, что я съ нимъ разбойничалъ на Кавказѣ, прострѣливалъ Грибоѣдова, хоронилъ Шереметева, etc. Въ немъ много въ самомъ дѣлѣ романтизма. Жаль, что я съ нимъ не встрѣтился въ Кабардѣ—поэма моя была бы еще лучше. Важная вещь! я написалъ трагедію, и ея очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать: робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма. Подъ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Ламартина. Сколько я ни читалъ о романтизмѣ—все не то; даже Кюхельбекеръ вретъ. Что такое его „Духи“? До сихъ поръ я ихъ не читалъ.—Жду твоей новой повѣсти, да возьмись-ка за дѣлѣй романъ и пиши его со всею свободою разговора или письма, иначе все будетъ сбиваться на коцебятину. Кланяюсь планщику Рылѣву, какъ говаривалъ покойникъ Платовъ; но я, право, болѣе люблю стихи безъ плана, чѣмъ планъ безъ стиховъ. Желаю вамъ, друзья мои, здравія и вдохновенія.

Кн. П. А. Вяземскому.—*Михайловское, 3 декабря.*—Ты приказывалъ, моя радость, прислать тебѣ стиховъ для какого-то альманаха (чортъ его побери). Вотъ тебѣ нѣсколько эмиграммъ. У меня ихъ пропасть; избираю невнифѣйшія.

П. А. Катенину.—*Михайловское, 4 декабря.*—Письмо твое обрадовало меня по многимъ при-

чинамъ: 1. что оно писано изъ Петербурга, 2. что Андромаха наконецъ отдана на театръ, 3. что ты собираешься издать свои стихотворенія, и 4, (что должно было бы стоять первымъ), что ты любишь меня по старому. Можетъ быть, нынѣшняя переменна сблизитъ меня съ моими друзьями. Какъ вѣрный подданный, долженъ я, конечно, печалиться о смерти государя; но, какъ поэтъ, радуюсь восшествію на престолъ Константина I: въ немъ очень много романтизма; бурная его молодость, походы съ Суворовымъ, вражда съ вѣнцемъ Барклаемъ напоминаютъ Генриха V— словомъ, я надѣюсь отъ него много хорошаго. Какъ бы хорошо было, если бы нынѣшней зимой я былъ свидѣтелемъ и участникомъ твоего торжества! Участникомъ— ибо твой успѣхъ не можетъ быть для меня чуждымъ; но вспомнятъ ли обо мнѣ? Богъ вѣсть. Мнѣ право совѣстно, что тебѣ такъ много наговорили о моихъ Цыганахъ. Это годится для публлки, но тебѣ надѣюсь я представить что нибудь болѣе достойное твоего вниманія.—Онѣгднѣ мнѣ надоѣлъ и спать; впрочемъ, я его не бросилъ. Радуюсь успѣхамъ Каратыгина и поздравляю его съ твоимъ ободреніемъ. Привнаюсь - мочи пѣть, хочется къ вамъ.—Прощай, милый и почтенный. Вспомни меня во время перваго представленія Андромахи.

А. П. Кернъ (по франц).—*Михайловское, 8 дек.*—Никакъ не ожидалъ я, очаровательница, чтобы вы обо мнѣ вспомнили, и отъ глубины души благодарю васъ. Байронъ пріобрѣлъ въ главахъ моихъ новую прелесть—всѣ его героини въ моемъ воображеніи облекутся въ незабвенныя черты. Васъ буду видѣть я въ Гюльнарѣ и въ

Ленгъ; самый идеалъ Байрона не могъ быть такъ божественно-прекрасенъ. Итакъ васъ, и всегда васъ, судьба посылаетъ для услажденія моего уединенія! Вы — ангель-утѣшитель, а я не что иное, какъ неблагодарный, потому что еще роищу. Вы ѣдете въ Петербургъ; мое изгнаніе тяготитъ меня болѣе, чѣмъ когда вибудь. Можетъ быть, происшедшая перемѣна приблизитъ меня къ вамъ; не смѣю надѣяться. Не станемъ вѣрять надеждѣ; она не иное что, какъ хорошенькая женщина, которая обходится съ нами, какъ съ стариками-мужьями. А что подѣлываетъ вашъ, мой кроткій геній? Знайте, что подѣлываетъ его чертами я представляю себѣ враговъ Байрона, съ его женою включительно.

Р. С. Опять берусь за перо, чтобы сказать вамъ, что я у ногъ вашихъ, что я все васъ люблю, что иногда ненавижу васъ, что третьяго дня говорилъ про васъ ужасы, что я цѣлую ваши прелестныя ручки, что снова перецѣловываю ихъ въ ожиданіи еще лучшаго, что больше силъ монхъ нѣтъ, что вы божественны и проч.

П. А. Плетневу. *Михайловское, декабрь.* — Милый, дѣло не до стиховъ, — слушай въ оба уха. Если я друзей монхъ не слишкомъ отлучилъ отъ ходатайства, вѣроятно, они вспомнятъ обо мнѣ... Если братъ, такъ братъ — не то, что и совѣсти марасть. Ради Бога, не просить у царя позволенія мнѣ жить въ Опочкѣ или въ Ригѣ — чортъ ли въ нихъ — а проесть или о въ ѣздѣ въ столицы, или о чужихъ краяхъ. Въ столицу хочется мнѣ для васъ, друзья мои! Хочется съ вами еще передъ смертью повратъ; но, конечно, благоразумнѣе бы отправиться за море. Что мнѣ въ Россіи дѣлать?! Покажи это письмо Жуковскому, ко-

торый, можетъ быть, на меня сердитъ; онъ какъ
 нибудь это сладить. Да нельзя ли дамъ возбу-
 джить?.. душа! Я — пророкъ, ей Богу пророкъ!
 Я Андрея Шенье велю напечатать цер-
 ковными буквами, во имя Отца и Сына etc.—
 Выписывайте меня, красавцы мои, а не то це-
 я прочту вамъ трагедію свою. Кстати: Борька
 (Б. Ѳедоровъ) также вывелъ юродиваго въ сво-
 емъ романѣ (Князь Курбскій): и онъ байрони-
 чаетъ, описываетъ самого себя! Мой юродивый,
 впрочемъ, гораздо милѣе Борьки — увидишь!
 Вотъ тебѣ письма къ двумъ еще юродивымъ
 (Кюхельбекеру и Воейкову). Воейковъ не напро-
 казилъ ли чегонибудь? Я его сентябрьской
 книжки (Новостей литературы) не читалъ. Опъ
 что-то со мною труситъ. Кюхельбекера Ду х и
 — дрянъ. Стиховъ хорошихъ очень мало; вы-
 мысла нѣтъ никакого; предисловіе одно поря-
 дочно. Не говори этого ему: онъ огорчится. Не-
 ужо Илья Муромецъ.—Загорскаго? Если
 нѣтъ, кто же псевдонимъ? Если да — какъ жаль,
 что онъ умеръ!..

В. К. Кюхельбекеру.— *Михайловское, декабрь.* —
 Прежде чѣмъ поблагодарю тебя, хочу съ тобою
 побраниться. Получивъ твою комедію, я на-
 дѣялся пайти въ ней письмо. Я трясъ, трясъ
 ее и ждалъ, не выпадетъ ли хоть четвертушка
 почтовой бумаги; напрасно! ничего не вытрясъ,
 и со злости духомъ прочелъ „Д у х о в ъ“ (Sa-
 letbour! reconnais-tu le sang?), сперва про себя,
 а потомъ и вслухъ. Нужна ли тебѣ моя кри-
 тика? Нѣтъ! не правда ли? Все равно, крити-
 кую. Ты сознаешься, что характеръ поэта не-
 правдоподобенъ: сознаніе похвальное; но на-
 должно бы сію неправдоподобность оправдать,
 извинить въ самой комедіи, а не въ предисло-

вн. Поэтъ могъ бы самъ совѣститься, стыдиться своего суетврія: отселѣ новыя комическія черты. За то Калибанъ—прелесть. Не понимаю, что у тебя за охота пародировать Жуковскаго. Это простиительно Цертелеву, а не тебѣ. Ты скажешь, что насмѣшка падаетъ на подражателей, а не на него самого. Милый, вспомни, что ты если пишешь для насъ, то печатаешь для черни; она принимаетъ вещи буквально, видитъ твое неуваженіе къ Жуковскому—и рада.

«Сирь—слово старое, прочтутъ иные сирь» etc. очень мило и дѣльно. Отъ жеманства надобно пасъ отучать.—Пасъ стада главы моей (вшей)? Впрочемъ вездѣ, гдѣ поэтъ бредитъ Шекспиромъ, его легко е в о з д у ш н о е т в о р е н ь е, рѣчь Аріеля и послѣдняя тирада—прекрасно. О стихосложеніи скажу, что оно небрежно, не всегда натурально, выраженія не всегда точно-русскія; напр. с л у ш а т ь в ъ о б а у х а, б р о с ь в и д ь у г р ю м ы й, в з г л я д ь у н ы л ы й, молодець ретивый, сдернетъ чепецъ на старухѣ etc. — Все это прощаю за Калибана, который чудо какъ милъ Ты видишь, мой милый, что я съ тобою откровененъ по-прежнему и увѣренъ, что тебя этимъ не разсержу; но вотъ чѣмъ тебя разсержу: кн. Шихматовъ, не смотря на твой разборъ и смотря на твой разборъ—бездушный, холодный, надутый, скучный пустомеля... Ай-ай... Больше не буду! Не бей меня.

А. А. Бестужеву. — *Михайловское, декабрь.*—
Мнѣ досадно, что Рылѣевъ меня не понимаетъ. Въ чемъ дѣло? Что у насъ покровительствуютъ литературѣ и что—слава Богу! Зачѣмъ же объ этомъ говорить? Напрасно! Равнодушію правительства и притѣсненію цензуры обязаны мы духомъ нашей словесности. Чего жъ тебѣ бо-

лѣе? Загляни въ журналы: въ теченіе шести лѣтъ, посмотри, сколько разъ упоминали о мнѣ, сколько разъ меня хвалили подѣломъ и понапрасну, а далѣе... ни гу-гу! Почему это? ужъ вѣрно не отъ гордости или радикализма тако-го-то журналиста — вѣтъ! Всякій знаетъ, что хоть онъ расподличайся — никто ему спасибо не скажетъ и не дастъ ни 5 рублей: такъ ужъ лучше даромъ быть благороднымъ человѣкомъ. Ты сердисься за то, что я хваюсь 600-лѣтнимъ дворянствомъ (NB. мое дворянство старѣе). Какъ же ты не видишь, что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ сословія писателей? Мы не можемъ подносить нашихъ сочиненій вельможамъ, ибо по своему рожденію почитаемъ себя равными имъ. Отсельъ гордость etc. Не должно русскихъ писателей судить, какъ иноземныхъ. Тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ (кромѣ меня) изъ тщеславія. Тамъ стихами живутъ, а у насъ гр. Хвостовъ прожился на нихъ. Тамъ ѣсть нечего — такъ пиши книгу, а у насъ ѣсть нечего — такъ служи, да не сочиняй. Милый мой — ты поэтъ и я — поэтъ, но я сужу болѣе прозаически и чуть ли отъ этого не правъ.

Ив. Матв. Рокотову, сосѣду по имѣнію (по французски). М. Г. Я бы счелъ своей обязанностью отправить къ вамъ коляску, если бы имѣлъ въ своемъ распоряженіи лошадей. Она будетъ къ вашимъ услугамъ, какъ только вы изволите за ней послать. Если бы вашъ братъ пожелалъ удостоить меня своимъ посѣщеніемъ, то я былъ бы очень радъ принять его и возобновить столь пріятное знакомство. — Что касается цѣны, то мнѣ было бы желательно продать коляску, какъ вамъ уже извѣстно, за 1500. Впрочемъ въ этомъ отношеніи я заранѣе и

вполнѣ подчиняюсь рѣшенію вашего брата. Примите увѣреніе и пр. *А. Пушкинъ.*

PS. Мой отецъ свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. Онъ надѣется въ слѣдующій разъ имѣть двойное удовольствіе принять въ Михайловскомъ васъ и вашего брата.

1826.

П. А. Плетневу. — Михайловское, январь. — Душа моя, спасибо за Стихотворенія Александра Пушкина; издавіе очень мило; кое гдѣ ошибки, это въ фальшь не ставится. — Еще разъ благодарю сердечно и обнимаю дружески.

Что дѣлается у васъ въ Петербургѣ? Я ничего не знаю, всѣ перестали ко мнѣ писать. Вѣрно, вы полагаете меня въ Нерчинскѣ. Напрасно; я туда не намѣренъ. Но неизвѣстность о людяхъ, съ которыми находился въ короткой связи, меня мучить. Надѣюсь для нихъ на милость царскую. Кстати: не можетъ ли Жуковский узнать, могу ли я надѣяться на высочайшее снисхожденіе; я 6 лѣтъ нахожусь въ опалѣ, а что ни говори — мнѣ всего 26. Покойный императоръ въ 1824 году сослалъ меня въ деревню за двѣ строчки — нерелигіозныя; другихъ художествъ за собой не знаю. Ужели молодой нашъ царь не позволитъ удалиться куданибудь гдѣ бы потеплѣе, если ужъ никакъ нельзя мнѣ показаться въ Петербургѣ? — А? Прости, душа; скучно, мочи нѣтъ.

В. А. Жуковскому. — Михайловское, январь. — Я не писалъ къ тебѣ, во первыхъ, потому, что мнѣ было не до себя, во вторыхъ — за неимѣніемъ вѣрнаго случая. Вотъ въ чемъ дѣло.

рено мнѣ требовать твоего заступленія предъ государемъ; не хочу охмѣлить тебя въ этомъ дѣлу. Вѣроятно, правительство удостовѣрилось, что я заговору не принадлежу и съ возмутителями 14 декабря связей политическихъ не имѣлъ; но оно въ журналахъ объявило опалу и тѣмъ, которые, имѣя какія нибудь свѣдѣнія о заговорѣ, не объявили о томъ полиціи. Но кто же, кромѣ полиціи и правительства, не зналъ о немъ? О заговорѣ кричали по всѣмъ переулкамъ, и это одна изъ причинъ моей безвинности. Все-таки, я отъ жандарма еще не ушелъ; легко, можетъ, уличать меня въ политическихъ разговорахъ съ какимъ нибудь изъ обвиненныхъ. А между ними друзей моихъ довольно (оба ли Раевскіе взяты, и въ самомъ ли дѣлѣ они въ крѣпости? Напиши, сдѣлай милость). Теперь, положимъ, что правительство и захочетъ прекратить мою опалу; съ нимъ я готовъ условливаться (буде условія необходимы); но вамъ рѣшительно говорю—не отвѣчать и не ругаться за меня. Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія сомною правительства etc.

И такъ, остается мнѣ положиться на мое благоразуміе. Ты можешь требовать отъ меня свидѣтельствъ объ этомъ новомъ качествѣ. Вотъ они. Въ Кишиневѣ я былъ друженъ съ маіоромъ Раевскимъ, съ генераломъ Пушнымъ и Орловымъ. Я былъ масонъ въ кишиневской ложѣ, т. е. въ той, за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи. Я, наконецъ, былъ въ связи съ большею частію нынѣшнихъ заговорщиковъ. Покойный императоръ, сославъ меня, могъ только упрекнуть меня въ безвѣрїи. Письмо это неблагоприятно, конечно, но должно же довѣрять иногда къ счастью. Прости, будь счастливъ. Это покаместъ первое мое желаніе.

Прежде чѣмъ сожжешь это письмо, покажи его Карамзину и посоветуйся съ нимъ. Кажется, можно сказать царю: ваше величество, если Пункинъ не замѣшанъ, то пельзя ли, наконецъ, позволить ему возвратиться?

Говорятъ, ты написалъ стихи на смерть Александра. Предметъ богатый! Но въ теченіе десяти лѣтъ его царствованія лира твоя молчала. Это лучшій упрекъ ему. Никто болѣе тебя не имѣетъ права сказать: гласъ лиры—гласъ народа; слѣдственно, я не совѣмъ былъ виноватъ, подвистывая ему до самаго гроба.

Бар. А. А. Дельвигу. — *Михайловское, январь.* — Милый баронъ! вы обо мнѣ беспокоитесь и напрасно—я человекъ мирный. Но я беспокоюсь—и дай Богъ, чтобъ было напрасно—миѣ сказывали, что А. Раевскій подъ арестомъ. Не сомнѣваюсь въ его политической безвинности, но онъ боленъ ногами, и сырость казематовъ будетъ для него смертельна. — Узнай, гдѣ онъ, и успокой меня. — Прощай, мой милый другъ. II.

Бар. А. А. Дельвигу. — *Михайловское, январь.* — Насилу ты мнѣ написалъ, и то безъ толку, душа моя. Вообрази, что я въ глуши ровно ничего не знаю, переписка моя отсюду прекратилась, а ты пишешь мнѣ, какъ будто вчера мы цѣлый день были вмѣстѣ и наговорились досыта. Конечно, я ни въ чемъ не замѣшанъ, и если правительству досугъ подумать обо мнѣ, то оно въ томъ легко удостовѣрится. Но просить мнѣ какъ-то совѣстно, особенно нынѣ; образъ мыслей моихъ извѣстенъ. Гонимый шесть лѣтъ сряду, замаранный по службѣ выключкомъ, сосланный въ глухую деревню за двѣ строчки

перехваченнаго письма, я конечно не могъ доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавалъ полную справедливость истиннымъ его достоинствамъ — но никогда я не проповѣдывалъ ни возмущеній, ни революціи — напротивъ. Классъ писателей, какъ замѣтилъ Alfieri, болѣе склоненъ къ умозрѣнію, нежели къ дѣятельности, и если 14-е декабря доказало у насъ иное, то на то есть особая причина. Какъ бы то ни было, я желалъ бы въ полнѣйшии искренно помириться съ правительствомъ, и конечно это ни отъ кого, кромѣ его, не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія, нежели гордости съ моей стороны.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія участи несчастныхъ и обнародованія заговора. Твердо надѣюсь на великодушіе молодого нашего царя. Не будемъ ни суевѣрны, ни односторонни — какъ французскіе трагики; но взглянемъ на трагедію взглядомъ Шекспира. — Прощай, душа моя — *Пушкинъ*.

PS. Ты взялъ 2000 у меня, и хорошо сдѣлалъ; но сдѣлай такъ, чтобъ прежде Великаго Поста они находились опять у Плетнева.

П. А. Катенину. — *Михайловское, февраль*. — Отвѣчаю тебѣ по порядку. Стихи о Колосовой были написаны въ письмѣ, которое до тебя не дошло. Я не выставилъ полного твоего имени, потому что съ Катенинымъ говорить стихами только о ссорѣ моей съ актрисою показалось бы немного страннымъ.

Будущій альманахъ радуеть меня несказанно, если разбудить онъ тебя для поэзіи. Душа проситъ твоихъ стиховъ; но знаешь ли что? Въ сто альманаха, не затѣять ли намъ журнала въ родѣ *Edinburgh Review*? Голосъ истинной критики необходимъ у насъ; кому же, какъ не

тебѣ, забрать въ руки общее мнѣніе и дать нашей словесности новое, истинное направленіе? Покамѣстъ, кромѣ тебя, нѣтъ у насъ критика. Многіе (въ томъ числѣ и я) много тебѣ обязаны; ты отучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть пагуба мысли. Если бъ согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принесъ бы ты русской словесности. Какъ думаешь? Да что *Андромаха* и собраніе твоихъ стиховъ?

П. А. Осиповой (по французски).—*Михайловское, 20 февраля.*— Вотъ новая поэма Баратынскаго, присланная мнѣ Дельвигомъ. Это образецъ граціи, изящества и чувства. Вы будете въ восторгѣ отъ нея. Теперь вѣроятно вы уже въ Твери. Желаю вамъ проводить время весело, но не настолько однако, чтобы совсѣмъ забыть Тригорское, гдѣ послѣ грусти о разлукѣ съ вами мы начинаемъ уже поджидать васъ. Примите и пр... Передайте мое почтеніе вашей дочери, а также *М-ле Нетти*.

П. А. Плетневу.—*Михайловское, 2 марта.*— Карамзинъ боленъ!— милый мой, это хуже многого — ради Бога, успокой меня, не то мнѣ страшно вдвое будетъ распечатывать газеты. Гнѣдичъ не умретъ прежде совершенія *Иліады*—или реку въ сердцѣ моемъ: нѣсть Фебъ! Ты знаешь, что я пророкъ. Не будетъ вамъ *Бориса* прежде, чѣмъ не выпишете меня въ Петербургъ. Что это, въ самомъ дѣлѣ? Стыдное дѣло. Слѣ-пушкину даютъ и кафтанъ, и часы, и полумедаль („медаль средней величины“ отъ академіи за стихотворенія), а Пушкину полному—нишъ. Такъ и быть, отказываюсь отъ фрака штановъ и даже отъ академическаго четвер-

така — что мнѣ слѣдуетъ — (жетоны, выдававшіеся членамъ Россійской Академіи за засѣданія и оплачиваемые послѣ деньгами), по крайней мѣрѣ, пускай позволяютъ мнѣ бросить проклятое Михайловское. Вопросъ: невиненъ я или нѣтъ? Но въ обоихъ случаяхъ давно бы надлежало мнѣ быть въ Петербургѣ. Вотъ каково быть честнымъ человѣкомъ! забудуть — и квитъ. — Получили ли мои пріятели письма мои дѣльныя, т. е. дѣловыя? Что жъ не отвѣчаютъ? — А ты хорошъ! пишешь мнѣ: переписывай, да навивай писцовъ опочкинскихъ, да издавай Овѣгина. Я самъ себя хочу издать или выдать въ свѣтъ. Батюшки, помогите!

В. А. Жуковскому. — *Михайловское, 6 марта.* (Написано по настоянію Жуковского для показу государю). — Поручая себя ходатайству вашего дружества, вкратцѣ излагаю здѣсь исторію моей опалы. Въ 1824 году явное недоброжелательство графа Воронцова принудило меня подать въ отставку. Давно разстроенное здоровье и родъ аневризма, требовавшаго немедленнаго лѣченія, служили мнѣ достаточнымъ предлогомъ. Покойному государю императору не угодно было принять онаго въ уваженіе. Его величество, исключивъ меня изъ службы, приказалъ сослать въ деревню за письмо, писанное года три тому назадъ, въ которомъ находилось сужденіе объ аеизмѣ, сужденіе легкомысленное, достойное, конечно, всякаго порицанія.

Вступленіе на престоль государя Николая Царловича подаетъ мнѣ радостную надежду. Можетъ быть, его величеству угодно будетъ переимѣнить мою судьбу. Каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей политическій и религіозный, я храню его про самого себя и не намѣренъ

*

безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости.—*Александръ Пушкинъ.*

И. Е. Великопольскому.—*Михайловское, 10 марта.*—Милостивый государь, Иванъ Ермолаевичъ. Сердечно благодарю васъ за письмо, пріятный знакъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Стихотворенія Слѣпушкина получилъ и перечитываю все съ большимъ и большимъ удивленіемъ. Ваша прекрасная мысль объ улучшеніи состоянія поэта-крестьянина, падѣюсь, не пропадетъ. Не знаю, соберусь ли я снова къ вамъ во Псковъ; вы не совершенно отнимаете у меня надежду васъ увидѣть въ моей глуши; благодаримъ, покаместъ, и за то.

Кланяюсь князю Циціанову; жалѣю, что не отнял у него своего портрета. Что новаго въ вашихъ краяхъ?

Остаюсь съ искреннимъ уваженіемъ вашимъ покорнѣйшимъ слугою. *А. П.*

П. А. Плетневу.—*Михайловское, мартъ или начало апрѣля.*—Мой милый, очень благодаренъ тебѣ за всѣ извѣстія. вмѣстѣ съ твоимъ я получилъ письмо и отъ Заикина (книгопродавецъ), съ увѣдомленіемъ о продажѣ Стихотвореній А. Пушкина и съ предложеніями. Ты говоришь, мой милый, что нѣкоторыхъ пьесъ уже цензоръ не пропуститъ; какихъ же? А. Шенье? Итакъ, погодимъ съ новымъ изданіемъ; время не уйдетъ, все переделается—будетъ мука—тогда напечатаемъ второе, добавленное, исправленное изданіе. (Однако скажи: развѣ были какія нибудь неудовольствія по случаю моихъ стихотвореній? или это одни твои предположенія?) Знаешь ли? Ужъ ~~если~~ печатать что, такъ возьмемъ за *Цыгановъ*.

Надѣюсь, что братъ по крайней мѣрѣ ихъ перепишетъ, а ты пришли рукопись ко мнѣ—я доставлю предисловіе и, можетъ быть, примѣчанія—и съ рукъ долой. А то всякій разъ, какъ я объ нихъ подумаю или прочту слово въ журналѣ, у меня кровь портится. Въ собраніи же моихъ поэмъ, для новинки, помѣстимъ мы другую повѣсть въ родѣ Беппо, которая у меня въ записѣ. Жду отвѣта.

При семъ письмо Жуковскому въ треугольной шляпѣ и въ башмакахъ (официальное письмо). Не смѣю надѣяться, но мнѣ бы сладко было получить свободу отъ Жуковского, а не отъ другого. Впрочемъ, держусь стоической пословицы: не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ. — Какого вамъ Бориса и на какія лекціи („В. Годуновъ“ для прочтенія на урокъ великому князю)? Въ моемъ Борисѣ бранятся по многу на всѣхъ языкахъ. Это трагедія не для прекраснаго пола. Прощай, мой другъ; деньги мои держи крѣпко, никому не давай. Онѣ мнѣ нужны. Сдери долгъ и съ Дельвига.

А. Н. Вульфъ. — *Михайловское, май.* — Вы мнѣ обѣщали писать изъ Дерпта и не пишете—добро. Однако, я жду васъ, любезный филистеръ, и надѣюсь обнять въ началѣ слѣдующаго мѣсяца. — Не правда ли, что вы привезете къ намъ и вдохновеннаго (Н. М. Языкова)? Скажите ему, что этого я требую отъ него именемъ славы и чести Россіи. Покажите, скажите мнѣ — не черезъ Дерптъ ли пройдетъ Жуковский въ Карлсбадъ? Языковъ долженъ это знать. Получаете ли вы письма отъ Анны Нпк. (съ которой НВ мы совершенно помирились передъ ея выѣздомъ) и что дѣлаетъ вавилонская блудница А. П.? Говорятъ, что Б. очень счастливо металъ про-

тивъ почтеннаго Е. Θ. ((Е. Θ. Карна). Мое дѣло сторона; но что скажете вы? Я писалъ ей: Vous avez placé vos enfants, c'est très bien. Mais avez-vous placé votre mari, celui-ci est bien plus embarrassant. Прощайте, любезный Алексѣй Николаевичъ; привезите же Лыкова и съ его стихами.

Видѣлъ я въ Сенекѣ нескромные гекзаметры и сѣрдечно имъ позавидоваль,

Ии. П. А. Вяземскому. — *Михайловское, 24 мая.* — Судьба не перестаетъ съ тобою проказить. Не сердись на нее: не вѣдаетъ бо, что творить. Представь себѣ ее огромной обезьяной, когорой дана полная воля. Кто посадить ее на цѣпь? Ни ты, ни я, нието. Дѣлать нечего, такъ и говорить нечего.

Видѣлъ ли ты мою Эду? Вручила ли она тебѣ письмо? Не правда ли, что она очень мила?

Я не благодарилъ тебя за стансы Ольгѣ (О. С. Пушкиной). Какъ же ты можешь дивиться моему упрямству и приверженности къ настоящему положенію? Счастливецъ, чѣмъ Андрей Шенье, я заживо слышу голосъ вдохновенія.

Твои стихи къ Мнимой Красавицѣ (ахъ, извини: Счастливицѣ) слишкомъ умны; а поэзія, прости Господи, должна быть глуповата. Характеристика зла. Экой ты не у н м ч и в ы й, какъ говорить моя няня. Семь Пятницъ — лучшій твой водевилъ. Напиши жъ мнѣ что-нибудь, моя радость. Я безъ твоихъ писемъ глупѣю: это нездорово, хоть я и поэтъ.

Правда-ли, что Баратынскій женится? Боюсь за его умъ. Законная жена — родъ теплой шапки съ ушами. Голова вся въ нее уходитъ. Ты, можетъ быть, исключеніе. Но и тутъ, я увѣренъ, что ты гораздо былъ бы умнѣе, если бы глѣтъ

еще десять былъ холостой. Бракъ холодитъ душу. Прощай и пиши.

И. Е. Великопольскому. — Преображенское, 3 июня.

Съ тобой мнѣ вновь считаться довелось, √
 Пѣвецъ любви то рѣзвой, то унылой!
 Играешь ты на лирѣ очень мило,
 Играешь ты довольно плохо въ штось. √
 Пятьсотъ рублей, проигранныхъ тобою, √
 Наличные свидѣтели тому. √
 Судьба моя сходна съ твоей судьбою, — √
 Сейчасъ, мой другъ, увидишь, почему. √

Сдѣлайте одолженіе, пятьсотъ рублей, которые вы мнѣ должны, возвратитъ не мнѣ, но Г. П. Назимову, чѣмъ очень обяжете преданнаго вамъ душою *А. Пушкина*.

Кн. П. А. Вяземскому. — Псковъ, начало іюня.—Ты правъ, любимецъ музъ. Воспользуюсь правами и блуднаго зятя, и грядущаго барина, и письмомъ улажу все дѣло. Долженъ ли я тебѣ чтонибудь или нѣтъ? Отвѣчай. Не взялъ ли съ тебя чегонибудь мой человѣкъ, котораго отослалъ я отъ себя за дурной тонъ и дурное поведеніе? Пора бы намъ отослать и Булгарина, и Благонамѣреннаго, и Полевого, друга нашего. Теперь не до того; а ей-Богу, когданибудь примусь за журналъ. Жаль мнѣ, что съ Катенинымъ ты никакъ не ладишь. А для журнала онъ находка. Читалъ я въ газетахъ, что Lancelot (путешественникъ) въ Петербургѣ. Чортъ ли въ немъ? Читалъ я также, что 30 словесниковъ давали ему обѣдъ. Кто эти бессмертные? Считаю по пальцамъ и не досчитаюсь. Когда пріѣдешь въ Петербургъ, овладѣй этимъ Lancelot (котораго я нисколько не

помню) и не пускай его по кабакамъ отечественной словесности. Мы въ отношеніяхъ съ иностранцами не имѣемъ ни гордости, ни стыда. При англичанахъ дурачимъ Василья Львовича; предъ m-me de Staël заставляемъ Милсрадовича отличатся въ мазуркѣ. Русскій баринъ кричитъ: Мальчикъ! забавляй Гекторку (датскаго кобеля). Мы хохочемъ и переводимъ эти барскія слова любопытному путешественнику. Все это попадаетъ въ его журналъ и печатается въ Европѣ. Это мерзко. Я, конечно, презираю отечество мое съ головы до ногъ; но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мною это чувство. Ты, который не на привязи, какъ можешь ты оставаться въ Россіи? Если царь дастъ мнѣ слободу, то я мѣсяца не останусь. Мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, но когда воображаю Лондонъ, чугуныя дороги, паровые корабли, англійскіе журналы, или парижскіе театры и б..., то мое глухое Михайловское наводитъ на меня тоску и бѣшенство. Въ 4-й пѣснѣ Онѣгина я изобразилъ свою жизнь; когда нибудь прочтешь его и спросишь съ милою улыбкой: гдѣ же мой поэтъ? Въ немъ дарованіе примѣтно. Услышишь, милая, въ отвѣтъ: онъ удралъ въ Парижъ и никогда въ проклятую Русь не воротится. Ай да умница! Прощай.

Думаю, что ты уже въ Петербургѣ, и это письмо туда отправится. Грустно мнѣ, что не прощусь съ Карамзинными (они собирались за границу). Богъ знаетъ, свидимся ли когда нибудь. Я теперь въ Псковѣ, и молодой докторъ спяна сказалъ мнѣ, что безъ операціи я не дотяну до 30 лѣтъ. Не забавно умереть въ Опоческомъ уѣздѣ!

Кн. П. А. Вяземскому. — Михайловское, 10 іюня. — Коротенькое письмо твое огорчило меня по

многимъ причинамъ. Во-первыхъ, что ты называешь моими эпиграммами противъ Карамзина? Довольно и одной, написанной мною въ такое время, когда Карамзинъ меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе, и сердечную къ нему приверженность. До сихъ поръ не могу объ этомъ хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна; а другія, сколько знаю, глупы и бѣшены. Ужели ты мнѣ ихъ приписываешь? Во-вторыхъ, кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ахъ, милый, слышишь обвиненіе, не слыша оправданія, и рѣшаешь: это Шемякинъ судъ. Если ужъ Вяземскій такъ чтоже прочіе? Грустно, братъ, такъ грустно, что хоть сейчасъ въ петлю. Читая въ журналахъ статьи о смерти Карамзина, бѣшусь, какъ онѣ холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесетъ достойной дани его памяти! Отечество вправѣ отъ тебя того требовать. Напиши намъ его жизнь; это будетъ 13-й томъ Русской Исторіи. Карамзинъ принадлежитъ исторіи. Но скажи все... Я писалъ тебѣ въ Петербургъ, еще не зная о смерти Карамзина. Получилъ ли ты это письмо? Отпиши. Твой совѣтъ кажется мнѣ хорошъ. Я уже писалъ царю, тотчасъ по окончаніи слѣдствія, заключая прошеніе точно твоими словами. Жду отвѣта, но плохо надѣюсь. Бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились, это правда; но я былъ въ связи почти со всѣми и въ перепискѣ со многими изъ заговорщиковъ. Всѣ возмутительныя рукописи ходили подъ моимъ именемъ, какъ всѣ похабныя ходятъ подъ именемъ Баркова. Еслибъ я былъ потребованъ комиссіей, то я бы конечно оправдался; но меня оставили въ покоѣ, и кажется, это не къ добру. Впро-

чемъ, чортъ знаетъ. Прощай, пиши. Что Катенинъ дѣлаетъ?

Бар. А. А. Дельвигу.—*Михайловское, 20 іюля.*
—Мой другъ баронъ, я на тебя не дулся и долгое твое молчаніе великодушно извинялъ твоимъ гмненемъ.

Io humen Нуменаее іо,
Io humen Нуменаее!

т. е. чортъ побори вашу свадьбу, свадьбу вашу чортъ побори.—Когда друзья мои женятся, имъ смѣхъ, а мнѣ горе; но такъ и быть: апостолъ Павелъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ посланій, что лучше взять себѣ жену, чѣмъ идти въ геену и во огонь вѣчный—обнимаю и поздравляю тебя—рекомендуй меня баронессѣ Дельвигъ.

Очень благодаренъ за твои извѣстія, радуюсь, что тевтонъ Кюхля не былъ с л а в я н и н ъ (не принадлежалъ къ обществу „соединенныхъ славянъ“, въ дѣлѣ по 14-му декабря 1825 г.), а охиѣлѣлъ въ чужомъ пиру. Поведеніе великаго князя Михаила въ отношеніи къ нему очень благородно. Но что Иванъ Пущинъ? Мнѣ сказывали, что 20-го, т. е. сегодня, участь ихъ должна рѣшиться—сердце не на мѣстѣ; но крѣпко надѣюсь на милость царскую. Мѣры правительства доказали его рѣшимость и могущество. Большаго подтвержденія, кажется, не нужно. Правительство можетъ пренебречь ожесточеніе нѣкоторыхъ обличенныхъ...

Я писалъ Жуковскому—и жду отвѣта. Пока мѣстъ я совершенно одинъ. Прасковья Александровна (Осипова) уѣхала въ Тверь, сейчасъ пишу къ ней и отсылаю Эду—что за прелесть эта Эда! Оригинальности разсказа наши критики не поймутъ. Но какое разнообразіе

Гусарь, Эда и самъ поэтъ—всякій говоритъ по-своему. А описанія финляндской природы! а утро послѣ первой ночи! а сцена съ отцомъ!—чудо!—Видѣлъ я и Слѣпушкина; неужто никто ему не поправилъ Святки, Масляницу, Избу? У него истинный свой талантъ; пожалуйста, пошлите ему отъ меня экземпляръ Руслана и моихъ стих.—съ тѣмъ, чтобы онъ мнѣ не подражалъ, а продолжалъ идти своею дорогою.—Жду Цвѣтовъ.

Кн. П. А. Вяземскому. *Михайловское, 14 августа.*

Такъ море, древній душегубецъ,
 Воспламеняетъ гений твой?
 Ты славишь лирой золотой
 Нептуна грознаго трезубецъ?
 Не славь его! Въ нашъ гнусный вѣкъ
 Съдой Нептунъ—земли союзникъ.
 На всѣхъ стихіяхъ человекъ—
 Тиранъ, предатель или узникъ.

Сердечно благодарю тебя за стихи. Нынѣ каждый порывъ изъ вещественности драгоценъ для души. Критику отложимъ до другого раза. Правда ли, что Николая Тургенева привезли на корабль въ Петербургъ? Вотъ каково море наше хваленое! Еще таки я все надѣюсь на коронацію. Повѣшенные повѣшены, но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей ужасна. Изъ моихъ Записокъ сохранилъ я только нѣсколько листовъ и перешлю ихъ тебѣ только для тебѣ. Прощай, душа.

Р. S. Ты находишь письмо мое (къ государю) холоднымъ и сухимъ. Иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы.

П. А. Осиповой. (по французски). — *Исконъ, 4 сентября.* — Я полагаю, м. г., что мой быстрый отъездъ съ фельдъегеремъ удивилъ васъ столько-же, сколько и меня. Вотъ въ чемъ дѣло: у насъ ничего не дѣлается безъ фельдъегеря; мнѣ дали его для безопасности. Послѣ очень любезнаго письма барона Дибича, мнѣ остается только гордиться этимъ. Я ъду прямо въ Москву, куда думаю прибыть 8-го числа этого мѣсяца. Какъ только буду свободенъ, поспѣшу возвращеніемъ въ Тригорское, къ которому мое сердце отнынѣ всегда приковано.

П. А. Осиповой (по франц.) — *Москва, 15 сент.* — Вотъ уже 8 дней, какъ я въ Москвѣ и не имѣю еще времени написать къ вамъ. Это доказываетъ вамъ, какъ я занятъ. Государь принялъ меня самымъ любезнымъ образомъ. Москва шумитъ и пируетъ до такой степени, что я уже усталъ и начинаю вздыхать по Михайловскомъ, т. е. по Тригорскомъ; я намѣренъ выѣхать отсюда не позже, какъ черезъ двѣ недѣли. Сегодня, 15 сентября, у насъ большой народный праздникъ. На Дѣвничьемъ Полѣ разставлены столы на разстояніи трехъ верстъ; пироги везутъ саженьями, какъ дрова; пироги эти печены уже нѣсколько недѣль тому назадъ; довольно трудно будетъ ихъ глотать и переваривать, но почтенная публика смочитъ ихъ фонтанами вина. Вотъ вамъ самая свѣжая новость: завтра балъ у графини Орловой. Огромный манежъ превращенъ въ залъ, графиня заняла бронзы на 40,000 руб., и пригласила 1000 человѣкъ. Говорятъ о новомъ, весьма строгомъ постановленіи относительно дуэли и о новомъ цензурномъ уставѣ, но не выдавъ его, не могу о немъ ничего сказать. Простите непослѣдовательность письма; оно исполнѣ передаетъ вамъ

непоследовательность настоящей моей жизни. M-elles Annettes вѣроятно уже въ Тригорскомъ; посылаю имъ издалика сердечный привѣтъ, какъ и всему вашему прелестному семейству. Примите и пр.

Ии. П. А. Вяземскому.—*Михайловское, 9 ноября.*—Вотъ, я въ деревнѣ. Доѣхалъ благополучно, безъ всякихъ замѣчательныхъ пассажей; самый неприятный анекдотъ было то, что сломались у меня колеса, растрясенныя въ Москвѣ другомъ и благопріятелемъ моимъ г. Соболевскимъ. Деревня мнѣ пришла какъ то по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслажденіе возвратиться вольнымъ въ повинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встрѣча моей дворни, хамовъ и моей няни — ей-Богу, пріятнѣе щекотитъ сердце, чѣмъ слава, наслажденія самолюбія, разсѣянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лѣтъ она выучила наизусть новую молитву о умиленіи сердца владыки и укрощеніи духа его свирѣпости, молитву, вѣроятно, сочиненную при царѣ Иванѣ. Теперь у ней попы дерутъ молебень и мѣшаютъ мнѣ заниматься дѣломъ. Получила ли княгиня посылы и письмо мое изъ Торжка? Долго здѣсь не останусь. Въ Петербургъ не поѣду: буду у васъ къ 1-му... Она велѣла! (дальняя родственница, дѣвица Пушкина). Милый мой, Москва оставила во мнѣ неприятное впечатлѣніе, но все-таки лучше съ вами видѣться, чѣмъ переписываться. Къ тому же журналъ.—Я ничего не говорилъ тебѣ о твоёмъ рѣшительномъ намѣреніи соединиться съ Полевымъ, а ей-Богу грустно. И такъ, никогда порядочные литераторы вмѣстѣ у насъ ничего не произведутъ! Все въ-одиночку. Полевой, Погодинъ, Сушковъ, Завальевскій, кто

бы ни издавалъ журналъ, все равно. Дѣло въ томъ, что намъ надо завладѣть однимъ журналомъ самовластно и единовластно. Мы слишкомъ лѣнны, чтобъ переводить, выписывать, объявлять etc. etc. Это черная работа журнала; вотъ зачѣмъ и издатель существуетъ. Но онъ долженъ: 1, знать грамматику русскую; 2, писать со смысломъ, т. е. согласовать существительное съ прилагательнымъ и связывать ихъ глаголомъ. А этого-то Полевой и не умѣетъ. Ради Христа, прочти первый параграфъ его извѣстія о смерти Румянцева и Ростопчина, и согласишься со мной, что ему невозможно доверитъ издавія журнала, освященнаго нашими именами. Впрочемъ, ничего не ушло. Можетъ быть, не Погодинъ, а я буду хозяинъ новаго журнала. Тогда, какъ ты хочешь, а Полевого ты пошлешь къ ... Прощай, князь Вертопрахинъ; кланяйся княгинѣ Вѣтронѣ, которая, надѣюсь, выздоровѣла. Что ваши? Что Заплетная Роза? Что Тимашева? Какъ жаль, что я не успѣлъ съ нею завести благородную интригу, но и это не ушло.

P. S. Сейчасъ прочелъ мои листы о Карамзинѣ. Нечего печатать. Соберись съ духомъ и пиши. Что ты сдѣлалъ для Дмитріева (котораго НВ. ты одинъ еще поддерживаешь), то мы требуемъ отъ тебя для тѣни Карамзина. Не Дмитріеву чета! Здѣсь нашелъ я стихи Языкова. Ты изумишься, какъ онъ развернулся и что изъ него будетъ. Если ужъ завидовать, такъ вотъ кому я долженъ-бы завидовать. Аминь, аминь глаголю вамъ: онъ всѣхъ насъ, стариковъ, за поясъ заткнетъ. Ахъ! каламбуръ; скажи княгинѣ, что она всю прелесть московскую за поясъ заткнетъ, какъ надѣнетъ мои поясы.

Н. М. Языкову. — *Михайловское, 9 ноября.* — Милый Николай Михайловичъ, сейчасъ изъ Москвы, сейчасъ видѣлъ ваше Тригорское, — сѣшу обнять и поздравить васъ. Вы ничего лучше не написали, но напишете много лучшаго. Дай Богъ вамъ здравія, осторожности, благоденственнаго и мирнаго житія. Царь освободилъ меня отъ цензуры. Онъ самъ — мой цензоръ. Выгода, конечно, необъятная. Такимъ образомъ Годунова тиснемъ. О цензурномъ уставѣ рѣчь впереди. Обнимаю васъ и Вульфа. Получили ли вы мои стихи? У меня ихъ нѣтъ, пришлите миѣ ихъ, да кстати и первое посланіе. О Москвѣ напишу вамъ много.

Н. М. Языкову. — *Москва, 21 ноября.* — Письмо ваше получилъ я во Псковѣ и хотѣлъ отвѣчать изъ Новгорода вамъ, достойному пѣвцу того и другого. Пишу, однакожь, изъ Москвы, куда вчера привезъ я ваше Тригорское. Вы знаете по газетамъ, что я участвую въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, слѣдственно — и вы также. Адресуйте же ваши стихи въ Москву, на Молчановку, въ домъ Ренкевичевой; оттуда передамъ ихъ во храмъ безсмертія. Непремѣнно же будьте нашъ. Погодинъ вамъ убѣдительно кланяется. Я усталъ и боленъ, потому вамъ и не пишу болѣе. Вульфу кланяюсь, обѣщая свое высокое покровительство.

Тригорское ваше, съ вашего позволенія, напечатано будетъ во 2-мъ № «Моск. Вѣстника». Рады ли вы журналу? Пора задуть альмавахи. Дельвигъ нашъ. Одинъ Вяземскій остался твердъ и вѣренъ „Телеграфу“, — жаль, но что жъ дѣлать?

А. Х. Бенкендорфу. — *Псковъ, 29 ноября.* — Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бу-

магъ, я не зналъ, должно ли мнѣ было отвѣчать на письмо, которое удостоился получить отъ вашего превосходительства, и которымъ я былъ тронутъ до глубины сердца. Конечно, никто живѣе меня не чувствуетъ милость и великодушіе государя императора, также какъ снисходительную благосклонность вашего превосходительства. Такъ какъ я, дѣйствительно, въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ—конечно, не пзъ ослушанія, но только потому, что худо понялъ высочайшую волю государя,—то поставляю за долгъ препроводить ее вашему превосходительству въ томъ самомъ видѣ, какъ она была мною читана, дабы вы сами изволили видѣть духъ, въ которомъ она сочинена. Я не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ императора, памѣреваясь сперва выбросить нѣкоторыя непристойныя выраженія. Такъ какъ другого списка у меня не находится, то приѣмлю смѣлость просить ваше превосходительство оный мнѣ возвратить.

Мнѣ было совѣстно беспокоить ничтожными литературными занятіями моими человека государственнаго, среди огромныхъ его заботъ; я роздалъ нѣсколько мелкихъ моихъ сочиненій въ разные журналы и альманахи, по просьбѣ издателей. Прошу отъ вашего превосходительства разрѣшеніе сей неумышленной вины, если ще успѣю остановить ихъ въ цензурѣ.—Съ глубочайшимъ чувствомъ уваженія, благодарности и преданности честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*.

М. П. Погодину. — Псковъ 29 ноября.—Милый и почтенный, ради Бога, какъ можно скорѣе остановить въ московской цензурѣ все, что

носить мое имя. Покамѣсть не могу участвовать и въ вашемъ журналѣ — но все перемелется и будетъ мука, а намъ хлѣбъ да соль. Некогда поспясть; до свиданія скораго. Жалѣю, что договоръ нашъ не состоялся.

С. А. Соболевскому. — *Псковъ, конецъ ноября* — Вотъ въ чемъ дѣло. Освобожденный отъ цензуры, и долженъ, однакожь, прежде чѣмъ что вибудь печатать, представить оное выше, хотя бы бездѣлицу. Мнѣ уже (очень мило, очень учтиво) вымыли голову. Конечно, я въ точности исполню высшую волю, и для того писалъ Погодину дать знать въ цензуру, чтобъ моего ничего нигдѣ не пропускали. Изъ этого вижу для себя большую пользу: освобожденіе отъ альманашиковъ, журнальщиковъ и прочихъ щепетильныхъ литературщиковъ. — Съ Погодинымъ уговоримся снова.

Перешли письмо Зубкову безъ задержанія малѣйшаго. Твои догадки гадки, виды мои гладки. На дняхъ буду у васъ; покамѣсть сижу или лежу во Псковѣ. Мнѣ пишутъ, что ты боленъ: чѣмъ ты объѣлся? Остановлюсь у тебя.

Н. С. Алехтѣеву. — *Псковъ, конецъ ноября.* —

Приди, о другъ, дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшаго мнѣ жизнию повѣй.

Не могу изъяснить тебѣ мои чувства при полученіи твоего письма... Кишиневскіе звуки, берегъ Быка... Милый мой, ты возвратилъ меня Бессарабіи. Я опять въ моихъ развалинахъ, въ моей темной комнатѣ, передъ рѣшетчатымъ окномъ, или у тебя, мой милый, въ свѣтлой, чистой избушкѣ... Какъ ты уменъ, что написалъ ко мнѣ первый! Мнѣ бы эта счастливая мысль

никогда въ голову не пришла, хотя и часто о тебѣ вспоминаю... Былъ я въ Москвѣ и думалъ: авось, Богъ милостивъ, увижу гдѣ нибудь чинно сидящаго моего друга, или въ креслахъ театральныхъ, или въ рестораціи за обѣдомъ. Нѣтъ—такъ и уѣхалъ въ Псковъ. Такъ и теперь опять ѣду въ Бѣлокаменную. Надежды нѣтъ или очень мало. По крайней мѣрѣ, пиши же мнѣ почаще, а я за новости Кишнева стану тебя потчивать новостями московскими.

Прощай, отшельникъ бессарабскій,
Лукавый другъ души моей,
Порадуй же меня не сказочкой арабской,
Но русской правдою твоей.

Кн. П. А. Вяземскому.—*Псковъ, 1 декабря.*— Ангелъ мой Вяземскій, или пряникъ мой Вяземскій, получилъ я письмо твоей жены и твою приписку. Обоихъ васъ благодарю и ѣду къ вамъ и не доѣду. Какой! Меня доѣзжаютъ!... Изъясню послѣ. — Въ деревнѣ я писалъ презрѣнную прозу, а вдохновеніе не лѣзетъ. Во Псковѣ, вмѣсто того, чтобы писать 7-ю главу Онягина, я проигрывалъ въ шtosъ четвертую. Не забавно! Оговсюду получалъ письма и всюду отвѣчаю.—Adieu, couple si étourdi en aragence. Adieu, князь Вертопрахъ и княгиня Вертопрахина. Ты видишь, что у меня недостаетъ уже и собственной простоты для переписки.

PS. При семъ письмо къ Алексѣеву (родъ моего Сушкова) для дост. Киселеву вой—вымъ, какъ хошь.

А. Х. Бенкендофу. (*Отвѣтъ на письмо отъ 14 декабря 1826*).—Съ чувствомъ глубочайшей благодарности получилъ я письмо вашего пр—ва, уведомляющее меня о всемилостивѣйшемъ отзывѣ его величества касательно моей драма-

тической поэмы. Согласенъ, что она болѣе сбивается на историческій романъ, нежели на трагедію, какъ государь императоръ изволилъ замѣтить. Жалѣю, что я не въ силахъ уже переждать мною однажды написанное.

1827.

М. П. Погодину. — Ради Господа Бога, оставьте Черкешенку въ покоѣ; вы больно огорчите меня, если ее напечатаете. У васъ посыланіе къ Языкову — тисните его, за то я рѣшительно въ двухъ слѣдующихъ ММене помѣщусь.

С. А. Соболевскому. — Если бы ты просто написалъ мнѣ, приѣхавъ въ Москву, что ты не можешь прислать мнѣ 2-ю главу (Е. Онѣгина), то я безъ хлопотъ ее бы перепечаталъ; но ты все обѣщалъ, обѣщалъ — и, благодаря тебѣ, во всѣхъ книжныхъ лавкахъ продажа 1-ой и 3-ей главъ остановилась. Покорно благодарю. Что изъ того слѣдуетъ? Что ты безалаберный! Что ты ольдекопничаешь и воейковствуешь, перепечатывая насъ, образцовыхъ великихъ людей — Меряякова, двухъ Пушкиныхъ, Великопольскаго, Подолинскаго, Полевого и проч. Хорошъ!

П. А. Осиповой (по французски). — *Петербургъ, весной.* — Я очепь виновать передъ вами, но не столько, однако, какъ вы можете подумать. По приѣздѣ въ Москву, я вамъ тотчасъ же писалъ, адресуя мои письма на ваше имя въ почтамтъ. Оказалось, что вы ихъ не получали. Это меня смутило, и я не бралъ пера въ руки. Но такъ какъ вы удостоиваете меня еще

вашимъ участіемъ, то что же мнѣ сказать вамъ о моемъ пребываніи въ Москвѣ и моемъ бытіи въ Петербургъ? Пошлость и глупость нашихъ обѣихъ столицъ одна и та-же, хотя и въ различномъ родѣ; и такъ какъ я имѣю претензію быть безпристрастнымъ, то скажу, что если бы мнѣ дали обѣ на выборъ, то я выбралъ бы Тригорское, почти такъ же, какъ арлекинъ, который на вопросъ: предпочитаетъ ли онъ быть колесованъ или повѣшенъ, отвѣчалъ: „я предпочитаю молочный супъ“. Я здѣсь на отъѣздѣ и навѣрно рассчитываю пріѣхать на нѣсколько дней въ Михайловское; покамѣстъ кланяюсь вамъ и всѣмъ вашимъ отъ всего моего сердца.

М. П. Погодину. — *Спб. 10 іюня.* — Очень васъ благодарю и съ поспѣшностію возвращаю корректуру. Ай-да Соболевскій, ай-да байбакъ! Что тутъ онъ нагородилъ! Отъ него получилъ я письмо и падняхъ отвѣчу. Покамѣстъ съ вождѣльніемъ думаю о Сальери по 11 р. асс.

Н. М. Языкову. — *Петербургъ, 14 іюня.* — Слѣдуетъ стихотвореніе: «Къ тебѣ собирался и давно», и т. д. (См. алфавит. указат. «Языкову»). Стиховъ, ради Бога, стиховъ! Душа просить. Простите, — желалъ бы сказать: до свиданія.

А. Х. Бенкендорфу. — *Спб., 20 іюля.* — Въ 1824 г. ст. совѣтникъ Ольдекоцъ безъ моего согласія и вѣдома, перепечаталъ стихотвореніе мое „Кавк. Плѣнникъ“ и тѣмъ лишилъ меня невозвратно выгодъ 2 изданія, за которое уже предлагали мнѣ въ то время книгопродавцы 3000 р. Вслѣствие сего, родитель мой, ст. сов. С. Л. Пушкинъ, обратился съ просьбою къ начальству, но не получилъ никакого удовлетворенія, а отвѣт-

ствоваши ему, что Ольдекопъ перепечаталъ-де „К. П.“ для сиравокъ оригинала съ нѣм. переводомъ; что къ тому же не существуетъ въ Россіи закона противу перепечатыванія книгъ, и что имѣеть онъ, ст. сов Пушкинъ, преслѣдовать Ольдекопа токмо развѣ яко мошенника, на что не смѣлъ я согласиться изъ уваженія къ его званію и опасаясь заплатить за безчестіе. Не имѣя другого способа въ обезпеченіи своего состоянія, кромѣ выгодъ отъ послыльныхъ трудовъ моихъ, и нынѣ лично ободренный вашимъ пр — мт., осмѣливаюсь наконецъ прибѣгнуть къ вашему пр — ву, дабы и впредь оградить себя отъ подобныхъ покушеній на свою собственность.

(На это письмо Бенкендорфъ отвѣчалъ, что перепечатаніе стиховъ Пушкина вмѣстѣ съ переводомъ, вѣроятно, послѣдовало съ позволенія цензуры, которая на то имѣеть свои правила. Впрочемъ, даже и тамъ, гдѣ находятся положительныя законы насчетъ перепечатанія книгъ, не в зб; аняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками.)

Бар. А. А. Дельвигу. — *Михайловское, 31 іюля.*
 — Вотъ тебѣ обѣщанная элегія, душа моя. (На смерть г-жи Ризвицъ). Теперь у тебя отрывокъ изъ Онѣгина, отрывокъ изъ Бориса, да эта пьеса. Постараюсь прислать еще что-нибудь. Вспомни, что у меня на рукахъ Московскій Вѣстникъ и что я не могу его оставить на произволъ судьбы. Если кончу Посланіе къ тебѣ о черепѣ твоего дѣда, то мы и его тиснемъ. Въ концѣ осени буду у васъ. Вдохновенія еще нѣтъ; пока мѣстѣ принялся я за прозу. Пиши мнѣ о своихъ занятіяхъ. Что твоя поэзія? Рыцарскій Ревель разбудилъ ли твою заспанную музу? У васъ ***? Кстати, Сомовъ говорилъ мнѣ о „Вечерѣ у Карамзина“. Не печатай его въ своихъ „Цвѣтахъ“. Ей-Богу, неприлично. Конечно, вольно собакѣ и на владыку лаять но пусть лаетъ она на дворѣ,

а не у тебя въ комнатахъ. Наше молчаніе о Карамзинѣ и такъ неприлично: не Булгарину прерывать его — это было-бѣ еще неприличнѣе. — Что твоя жена? Помогло ли ей море? Няня ее цѣлуетъ; а я ей кланяюсь. — Пиши же.

М. П. Погодину. — *Михайловское, августъ.* — Что вы дѣлаете? Что нашъ Вѣстникъ? Посылаю вамъ лоскутокъ Онѣгина на шанку. Фаустъ и другіе стихи не вышли еще изъ подъ цензуры. Какъ скоро получу, перешлю къ вамъ; я убѣждалъ въ деревню, почуя рѣзны!

Пока не требуетъ поэта

Къ священной жертвѣ Аполлонъ и пр. (См. въ алфавит. указателѣ стихотвореніе «Поэтъ»).

М. П. Погодину. — *Михайловское, 31 августа.* — Побѣда, побѣда! Фаустъ пропущенъ, кромѣ двухъ стиховъ! Скажите это отъ меня г-ну Двигубскому, который вопрошалъ насъ, какъ мы смѣли представить предъ очи его высокородія такіе стихи! Покажите ему это письмо и попросите его высокородіе отъ моего имени вѣрде быть учтивѣе и свисходительнѣе.

Плетневъ доставитъ вамъ сцену съ копіютовшевія Бенкендорфа; если московская цензура все такъ будетъ упрямыя, то напишите мнѣ и я буду беспокоить Государа Императора всеподданнѣйшею просьбою и жалобою на неуваженію Высочайшей его воли.

Теперь обратимся къ другому предмету. Хотите издать Уранію (альманахъ). Et tu, Brutel!.. Но подумайте: на что это будетъ похоже? Вы, издатель европейскаго журнала въ азіатской Москвѣ, вы, честный литераторъ между лавочниками литературы, вы! Нѣтъ, вы не захотите марать себѣ рукъ альманашной грязью. У васъ

много накопило статей, которыя не входят въ журналъ, но какихъ же? quod licet Uraniae, licet t̄mъ наче Вѣстнику; не только licet, но deset. И другія причины. Какія? Деньги? деньги будутъ, будутъ. Ради Бога, не покидайте Вѣстника; на будущій годъ общаюсь вамъ безусловно дѣятельно участвовать въ его изданіи; для того разрываю непремѣнно всѣ связи съ альманашиками обѣихъ столицъ. Главная ошибка наша была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; стихотворная часть у насъ славная; проза можетъ быть еще лучше, но вотъ бѣда: въ ней слишкомъ мало вздору. Вѣдь вѣрно есть у васъ повѣсть для Ураніи? Давайте ее въ Вѣстникъ. Кстати о повѣстяхъ: онѣ должны быть непременно существенной частью журнала, какъ моды у Телеграфа. У насъ не то, что въ Европѣ—повѣсти въ диковинку. Онѣ составили первоначальную славу Карамзина, у насъ про нихъ еще толкуютъ. Ваша индѣйская сказка П е р е п р а в а въ европейскомъ журналѣ обратила общее вниманіе, какъ любопытное открытіе учености; у насъ тутъ видятъ просто повѣсть и важно находятъ ее глупою. Чувствуете разницу? Московскій Вѣстникъ, по моему безпристрастному, совѣстному мнѣнію, — лучший изъ русскихъ журналовъ. Въ „Телеграфѣ“ похвально одно ревностное трудолюбіе, а хороши однѣ статьи Вяземскаго; но за то за одну статью Вяземскаго въ Телеграфѣ отдамъ три дѣльныхъ статьи Московскаго Вѣстника. Его критика, положимъ, несправедлива; но образъ его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія рѣзко оригинальны; онъ мыслить, сѣрдить и заставляетъ мыслить и смѣяться: важное достоинство, особенно для журналиста! Если вы съ нимъ увидите, скажите ему, что я предъ нимъ вино-

вать; но что все собираюсь заглядить свою вину—не знаю, увижу ли я васъ нынѣ, по крайней мѣрѣ хочется побывать въ бѣлокаменной.. Весь вашъ, безъ церемоній.

PS. Еще слово: изданіе Уранин, ей-Богу, можетъ, хотя несправедливо, а вредить вамъ въ общемъ мнѣніи порядочныхъ людей. Прочтите, что Вяземскій сказалъ объ альманахѣ издателя „Благонамѣреннаго“; онъ совершенно правъ—публика наша глуха, но не должно ее морочить. Такъ точно какъ N. N. глупъ, но не должно его навѣрное обыгрывать въ карты. Издатель журнала долженъ все мѣры употребить, дабы сдѣлать свой журналъ какъ можно совершеннымъ, а не бросаться за барышемъ.

Лучше ужъ прекратить изданіе; но это было бы стыдно. Говорю вамъ просто и прямо, потому что васъ искренно уважаю. Прощайте.

А. X. Бенкендорфу. — *Опочка, 10 сентября.*—

Вы изволили весьма справедливо замѣтить, что и тамъ, гдѣ находятся положительные законы насчетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками. Но это относится только къ сочиненіямъ древнихъ или умершихъ писателей. Если же допустить у насъ, что переводъ даетъ право на перепечатаніе подлинника, то невозможно будетъ оградить литературную собственность отъ покушеній хищника. Повергая сіе мое мнѣніе на благоусмотрѣніе вашего пр—ва, полагаю, что въ составленіи постоянныхъ правилъ для обезпеченія литературной собственности вопросъ о правѣ перепечатывать книгу при переводѣ, замѣчаніяхъ или предисловіи, весьма важенъ.

М. П. Погодину.—*Спб., въ концѣ года.*—Теперь я долженъ передъ вами зѣло извиниться за долгое молчаніе. — Непонятная, неотразимая, неизъяснимая лѣнь мною овладѣла, это еще лучшее оправданіе мое. Посылаю вамъ Туманскаго (кромя Голубые глаза, взятые для Дельвига). Отрывокъ изъ Онѣгина и Стансы пропущенныя — па дняхъ приплю въ Москву и др. Извините меня передъ Калайдовичемъ; у меня чисто ничего не осталось послѣ здѣшней альмавашной жатвы, а писать еще некогда.—Весь вашъ А. П.

PS. Я не лишень правъ гражданства и могу быть цензурованъ нашею цензурою, если хочу,—а съ каждымъ правоучительнымъ четверостишемъ я къ высшему цензору не пользую— скажите это имъ.

1828.

П. А. Осиповой (по французски).—*Спб., 21 января.*—Мнѣ такъ совѣстно моего долгаго молчанія, что я съ трудомъ берусь за перо. Только воспоминавіе о вашей дружбѣ, воспоминаніе, которое навсегда для меня будетъ дорого, и увѣренность, что я пользуюсь вашимъ добрымъ свисхожденіемъ, придають мнѣ смѣлости сегодня. Дельвигъ, который мѣняетъ свои цвѣты на дипломатическія терція, расскажетъ вамъ о нашемъ житьѣ въ Петербургѣ. Признаюсь, что это житье довольно пошло, и что я горю желаніемъ измѣнить его тѣмъ или другимъ образомъ. Не знаю, приѣду ли еще въ Михайловское, хотя это — искреннее мое желаніе. Признаюсь, что шумъ и суета Петербурга сдѣлалась мнѣ совершенно чужды, я съ трудомъ

ихъ шерешу. Я предпочитаю вашъ прекрасный садъ и красивый берегъ Сороти. Вы видите, что у меня вкусъ еще поэтической, не смотря на скверную прозу моего настоящаго существованія. Правда, что мудро вамъ писать и не быть поэтомъ. Примите увѣреніе въ моемъ уваженіи и пр. Какъ понравилось M-elle Евпраксин ея пребываніе въ Торжкѣ и много ли у нея тамъ побѣдъ? *А. П.*

М. П. Погодину. — Спб., 19 февраля.— Вы, конечно, правы и угадали, что я въ примѣчаніи Булгарина совсѣмъ не участвовалъ — ни дѣломъ, ни словомъ, ни согласіемъ, ни вѣдѣніемъ.—Когда бъ я видѣлъ его корректуру, то вѣрно-бъ ужъ не пропустилъ выходку, которая такъ васъ беспокоитъ—печатайте ваше возраженіе, если вы думаете, что Сѣверная Пчела того стоитъ, а я не вмѣшиваюсь, ибо мое правило—не трогать, чего знаете.—Впрочемъ, здѣсь никто не замѣтилъ замѣчанія. О герой, Ѳаддей Всендиктовичъ, витязь великосердый, подвизайся, подвизайся! А вы, любезный Михайло Петровичъ, утѣштесь, и, какъ говоритъ Тредьяковскій, „плюньте на суку“ Сѣверную Пчелу. *А. П.*

Р. С. На дняхъ пришлю вамъ прозу—да Христа-ради, не обижайте моихъ сиротъ-стишковъ опечатками и т. под. Шевыреву пишу особо. Грѣхъ ему не чувствовать Баратынскаго, но Богъ ему судья.

А. Х. Бенкендорфу. — Спб., 5 марта.—Позвольте мнѣ принести вашему пр-ву чувствительную мою благодарность за письмо, которое удостоился я получить. Списходительное одобреніе государя императора есть лестнѣйшая

для меня награда, и почитаю за счастье — обязанность мою слѣдовать высочайшему его соизволенію.

И. Е. Великопольскому. (Получено 5 апрѣля).—Любезный Иванъ Ермолаевичъ! Булгаринъ показалъ мнѣ очень милыя ваши стансы ко мнѣ, въ отвѣтъ на мою шутку. Онъ сказалъ мнѣ, что цензура не пропускаетъ ихъ, какъ личность, безъ моего согласія. Къ сожалѣнію, я не могъ согласиться:

Глава Онѣгина вторая
Съѣзжала скромно на тузѣ

и ваше примѣчаніе — конечно, личность и неприличность. И вся станса недостойна вашего пера. Прочія очень милы. Мнѣ кажется, что вы немножко мною недовольны. Правда ли? По крайней мѣрѣ, отзывается чѣмъ-то горькимъ ваше послѣднее стихотвореніе. Неужели вы захотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбиваго друга, включить неприязненныя строфы въ 8-ю главу Онѣгина? НВ. Я не проигрывалъ 2-й главы, а ея экземплярами заплатилъ свой долгъ, такъ точно, какъ вы заплатили мнѣ свой родительскими алмазами и 35-ю томами Энциклопедіи. Что, если напечатать мнѣ это благонамѣренное возраженіе? Но я надѣюсь, что я не потерялъ вашего дружества и что мы при первомъ свиданіи мирно примемъ за карты и за стихи. Простите. Весь вашъ А. П.

А. Х. Бенендорфу.—*Спб., 21 апрѣля.*—Милостивый государь, Александръ Христофоровичъ! Искренне сожалѣя, что желанія мои (поступить въ дѣйствующую армію) не могли быть

исполнены, съ благоговѣніемъ приѣмлю рѣшеніе государя императора и приношу сердечную благодарность вашему превосходительству за свисходительное ваше обо мнѣ ходатайство.

Такъ какъ слѣдующіе шесть или семь мѣсяцевъ остаюсь я вѣроятно въ бездѣйствіи, то желалъ бы я провести сіе время въ Парижѣ, что, можетъ быть, въ послѣдствіи мнѣ уже не удастся. Если ваше превосходительство соизволите мнѣ испросить отъ государя сіе драгоценное дозволеніе, то вы мнѣ сдѣлаете новое, истинное благодѣяніе.

Пользуюсь симъ послѣднимъ случаемъ, дабы испросить отъ вашего прев—ва подтвержденія даннаго мнѣ вами на словахъ позволенія: вновь издать разъ уже напечатанныя стихотворенія мои.

Вновь поручая судьбу мою великодушному вашему ходатайству, съ глубочайшимъ почтеніемъ, совершенной преданностью и сердечной благодарностью, имѣю честь быть, м. г., вашего пр—ва покорнѣйшій слуга *А. Пушкинъ*.

М. П. Погодину. — Петербургъ, 1 іюля. — Простите мнѣ долгое мое молчаніе, любезный Михайло Петровичъ; право, всякій день упрекалъ я себя въ неизвинительной лѣни, всякій день собирался къ вамъ писать, и все не собрался. Посему самому и не посылалъ вамъ ничего въ Московскій Вѣстникъ. Правда, что и посылать было нечего; но дайте сроку, осевъ у воротъ; я заберусь въ деревню и пришлю вамъ оброкъ сполна. — Надобно, чтобъ вашъ журналъ издавался и на слѣдующій годъ. Онъ, конечно, будь сказано между нами, первый, единственный журналъ на святой Руси; должно терпѣніемъ, добросовѣстностью, благородствомъ и особенно настойчивостью оправдать ожиданія

истинныхъ друзей словесности и одобреніе великаго Гёте — Честь и слава милому нашему Шевыреву. Вы прекрасно сдѣлали, что напечатали письмо нашего германскаго патріарха. Оно, надѣюсь, дастъ Шевыреву болѣе вѣсу во мнѣніи общемъ. А того-то и надобно. Пора уму и знаніямъ вытѣснить и Булгарина, и Федорова. Я здѣсь на досугѣ поддразниваю ихъ за несогласіе ихъ мнѣнія съ мнѣніемъ Гёте. За разборъ „Мысли“, одного изъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній текущей словесности, уже досталось нашимъ Сѣвернымъ Шмелямъ отъ Крылова, осудившаго ихъ и Н. Н., cadaго по достоинству. Впередъ! и да здравствуетъ Московскій Вѣстникъ! Растолковали ли вы Телеграфу, что онъ дуракъ?.. Въ бытность свою въ С.-Петербургѣ Ксенофонтъ Телеграфъ со мною въ томъ было согласился (но сіе да будетъ между нами. Т: добрый и честный человѣкъ, и съ нимъ я ссориться не хочу). Кланяйтесь Каибану. (С А. Соболевскому); на дняхъ пишу къ нему—пришлю ему денегъ, а вамъ стиховъ; засимъ обнимаю васъ отъ сердца. Кстати, похвалите С л а в я н и н а; онъ намъ нуженъ, какъ навозъ нуженъ пашнѣ, какъ свинья нужна кухнѣ, а Шишковъ—Русской Академіи.— На дняхъ читалъ я стихи Языкова, гдѣ говоритъ онъ о своихъ стихахъ:

Что жъ? Въ Бѣлокаменную, съ Богомъ,
 Въ Московскій Вѣстникъ. Трудно, братъ:
 Онъ выступаетъ въ чинѣ строгомъ,
 Разборчивъ, строгъ, аристократъ,
 Такъ и пріязнь ему не въ ладъ
 Со мной, парнасскимъ демагогомъ
 Ну, въ Аѳиней—что Аѳиней?
 Журналъ казенно философскій,
 Отступникъ Пушкина, злодѣй,
 Благонамѣренный Московскій.

С. А. Соболевскому.—*Петербургъ, 15 юля.*—
 Вечоръ я узналъ о твоёмъ горѣ (смерть матери)
 и получилъ твои два письма. Что тебѣ скажу?
 Про старыя дрожжи не говорятъ трюжды; не
 радуйся нашедъ, не плачь потерявъ; посылаю
 тебѣ мою наличность, остальные 2500 получилъ
 вслѣдъ. Цыганы мои не продаются вовсе,
 деньги же эти—трудовыя, въ потѣ лица моего
 вышнотированныя у нашего друга Полторацка-
 го (библіофиль). Приѣзжай въ Петербургъ, если
 можешь. Мнѣ бы хотѣлось съ тобою свидѣться
 да переговорить о будущемъ. Перенеси муже-
 ственно перемѣну судьбы твоей, то есть, по
 одежкѣ твоя ножи; все перемелется, будетъ
 мука. Ты видишь, что кромѣ пословицъ ничего
 путнаго тебѣ сказать не умѣю. Прощай, мой
 другъ.

А. Н. Вульфъ. — *Малинки, 27 октября.* —
 Тверскоі Ловеласъ С.-Петербургскому Вальмо-
 ну здравія и успѣховъ желаетъ.

Честъ имѣю донести, что въ здѣшней губер-
 ніи, наполненной вашимъ воспоминаніемъ, все
 обстоитъ благополучно. Меня припiali съ до-
 стодолжнымъ почитаніемъ и благосклонностью.
 Утверждаютъ, что вы г о р а з д о х у ж е м е н я
 (въ моральномъ отношеніи), и потому не смѣю
 надѣяться на успѣхи, равные вашимъ. Тре-
 буемая отъ меня поясненія на счетъ вашего
 петербургскаго поведенія далъ я съ откровен-
 ностью и простодушіемъ, отчего и потекли нѣ-
 которыя слезы и вырвались нѣкоторыя неде-
 брожелательныя восклицанія, какъ на примѣръ:
 какой мерзавецъ! какая скверная ду-
 ша! но я притворился, что ихъ не слышу. При
 сей вѣрной оказіи доношу вамъ, что Марья
 Васильевна Борисова есть цвѣтокъ въ пусты-
 нѣ, соловей въ дичи лѣсной, перлъ въ морѣ, и

что я намѣренъ на дняхъ въ нее влюбиться.
Здравствуйте; поклоненіе мое Аннѣ Петровнѣ,
дружеское рукопожатіе баронессѣ etc.

С. А. Соболевскому — *Малинники, 9 ноября.* —
Во-первыхъ — запасись виномъ, ибо порядочнаго
нигдѣ не найдешь. Потомъ:

У Гальони, иль Кальони
Закажи себѣ въ Твери
Съ пармезаномъ макарони,
Да личницу свари.

На дорогѣ отобѣдай
У Пожарскаго въ Торжкѣ:
Жареныхъ котлетъ отбѣдай
И отправься налегкѣ.

Какъ до Яжелбицъ дотащитъ
Колымагу мужичекъ, —
То-то другъ мой растарашитъ
Сладострастный свой глазокъ:

Поднесутъ тебѣ форели, —
Тотчасъ ихъ варить вели;
Какъ увидишь — посинѣли,
Влей въ уху стаканъ шабли.

Чтобъ уха была по сердцу,
Можно будетъ въ кипатокъ
Положить нсмного перцу,
Луку маленькій кусокъ.

Яжелбицы — первая станція послѣ Валдая.
Въ Валдаѣ спроси; есть ли свѣжія сельди; если
же нѣтъ — ○

У податливыхъ крестьянокъ
(Чѣмъ и славится Валдай)
Къ чаю накупи баранокъ
И скорѣе поѣзжай.

На каждой станці совѣтую изъ коляски выбрасывать пустую бутылку: такимъ образомъ ты будешь имѣть отъ скуки какое-нибудь занятіе. Прощай. Пишп.

Бар. А. А. Дельвигу.—*Малинники, ноябрь*.— Вотъ тебѣ въ Ц в ѣ т ы отвѣтъ Катенину (см. алфавит. указатель: «отвѣтъ Катенину»), вмѣсто отвѣта Готовцовой, который не готовъ. Я совершенно разучился любезничать. Не знаю, долго-ли останусь въ здѣшнемъ краю. Жду отвѣта отъ Баратынскаго. Къ новому году, вѣроятно, являюсь къ вамъ въ Чухландію. Здѣсь мнѣ очень весело. Прасковью Александровну люблю душевно; жаль, что она хвораетъ и все беспокоится. Сосѣди ѣздятъ смотрѣть на меня, какъ на собаку Мунито (ученая собака, которую тогда показывали въ Петербургѣ). Скажи это гр. Хвостову. Петръ Марковичъ (Полторацкій) здѣсь повеселѣлъ и уморительно милъ. На дняхъ было сборище у одного сосѣда; я долженъ былъ туда пріѣхать. Дѣти его родственницы, балованные ребятишки, хотѣли непременно туда же ѣхать. Мать принесла имъ изюму и черносливу и думала тихонько отъ нихъ убраться; но Петръ Марковичъ ихъ взбудоражилъ; онъ къ нимъ прибѣжалъ: „дѣти! дѣти! мать васъ обманываетъ! не ѣшьте черносливу, поѣжайте съ нею—тамъ будетъ Пушкинъ: онъ весь сахарный, а задъ его яблочный; его разрѣжутъ и всѣмъ вамъ будетъ по кусочку“. Дѣти разревѣлись: „не хотимъ черносливу, хотимъ Пушкина“. Нечего дѣлать, ихъ повезли—и они сбѣжали ко мнѣ, облизываясь, но увидѣвъ, что я не сахарный, а кожаный, совсѣмъ опѣшили. Здѣсь очень много хорошенькихъ дѣвчонекъ (или дѣвиць, какъ приказываетъ звать Борисъ

Михайловичъ). Я съ ними вожусь платонически и отъ того толстѣю и поправляюсь въ моемъ здоровьѣ. Прощай, поцѣлуй себя въ пупокъ, если можешь. Сестра проситъ для своего голубчика моего Ворона. Какъ ты думаешь? Пускай шуринъ гравируетъ, а ты печатай. Vale et mihi favege, какъ Евг. Онѣг. Баронессѣ не говорю ничего, однакожъ цѣлую ручку, но весьма чопорно.

Бар. А. А. Дельвигу. — *Малинники, 26 ноября.* — Вотъ тебѣ „Отвѣтъ Готовцовой“, (см. алфавитный указатель) чортъ ее поberi! Какъ ты находишь ces petis vers froids et coulants? Что-то написалъ ей мой Вяземскій, а отъ меня ей мало барыша. Да въ чемъ она меня и впрямь урекаетъ? Въ неучтивостяхъ ли противу прекраснаго пола, или въ похабствахъ, или въ безпорядочномъ поведеніи? Господь ее знаетъ! — Правда ли, что ты ѣдешь зарыться въ смоленской крупѣ? Видишь, какую ты кашу заварилъ. Посылаешь меня за Баратынскимъ, а самъ и драла. Что мнѣ съ тобою дѣлать? Здѣсь мнѣ очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здѣсь думаютъ, что я пріѣхалъ набирать строфы въ Онѣгина, и стращаютъ мною ребятъ, какъ букою; а я ѣзжу на паромѣ, играю въ вистъ по восьми гривенъ робберъ, и такимъ образомъ прилѣпляюсь къ прелестямъ добродѣтели и гнушаюсь сѣтей порока. Скажи это нашимъ дамамъ; я пріѣду къ нимъ... Полно. Я что-то сегодня съ тобою разоврался.

Что Иліада и что Гомеръ?

А. Х. Беннердорфу (черновое). — Г. оберъ-полицмейстеръ требоваль отъ меня подписки

въ томъ, что я не буду печатать безъ разрѣшенія обычной цензуры. Повинуюсь священной для меня волѣ [государя]; тѣмъ не менѣе, при скорбна мнѣ сія мѣра Государь Императоръ, въ минуту для меня незабвенную, изволили освободить меня отъ цензуры; я далъ честное слово государю, которому измѣнить не могу, не говоря ужъ о чести дворянина, но и по глубокой, искренней моей привязанности къ его величеству, какъ царю и человѣку. Требованіе полицейской подписки унижаетъ меня въ собственныхъ моихъ глазахъ, и я такъ глубоко чувствую, что я того не заслуживалъ, и далъ бы и въ томъ честное слово, если бы я смѣлъ еще надѣяться, что оно имѣетъ свою цѣну. Что касается до цензуры, — если государю императору угодно уничтожить милость, мнѣ оказанную, то я съ благоговѣніемъ и горестью пріемля знакъ его неблаговоленія, прошу ваше превосходительство разрѣшить мнѣ, какъ надлежитъ мнѣ впредь поступать съ моими сочиненіями, которыя, какъ вамъ извѣстно, составляютъ одно мое имущество.

Надѣюсь, что ваше превосходительство поймете и не примете въ худую сторону смѣлость, съ которой осмѣливаюсь объясняться. Она — знакъ искренняго уваженія человѣка, который чувствуетъ обяз..

1829.

Н. Н. Раевскому (черновое, по французски). — *Петербургъ, 30 января.* — Вотъ моя трагедія, такъ какъ вы непременно этого хотите; но я требую, чтобъ, прежде ся чтенія, вы про-

бѣжали послѣдній томъ Карамзина. Она исполнена шутокъ и тонкихъ намековъ, относящихся къ исторіи того времени, какъ наши бездѣлки Кіева и Каменки. Надо умѣть понимать ихъ—*sine qua non*.

По примѣру Шекспира, я ограничился изображеніемъ эпохи и историческихъ личностей, не гоняясь за сценическими эффектами, романтическимъ пафосомъ и проч... Стиль ея—смѣшанный. Онъ пошелъ и низокъ тамъ, гдѣ мнѣ приходилось выводить грубыя и пошлыя лица. Не обращайтесь вниманія на злоупотребленія этого рода. Все это писалось наскоро и будетъ исправлено при первой перепискѣ. Съ удовольствіемъ я мечталъ о трагедіи безъ любви; но кромѣ того, что любовь составляла существенную часть романческаго и страстнаго характера моего авантюриста, Дмитрій еще влюбляется у меня въ Марину, чтобы мнѣ лучше было высказать странный характеръ этой послѣдней. У Карамзина она представлена только въ очеркѣ. Конечно, это была самая странная изъ хорошенькихъ женщинъ. У нея была только одна страсть—честолюбіе, но до такой степени сильное, бѣшеное, что трудно себѣ и представить. Посмотрите, какъ она, поповавъ царской власти, упоенная пустымъ призракомъ, распутничаетъ, переходя отъ авантюриста къ авантюристу, раздѣляетъ то отвратительное ложе съ жидомъ, то палатку съ казакомъ, постоянно готовая предаться кому бы то ни было, лишь бы онъ могъ подать ей слабую надежду на тронъ, болѣе уже не существовавшій. Посмотрите, какъ она борется съ войной, нищетой, позоромъ, и въ то же время сносится съ польскимъ королемъ, какъ равная съ равнымъ, и наконецъ постыдно кончаетъ самое бурное, самое необыкновенное существо-

*

ваніе. У меня она является только въ одной сценѣ, но я возвращусь къ ней, если Богъ продлитъ мои дни. Она возмущаетъ меня, какъ страсть. Она страшно-какая полька, какъ... [слѣдуетъ зачеркнутая и неразборчивая строка].

Гаврило Пушкинъ — одинъ изъ моихъ предковъ; я изобразилъ его такимъ, какимъ нашелъ въ исторіи и въ моихъ семейныхъ бумагахъ. Онъ обладалъ большими способностями, будучи въ одно время и искуснымъ воиномъ, и придворнымъ человѣкомъ, и въ особенности заговорщикомъ. Это онъ и Плещеевъ обезпечили успѣхъ Самозванца своей неслыханной дерзостью. Потомъ я его опять нашелъ въ Москвѣ въ числѣ семи начальниковъ, защищавшихъ ее въ 1612 году, потомъ въ 1616-мъ въ Думѣ, рядомъ съ Козьмой Мининымъ, потомъ воеводой въ Нижнемъ, потомъ между депутатами, короновавшими Романова, потомъ посланникомъ. Онъ былъ всѣмъ, даже зажигателемъ, какъ доказываетъ грамота, найденная мною въ „Погорѣломъ Городищѣ“: онъ выжегъ городъ, ввѣдѣ наказанія—не знаю, за что именно—по образцу проконсуловъ національнаго собранія.

Я также намѣренъ возвратиться къ Шуйскому. Онъ представляетъ въ исторіи странное смѣшеніе дерзости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, онъ одинъ изъ первыхъ дворянъ переходитъ на сторону Дмитрія, первый начинаетъ заговоръ, и, замѣтите, онъ же первый и старается воспользоваться сумятицей, кричитъ, обвиняетъ, изъ начальника дѣлается сорванцомъ. Онъ близокъ къ казни, но Дмитрій даетъ ему помилованіе уже на эшафотѣ, изгоняетъ его и, съ тѣмъ великодушіемъ вѣтренности, которая отличала этого милаго авантюриста, снова возвращаетъ его ко двору своему, осыпаетъ почестями и щедротами. Что же

дѣлаеть Шуйскій, чуть было не попавшій на плаху и подъ топоръ? Онъ торопится съ новымъ заговоромъ, успѣваетъ, попадаетъ въ цари, падаетъ—и въ паденіи своемъ уже показываетъ болѣе достоинства и душевной силы, чѣмъ въ продолженіе всей своей жизни.

Дмитрій сильно напоминаетъ Генриха IV. Онъ храбръ, великодушень и хвастливъ, какъ тотъ; онъ равнодушень къ религіи; оба они изъ политическихъ видовъ отступаютъ отъ своей вѣры; оба любятъ удовольствія и войну; оба наклонны къ химерическимъ предпріятіямъ и оба служатъ цѣлью для заговоровъ. Но у Генриха IV не было Ксенія на его совѣсти— правда, что это ужасное обвиненіе еще не доказано, и я считаю своей священной обязанностью не вѣрить ему.

Грибоѣдовъ критиковалъ личность Іова—патріархъ, конечно, былъ человекъ весьма умный, а я по разсѣянности сдѣлалъ его проstackомъ.

Сочиняя моего Годунова, я думалъ о трагедіи—и если бы вздумалъ написать предисловіе, то вышелъ бы скандалъ—это, можетъ быть, всего менѣе изслѣдованный родъ (словесности). Законы его стараются вывести изъ правдоподобія, а оно-то и исключается самой сущностью драмы; не говоря уже о времени, мѣстѣ и пр., какое къ чорту правдоподобіе можетъ быть въ залѣ, раздѣленномъ на двѣ половины, изъ которыхъ одна занята двумя тысячами человекъ, подразумеваемыхъ невидимыми для находящихся на сценѣ. 2) Я з ы к ъ. Напр. Филоктеть у Лагарпа говоритъ чистымъ французскимъ языкомъ, выслушавши тираду Пирра: „Увы! я слышу сладкіе звуки греческой рѣчи“. Все это не представляетъ ли условнаго неправдоподобія? Истинные гении трагедіи никогда не хло-

потали о другомъ правдоподобіи, кромѣ правдоподобія характеровъ и положеній. Посмотрите, какъ храбро Корнель распорядился съ „Сидомъ“: а! вы желаете закона 24 часовъ! Извольте! И за тѣмъ онъ наваливаетъ происшествій на 4 мѣсяца. Но нѣтъ ничего смѣшнѣе маленькиихъ поправокъ въ принятыхъ законахъ. Альфіери глубоко чувствуетъ смѣшное значеніе рѣчей въ-сторонѣ; онъ это уничтожаетъ, но за то растягиваетъ монологъ. Какое ребячество!

Мое письмо вышло длиннѣе, нежели мнѣ хотѣлось. Прошу васъ, сберегите его, погому что оно мнѣ понадобится, если чортъ меня дернетъ написать предисловіе. — А. П.

П. А. Осиповой. (по франц.). — *Спб., въ концѣ февраля.* — Принимаю смѣлость послать вамъ три послѣднія пѣсни Онѣгина и желаю, чтобы онѣ заслужили ваше одобреніе. Прилагаю еще экземпляръ для М-elle Евпраксин, причемъ благодарю ее за тотъ лаконическій отвѣтъ, которымъ она удостоила мой вопросъ. Не знаю, буду ли имѣть счастье видѣть васъ нынѣшній годъ; говорятъ, что вы хотѣли быть въ Петербургѣ. Правда ли это? И однако, я все же рассчитываю на сосѣдство Тригорскаго и Зуева. Какъ ни устройвай судьба, кончится тѣмъ, что мы сойдемся подъ рябинами, на берегу Сороти.

Примите, милостивая государыня, какъ вы, такъ и все ваше семейство, увѣреніе въ моемъ уваженіи, въ моей дружбѣ, въ моихъ сожалѣніяхъ и въ моей совершенной преданности.

С. А. Соболевскому. — *Изъ Петербурга.* алаберный! ты ничего не пишешь

2100 рубляхъ, мною тебѣ должныхъ. Вотъ въ чемъ дѣло: хочешь ли оную сумму получить съ Московскаго Вѣстника? Узнай, въ состояніи ли они мнѣ на нынѣшній годъ выдать 2100, и дай отвѣтъ. Если нѣтъ, то получишь ихъ съ Смирдина въ равные сроки. Что, душа моя Калибанъ? Какъ это тебѣ нравится? Пиши мнѣ о своихъ дѣлахъ и планахъ—кто у васъ производитъ, кто потребляетъ? Кто этотъ Атенеическій Мудрецъ, который такъ хорошо разобралъ IV и V главу? Зубаревъ или Иванъ Савельичъ? Я собирался къ вамъ, мои милые, да не знаю, попаду ли; во всякомъ случаѣ, въ Петербургѣ не остаюсь.

И. М. Снегиреву.—*Апрѣль 1829.*—М. Г. Иванъ Михайловичъ! Сдѣлайте одолженіе объяснить, на какомъ основаніи не пропускаете вы мною доставленное замѣчаніе въ М. Телеграфъ? Мнѣ необходимо, чтобы оно было напечатано, и я принужденъ буду, въ случаѣ отказа, отнестись къ высшему начальству вмѣстѣ съ жалобой на пристрастіе, не вѣдаю къ кому.

Поручаю себя въ ваше благорасположеніе и прошу принять увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи и преданности.—*А. Пушкинъ.*

И. А. Яковлеву.—Тяжело мнѣ быть передъ тобою виноватымъ, тяжело и извиняться, тѣмъ болѣе, что знаю твою delicacy of gentleman. Ты ѣдешь на дняхъ, а я все еще въ долгу. Должники мои мнѣ не платятъ, и дай Богъ, чтобы они вовсе не были банкроты, а я (между нами) проигралъ уже около 20 тысячъ. Во всякомъ случаѣ, ты первый получишь свои деньги. Надѣюсь еще ихъ заплатить передъ твоимъ отъ-

ѣдомъ. Не то позволѣ вручить ихъ Алексѣю Ивановичу, твоему батюшкѣ; а ты предупреди, сдѣлай милость, что эти 6 тысячъ даны тобою мнѣ взаймы. Въ концѣ мая и въ началѣ іюня денегъ у меня будетъ Вуча, но покажѣсть я на мели и карабкаюсь. Весь твой. А. П

Л. С. Пушкину.—*Москва, 8 мая.*—Что ты мнѣ не пишешь и что не пишетъ ко мнѣ твой командиръ? Завтра ѣду въ Петербургъ, увидѣться съ дражайшими родителями, сойме оп діт, и устроить свои денежные дѣла. Изъ Петербурга поѣду или въ чужіе края, т. е. въ Европу, или во-свояси, т. е. во Псковъ, но вѣроятнѣе въ Грузію — не для твоихъ прекрасныхъ глазъ, а для Раевского. Письмо мое доставить тебѣ М. И. Корсакова, чрезвычайно милая представительница Москвы. Приѣзжай на Кавказъ и познакомься съ нею—да прошу не влюбиться въ дочь.—Кончилась ли у васъ война? Видѣлъ ли ты Ермолова и каково вамъ послѣ него? Пиши ко мнѣ на имя сестры, а она куда-нибудь да перешлетъ мнѣ.—А. П.

Н. И. Гончаровой, будущей тещѣ Пушкина (по французски). —*Въ началѣ мая, передъ отъѣздомъ на Кавказъ.* — На колѣняхъ, проливая слезы благодарности, долженъ былъ бы я писать теперь, по передачѣ мнѣ вашего отвѣта гр. Толстымъ.—Это не отказъ: вы позволяете мнѣ надѣяться; но если я все еще рошшу, если грусть и горечь примѣшиваются къ чувству моего счастья, то не обвиняйте меня въ неблагодарности. Я понимаю осторожность и вѣжливую заботливость матери. Но простите материнское сердца, страдающаго и упоеннаго счастьемъ.

Я ѣду сію же минуту, унося въ глубинѣ моей души образъ небеснаго существа, обязаннаго вамъ жизнью.—Если вы имѣете что либо приказать мнѣ, то, будьте столь добры, обратитесь къ гр. Толстому, который передастъ мнѣ объ этомъ. Примите и пр. *А. Пушкинъ.*

А. Н. Вульфъ. — *Малинники, 16 октября.* — Проезжая изъ Арзрума въ Петербургъ, я своротилъ вправо и прибылъ въ Старидкій уѣздъ для сбора нѣкоторыхъ недоимокъ. Какъ жаль, любезный Ловластъ Николаевичъ, что мы вдѣсь не встрѣтились! То-то побѣсили-бъ мы бароновъ и простыхъ дворянъ! По крайней мѣрѣ, честь имѣю представить вамъ подробный отчетъ о дѣлахъ нашихъ и чужихъ. I. Въ Малинникахъ засталъ я одну Анну Николаевну съ флюсомъ и съ Муромъ. Она приняла меня съ обыкновенной своей любезностію и объявила мнѣ слѣдующее: а) Евпраксія Николаевна и Александра Ивановна отправились въ Старицу посмотреть новыхъ улановъ; б) N. N. заняла свое воображеніе отчасти таліей К—ва, отчасти бакенбардами и картавымъ выговоромъ Ю—а; с) Гретхенъ хорошеетъ и часъ отъ часу становится невиннѣе (сейчасъ Анна Николаевна объявила, что она того не находитъ).

II. Въ Павловскомъ Фредерика Ив. страдаетъ флюсомъ; Павелъ Иван. стихотворствуетъ съ отличнымъ успѣхомъ. На дняхъ исправилъ онъ наши общіе стихи слѣдующимъ образомъ:

Подъѣзжая подъ Ижоры,
Я взглянулъ на небеса
И вспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.

Не правда ли, что это очень мило.

III. Въ Берновѣ я не засталъ уже Минерву. Она съ своимъ резнивецемъ отправилась въ Сараговъ. За то Netty, вѣжная, томная, истерическая, потолстѣвшая Netty здѣсь. Вы знаете, что Миллеръ изъ отчаянія кинулся къ ея ногамъ, но она симъ не тронулась; вотъ уже третій день, какъ я въ нее влюбленъ.

IV. Разныя извѣстія. Поповна (ваша Кларисса) въ Твери. П--ва кто-то прибилъ, и ему велѣно подать въ отставку. Кв. Максютовъ влюбленъ болѣе чѣмъ когда нибудь. Ив. Ив. на строгой діетѣ (...разъ въ недѣлю). Недавно узнали мы, что Netty, отходя ко сну, имѣетъ привычку крестить всѣ предметы, окружающіе ея постелю. Постараюсь достать.. Симъ позвольте заключить поучительное мое посланіе.

1830.

Н. И. Гнѣдичу. — *Петербургъ, 6 янв.*—Я радуюсь, я счастливъ, что нѣсколько строкъ, робко набросанныхъ мною въ газетѣ, могли тронуть васъ до такой степени. Незнаніе греческаго языка мѣшаетъ мнѣ приступить къ полному разбору *Иліады* вашей. Опъ не нуженъ для вашей славы, но былъ бы нуженъ для Россіи. Обнимаю васъ отъ сердца. Если вы будете у *Andrieux*, то я туда загляну. Увижусь съ вами прежде. Весь вашъ *Пушкинъ*.

А. Х. Бенкендорфу (по франц.) — *Спб., 7 янв.*—Генералъ! явившись къ вашему прев--ству и не имѣвъ счастья застать васъ дома, принимаю смѣлость, согласно вашему позволенію, обратиться къ вамъ съ моею просьбою. Пока я не

женать и не занять службою, я бы желалъ отправиться путешествовать во Францію или въ Италію; въ случаѣ же, если на это не будетъ согласія, я бы просилъ милостиваго дозволенія посѣтить Китай вмѣстѣ съ миссіею, которая туда ѣдетъ. Позвольте мнѣ еще васъ обезпokoить. Въ мое отсутствіе, г. Жуковскій хотѣлъ напечатать мою трагедію, но не получилъ на то прямого разрѣшенія. Такъ какъ я человѣкъ не богатый, то мнѣ чувствительно лишеніе суммы, тысячъ въ 15 р., которые могла бы доставить моя трагедія, и мнѣ было бы горько отказаться отъ обнародованія труда, который я долго обдумывалъ и которымъ наиболѣе доволенъ. Поручая себя вполне вашему благорасположенію, остаюсь вашего превосходительства покорнѣйшій и проч.

М. Н. Загоскину. — *Петербургъ, 11 января.* — М. Г. Михайлъ Николаевичъ! прерываю увлекательное чтеніе вашего романа, чтобъ сердечно поблагодарить васъ за присылку Юрія Милославскаго — лестный знакъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Поздравляю васъ съ успѣхомъ полнымъ и вполне заслуженнымъ, а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его. Жуковскій провелъ за нимъ цѣлую ночь. Дамы отъ него въ восхищеніи. Въ Литературной Гаветѣ будетъ о немъ статья Погорѣльскаго. Если въ ней не все будетъ высказано, то постараюсь досказать. Простите. Дай Богъ вамъ многія лѣта, т. е. дай Богъ вамъ многіе романы и пр.

А. Х. Бенкендорфу (по франц.). — *Спб., 18 янв.* — Генералъ! я получилъ письмо, которымъ ваше прев—ство меня почтили. Сохрани Богъ, что

бы я хоть малѣйше противорѣчилъ волѣ того, который осыпалъ меня столькими благодѣянiями. Я подчинился ей даже съ радостью, лишь бы только быть увѣрену, что я не навлекъ на себя его неудовольствiя. Весьма не во-время хочу прибѣгнуть къ благосклонности вашего прев—ства; но буду говорить о дѣлѣ для меня священномъ и обязательномъ. Я связанъ узами дружбы и признательности съ однимъ семействомъ, которое нынѣ находится въ большомъ несчастiи: вдова генерала Раевского пишетъ ко мнѣ и проситъ поговорить въ ея пользу съ тѣми лицами, которыя могли бы довести о ней до свѣдѣнiя его величества. Уже то самое, что она обратилась ко мнѣ, свидѣтельствуешь, до какой степени у нея мало друзей, надеждъ и способовъ. Половина семьи въ изгнанiи, другой грозить полное разоренiе. Доходовъ едва достаетъ на уплату процентовъ по несмѣтнымъ долгамъ. Г-жа Раевская проситъ, чтобы полное жалованье ея мужа было обращено въ пенсiю ей и послѣ ея смерти ея дочерямъ. Этого будетъ довольно, чтобы предохранить ее отъ нищеты. Обращаясь къ вашему прев—ству, я надѣюсь, что вы, не какъ министръ и лицо государственное, а какъ воинъ и человекъ съ добрымъ и чувствительнымъ сердцемъ, примете участiе въ судьбѣ вдовы героя 1812 года, человека великаго, котораго жизнь была такъ блистательна и конецъ такъ печаленъ. Примите и проч.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Москва, 14 марта.* — Третьяго дня прiѣхалъ я въ Москву и прямо изъ кибитки попалъ въ концертъ, гдѣ находилась вся Москва. Первые лица, попавшіяся мнѣ навстрѣчу, были Н. Гончарова и княгиня Вѣра; а вслѣдъ за ними братья Полевые. Прiѣздъ государевъ сдѣлалъ большое впечатлѣнiе.

Арестованные были призваны къ Бенкендорфу, который отъ имени царя и при Волковѣ и Шульгинѣ объявилъ, что все произошло отъ недоразумѣнія, что государь, очень обо всемъ этомъ жалѣеть, что виновать Шульгинъ etc. Волковъ прибавилъ, что онъ радуется оправданію своему предъ московскимъ дворянствомъ, что ему остается испросить прощенія, или лучше примиренія графини Потемкиной, и такимъ образомъ все кончено, и всѣ довольны.

(Пушкинъ говоритъ о развязкѣ театральнаго скандала; въ частномъ французскомъ театрѣ г-жи Карцевой публика шикала и шумѣла, вступаясь за одну обиженную актрису; за это было арестовано нѣсколько человекъ, въ томъ числѣ Сибилевъ и графъ Потемкинъ. Шульгинъ—московскій оберъ-полицеймейстеръ; Волковъ—жандармскій генераль).

Княгиня Вѣра очень мило и очень умно говорила о тебѣ Бенкендорфу. Онъ извинялся передъ Потемкиной. *Quant à m-me Карцовъ, tout ce qu'elle dit c'est comme si elle chantait...* А жена твоя: *Vous eussiez pu remarquer, général, qu'elle chantait faux.* Отселѣ изъясненія. *Puisque nous sommes sur le pied de la franchise, vous me permettrez, général, de vous demander la réhabilitation de mon mari* Онъ сказалъ ей, что недоволенъ твоимъ мемориемъ. Я не читалъ его: что такое? Ты жалѣешь о томъ, что тебя не было въ Москвѣ; а я такъ нѣтъ. Знаешь разницу между пушкой и единорогомъ? Пушка—сама по себѣ, а единорогъ самъ по себѣ. Потемкинъ и Сибилевъ—сами по себѣ, а ты—самъ по себѣ. Не должно смѣшивать эти два дѣла. Здѣсь ты бы былъ конечно включенъ въ общую амнистію, но ты достоинъ и долженъ требовать особеннаго оправданія, а не при сей

вѣрной оказіи. Но это все бездѣлица, а вотъ что важно: Киселевъ женится на Л. Ушаковой, и Катерина говоритъ, что они счастливы. Вчѣра обѣдаль я у Дмитріева съ Жихаревымъ. Дмитріевъ сердитъ на Полевого и на цензора Глинку; я не теряю надежды затащить его въ полемику, дай срокъ. Прощай, помни меня на вечерѣ у Катерины Андреевны (Карамзиной) и пиши мнѣ къ Копу (гостинница).

Запечатай и отошли записку Гагарину театральному.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Москва, 16 марта.* — У меня есть на столѣ письмо, уже давно къ тебѣ написанное. Я побоялся послать его тебѣ по почтѣ. Жена твоя вѣроятно полнѣе и дѣльнѣе рассказала тебѣ, въ чемъ дѣло. Государь, уѣзжая, оставилъ въ Москвѣ проектъ новой организаціи, контръ-революціи Петра. Вотъ тебѣ случай написать политическій памфлетъ и даже его напечатать, ибо правительство дѣйствуетъ или намѣрено дѣйствовать въ смыслѣ европейскаго просвѣщенія. Огражденіе дворянства, подавленіе чиновничества, новыя права мѣщанъ и крѣпостныхъ — вотъ великіе предметы. Какъ ты? Я думаю пуститься въ политическую прозу. Что твое здоровье? Каковъ ты съ министрами? И будешь ли ты въ службѣ новой? Знаешь ли ты, кто въ Москвѣ возвысилъ свой оппозиціонный голосъ выше всѣхъ? Солнцевъ (каммергеръ). Каковъ? Онъ объявлялъ себя обиженнымъ въ лицѣ Сибилева и цугомъ поѣхалъ къ нему на сѣзжую, не смотря на слезы Лизаветы Львовны и нѣжныя просьбы Ольги Матвѣевны. Москва утихла и присмирѣла. Жду концертовъ и шуму за проектъ. Буду тебѣ передавать свои наблюденія о духѣ московскаго клуба. Прощай, кланяюсь твоимъ.

Не могу еще привыкнуть не у нихъ проводить вечера мои. Кажется мнѣ, что я развращаюсь.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Москва, въ мартъ.* —
 Посылаю тебѣ драгоценность: доносъ Сумарокова на Ломоносова. Подлинникъ за собственно-ручную подписью видѣлъ я у Ив. Ив. Дмитриева. Онъ отыскалъ въ бумагахъ Миллера, надорванный — вѣроятно въ присутствіи — и вѣроятно сохраненный Миллеромъ, какъ документъ распутства Ломоносова: они были врагами. Состряпай изъ этого статью и тисни въ Литературной Газетѣ. Письмо мое доставить тебѣ Гончаровъ, братъ красавицы: теперь ты угадаешь, что тревожитъ меня въ Москвѣ. Если ты можешь влюбить въ себя Елизу, то сдѣлай мнѣ эту божескую милость. Я сохранилъ свою цѣломудренность, оставя въ рукахъ ея не плащъ, а рубашку (справься у кн. Мещерской). Она преслѣдуетъ меня и здѣсь письмами и посылками. Избавь меня отъ Центефринхи.

Булгаринъ изумилъ меня своею выходкою (напечатаніемъ эниграммы: „Не то бѣда, что ты поляк“). Сердиться нельзя, но побить его можно и, думаю, должно. Но распутица, лѣнь и Гончарова не выпускаютъ меня изъ Москвы, а дубины въ 800 верстъ длины въ Россіи нѣтъ, кромѣ графа Панина. Жену твою вижу часто, т. е. всякій день. Наше житье-бытье сносно. Дядя живъ. Дмитриевъ очень милъ. Зубковъ членъ клуба. Ушаковъ кривъ. Вотъ тебѣ просьба: Погодинъ собрался ѣхать въ чужіе края; онъ можегъ обойтись безъ вспоможенія, но все-таки лучше бы... Поговори объ этомъ съ Блудовымъ, да пожарче Строевъ написалъ *table des matières* Исторіи Карамзина, книгу вамъ необходимую. Ее надо напечатать; пого-

вори Блудову и объ этомъ. Прощай. Мой сердечный поклонъ всему семейству.—Въ доносѣ пропущено слово оскорбляя. Батюшковъ умираетъ.

Н. Н. Гончаровой (черновое, по французски). — *Москва, въ мартъ.* — Сегодня—годовщина того дня, когда я васъ впервые увидѣлъ; этотъ день... въ моей жизни...

Чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что мое существованіе не можетъ быть отдѣлено отъ вашего: я созданъ для того, чтобы любить васъ и слѣдовать за вами; всѣ другія мои заботы — одно заблужденіе и безуміе. Вдали отъ васъ меня неотступно преслѣдуютъ сожалѣнія о счастья, которымъ я не успѣлъ насладиться. Рано или поздно, мнѣ однако придется все бросить и пасть къ вашимъ ногамъ. Мысль о томъ днѣ, когда мнѣ удастся имѣть клочекъ земли въ... одна только улыбается мнѣ и оживляетъ среди тяжелой тоски. Тамъ мнѣ можно будетъ бродить вокругъ вашего дома, встрѣчать васъ, слѣдовать за вами....

Н. И. Гончаровой (по французски). — *Москва, въ апрѣль.* — Теперь, когда вы мнѣ разрѣшили писать къ вамъ, я такъ же чувствую себя взволнованнымъ, принимаясь за перо, какъ если бы я былъ въ вашемъ присутствіи. Я столько имѣю сказать вамъ, и чѣмъ болѣе мнѣ приходится думать объ этомъ, тѣмъ мрачнѣе и неутѣшительнѣе становятся осаждающія меня мысли. Я намѣренъ изложить ихъ вамъ вполне искренно, какъ Богъ на душу положитъ, взывая къ вашему терпѣнію и особенно къ вашей снисходительности.

Впервые встрѣтивъ ее, когда ея красота была

еще едва замѣтна въ свѣтѣ, я полюбилъ ее. Голова моя закружилась, и я просилъ ея руки. Вашъ отвѣтъ, не смотря на всю его неопредѣленность, далъ мнѣ минуту безумнаго счастья. Въ то же мгновеніе я отправился въ армію. Спросите меня, что я тамъ собирался дѣлать — и я клянусь, что не могъ бы дать вамъ на это отвѣта. Но бессознательное опасеніе гнало меня вонъ изъ Москвы: я не былъ въ состояніи переносить въ ней ваше или ея присутствіе. Я вамъ писалъ, надѣялся, ожидалъ отвѣта — онъ не приходилъ. Всѣ ошибки ранней молодости воскресли въ моемъ воображеніи. Онѣ дѣйствительно были очень велики, но клевета еще болѣе раздула ихъ — слава о нихъ, къ сожалѣнію, приобрѣла большую популярность. Вы могли повѣрить дурнымъ слухамъ: я не смѣлъ роптать, но былъ въ отчаяніи.

Сколько терзаній ожидало меня по возвращеніи: ваше молчаніе, ваше холодное обращеніе, приемъ *mademoiselle Natalie*, столь легкой, столь невнимательный. Я не имѣлъ мужества объясниться — я уѣхалъ въ Петербургъ убитый, сознавая, что сыгралъ смѣшную роль: я былъ робокъ первый разъ въ жизни, а человекъ моихъ лѣтъ не робостью можетъ снискать себѣ расположеніе молодой особы въ возрастѣ вашей дочери. Одинъ изъ моихъ пріятелей, пріѣхавъ въ Москву, передаетъ благосклонное слово вашей дочери по моему адресу — и оно возвращаетъ мнѣ жизнь... Недавно я получилъ нѣсколько любезныхъ строкъ, которыя вы сообразовали прислать мнѣ. Повидимому это должно было бы заставить меня ликовать отъ счастья, а между тѣмъ теперь я болѣе несчастливъ, чѣмъ когда нибудь. Постараюсь объяснить.

Привычка и продолжительное сближеніе одно могло бы развить привязанность вашей дочери ко мнѣ. Я надѣюсь приобрести ея расположеніе со временемъ, но во мнѣ нѣтъ ничего, чѣмъ бы я могъ ей нравиться. Въ согласіи ея отдать мнѣ руку я буду видѣть лишь безмолвное доказательство ея сердечнаго равнодушія. Но когда окружающая ее атмосфера наполнится восторгами, поклоненіями и соблазнами, сохранитъ-ли она это невозмутимое равнодушіе? Молодой дамѣ станутъ внушать, съ видомъ сожалѣнія, что лишь несчастный рокъ помѣшалъ ей вступить въ болѣе равный бракъ, въ бракъ болѣе ея достойный и блестящій. Можетъ быть, искренность этихъ сожалѣній будетъ иногда сомнительна, но ей они должны представляться несомнѣнными. Не начнетъ ли она тогда сама сожалѣть о сдѣланномъ шагѣ? Не будетъ ли она смотрѣть на меня, какъ на препятствіе, какъ на помѣху, какъ на обманщика-похитителя? Не почувствуетъ ли при этомъ отвращенія ко мнѣ?—Богъ свидѣтель, что я готовъ умереть за нее; но умереть затѣмъ, чтобы оставить ее блестящей вдовой, свободной въ выборѣ завтра, эта мысль—адъ.

Поговоримъ о состояніи. Я не придаю ему значенія; моихъ средствъ было достаточно для меня до сихъ поръ. Хватитъ ли ихъ, когда я женюсь? Я не потерплю ни за что на свѣтѣ, чтобъ моя жена узнала лишенія, чтобъ она не могла бывать тамъ, гдѣ ей было суждено блистать и наслаждаться. Она имѣетъ полное право это требовать. Чтобы удовлетворить ее, я готовъ пожертвовать всѣми вкусами, всѣми увлеченіями моей жизни, моимъ независимымъ существованіемъ, полнымъ приключеній. Не смотря на это, не станетъ ли она роптать, если ея положеніе въ свѣтѣ будетъ не столь блестя-

шимъ, какъ она того заслуживаетъ и какъ бы я самъ того желалъ?

Вотъ та доля моихъ опасеній, которую мнѣ необходимо было вамъ высказать теперь; я трепещу при мысли, что вы ихъ найдете слишкомъ основательными..! Но есть еще одно опасеніе, котораго я не рѣшаюсь довѣрить бумагѣ,..

Примите увѣреніе и пр. *А. Пушкинъ.*

А. Х. Бенкендорфу (по французски). — Москва, 16 апрѣля. — Прошу еще одной милости: въ 1826 году я привезъ въ Москву мою трагедію „Борисъ Годуновъ“, написанную во время ссылки. Она была послана въ томъ видѣ, въ какомъ вы ее читали, лишь съ цѣлью оправданія. Государь, почтившій своей критикой мою трагедію, указалъ мнѣ на нѣкоторыя вольныя мѣста, и я долженъ сознаться, что замѣчанія его величества были болѣе чѣмъ справедливы. Кроме того, два или три мѣста обратили на себя его вниманіе исключительно потому, что показались ему намеками на близкія къ намъ событія. Перечитывая ихъ теперь, я сомнѣваюсь въ томъ, чтобъ имъ можно было придать такой смыслъ. Всѣ смуты походятъ другъ на друга. Драматическій писатель не можетъ быть отвѣтственъ за слова, влагаемые имъ въ уста историческихъ лицъ. Онъ долженъ заставить ихъ говорить сообразно съ характеромъ, признаваемымъ за ними исторіей. А потому слѣдуетъ обращать вниманіе лишь на духъ, проникающій все сочиненіе, и на общее впечатлѣніе, имъ производимое. Моя трагедія есть произведеніе правдивое, и я не могу по совѣсти исключить изъ нея то, что мнѣ кажется существеннымъ.

Прошу его величество простить мнѣ смѣлость, съ которой я рѣшаюсь противорѣчить

ему. Я знаю, что этотъ протестъ поэта можетъ показаться смѣшнымъ; однако, до сихъ поръ я отвергалъ всѣ предложенія книгопродавцевъ, принося безмолвно эту жертву волѣ его величества. Но въ настоящее время я нахожусь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и умоляю его величество развязать мнѣ руки разрѣшеніемъ на изданіе моей трагедіи въ томъ именно видѣ, какъ я желаю.

Кн. П. А. Вяземскому.—*Москва, 2 мая.*— Благодарю тебя, мой милый, за твои поздравленія и мадригалы. Я въ точности передалъ ихъ моей невѣстѣ. Правда ли, что ты собираешься въ Москву? Боюсь графини Фикельмонъ. Она удержитъ тебя въ Петербургѣ. Говорятъ, что у Канкринна ты при особыхъ порученіяхъ, а настоящая твоя служба—при ней. Приѣзжай, мой милый, да влюбись въ мою жену, а мы поговоримъ объ газетѣ или альманахѣ. Дельвигъ въ самомъ дѣлѣ лѣнивъ, однакожъ его газета хороша; ты много оживилъ ее. Поддерживай ее, покамѣстъ нѣтъ у насъ другой. Стыдно будетъ уступить поле Булгарину. Дѣло въ томъ, что чисто-литературной газеты у насъ быть не можетъ; должно принять въ союзницы или моду, или политику. Соперничать съ Ранчемъ и Шаликовымъ какъ то совѣстно. Неужто Булгарину отдали монополію политическихъ новостей? Неужто кромѣ Сѣверной Пчелы ни одинъ журналъ не смѣетъ у насъ объявить, что въ Мексикѣ было землетрясеніе, и что камера депутатовъ закрыта до сентября? Неужто нельзя выхлопотать этого дозволенія? Справься-ка съ молодыми министрами и съ Бенкевдорфомъ. Тутъ дѣло идетъ не о политическихъ мнѣніяхъ, но о сухомъ изложеніи происшествій. Да и неприлично правительству

заключать союзъ—съ кѣмъ? Съ Булгаринимъ и Гречемъ. Пожалуйста, поговори объ этомъ, но втайнѣ: если Булгаринъ будетъ это подозрѣвать, то онъ, по своему обыкновению, пойдетъ въ доносы и клевету—и съ нимъ не справишься.

Отчего не напечатано мое посвященіе тебѣ въ третьемъ изданіи Фонтана? Неужто мой цензоръ не пропустилъ? Это для меня очень досадно. Узнай пожалуйста, какъ и зачѣмъ.

Сегодня везу къ моей невѣстѣ Солнцева. Жаль, что представляю его не въ прежнемъ его видѣ, доставившемъ ему камергерство. Она болѣе благоговѣла бы передъ родственнымъ его брюхомъ. Дядя В. Л. также плакалъ, узнавъ о моей помолвкѣ. Онъ собирается на свадьбу подарить намъ стихи. На дняхъ онъ чуть не умеръ и чуть не ожилъ Богъ знаетъ, чѣмъ и зачѣмъ онъ живетъ. Сказывалъ ты Катеринѣ Андреевнѣ (Карамзиной) о моей помолвкѣ? Я увѣренъ въ ея участіи; но передай мнѣ ея слова: они нужны моему сердцу, и теперь несомнѣнно счастливому.

Прощай, мой милый; обнимаю тебя и Жуковского.

А. Н. Гончарову (дѣдъ жены Пушкина). — Москва, 3 мая. — Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ! Съ чувствомъ сердечнаго благоговѣнія обращаюсь къ вамъ, какъ главѣ семейства, которому отнынѣ принадлежу. Благословивъ Наталью Николаевну, благословили вы и меня. Вамъ обязанъ я больше, чѣмъ жизнию. Счастіе вашей внуки будетъ священная, единственная моя цѣль и все, чѣмъ могу воздать вамъ за ваше благодѣяніе.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ, преданностію

и благодарностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ*.

П. А. Плетневу.—*Москва, въ началъ мая.*— Милый! Побѣда! Царь позволитъ мнѣ напечатать Годунова въ первобытной красотѣ. Вотъ что пишетъ мнѣ Бенкендорфъ:

«Pour ce qui regarde votre tragédie de Godounoff, S. M. vous permet de la faire imprimer sous votre propre responsabilité».

Слушай же, кормилецъ: я пришлю тебѣ трагедію мою съ моими поправками, а ты, благодѣтель, явись къ ф.-Фоку (начальнику III Отдѣленія) и возьми отъ него письменное дозволеніе (нужно-ли оно?). Думаю написать предисловіе. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мнѣ, А. Пушкину, являясь передъ Россіей съ Борисомъ Годуновымъ, заговорить объ Ѳаддѣ Булгаринѣ? Кажется, неприлично. Какъ ты думаешь? Рѣши. Скажи: имѣлъ ли вліяніе на расходъ Онѣгина отзывъ „Сѣверной Пчелы“? Знаешь ли что? У меня есть презабавные матеріалы для романа: Ѳаддей Выжигинъ. Теперь некогда, а современемъ можно будетъ написать это. Какое дѣйствіе произвела вообще и въ частности статья о Видокѣ? (См. алфавитный указатель). Пожалуйста, отпиши.

Ахъ, душа моя, какую женку я себѣ завелъ!

Сейчасъ получилъ письмо твое, — благодарю, душа моя. Заклучай условія, какія хочешь, только нельзя ли вмѣсто 4-хъ лѣтъ 3 года? выторгуй хоть 6 мѣсяцевъ. Не продать ли намъ Смирдину и трагедію? Порученіе твое (поцѣловать ручку) къ моей невѣстѣ исполнено. Она заочно рекомендуетъ тебѣ и женѣ твоей. Что касается до будущаго мѣстопробыванія моего,

то самъ не знаю; кажется, отъ Петербурга не отдѣляюсь. Царь со мною очень милъ.

Ии. В. Ф. Вяземской (по франц.).—*Москва, въ матъ.*—Вы имѣли полное основаніе придти въ восторгъ отъ осла (романъ Ж. Жанена: *L'âne mort et la femme guillotinée*). Это—одинъ изъ выдающихся новыхъ романовъ. Авторомъ его считаютъ Виктора Гюго. Я въ немъ вижу проявленіе болѣе могучаго таланта, чѣмъ въ „Послѣднемъ днѣ приговореннаго къ смерти“, хотя и это произведеніе тоже очень талантливо. Что же касается смутившей васъ фразы, то я вамъ совѣтую не принимать за чистую монету всѣхъ симпатій автора. Весь міръ восхищается первой любовью; онъ же нашелъ болѣе пикантнымъ заняться второй. Можетъ быть, онъ и правъ. Первая любовь есть всегда дѣло чувства; чѣмъ она была глупѣе, тѣмъ болѣе остается послѣ нея очаровательныхъ воспоминаній. Вторая же любовь есть дѣло страсти. И бы могъ гораздо глубже провести эту параллель, но у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ для этого досуга. Моя женитьба на Natalie (которая, въ скобкахъ, есть моя сто третья любовь) рѣшена. Отецъ даетъ мнѣ 200 душъ, которыя я хочу заложить (*engager*) въ ломбардъ, а вамъ предложить (*engager*), дорогая княгиня, быть моею посаженою матерью.

Остаюсь у вашихъ ногъ А. П.

М. П. Погодину. Одиннадцать записокъ.
Москва, въ матъ.

I. Сдѣлайте Божескую милость, помогите. Къ воскресенью мнѣ деньги нужны непременно, а на васъ вся моя надежда.

II. Могу ли къ вамъ заѣхать и когда? и бу-

дутъ ли деньги? У Бога конечно всего много, но онъ займы не даетъ, а дарить, кому захочетъ; такъ я болѣе на васъ надѣюсь, чѣмъ на него (прости, Господи, мое прегрѣшеніе).

Post scriptum et nota bene: Румянцевъ у него жидъ рогатки (chevaux de Frise), а ввелъ въ арріа кагульскія.

III. Выручите, если возможно, а я за васъ буду Богу молить съ женой и съ малыми дѣтушками.—Завтра увижу ли васъ и нѣтъ ли чего готоваго? (Въ трагедіи „Петръ I“, понимается).

IV. Сдѣлайте одолженіе, скажите, могу ли надѣяться къ 30 маю имѣть 5000 р. или на годъ по 10 рг с., или на шесть мѣсяцевъ по 5 рг с.?—Что четвертое дѣйствіе (Петра)?—*А. II.*

V. Пушкинъ приходилъ поздравить васъ съ новосельемъ.

VI. Какъ вы думаете, есть надежда на Надеждина, или Недоумко (псевдонимъ Надеждина) недоумѣваетъ.—*А. II.*

VII. Если уже часть, такъ большую, ради Бога.—*А. II.*

VIII. Надеждинъ хоть изрядно насъ тѣшитъ иногда или чешетъ etc., но лучше было бы, если бъ онъ теперь потѣшилъ — двѣ тысячи лучше одной, суббота лучше понедѣльника etc.—*Весь вашъ etc.*

IX. Слава въ вышнихъ Богу, а на землѣ вамъ, любезный и почтенный! Ваши 1800 руб. асс. получилъ съ благодарностію, а прочія чѣмъ вы скорѣе достанете, тѣмъ меня болѣе одолжите. Впрочемъ, я не обязался именно къ которому числу.—*Весь вашъ А. II.*

X. Чувствую, что я вамъ надоѣдаю, да дѣлать нечего. Скажите, сдѣлайте одолженіе, когда именно могу надѣяться получить остальную сумму.—*А. II.*

XI. Сердечно благодарю васъ, любезный Ми-

хайло Петровичъ. Заемное письмо получите на дняхъ.—Какъ вамъ кажется письмо Чадаева? И когда увижу васъ?

Н. Н. Гончаровой. (Черновое, по французски).—*Москва, въ июнь.*—Мнѣ бы хотѣлось надѣяться, что это письмо не застанетъ васъ больше въ Заводѣ, но я съ наслажденіемъ исполняю ваше приказаніе. И вотъ я теперь въ Москвѣ, грустный и скучающій, когда васъ здѣсь нѣтъ; у меня не хватило смѣлости пойти на Никитскую и справиться о васъ... Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ тяжело переносить ваше отсутствіе и какъ я жалѣю, что покинулъ Заводъ. Всѣ мои опасенія воскресаютъ съ удвоенной силой и дѣлаютъ меня мрачнымъ. Я бы хотѣлъ надѣяться и пр. Я считаю четверти часа, отдѣляющія меня отъ васъ...

А. Н. Гончарову.—*Москва, 7 іюня.*—М. Г. Аванасій Николаевичъ! Каждый день ожидалъ я обѣщанныхъ денегъ и нужныхъ бумагъ изъ Петербурга, и до сихъ поръ ихъ не получилъ. Вотъ причина моего невольнаго молчанія. Думаю, что буду принужденъ въ концѣ этого мѣсяца на нѣсколько дней отправиться въ С.-Петербургъ, чтобъ привести дѣла свои въ порядокъ.

Что касается до памятника (принадлежавшая А. Н. Гончарову бронзовая статуя Екатерины II, которую онъ хотѣлъ продать), то я тотчасъ по своемъ приѣздѣ въ Москву писалъ о немъ Бенкендорфу. Не знаю, уѣхалъ ли онъ съ государемъ и гдѣ теперь онъ находится. Отвѣтъ его, вѣроятно, не замедлитъ.

Позвольте мнѣ, милостивый государь Аванасій Николаевичъ, еще разъ сердечно васъ бла-

годарить за отеческія милости, оказанныя вами Натальѣ Николаевнѣ и мнѣ. Смѣю надѣяться, что современемъ заслужу ваше благорасположеніе. По крайней мѣрѣ, жизнь моя будетъ отнынѣ посвящена счастью той, которая удостоила меня своего выбора и которая такъ близка вашему сердцу.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ. *Пушкинъ.*

А. Н. Гончарову.—*Москва, 28 іюня.*—М. Г. Аонасій Николаевичъ! Только сейчасъ получилъ я бумагу вашего повѣреннаго и не успѣлъ еще ее пробѣжать. Осмѣливаюсь повторить вамъ то, что уже говорилъ я Золотову: главное дѣло:— не вооружить противу себя Канкринъ, а никакъ не вижу, какимъ образомъ вамъ безъ него обойтись. Государь, получивъ просьбу вашу, отдастъ ее неизменно на разсмотрѣніе министра финансовъ; а министръ, уже разъ отказавши, захочетъ и теперь поставить на своемъ. Временное вспоможеніе (двумя или тремястами тысячъ) хотя вещь и затруднительная, но все легче, ибо зависитъ единственно отъ проаввола государева. На дняхъ ѣду въ С.-Петербургъ, и если бумага ваша не будетъ имѣть желаемаго успѣха, то готовъ (если прикажете) хлопотать объ этомъ вспоможеніи и у Бенкендорфа, и у Канкринъ. Что касается до залога Заводовъ, то хотя я и увѣренъ въ согласіи молодыхъ вашихъ родственниковъ и въ ихъ повинновеніи вашей волѣ, но въ ихъ отсутствіи не осмѣлюсь дѣйствовать мимо ихъ. Надѣюсь, что мое чистосердечіе не повредитъ мнѣ въ вашемъ ко мнѣ благорасположеніи, столь драгоценномъ для меня: мнѣ казалось лучше объясниться прямо и откровенно, чѣмъ обѣщать и невыполнить.

Ожидая дальнѣйшихъ вашихъ приказаній, препоручаю себя вашему благорасположенію и честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ. *Пушкинъ.*

Н. Н. Гончаровой (по французски).— *Спб., 20 іюля.*— Имѣю честь вамъ представить моего брата, котораго вы находите такимъ хорошенькимъ, независимо отъ того, что онъ мнѣ братъ, но, при всемъ томъ, умоляю васъ принять его благосклонно. Мое путешествіе было до смерти скучное. Никита Андреевичъ купилъ мнѣ бричку, которая сломалась на первой станціи и я починилъ ее булавками—на второй та же исторія—и такъ далѣе. Наконецъ, я нагналъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Новгорода, вашего Всеволожскаго: у него сломалось колесо. Мы окончили путешествіе вмѣстѣ, толкуя много о картинахъ князя Г. — Петербургъ мнѣ кажется уже довольно скучнымъ, и я рассчитываю сократить мое пребываніе здѣсь, насколько могу. Завтра начнутся мои визиты вашимъ роднымъ. Наталья Кирилловна (Загряжская) въ деревнѣ. Катерина Ивановна въ Парголовѣ (чухонская деревня, гдѣ живетъ графиня Полье). Что до хорошенькихъ женщинъ, то я видѣлъ пока m-me и m-lle Малиновскихъ, съ которыми я неожиданно обѣдалъ вчера.

Я тороплюсь—цѣлую руки Натальѣ Ивановнѣ, которую я еще не называлъ маман, и вамъ также, мой ангелъ, такъ какъ вы мнѣ не позволяете цѣловать васъ. Мои поклоны вашимъ сестрамъ.

Н. Н. Гончаровой (по французски).— *Спб., между 20 и 30 іюля.*— Передалъ ли вамъ мой братъ мое письмо, и почему вы не подписывали?

ваетесь въ полученіи его, какъ вы мнѣ то обѣщали? Я жду этой росписки съ нетерпѣніемъ, и минута, когда я получу ее отъ васъ, вознаграждаетъ меня за скуку моего пребыванія здѣсь. Я долженъ вамъ описать мой визитъ Натальѣ Кирилловнѣ. Приѣзжаю, обо мнѣ докладываютъ, она меня принимаетъ за своимъ туалетомъ, какъ хорошенькая женщина прошедшаго столѣтія.—Вы женитесь на моей племянницѣ?—Точно такъ.—Какъ же это, я очень удивлена, меня объ этомъ не извѣщали; Наташа ничего мнѣ не писала. (Это не о васъ она говорила, а о татап). Я отвѣчалъ ей на это, что бракъ былъ рѣшенъ весьма недавно, что разстроенныя дѣла Аѳанасія Николаевича, Натальи Ивановны, и пр. и пр. Она не приняла моихъ резоновъ: Наташа знаетъ, какъ я люблю ее, Наташа мнѣ всегда писала во всѣхъ случаяхъ своей жизни. Наташа мнѣ напишетъ и теперь; такъ какъ мы теперь въ родствѣ, то, надѣюсь, вы будете посѣщать меня часто.—Потомъ она много спрашивала о татап, о Николаѣ Аѳанасьевичѣ, о васъ; она повторила мнѣ комплименты государя на вашъ счетъ—и мы разстались друзьями. Наталья Ивановна, конечно, будетъ ей писать. Я еще не видалъ Ивана Николаевича. Я былъ на маневрахъ, а онъ воротился въ Стрѣльну только вчера. Я поѣду вмѣстѣ съ нимъ въ Парголово, такъ какъ ѣхать одному не имѣю ни охоты, ни храбрости. На этихъ дняхъ я предложилъ моему отцу написать Аѳанасію Николаевичу; но, можетъ быть, онъ самъ приѣдетъ въ Петербургъ. Что подѣлываетъ la Grand'tатап de Zavode — бронзовая, разумѣется? Этотъ вопросъ не вызоветъ ли васъ писать мнѣ? Что вы подѣлываете? кого видите? гдѣ вы гуляете? ѣдете ли въ Ростовъ? ~~будете~~ ли мнѣ писать? Впрочемъ, не испугайтесь та-

кого множества вопросов: вы можете очень хорошо не отвѣчать на все это—такъ какъ вы меня всегда считаете сочинителемъ. Я былъ на этихъ дняхъ у моей египтянки; она очень интересовалась вами. Она заставила меня нарисовать вашъ профиль и выразила желаніе познакомиться съ вами; почему принимаю на себя смѣлость рекомендовать вамъ ее: прошу любить и жаловать. Затѣмъ, кланяюсь вамъ. Мое почтеніе и поклонъ матушкѣ, вашимъ сестрамъ.—До свиданія.

Н. Н. Гончаровой (по французски). — *Спб.*, 30 июля.—Вотъ письмо Аѳанасія Николаевича, которое мнѣ пересылаетъ Иванъ Николаевичъ. Вы не можете себѣ представить, какъ оно меня затрудняетъ. Онъ получитъ дозволеніе, котораго такъ добивается. Но что касается до Завода, то я не имѣю ни кредита, который онъ мнѣ приписываетъ, ни охоты дѣйствовать противъ воли Натальи Ивановны—и безъ вѣдома вашего старшаго брата. Но хуже всего то, что я предвижу новыя отсрочки—тутъ, ей-ей, начнешь терять терпѣніе. Я еще не видѣлъ Катерины Ивановны; она въ Парголовѣ, у графини Полье, которая почти сумасшедшая: она спитъ до 6-ти часовъ вечера и никого не принимаетъ. Вчера m-me Багрѣва, дочь Сперанскаго, прислала за мной, чтобы вымыть мнѣ голову за то, что я не исполнилъ формальностей—но, въ самомъ дѣлѣ, у меня не хватаетъ силъ. Я мало ѣзжу въ свѣтъ. Васъ тамъ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Прекрасныя дамы спрашиваютъ у меня вашъ портретъ и не прощаютъ мнѣ того, что у меня его нѣтъ. Я утѣшаю себя, проводя дѣлные часы передъ бѣлокурой мадонной, похожей на васъ, какъ двѣ капли воды; я купилъ бы ее, если бы она не стоила 40,000 рублей.

Аѳанасію Николаевичу слѣдовало бы вымѣнять ее на свою негодную grand'taman, такъ какъ ему до сихъ поръ не удалось отлить ее. Серьезно говоря, я боюсь, чтобы это не замедлило нашей свадьбы; развѣ только вотъ Наталья Ивановна согласится поручить мнѣ заботы о вашемъ приданомъ. Мой ангелъ, постарайтесь пожалуйста.

Я вѣтренникъ, мой ангелъ: перечитывая письмо Аѳанасія Николаевича, я увидѣлъ, что онъ вовсе и не думаетъ закладывать своего Заводскаго имѣнія, и хочетъ, по моему совѣту, просить хоть кратковременной поддержки. Это—другое дѣло. Въ такомъ случаѣ я отправляюсь тотчасъ къ моему кузену, Кавкрину, просить у него аудіенціи. Я еще не видался съ Бенкендорфомъ, и тѣмъ лучше; я постараюсь устроить все въ первой же аудіенціи. Простите, мой ангелъ. Мои поклоны всей вашей семьѣ, которую я осмѣливаюсь считать своею.

PS. Роспишетесь ли вы въ полученіи этого письма?

А. Н. Гончарову.—*Москва, 14 августа.*—М. Г. Аѳанасій Николаевичъ! По приказанію вашему, являлся я къ графу Кавкрину и говорилъ о вашемъ дѣлѣ, т. е. о вспоможеніи денежномъ; я нашелъ министра довольно неблагоклоннымъ. Онъ говорилъ, что это дѣло зависитъ единственно отъ государя; я просилъ отъ него, по крайней мѣрѣ, не прекословить государю, если его величеству угодно будетъ оказать вамъ отъ себя просимое вспоможеніе. Министръ далъ мнѣ слово.

Что касается до позволенія перелить памятникъ, то вы получите немедленно бумагу за имя ваше отъ генерала Бенкендорфа. Судьба

моя зависить отъ васъ; осмѣливаюсь вновь умо-
лять васъ о разрѣшеніи ея. Вся жизнь моя бу-
детъ посвящена благодарности.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. *А. П.*

А. Н. Гончарову. — Москва, 24 августа. — М. Г.
Аванасій Николаевичъ! Сердечно жалѣю, что
старанія мои были тщетны и что имѣю такъ
мало вліянія на нашихъ министровъ. Я бы
за счастье почелъ сдѣлать что нибудь вамъ
удобное.

Смерть дяди моего Василья Львовича Пуш-
кина и хлопоты по этому печальному случаю
разстроили опять мои обстоятельства. Не ус-
пѣлъ я выйти изъ долговъ, какъ опять при-
нужденъ былъ задолжать. На дняхъ отправля-
юсь я въ нижегородскую деревню, чтобы
вступить во владѣніе ею. Надежда моя на
васъ однихъ. Отъ васъ однихъ зависить рѣ-
шеніе судьбы моей.

Съ глубочайшимъ и проч. *А. Пушкинъ.*

*Н. Н. Гончаровой (по франц.). — Москва, въ
концѣ августа. —* Я отправляюсь въ Нижній,
безъ увѣренности въ своей судьбѣ. Если ваша
мать рѣшилась расторгнуть нашу свадьбу, и вы
согласны повиноваться ей, я подпишусь подо
всѣми мотивами, какіе ей будетъ угодно при-
вести мнѣ, даже и въ томъ случаѣ, если они
будутъ настолько основательны, какъ сцена,
сдѣланная ею мнѣ вчера, и оскорбленія, кото-
рыми ей угодно было меня осыпать. Можетъ
быть, она права — и я былъ неправъ, думая од-
ну минуту, что я былъ созданъ для счастья.
Во всякомъ случаѣ, вы совершенно свободны;

что же до меня, то я даю вамъ честное слово принадлежать только вамъ, или никогда не жениться. А. П.

П. А. Плетневу. — *Москва, 31 августа.*— Хорошъ! не хотѣлъ со мною проститься и ни строчки мнѣ не пишешь. Сейчасъ ѣду въ Нижний, т. е. въ Лукояновъ, въ село Болдино. Пиши мнѣ туда, коли вздумаешь.

Милый мой, расскажу тебѣ все, что у меня на душѣ: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилѣтняго хуже „30-ти лѣтъ жизни игрока“. Дѣла будущей тещи моей разстроены; свадьба моя отлагается день ото дня далѣе. Между тѣмъ я хладѣю, думаю о заботахъ женатаго человѣка, о прелести холостой жизни. Къ тому же московскія сплетни доходятъ до ушей невѣсты и ея матери—отселѣ размолвки, колкіе обиняки, ненадежныя примиренія; словомъ, если я и не несчастливъ, по крайней мѣрѣ не счастливъ. Осень подходитъ; это любимое мое время; здоровье мое обыкновенно крѣпнетъ, пора моихъ литературныхъ трудовъ настааетъ а я долженъ хлопотать о приданомъ, да о свадьбѣ, которую сыграемъ Богъ вѣсть когда. Все это не очень пріятно. Ѣду въ деревню; Богъ вѣсть, буду ли тамъ имѣть время заниматься и душевное спокойствіе, безъ котораго ничего не произведешь, кромѣ эпиграммъ на Каченовскаго.

Такъ-то, душа моя. Отъ добра добра не ищутъ. Чортъ меня надоумилъ бредить о счастіи, какъ будто я для него созданъ. Довольно было мнѣ довольствоваться независимостью, которой обязанъ я былъ Богу и тебѣ.—Грустно, душа моя.—Обнимаю тебя и цѣлую нашихъ.

Н. Н. Гончаровой (по франц.).—*Болдино, 9 сентября.* — Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна—я у вашихъ ногъ, чтобы благодарить и просить васъ о прощеніи за безпокойство, которое я вамъ причинилъ. Ваше письмо прелестно и вполне меня успокоило. Мое пребываніе здѣсь можетъ продолжиться вслѣдствіе обстоятельства совершенно непредвидѣннаго. Я думалъ, что земля, которую мой отецъ далъ мнѣ, составляетъ особое имѣніе; но она часть деревни изъ 500 душъ, и нужно приступить къ раздѣлу. Я постараюсь устроить все это какъ можно скорѣе. Еще больше я боюсь карантинныхъ, которые начинаютъ устанавливаться здѣсь. Въ окрестностяхъ у насъ Cholera morbus (очень миленькая персона). И она можетъ удержать меня дней двадцать лишнихъ. Сколько причинъ торопиться! Мой почтительный поклонъ Натальѣ Ивановнѣ; цѣлую ей руки съ крайнимъ смиреніемъ и нѣжностью. Сейчасъ же пишу Аѳанасію Николаевичу. Онъ, съ вашего позволенія, слишкомъ нетерпѣливъ. Благодарите очень m-lles Catherine и Alexandrine (сестры Натальи Николаевны) за ихъ любезную память, и еще разъ: простите меня и вѣрьте, что я счастливъ только тамъ, гдѣ вы.

А. Н. Гончарову. — *Болдино, 9 сентября.* — М. Г. Аѳанасій Николаевичъ! Изъ письма, которое удостоился я получить, съ крайнимъ сожалѣніемъ замѣтилъ я, что вы предполагали во мнѣ недостатокъ усердія. Примите, сдѣлайте милость, мое оправданіе. Не осмѣлился я взять на себя быть ходатаемъ по вашему дѣлу единственно потому, что опасался получить отказъ, не въ пору приступая съ просьбою къ государю или министрамъ. Сношенія мои съ правитель-

ствомъ подобны весенней погодѣ: поминутно то дождь, то солнце. А теперь нашла тучка. Вамъ угодно было спросить у меня совѣта насчетъ пути, по которому препроводить вамъ къ государю просьбу о временномъ вспоможеніи: думаю, всего лучше и скорѣе чрезъ А. Х. Бенкендорфа. Онъ человѣкъ снисходительный, благонамѣренный и чуть ли не единственный вельможа, чрезъ котораго намъ доходятъ частыя благодѣянія государя.

Препоручая себя вашему благорасположенію, имѣю счастье быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч. А. П.

П. А. Плетневу.—*Болдино, 9 сентября.*—Я писалъ тебѣ премеланхолическое письмо, милый мой Петръ Александровичъ, да вѣдь меланхоліей тебя не удивишь: ты самъ на это собаку съѣлъ. Теперь мрачныя мысли мои порасфѣялись, пріѣхалъ я въ деревню и отдыхаю. Около меня колера-морбусъ. Знаешь ли, что это за звѣрь? Того и гляди, что забѣжитъ онъ и въ Болдино, да всѣхъ насъ перекусаетъ. Того и гляди, что къ дядѣ Василью отправлюсь, а ты и пиши мою біографію. Бѣдный дядя Василій,—знаешь ли его послѣднія слова? Пріѣзжаю къ нему; нахожу его въ забытїи; очнувшись, онъ узналъ меня, погоревалъ, потомъ помолчалъ: какъ скучны статьи Катенина! И болѣе ни слова. Каково? Вотъ что значитъ умереть честнымъ воиномъ на щитѣ, *le cri de guerre à la bouche!*

Ты не можешь вообразить, какъ весело удрать отъ невѣсты, да и засѣсть стихи писать. Жена не то, что невѣста. Куда! Жена — свой братъ! При ней пиши сколько хошь,—а невѣста пуще цензора Щеглова, языкъ и руки связываетъ. Сегодня отъ своей получилъ я премиленькое

письмо; обѣщаетъ выдти за меня и безъ приданаго, приданое не уйдетъ; зоветъ меня въ Москву; я приѣду не прежде мѣсяца, и оттуда къ тебѣ, моя радость. Что дѣлаетъ Дельвигъ, видишь ли ты его? Сважи ему, пожалуйста, чтобъ онъ мнѣ припасъ денегъ; деньгами нечего шутить, деньги вещь важная—спроси у Канкринна и у Булгарина.

Ахъ, мой милый! Что за прелесть здѣшняя деревня! Вообрази: степь да степь, сосѣдей ни души, ѣзди верхомъ, сколько душѣ угодно, пиши дома, сколько вздумается—никто не помѣшаетъ. Ужъ я тебѣ наготовлю всячины, и прозы, и стиховъ. Прости жъ, моя милая.

Что моя трагедія? Я написалъ элегическое маленькое предисловіе -- не прислать ли тебѣ его? Вспомни однакожъ, что ты обѣщала мнѣ свое: дѣльное, длинное.--А цѣна трагедіи? 10 или 12?

П. А. Плетневу. — *Болдино, 29 сентября.*—
Сейчасъ получилъ письмо твое, и сейчасъ же отвѣчаю. Какъ же не стыдно было тебѣ понять хандру мою, какъ ты ее поняла? Хорошъ и Дельвигъ, хорошъ и Жуковский! Вѣроятно, я выразился дурно: но это васъ не оправдываетъ. Вотъ въ чемъ было дѣло: теща моя отлагала свадьбу за приданымъ, а ужъ конечно не я. Я бѣсился. Теща начинала меня дурно принимать и заводить со мною глупыя ссоры, и это бѣсило меня. Хандра схватила, и черныя мысли мной овладѣли. Неужто я хотѣлъ или думалъ отказаться? но я видѣлъ ужъ отказъ и утѣшался, чѣмъ ни попало. Все, что ты говоришь о свѣтѣ, справедливо; тѣмъ справедливѣе опасенія мои, чтобъ тетуски да бабушки да сестрицы не стали кружить голову молодой женѣ моей пустяками. Она меня любитъ; но по-

смотри, Алеко Плетневъ, какъ гуляетъ вольная луна &c. Баратынскій говоритъ, что въ женихахъ счастливъ только дуракъ; а человекъ мыслящій безпокоенъ и волнуемъ будущимъ. Доселѣ онъ—я, а тутъ онъ будемъ мы. Шутка! Оттого-то я тещу и торопиль, а она, какъ баба, у которой дологъ лишь волосъ, меня не понимала, да хлопотала о приданомъ; чортъ его нобери! Теперь понимаешь ли ты меня? Понимаешь, ну, слава Богу! Здравствуй, душа моя, каково поживаешь? а я, окончивъ дѣла, ѣду въ Москву сквозъ цѣлую цѣпь карантиновъ. Мѣсяцъ буду въ дорогѣ,—по крайней мѣрѣ. Мѣсяцъ я здѣсь прожилъ, не видя ни души, не читая журналовъ, такъ что не знаю, что дѣлаетъ (Луи) Филиппъ и здоровъ ли Полиньякъ; а бы хотѣлъ прислать тебѣ проповѣдь мою здѣшнимъ мужикамъ о холерѣ; ты бы со смѣху умеръ, да не стоишь ты этого подарка. Прощай, душа моя; кланяйся отъ меня женѣ и дочери.

П. А. Осиповой (по французски). — *Болдино, въ сентябрѣ.*— Въ уединеніи Болдина получилъ я разомъ ваши два письма, милостивая государыня. Надо быть совершенно одиновимъ, какъ я, чтобы вполнѣ оцѣнить голосъ дружбы и нѣсколько строкъ, начертанныхъ кѣмъ либо изъ тѣхъ, кого мы любимъ. Я очень доволенъ, что мой отецъ, благодаря вамъ, благополучно перенесъ извѣстіе о смерти В. Л. Признаюсь, я очень боялся за его здоровье и его разслабленные нервы. Онъ написалъ мнѣ нѣсколько писемъ; кажется, что боязнью отъ холеры замѣнилась грусть. Эта проклятая холера! При всѣхъ моихъ усиліяхъ, я не могу добраться до ~~Москвы~~ меня оцѣпляютъ со всѣхъ сторонъ карантинныя, такъ какъ Нижегородская губернія—средото-

чіе епідеміи. Тѣмъ не менѣе, послѣ завтра я уѣзжаю, и Богъ знаетъ, сколько мѣсяцевъ я употреблю на проѣздъ 500 верстъ, которыя въ обыкновенное время проѣзжалъ въ 48 часовъ. Вы спрашиваете у меня объясненія слова всегда, встрѣченнаго вами въ одной изъ фразъ моего письма. Не могу припомнить этой фразы. Но во всякомъ случаѣ это слово не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ и знакомъ тѣхъ чувствъ, какія я питаю къ вамъ и ко всему вашему семейству. Я сожалею, если эта фраза имѣетъ не дружественный смыслъ и умоляю васъ исправить ее. То, что вы говорите о сочувствіи, весьма мѣтко и совершенно справедливо. Мы сочувствуемъ несчастнымъ изъ нѣкотораго рода эгоизма: мы, въ сущности, видимъ, что не мы одни страдаемъ. Сочувствовать счастью можетъ только очень безкорыстная и благородная душа; но счастье—это великое и можетъ быть, какъ говорилъ Рабле о раѣ или о вѣчности. Я атеистъ относительно счастья: я не вѣрю въ него и только подлѣ моихъ добрыхъ старыхъ друзей становлюсь немного скептикомъ. Лишь только приѣду въ Петербургъ, отправлю къ вамъ все, что я напечаталъ; отсюда же ничего не могу послать. Привѣтствую васъ и все ваше семейство. Прощайте, до свиданья. Вѣрьте моей совершенной преданности.

А. Пушкинъ.

Н. Н. Гончаровой (по французски).—Болдино, въ концѣ сентября. — Вотъ я и совсѣмъ готовъ почти сѣсть въ экипажъ, хотя мои дѣла не кончены, и я совершенно палъ духомъ. Вы очень добры и обѣщаете мнѣ задержку въ Богородицкѣ не болѣе 6-ти дней. Мнѣ объявили, что устроено пять карантинныхъ отсюда до Москвы, и въ каждомъ мнѣ придется провести

14 дней; сосчитайте хорошенько и потомъ представьте себѣ, въ какомъ я долженъ быть сквернѣйшемъ настроеніи. Къ довершенію благополучія, начался дождь, съ тѣмъ конечно, чтобы не переставать до самаго саннаго пути. Если что можетъ меня утѣшать, то это — мудрость, съ которою устроены дороги отсюда до Москвы: представьте себѣ окопъ съ каждой стороны, безъ канавъ, безъ стока для воды; такимъ образомъ, дорога является ящичкомъ, наполненнымъ грязью; за то пѣшеходы идутъ весьма удобно по совершенно сухимъ тропамъ вдоль окоповъ и смѣются надъ увязшими экипажами. Будь проклятъ тотъ часъ, когда я рѣшился оставить васъ и пуститься въ эту прелестную страну грязи, чумы и пожаровъ — мы только и видимъ это. Что вы подѣлываете между тѣмъ? Какъ идутъ дѣла и что говоритъ le Grand papa? Знаете ли, что онъ мнѣ писалъ? La Grand'maman, говоритъ онъ, стоитъ не болѣе 7000 рублей, а въ такомъ случаѣ для чего ее тревожить въ ея уединеніи? Стоило же труда надѣлать столько хлопотъ! Не смѣйтесь надо мною, такъ какъ я бѣшусь. Наша свадьба, повидному, все убѣгаетъ отъ меня, и эта чума, съ ея карантинами, — развѣ это не самая дрянная шутка, какую судьба могла придумать? Мой ангелъ, только одна ваша любовь препятствуетъ мнѣ повѣситься на воротахъ моего печальнаго замка (на этихъ воротахъ, скажу въ скобкахъ, мой дѣдъ нѣкогда повѣсилъ француза, un outchitel, аббата Николь, которымъ онъ былъ недоволенъ). Сохраните мнѣ эту любовь, и вѣрьте, что въ этомъ все мое счастье. Позволяете мнѣ васъ обнять? это нисколько не зазорно на разстояніи 500 верстъ и сквозь пять карантинныхъ. Эти карантинны не выходятъ у меня изъ головы. Итакъ, простите, мой ангелъ.

Мои душевные поклоны Натальѣ Ивановнѣ, привѣтствую отъ всего сердца вашихъ сестеръ и м-г Serge (братъ Н. Н. Гончаровой). Имѣете ли извѣстіе о другихъ?

Н. Н. Гончаровой (по французски).—*Болдино, 11 октября.*— Въѣздъ въ Москву запрещенъ, и вотъ я запертъ въ Болдинѣ. Именемъ неба молю, дорогая Наталья Николаевна, пишите мнѣ, не смотря на то, что вамъ не хотется писать. Скажите мнѣ, гдѣ вы? Оставили-ли вы Москву? нѣтъ ли окольнаго пути, который могъ бы меня привести къ вашимъ ногамъ? Я совсѣмъ потерялъ мужество, и не знаю въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать. Ясное дѣло, что въ этомъ году (будь онъ проклятъ!) нашей свадьбѣ не бывать. Но не правда ли, вы оставили Москву? Добровольно подвергать себя опасности среди холеры было бы непростительно. Я хорошо знаю, что всегда преувеличиваютъ картину ея опустошеній и число жертвъ; молодая женщина изъ Константинополя говорила мнѣ когда-то, что только la саpaille умираетъ отъ холеры - все это прекрасно и превосходно; но все-же нужно, чтобы порядочные люди принимали мѣры предосторожности, такъ какъ именно это спасаетъ ихъ, а вовсе не ихъ эlegantность и не ихъ хорошій тонъ. И такъ, вы въ деревнѣ хорошо укрыты отъ холеры, не правда ли? Пришлите мнѣ вашъ адресъ и бюллетень о нашемъ здоровьи! Мы окружены карантинными, но эпидемія еще не проникла сюда. Болдино имѣетъ видъ острова, окруженнаго скалами. Ни сосѣда, ни книги. Погода ужасная. Я провожу мое время въ томъ, что мараю бумагу и злѣюсь. Не знаю, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ и какъ поживаетъ мой другъ Полиньякъ.

Напишите мнѣ о томъ, такъ какъ я совсѣмъ не читаю журналовъ. Я становлюсь совершеннымъ идиотомъ: какъ говорится до святости. Что дѣдушка съ его мѣдной бабушкой? Оба живы и здоровы, не правда ли? Передо мной теперь географическая карта; я смотрю, какъ бы дать крюку и прѣхать къ вамъ черезъ Кяхту или черезъ Архангельскъ? Дѣло въ томъ, что для друга семь верстъ — не крюкъ; а ѣхать прямо въ Москву, значить, семь верстъ киселя ѣсть (да еще какого? московскаго!). Вотъ, по истинѣ, плохія шутки. *Se ris jaune*, какъ говорятъ пуассардки. Прощайте. Повергните меня къ ногамъ вашей маман; мои сердечные привѣты всему семейству. Прощайте, мой прелестный ангелъ. Цѣлую кончики вашихъ крыльевъ, какъ говорилъ Вольтеръ людямъ, которые не стопли васъ.

Н. Н. Гончаровой. — *Болдино, конецъ октября.* — Милостивая государыня Наталья Николаевна, я по-французски браниться не умѣю, такъ позвольте мнѣ говорить вамъ по-русски, а вы, мой ангелъ, отвѣчайте мнѣ хоть по-чухонски, да только отвѣчайте. Письмо ваше, отъ 1-го окт., получилъ я 26-го. Оно огорчило меня по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, потому что оно шло ровно 25 дней; 2) что вы перваго октября были еще въ Москвѣ, давно уже зачумленной; 3) что вы не получили моихъ писемъ; 4) что письмо ваше короче было визитной карточки; 5) что вы на меня, видно, сердитесь, между тѣмъ какъ я — несчастное животное ужъ безъ того! Гдѣ вы? что вы? Я писалъ въ Москву, мнѣ не отвѣчаютъ. Брать мнѣ не пишетъ, полагая, что его письма, по обыкновенію, для меня не интересны. Въ чуж-

ное время дѣло другое; радъ письму проколотому; знаешь, что по крайней мѣрѣ живъ—и то хорошо. Если вы въ Калугѣ, я приѣду къ вамъ черезъ Пензу; если вы въ Москвѣ, т. е. въ московской деревнѣ, то приѣду къ вамъ черезъ Вятку, Архангельскъ и Петербургъ. Ей-Богу не шучу — но напишите мнѣ, гдѣ вы, а письмо адресуйте: въ Лукояновскій уѣздъ, въ село Абрамово, для пересылки въ Болдино. Скорѣй дойдетъ. Простите. Цѣлую ручку у матушки; кланяюсь въ поясъ сестрицамъ.

— — —
 П. А. Плетневу. — *Болдино, 28 октября.*— Я сунулся было въ Москву, да узнавъ, что туда никого не пускаютъ, воротился въ Болдино да жду погоды. Ну, ужъ погода! Знаю, что не такъ страшенъ чортъ, якъ его малюютъ; знаю, что холера не опаснѣе турецкой перестрѣлки— да отдаленность, да неизвѣстность — вотъ что мучительно. Отправляясь въ путь, писалъ я своимъ, чтобъ они меня ждали черезъ 25 дней. Певѣста и перестала мнѣ писать, и гдѣ она и что она, до сихъ поръ не вѣдаю. — Каково! то есть, душа моя Плетневъ, хотъ я и не изъ пныхъ прочихъ, такъ сказать—но до того доходить, что хотъ въ петлю. Мнѣ и стихи въ голову не лѣзутъ, хотъ осень чудная: и дождь, и снѣгъ, и по колѣно грязь. Не знаю, гдѣ моя; надѣюсь, что уѣхала изъ чумной Москвы; но куда? въ Калугу? въ Тверь? въ Карлово къ Булгарину? ничего не знаю. Журналовъ вашихъ я не читаю; кто кого? Скажи Дельвигу, чтобъ онъ крѣпился; что я къ нему явлюсь непременно на подмогу зимой, коли здѣсь не околю. Покаместъ онъ ужъ можетъ заказать виньетку на деревѣ, изображающую меня голенькаго, въ видѣ Атланта, на плечахъ поддерживающаго Лит. Газету. Что моя трагедія?

Отстойте ее, храбрые друзья! Не дайте ее на съѣденіе псамъ журнальнымъ. Я хотѣлъ ее посвятить Жуковскому со слѣдующими словами: „Я хотѣлъ было посвятить мою трагедію Карамзину, но такъ какъ нѣтъ уже его, то посвящаю ее Жуковскому“. Дочери Карамзина сказали мнѣ, чтобъ я посвятилъ любимый трудъ памяти отца. И такъ, если еще можно, то напечатай на заглавномъ листѣ:

„Драгоцѣнной для Россіянъ памяти Николая Михайловича Карамзина сей трудъ, Геніемъ его вдохновенный, съ благоговѣніемъ и благодарностью посвящаетъ А. Пушкинъ.“

А. А. Дельвигу. — *Болдино, 4 ноября.* — По-сылаю тебѣ, баронъ, вассальскую мою подать, именуемую цвѣточною, но причинѣ, что платится она въ ноябрѣ, въ самую пору цвѣтовъ. Доношу тебѣ, моему владѣльцу, что нынѣшняя осень была дѣтородна, и что коли твой смиренный вассалъ не околѣетъ отъ сарацинскаго падежа, холерой именуемаго и занесеннаго намъ крестовыми воинами, т. е. бурлаками, то въ замкѣ твоемъ, Литературной Газетѣ, пѣспи трубадуровъ не умолкнуть цѣлый годъ. Я, душа моя, написалъ пропасть полемиическихъ статей, но не получая журналовъ, отсталъ отъ вѣвка и не знаю въ чемъ дѣло и кого надлежитъ душить, Полевого или Булгарина. Отецъ мнѣ ничего про тебя не пишетъ, а это безпокоитъ меня, ибо я все-таки его сынъ, т. е. мнителенъ и хандрливъ (каково словечко!) Скажи Плетневу, что онъ расцѣловалъ бы меня, видя мое осеннее прилежаніе. — Прощай, душа, на другой почтѣ я, можетъ быть, еще что нибудь тебѣ пришлю. А П.

PS. Я живу въ деревнѣ, какъ на островѣ,

окруженный карантинными. Жду погоды, чтобъ жениться и добраться до Петербурга; но я объ этомъ не смѣю еще и думать.

Н. Н. Гончаровой, (по французски). *Болдино, 4 ноября.*—9-го (октября) вы были еще въ Москвѣ!— мнѣ пишетъ о томъ мой отецъ; онъ пишетъ мнѣ еще, что моя свадьба разстроилась. Недостаточно ли того, чтобъ повѣситься? Я скажу вамъ еще, что отъ Лукоянова до Москвы 14 карантинныхъ. Чего лучше? Теперь я расскажу вамъ анекдотъ. Одинъ изъ моихъ друзей ухаживалъ за хорошенькой женщиной. Разъ приходитъ онъ къ ней и находитъ на ея столѣ альбомъ, котораго онъ не зналъ - онъ хочетъ посмотреть его— дама бросается и вырываетъ у него альбомъ. Мы такъ же иногда любопытны, какъ и вы, прекрасныя дамы. Мой другъ пускаетъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, всѣ средства своего ума, чтобы заставить возвратить ему альбомъ. Дама стоитъ на своемъ твердо; онъ долженъ отказаться. Нѣсколько времени спустя, эта бѣдная крошка умираетъ. Мой другъ присутствуетъ на ея погребеніи и утѣшаетъ несчастнаго мужа. Они роются вмѣстѣ въ ящикахъ покойной. Мой другъ видитъ таинственный альбомъ овладѣваетъ имъ, открываетъ: альбомъ весь чистый, за исключеніемъ одной страницы, гдѣ были написаны слѣдующіе четыре плохіе стиха изъ „Кавказскаго плѣнника“:

Не долго женскую любовь

Печалить хладная разлука:

Пройдетъ любовь, настанетъ скука —

и т. д... Теперь поговоримъ о другомъ. Когда я говорю: о другомъ — я хочу сказать: *revenons à nos moutons* Какъ вамъ не стыдно оставаться на Никитской во время чумы? Это

очень хорошо для вашего сосѣда, Адриана, который отъ этого большіе барыши получаетъ. Но Наталья Ивановна, по вы!—ей-же ей, я васъ не понимаю. Не знаю, какъ добратъся до васъ. Думаю, что Вятка еще свободна. Въ такомъ случаѣ, я поѣду на Вятку. Между тѣмъ, напишите мнѣ: въ Абрамово, для доставленія въ Болдино; ваши письма дойдутъ всегда до меня. Простите; да сохранитъ васъ Богъ. Повергните меня къ ногамъ вашей матушки.

Мои поклоны всему семейству.

Ки. П. А. Вяземскому. - *Болдино, 5 ноября.*— Отправляюсь, мой милый, въ зачумленную Москву, получивъ извѣстіе, что невѣста ея не покидала. Чтò у ней за сердце! Твердою дубовою корою, „тройнымъ булатомъ грудь ея вооруженна“, какъ у Горациева мореплавателя. Она мнѣ пишетъ очень милое, хотя безтемпераментное письмо. Братъ Левъ далъ мнѣ знать о тебѣ, о Баратынскомъ, о холерѣ. Наконецъ и отъ тебя получилъ извѣстіе. Ты говоришь: худая вышла намъ очередь. Вотъ! Да развѣ не видишь ты, что мечутъ намъ чпстый баламутъ, а мы еще понтируемъ? Ни одной карты налѣво, а мы все-таки лѣземъ. Подѣломъ, если останемся голы, какъ бубны.—Здѣсь я кое-что написалъ; но досадно, что не получалъ журналовъ. Я былъ въ духѣ ругаться и отдѣлалъ бы ихъ на ихъ же манеръ. Въ полемикѣ мы скажемъ съ тобою: и нашего тутъ капля меду есть.—Радуясь, что ты принялся за Фонвизина. Чтò ты ни скажешь о немъ, или кстати о немъ, все будетъ хорошо, потому что будетъ сказано. Объ истинѣ (т. е. о точности примѣненія истины) нечего тебѣ заботиться: пуля виноватаго съчетъ. Всѣ твои литературныя обзорнія полны

этихъ пудъ-дурь. Собери-ка свои статьи критическія; посмотри, что за перестрѣлка подымется. — Когда-то свидимся? Заѣхалъ я въ глушь нижнюю, да и самъ не знаю, какъ выбраться. Точно еловая шишка: вопла хорошо, а выдти, такъ и шершаво. Кстати, о Лизѣ голенькой (Близъ Млх. Хитрово) не имѣю никакого извѣстія. О Полиньякѣ тоже. Кто платить за шампанское, ты или я? Жаль, если я. Кабы зналъ, что заживусь здѣсь, я бы съ ней завелъ переписку въ засосъ, т. е. всякую почту по листу кругомъ — и читалъ бы въ нижегородской глуши *le Temps et le Globe*. Каковъ государь! Молодецъ! Того и гляди, что нашихъ каторжниковъ простить. Дай Богъ ему здоровья. Дай Богъ вамъ всѣмъ здоровья, друзья. Покамѣсть желать лучшаго нечего. Здѣсь крестьяне величаютъ господъ титуломъ „ваше здоровье“; титуло завидное, безъ котораго всѣ прочіе ничего не значать.

Н. Н. Гончаровой (по французски). — *Болдино, 18 ноября.* — Въ Болдинѣ, все еще въ Болдинѣ! Узнавъ, что вы не оставили Москвы, я взялъ почтовыхъ лошадей и отправился. Выѣхавъ на большую дорогу, я увидѣлъ, что вы были правы — 14 карантинныхъ были только аванпостами, а настоящихъ карантинныхъ только три. Я храбро явился въ первый (Сиваслейка, губ. владимирская); инспекторъ спрашиваетъ мою подорожную, сообщивъ, что мнѣ предстоитъ всего 6 дней остановки. Потомъ онъ бросаетъ взглядъ на подорожную: — Вы не по казенной надобности изволите ѣхать? — Нѣтъ, по собственной, самонужнѣйшей. — Такъ извольте ѣхать назадъ, на другой трактъ, здѣсь не пропускаютъ. — Давно ли? — Да ужъ около 3-хъ недѣль. — И эти ... губернаторы не даютъ этого знать? — Мы не ви-

новаты-сь.— Не виноваты! а мнѣ развѣ отъ этого легче? Нечего дѣлать—ѣду назадъ въ Лукояновъ; требую свидѣтельства, что ѣду не изъ зачумленнаго мѣста. Предводитель здѣшній не знаетъ, можетъ ли, послѣ поѣздки моей, дать мнѣ это свидѣтельство. Я пишу губернатору, а самъ, въ ожиданіи его отвѣта, свидѣтельства и новой подорожной, — сижу въ Болдинѣ, да кисну. Вотъ какимъ образомъ я продѣлалъ 100 верстъ, не сдѣлавъ шагу отъ моей берлоги.

Это не все: возвратившись сюда, я надѣялся, по крайней мѣрѣ, найти отъ васъ письмо. Но тутъ какъ разъ пьяница-почтмейстеръ въ Муромѣ умудряется перемѣшать пакеты, такъ что Арзамасъ получаетъ почту изъ Казани, Нижній — изъ Лукоянова, и ваше письмо (если только было такое) прогуливается теперь, не знаю гдѣ, и придетъ ко мнѣ, когда Богу угодно. Я совсѣмъ потерялъ мужество, и такъ какъ у насъ теперь постъ (скажите матушкѣ, что этого поста я долго не забуду), то я не хочу больше торопиться; предоставлю вещамъ идти по своей волѣ, а самъ останусь ждать, сложивъ руки. Мой отецъ все мнѣ пишетъ, что моя свадьба разстроилась. На дняхъ онъ увѣдомитъ меня, можетъ быть, что вы вышли замужъ. Есть отъ чего потерять голову. Спасибо кн. Шаликову: онъ извѣщаетъ меня, наконецъ, что холера уменьшилась. Вотъ единственное хорошее извѣстіе, дошедшее до меня въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Простите, мой ангелъ; будьте здоровы; не выходите замужъ за г-на Давыдова, и извините мнѣ мою брюзгливость. Повергните меня къ стопамъ вашей матушки; тысячу любезностей всѣмъ.

М. П. Погодину. — *Болдино, въ ноябрь.* — Изъ Московскихъ Вѣдомостей, единственнаго жур-

нала, доходящаго до меня, вижу, любезный и почтенный Михайло Петровичъ, что вы не оставили матушки нашей. Дважды порывался я къ вамъ, но карантинны опять отбрасывали меня на мой несносный островокъ, откуда простираю къ вамъ руки и воию гласомъ велиимъ. Пошлите мнѣ слово живое, ради Бога. Никто мнѣ ничего не пишетъ. Думаютъ, что я холерой схваченъ или зачахъ въ карантинѣ. Не знаю, гдѣ и что моя невѣста. Знаете ли вы, можете ли узнать? Ради Бога узнайте и отпишите мнѣ въ Лукояновскій уѣздъ, въ село Абрамово, для пересылки въ село Болдино. Если притомъ приплете мнѣ вѣчевую свою трагедію («Марѳа Посадница»), то вы будете моимъ благодѣтелемъ. Я бы на досугѣ васъ раскритиковалъ. А то ничего не дѣлаю, даже браниться не съ кѣмъ. Дай Богъ здоровья Полевому! его второй томъ со мною и составляетъ мое утѣшеніе. Посылаю вамъ изъ Паѳмоса моего апокалипсическую пѣснь. Напечатайте гдѣ хотите, хоть въ Вѣдомостяхъ; но прошу васъ и требую именемъ нашей дружбы—не объявлять никому моего имени. Если московская цензура не пропуститъ ея, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени и не моею рукою переписанную.

М. П. Погодину. — *Болдино, въ концѣ ноября.*— Я было опять къ вамъ попытался: доѣхалъ до перваго карантина. Но на заставѣ смѣритель, увидѣвъ, что я ѣду по собственной, самонужнѣйшей надобности, меня не пустилъ и протурнулъ назадъ въ мое Болдино. Какъ быть? Въ утѣшеніе нашелъ я ваше письмо и Марѳу — и прочелъ ее два раза духомъ. Ура! — Я было, признаюсь, боялся, чтобъ первое впечатлѣніе не ослабѣло потомъ; но нѣтъ я все-таки при

томъ же мнѣніи: „Марѳа“ имѣеть европейское, высокое достоинство. Я разберу ее какъ можно пространнѣе. Это будетъ для меня изученіе и наслажденіе. Одна бѣда—слогъ и языкъ. Вы неправильны до безконечности и съ языкомъ поступаете, какъ Іоаннъ съ Новымъ городомъ. Ошибокъ грамматическихъ, противныхъ духу его—усѣченій, сокращеній—тѣма. Но знаете-ли? и эта бѣда—не бѣда. Языку нашему надобно воли дать болѣе. Разумѣется, сообразно съ духомъ его. И мнѣ ваша свобода болѣе по сердцу, чѣмъ чопорная наша правильность. Скоро ли выдетъ ваша „Марѳа“? Не посылаю вамъ замѣчаній (частныхъ), потому что некогда вамъ будетъ перемѣнять то, что требуетъ перемѣны. До другого изданія. Пока мѣсть скажу вамъ, что анти-драматическимъ показалось мнѣ только одно мѣсто—разговоръ Борецкаго съ Іоанномъ: Іоаннъ не сохраняетъ величія (не въ образѣ рѣчи, но въ отношеніи къ предателю). Борецкій (хоть и новгородецъ) съ нимъ слишкомъ зананибрата; такъ торговаться могъ бы онъ развѣ съ бояриномъ Іоанна, а не съ нимъ самимъ. Сердце ваше не лежитъ къ Іоанну. Развивъ драматически (то есть умно, живо, глубоко) его политику, вы не могли пр. дать ей увлекательности чувства вашего. Вы принуждены были даже заставить его изъясняться слогомъ нѣсколько надутымъ. Вотъ главная критика моя. Остальное—остальное надобно будетъ хвалить при званіи Ивана Великаго, что и выполнить со всеусердіемъ вашъ покорнѣйшій пономарь А. П.

PS. О слогѣ упомяну я вкратцѣ, предоставляя его журналамъ, которые, вѣроятно, подымутъ его на царя (и подѣломъ), а вы ихъ послушайте. Для васъ же пришлю я подробную критику надстрочную. Простите, до свиданія Поклонъ Языкову.—Что за прелесть сцена пословъ!

Какъ вы поняли русскую дипломатику! А вѣче? а посадникъ? а князь Шуйскій? а князья удѣльные? Я вамъ говорю, что это все достоинства шекспировскаго.

А. Н. Верстовскому. — *Болдино, въ концѣ ноября.* — Сегодня долженъ я былъ выѣхать изъ Болдина. Извѣстіе, что Арзамасъ снова оцѣпленъ, остановило меня еще на день. Надо было справиться порядкомъ и хлопотать о свидѣтельствѣ. Гдѣ ты достала краски для ногтей? Скажи Нащокину, чтобъ онъ непремѣнно былъ живъ, во-первыхъ, потому что онъ мнѣ долженъ; во-вторыхъ, потому что я надѣюсь быть ему долженъ; въ-третьихъ, что если онъ умретъ, не съ кѣмъ мнѣ будетъ въ Москвѣ молвить слова живого, т. е. умнаго и дружескаго. Итакъ, пускай онъ купается въ хлоровой водѣ, пьетъ мяту и по приказанію гр. Закревскаго (Мин. Внутр. Дѣлъ) не предается унынію (для чего не худо поссориться ему съ Павловымъ, яко съ лицомъ, уныніе наводящимъ).

Не можешь вообразить, какъ непріятно получать проколотыя письма: такъ шерпаво, что невозможно...

Н. Н. Гончаровой (по французски). — *Болдино, 26 ноября.* — Судя по вашему письму отъ 19-го ноября, я вижу ясно, что мнѣ нужно объясниться. Я долженъ былъ оставить Болдино 1-го октября. Наканунѣ ѣду я верстъ за тридцать отсюда къ княгинѣ Голицыной, чтобы узнать въ точности число карантинновъ, какой путь самый краткій и пр. Такъ какъ ея деревня на большой дорогѣ, то княгиня взялась разузнать все доподлинно. На слѣдующій день, 1-го октября, возвратившись домой, я получаю извѣстіе,

что холера распространилась до Москвы, что тамъ государь, и что жители всѣ оставили городъ. Это послѣднее извѣстіе меня успокоило нѣсколько. Узнавъ, между тѣмъ, что выдавали свидѣтельства на свободный проѣздъ, или, по крайней мѣрѣ, на сокращенный срокъ карантина, я написалъ по этому предмету въ Нижній. Мнѣ отвѣчаютъ, что свидѣтельство будетъ мнѣ выдано въ Лукояновѣ (такъ какъ Болдино не заражено); въ то же время меня извѣщаютъ, что входъ и выходъ изъ Москвы запрещены. Эта послѣдняя новость и въ особенности неизвѣстность вашего пребыванія (я не получалъ писемъ ни отъ кого, начиная съ моего брата, который заботится обо мнѣ *comme de l'an 40*) останавливаютъ меня въ Болдинѣ. Приѣхавъ въ Москву, я могъ опасаться, или, лучше сказать, я надѣялся не найти васъ тамъ, и если бы меня туда впустили, я былъ убѣжденъ, что меня не выпустятъ оттуда. Между тѣмъ слухъ, что Москва опустѣла, подтверждался и успокоивалъ меня. Вдругъ я получаю отъ васъ маленькую записку, изъ которой узнаю, что вы вовсе и не думали выѣзжать. Я беру почтовыхъ лошадей, приѣзжаю въ Лукояновъ; мнѣ отказываютъ въ выдачѣ паспорта, подъ тѣмъ предлогомъ, что я выбранъ для надзора за карантинными моего округа. Я рѣшился продолжать мой путь, пославъ жалобу въ Нижній. Переѣхавъ во владимірскую губернію, я вижу, что проѣздъ по большой дорогѣ запрещенъ, и никто объ этомъ ничего не знаетъ: такой здѣсь порядокъ! Я возвратился въ Болдино, гдѣ и останусь, пока не получу паспорта и свидѣтельства, то есть до тѣхъ поръ, пока то будетъ угодно Богу. Итакъ, вы видите (если только вы сообразовоите мнѣ повѣрить), что мое пребываніе здѣсь вынужден-

ное, что я вовсе не живу у княгини Голицыной, хотя и отдалъ ей визитъ, что мой братъ только старается оправдаться, если говорить, будто онъ писалъ мнѣ съ самаго начала холеры, и что вы несправедливо смѣтаетесь надо мной. Затѣмъ кланяюсь вамъ.

PS. Абрамско — вовсе не деревня княгини Голицыной, какъ вы полагаете, — а станція въ 12-ти верстахъ отъ Болдина; Лукояновъ отстоитъ оттуда на 50.

Такъ какъ, повидимому, вы не расположены вѣрить мнѣ на слово, то посылаю вамъ два документа, доказывающихъ мое заточеніе. Я не передалъ вамъ и половины всѣхъ неприятностей, какія мнѣ пришлось извѣдать. Но я не даромъ забрался сюда. Если бы я не былъ въ дурномъ расположеніи, вѣдучи въ деревню, я вернулся бы въ Москву со второй станціи, гдѣ я уже узналъ, что холера опустошаетъ Нижній. Но тогда я и не думалъ поворачивать назадъ и главнымъ образомъ я тогда готовъ былъ радоваться чумѣ.

Н. Н. Гончаровой (по франц.). — *Платово, въ концѣ ноября.* — Вотъ и еще одинъ документъ. Переверните страницу.

Я остановленъ въ карантинѣ Платова. Меня не пускаютъ, потому что я на перекладной, такъ какъ экипажъ мой сломанъ. Умоляю васъ дать знать князю Дмитрію Голицыну о моемъ несчастномъ положеніи и просить его употребить свое вліяніе для моего пропуска въ Москву. Привѣтствую васъ отъ всего сердца, равно какъ и матушку, и все семейство. На дняхъ я писалъ вамъ письмо пѣсколько жесткое; но это потому, что у меня голова шла кругомъ — простите мнѣ это письмо, ибо я въ немъ рас-

каиваюсь. Вотъ, я за 75 верстъ отъ васъ, и Богъ знаетъ, увижу ли я васъ черезъ 75 дней.

Р. S. Или вотъ что: вышлите мнѣ карету или коляску въ карантинъ Платова, на мое имя.

Н. Н. Гончаровой (по франц.).—*Платово, 2 декабря.* — Безполезно высылать мнѣ коляску: меня невѣрно извѣстили. Вотъ я и въ карантинѣ, съ перспективою оставаться въ плѣну 14 дней—послѣ чего надѣюсь быть у вашихъ ногъ.

Пишите мнѣ, умоляю васъ, въ Полтавскій карантинъ. Боюсь, не разсердилъ ли я васъ. Если бы вы знали всѣ неприятности, какія я терплю изъ за этой чумы, вы бы простили меня. Въ минуту моего выѣзда, въ началѣ октября, меня назначаютъ окружнымъ инспекторомъ. Я непременно принялъ бы эту должность, если бы въ то же время не узналъ, что холера появилась въ Москвѣ. Мнѣ стоило большого труда отдѣлаться отъ инспекторства. Потомъ приходитъ извѣстіе, что Москва оцѣвлена и выѣздъ запрещенъ. Затѣмъ—мои несчастныя попытки убраться; потомъ—извѣстіе, что вы не покидали Москвы; наконецъ—ваше послѣднее письмо, повергнувшее меня въ отчаяніе. Какъ вы имѣли духу написать его? Какъ вы могли думать, что я завязъ въ Нижнемъ ради этой засгѣе квягини Голицыной? Знаете ли вы эту кн. Голицыну? Она сама толста, какъ вся ваша семья вмѣстѣ, включая и меня. Не шутя, я чувствую себя способнымъ снова быть жесткимъ. Но, наконецъ, я въ карантинѣ и въ эту минуту не желаю ничего больше. Вотъ до чего мы дожили—что рады, когда насъ на двѣ ведѣли посадятъ подъ арестъ въ грязной избѣ къ ткачу, на хлѣбъ да на воду!

Нижній больше не оцѣвленъ—карантины бы-

ли уничтожены во Владиміръ наканунѣ моего отъѣзда. Это не помѣшало мнѣ быть задержану послѣ, въ Сиваслейкѣ, такъ какъ губернаторъ не позаботился дать знать инспектору о сятин карантинѣ. Если бы вы могли представить себѣ четвертую часть безпорядковъ, произведенныхъ карантинами, то вы все-таки не могли бы понять, какъ можно отъ нихъ отдѣлаться. Простите. Мои почтительные поклоны матушкѣ. Сердечный привѣтъ вашимъ сестрамъ и m-r Serge.

П. А. Плетневу. — *Москва, 9 декабря.* — Милый! Я въ Москвѣ съ 5 декабря. Нашелъ тещу, озлобленную на меня, и насилу съ нею сладилъ, но—слава Богу—сладилъ. Насилу прорвался я и съвозъ карантинны: два раза выѣзжалъ изъ Болдина и возвращался. Но, славу Богу, сладилъ и тутъ. Пришли мнѣ денегъ, сколько можно болѣе: здѣсь Ломбардъ закрытъ, и я на мели. Что Годуновъ? Скажу тебѣ (за тайну), что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда: двѣ послѣднія главы Онѣгина, восьмую и девятую, совсѣмъ готовыя въ печать; повѣсть писанную октавами (стиховъ 400), которую выдадимъ апопуте; нѣсколько драматическихъ сценъ или маленькихъ трагедій, именно: Скупой Рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы и Донъ-Жуанъ. Сверхъ того, написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній. Хорошо? Еще не все (весьма секретное, для тебя одинаго): написалъ я прозою пять повѣстей, отъ которыхъ Баратынскій ржетъ и бѣется, и которыя напечатаемъ также апопуте. Подъ моимъ именемъ нельзя будетъ, ибо Булгаринъ заругаетъ. И такъ, русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу!

Жаль, — но чего смотрѣлъ и Дельвигъ? Охота ему была печатать конфетный билетецъ этого несноснаго Лавинья (четверостишіе Казимира Делавиня на предполагавшійся памятникъ жертвамъ іюльскихъ дней. Дельвигу сдѣланъ былъ за это въ III Отдѣленіи строгій выговоръ, который отчасти былъ виною постигшей его вскорѣ смертной болѣзни). Но все же Дельвигъ долженъ оправдаться передъ государемъ. Онъ можетъ доказать, что никогда въ его Газетѣ не было и тѣни не только мятежности, но и недоброжелательства къ правительству. Поговори съ нимъ объ этомъ, а то шпионы-литераторы заѣдятъ его, какъ барана, а не какъ барона. Прости, душа: здоровъ будь — это главное.

П. В. Нащокинъ. — *Москва, въ декабрь.* — Сей часъ ѣду Богу молиться (съ Гончаровыми) и взялъ съ собою послѣднюю сотню. Узнай пожалуйста, гдѣ живетъ мой татаринъ, и коли можешь, достань съ своей стороны тысячи двѣ.

Къ неизвѣстному лицу. (Черновое). — Я охотно взялся бы выкупить векселя (но слѣдующіе вамъ 24,800 рублей обязанъ выплатить въ теченіе четырехъ лѣтъ); но срокъ онымъ векселямъ, по словамъ вашимъ, два года, а слѣдовательно... Я викакъ не въ состояніи, по случаю дурныхъ оборотовъ, заплатить вдругъ 25 тысячъ. Все, что могу: — за вашъ 25-тысячный вексель выдать 20 съ вычетомъ 10% въ годъ, т. е. 18 тысячъ рублей. Въ такомъ случаѣ извольте отписать ко мнѣ, и я не премину, чрезъ васъ, или чрезъ кого вамъ будетъ угодно, доставить вамъ...

Неизвѣстной дамѣ (черновое, по французски). — Вы издѣваетесь надъ моимъ нетерпѣніемъ: вамъ доставляетъ особое удовольствіе приводить меня въ недоумѣніе; мнѣ удастся увидѣть васъ только завтра — пусть будетъ такъ! Я не могу однако заниматься только вами одними. Хотя видѣть и слышать васъ было-бы для меня блаженствомъ, я тѣмъ не менѣе предпочитаю писать вамъ, а не говорить. Въ васъ есть иронія и сарказмъ, которые озлобляютъ и отнимаютъ надежду. Въ вашемъ присутствіи имѣетъ языкъ и чувствуется какое-то томленіе. Навѣрно, вы — демонъ, т. е. духъ сомнѣнья и отрицанья, какъ сказано въ Священномъ Писаніи. Недавно вы жестоко отозвались о прошломъ: вы сказали мнѣ, что я старался не вѣрить въ теченіе семи лѣтъ... Зачѣмъ это? Счастье чувствовалось мною такъ полно, что я не узналъ его, когда оно было предо мной. Не говорите мнѣ болѣе о немъ, Бога ради. Сожалѣніе, когда все дѣлается пзвѣстнымъ, это острое сожалѣніе, соединенное съ какимъ-то сладострастіемъ, похоже на бѣшенство de...

Дорогая Элеонора, позвольте мнѣ назвать васъ этимъ именемъ, напоминающимъ мнѣ жгучія чтенія вмѣстѣ съ увлекавшимъ меня тогда сладкимъ призракомъ и вашу собственную жизнь, столь порывистую, бурную и огличную отъ того, чѣмъ бы она должна была быть. Дорогая Элеонора, вамъ извѣстно, что я испыталъ на себѣ всю силу вашего обаянія и обязанъ вамъ тѣмъ, что любовь имѣетъ самаго сладостнаго. Отъ всего этого у меня осталась одна привязанность — правда, очень нѣжная — и немного страха, котораго я не могу побороть въ себѣ. Если вамъ когда-нибудь попадутся на глаза эти строки, я знаю, что вы тогда подумаете: „онъ оскорбленъ прошлымъ, вотъ и все;

онъ заслуживаетъ, чтобъ я его вновь..“ Не правда-ли?

А между тѣмъ, если бы я, притворяясь за перо, вздумалъ васъ просить о чемънибудь, то я, право, не зналъ бы — о чемъ. Да... развѣ о дружбѣ? Эта просьба была бы вульгарна, какъ просьба нищаго о кускѣ хлѣба. На самомъ же дѣлѣ мнѣ нужна ваша интимность... А между тѣмъ вы все такъ же хороши, какъ въ тотъ день, когда ваши губы коснулись моего лба. Я чувствую еще до сихъ поръ ихъ влажность и невольно превращаюсь въ правовѣрнаго; но вы будете... Эта красота подвигается, какъ лавина; *le monde aura votre âme — restez debout quelque temps encore, etc.*

1831.

Н. А. Полевому.—*Москва, 1 января.* М. Г. Николай Алексѣевичъ, искренно благодарю васъ за присылку Телеграфа, пріятное для меня доказательство, что наше литературное разногласіе не совсѣмъ разстроило наши прежнія сношенія. Жалѣю, что еще не могу доставить вамъ Бориса Годунова, который уже вышелъ, но мною не полученъ. Съ истиннымъ уваж. и пр. *Пушк. кз.*

Кн. П. А. Вяземскому.—*Москва, 9 января.*— Стихи твои—прелесть. Не хочется мнѣ отдать ихъ въ альманахъ; лучше отошлемъ ихъ Дельвигу. Обозы, поросята и бригадиръ удивительно забавны. Яковлевъ издастъ къ масляницѣ альманахъ „Блинъ“. Жаль, если первый блинъ его будетъ комомъ. Не отдашь ли ты ему Обозы, а Дѣвичій Сонъ Максимовичу? Яковлевъ тѣмъ еще хорошъ, что отменно храбръ и готовъ

намазать свой блинъ жиромъ Булгарина и икрою Полевого. Пошли ему свои сатирическія статьи, коли есть. Знаешь ли ты, какіе подарки получилъ я на новый годъ? Билетъ на Телеграфъ, да билетъ на Телескопъ отъ издателей, въ знакъ искренняго почтенія. Каково? И въ Пчелѣ предлагаютъ мнѣ миръ, упрекая насъ (тебя да меня) въ неукротимой враждѣ и службѣ вѣчной Немезидѣ. Все это прекрасно, однако жаль: въ Борисѣ моемъ выпущены народныя сцены, да скоромщина французская и отечественная; а впрочемъ, странно читать многое напечатанное. Сѣв. Цвѣты что-то блѣдны. Каковъ шутъ Дельвигъ, въ круглый годъ ничего самъ не писавшій и издавшій свой альманахъ въ потѣ лицъ нашихъ? На дняхъ у тебя буду. Съ удовольствіемъ привезу и шампанское; радуюсь, что бутылка за мною. Съ Полиньякомъ я помирился. Его вторичное заточеніе въ Венсенѣ, меридіанъ, начертанный на полу его темницы, чтеніе Вальтеръ-Скотта, все это романически трогательно, а все-таки палата права. Рѣчами адвокатовъ я недоволенъ—всѣ они робки. Одинъ Ламенэ въ состояніи былъ бы *aborder bravement la question*. О Польшѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. Я видѣлъ письмо Чичерина къ отцу, гдѣ сказано: *il y a lieu d'espérer que tout finira sans guerre*. Здѣсь нѣкто бился объ закладъ, бутылку V. C. P. (марка) противу тысячи руб., что Варшаву возьмутъ безъ выстрѣла. Денисъ здѣсь. Онъ написалъ краснорѣчивый *Eloge* Раевского. Мы совѣтуемъ написать ему жизнь его. Кирѣевскій нашъ здѣсь. Вечоръ видѣлъ его. Лиза (Хитрово) пишетъ мнѣ отчаянное политическое письмо. Кажется, послѣднія происшествія произвели на петербургское общество сильное дѣйствіе. Еслибъ я былъ холостъ, то

сѣздилъ бы туда. Новый годъ встрѣтилъ я съ цыганами и съ Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной. Она пѣла пѣсню, въ таборѣ сложенную, на голосъ: „пріѣхали сани“:

Д—Митюша	Давыдовъ съ поздрами,
В—Петруша	Вяземскій съ очками,
Г—Федюша	Гагаринъ съ усами,

Дѣвокъ испугали

И всѣхъ разогнали и пр.

Знаешь ли ты эту пѣсню? Addio, поклонъ всѣмъ твоимъ. До свиданія.

П. А. Плетневу. — *Москва, 7-ю января.* — Что съ тобою, душа моя? Какъ побранилъ ты меня въ сентябрѣ за мою хандру, съ тѣхъ поръ нѣтъ мнѣ о тебѣ ни слуха, ни духа. Деньги (2000) я получилъ. Прелестное изданіе Бориса видѣлъ. Посланіе твое къ Гнѣдко (Гнѣдичу) прочелъ; отвѣтъ его не прочелъ. Знаю, что ты живъ—а писемъ отъ тебя все нѣтъ. Ужъ не запретилъ ли тебѣ ген.-губернаторъ имѣть со мною переписку? Чего добраго! Ужъ не сердился ли? Кажется, не за что. Отвѣчай же мнѣ, а не то буду безпокоиться.

Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Видѣлъ я, душа моя, Цвѣты. Странная вещь, непонятная вещь! Дельвингъ ни единой строчки въ нихъ не помѣстилъ. Онъ поступилъ съ нами, какъ помѣщикъ съ своими крестьянами, мы трудимся—а онъ сидитъ на с... да насъ побраниваетъ. Нехорошо и неблагоразумно. Онъ открываетъ намъ глаза, и мы видимъ, что мы въ дуракахъ. Странная вещь, непонятная вещь!—Бѣдный Гливка работаетъ, какъ батракъ, а проку все нѣтъ. Кажется мнѣ, онъ съ горя рехнулся. Кого вздумалъ просить къ себѣ въ кумовья (Бога)!

..... Я
 досихъ поръють дерзости Глинкиной опомниться
 не могу. Странная вещь, непонятная вещь?

Пишуть мнѣ, что Борисъ мой имѣеть большой
 успѣхъ: странная вещь, непонятная вещь! По
 крайней мѣрѣ, я того никакъ не ожидалъ. Что
 тому причиною? Чтеніе Вальт Скотта? Голосъ
 знатоковъ, коихъ избранныхъ такъ мало? крикъ
 друзей моихъ? мнѣніе двора?—Какъ бы то ни
 было, я успѣха трагедіи моей у васъ не понимаю.
 Въ Москвѣ то-ли дѣло? Здѣсь жалѣють о томъ,
 что я совсѣмъ, совсѣмъ упалъ; что моя траге-
 дія подражаніе Кромвелю Виктора Гюго; что
 стихи безъ рѣимъ не стихи; что Самозванецъ не
 долженъ былъ такъ неосторожно открыть тайну
 свою Маринѣ; что это съ его стороны очень вѣ-
 трено и неблагоразумно и тому подобныя глубо-
 кія критическія замѣчанія. Жду переводовъ и
 суда нѣмцевъ, а о французахъ не забочусь. Они
 будутъ искать въ Борисѣ политическихъ примѣ-
 неній къ Варшавскому бунту, и скажутъ мнѣ,
 какъ наши: „Помилуйте-сь!“ Любопытно будетъ
 видѣть отзывъ нашихъ Шлегелей, изъ которыхъ
 одинъ Катенинъ знаетъ свое дѣло; прочіе — по-
 нуган или сороки низовскія, которыя картавятъ
 одну имъ затверженую — Прости, мой ан-
 гель! — Поклонъ тебѣ, поклонъ и всѣмъ вамъ
 Кстати: поэма Баратынскаго чудо. Adieu.

П. А. Плѣтневу. — *Москва, 13 января.* — Пришли
 мнѣ, мой милый, экземпляровъ 20 Бориса для
 московскихъ прощальгъ; не то разорюсь, поку-
 пая его у Ширяева.

Душа моя, вотъ тебѣ планъ жизни моей: я женюсь въ семь мѣсяцѣ, полгода проживу въ Москвѣ, лѣтомъ приѣду къ вамъ. Я не люблю московской жизни. Здѣсь живи не какъ хочешь — какъ тетки хотятъ. Теща моя — та же тетка. То ли дѣло въ Петербургѣ! Заживу себѣ мѣщаниномъ, припѣваючи, пезависимо и не думая о томъ, „что скажетъ Марья Алексѣевна“. Что Газета наша? Надобно намъ о ней подумать. Подъ конецъ она была очень вяла. Иначе и быть нельзя: въ ней отражается русская литература. Въ ней говорили подъ конецъ объ одномъ Булгаринѣ; такъ и быть должно: въ Россіи пишетъ одинъ Булгаринъ. Вотъ текстъ для славной филиппики. Кабы я не былъ лѣнивъ, да не былъ женихъ, да не былъ очень добръ, да умѣлъ бы читать и писать, то я бы каждую недѣлю писалъ обзорѣніе литературное, — да лихъ терпѣнія нѣтъ, злости нѣтъ, времени нѣтъ, охоты нѣтъ. Впрочемъ, посмотримъ.

Деньги, деньги: вотъ главное. Пришли мнѣ денегъ, и я скажу тебѣ спасибо. Да что жъ ты не пишешь ко мнѣ, безсовѣстный?

А. Х. Бенкендорфу. — Москва, 18 января. — Съ чувствомъ глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзывъ государя императора о моей исторической драмѣ. Писанный въ минувшее царствованіе, „Борисъ Годуновъ“ обязанъ своимъ появленіемъ не только частному покровительству, которымъ удостоилъ меня государь, но и свободѣ, смѣло дарованной монархомъ писателямъ русскимъ въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ, когда всякое другое правительство старалось бы стѣснить и оковать книгопечатаніе. Позвольте мнѣ благодарить усердно ваше пр—во, какъ

голосъ высочайшаго благоволенія, и какъ чело-
вѣка, принимавшаго всегда во мнѣ столь сни-
сходительное участіе.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Москва, въ половинѣ
января.* — Постараюсь взять отпускъ и при-
ѣхать на именины къ тебѣ. Но не общаюсь.
Братъ вѣроятно будетъ. Толстой къ тебѣ соби-
рается. Вчера видѣлъ я кн. Юсупова и испол-
нилъ твое препорученіе; допросилъ его о Фон-
визинѣ и вотъ чего добился. Онъ очень зналъ
Фонвизина, который нѣсколько времени жилъ
съ нимъ въ одномъ домѣ. C'était un autre Beau-
marchais pour la conversation Онъ знаетъ про-
пасть его bons-mots, да не припомнить. А пока-
мѣстъ рассказалъ мнѣ слѣдующее: Майковъ, тра-
гикъ, встрѣтя Фонвизина, спросилъ у него,
заякаясь по своему обыкновенію: видѣлъ ли ты
мою Агріона? — Видѣлъ. — Что жъ ты скажешь
объ этой трагедіи? — Скажу: Агріона — Остро
и неожиданно! Не правда ли? Помѣсти это въ
біографію, а я скажу тебѣ спасибо. Что до Те-
лескопа (другая Агріона), то у меня его пока-
мѣстъ нѣту. Да напиши къ Салаеву, чтобы онъ
тебѣ всю эту дрянь послалъ. Твою статью о
Пушкинѣ (В. Л.) пошли къ Дельвигу. Что ты
чужихъ прикармливаешь? Свои голодны. Ма-
ксимовичу однакожъ отдалъ Обозы, скрѣпя
сердце. Кланяюсь княгинѣ и благодарю за лю-
безный зовъ. О Польшѣ не слыхать. Въ Англии,
говорятъ, бунтъ: чернь сожгла домъ Веллингто-
на. Въ Парижѣ тихо. Въ Москвѣ также.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Москва, 20 января.* —
Вчера получили мы горестное извѣстіе изъ Пе-
тербурга: Дельвигъ умеръ гнилою горячкою. Се-
годня ѣду къ Салтыкову, онъ, вѣроятно, уже все

знаеть. Оставь Адольфа (романъ) у меня—на дняхъ перешлю тебѣ нужныя замѣчанія

Арабъ (женскаго рода не пишеть)—житель или уроженецъ Аравіи, аравитянинъ. К а р а в а н ъ былъ разграбленъ степными арабами. — А р а п ъ, жен. арапка, такъ обыкновенно называютъ негровъ и мулатовъ. Дворцовые арапы: негры, служащіе во дворцѣ. Онъ выѣзжаетъ съ тремя парадными арапами.—Арапникъ, отъ польскаго *hegarzik* (*de harar. cri de chasseur pour enlever aux chiens la proie. Reiff*). NB. *Harar vient de H e g a b*.

А право, не худо бы взяться за лексиконъ, или хоть за критику лексиконовъ.

П. А. Плетневу. — *Москва, 21 января.* — Что скажу тебѣ, мой милый! ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресенье На другой день оно подтвердилось. Вчера ѣздилъ я къ Салтыкову объявить ему все—и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ; я глубоко сожалѣлъ о немъ какъ русский, но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изъ всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду—около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Считаю по пальцамъ, сколько насъ? Ты, я, Баратынскій—вотъ и все.

Вчера провелъ я день съ Нащокинымъ, который сильно пораженъ его смертью. Говорили о немъ, называя его покойникъ Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь же страшенъ, какъ и страшень. Нечего дѣлать! согласимся: покойникъ Дельвигъ—быть такъ. — Баратынскій боленъ съ огорченія. Меня не такъ-то лег-

ко съ ногъ свалить. Будь здоровъ — и постараемся быть живы.

Ки. П. А. Вяземскому. — *Москва, конецъ января.*—Къ тебѣ собираюсь. Но по службѣ долженъ провести сегодняшній и завтрашній день въ Москвѣ у невѣсты. „Сѣв. Цвѣты“ еще не получилъ. „Борись Годуновъ“ здѣсь, но у меня его еще нѣтъ. Поклонъ мой всѣмъ вамъ.

П. А. Плетневу. — *Москва, 31 января.* — Сейчасъ получилъ 2000 р., мой благодѣтель. Satis est, domine, satis est. На сей годъ денегъ мнѣ болѣе не нужно. Отдай Софіи Михайловнѣ (Дельвигъ) остальные 4000 р.—и тебя болѣе беспокоить не буду.

Бѣдный Дельвигъ! Помянемъ его Сѣверными Цвѣтами—но мнѣ жаль, если это будетъ ущербъ Сомову. Онъ былъ искренно къ нему привязанъ — и смерть нашего друга едва ли не ему всего тяжелѣе: чувства души слабѣютъ и мѣняются; нужды жизненныя не дремлютъ.

Баратынскій собирается написать жизнь Дельвига. Мы всѣ поможемъ ему нашими воспоминаніями. Не правда ли? Я зналъ его въ Лицеѣ — былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣченнаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. Съ нимъ читалъ я Державина и Жуковского — съ нимъ толковалъ обо всемъ, что душу волнуетъ, что сердце томить. Я хорошо знаю, однимъ словомъ, его первую молодость; но ты и Баратынскій знаете лучше его равную зрѣлость. Вы были свидѣтелями возмужалости его души. Напишемъ же втроемъ жизнь нашего друга, жизнь богатую не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами.—Отвѣчай мнѣ на это.

Вижу по письму твоему, что Туманскій въ Петербургѣ,—обними его за меня. Полюби его, если ты еще его не любишь. Въ немъ много прекраснаго, не смотря на нѣкоторыя мелочи характера малороссійскаго.

Что за мысль пришла Гнѣдичу посылать свои стихи въ Сѣв. Пчелу? Радуюсь, что Гречъ отказался.—Какъ можно чертить миеологическое надгробіе въ н.....ѣ? И что есть общаго между поэтомъ Дельвингомъ и г—чистомъ полицейскимъ Фаддеемъ?

Милый мой, еще просьба; стѣзди къ St.-Florent (т. е. къ его преемнику) и расплатись съ нимъ за меня—я, помнится, долженъ ему около 1000 р. Извини меня передъ нимъ—я было совсѣмъ о немъ забылъ.—Что вдова?

М. П. Погодину. — *Москва, февраль.* — Вотъ вамъ Борисъ. Доставьте, сдѣлайте милость, одинъ экземпляръ Никодіму Надоумкѣ, пришедшему мнѣ билетъ на Телескопъ. Мы живемъ во дни переворотовъ или переоборотовъ (какъ лучше?) Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что Годуновъ имѣлъ успѣхъ. Вотъ еще для меня диковинка.—Выдавайте жъ „Марсу“.

Н. И. Кривцову. — *Москва, 10-го февраля.* — Посылаю тебѣ, милый другъ, любимое мое сочиненіе (Бориса Годунова). Ты нѣкогда баловалъ первыми опыты, будь благосклоненъ и къ произведеніямъ болѣе зрѣлымъ. Что ты дѣлаешь въ своемъ уединеніи? Нынѣшней осенью былъ я недалеко отъ тебя. Мнѣ брюхомъ захотѣлось съ тобою увидѣться и поболтать о старинѣ. Карантины мнѣ помѣшали. Такимъ образомъ, Вотъ вѣдаетъ, когда и гдѣ судьба сведетъ насъ опять. Мы не такъ-то легки на подъемъ. Ты безъ ногъ,

а я женатъ, или почти. Все, что бы ты могъ сказать мнѣ въ пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвѣсилъ выгоды и невыгоды состоянія, мною избираемаго. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сихъ поръ я жилъ иначе, какъ обыкновенно живутъ. Счастья мнѣ не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes. Мнѣ за 30 лѣтъ. Въ тридцать лѣтъ люди обыкновенно женятся. Я поступаю, какъ люди, и вѣроятно не буду въ томъ раскаиваться. Къ тому же, я женюсь безъ упоенія, безъ ребяческаго очарованія. Будущность является мнѣ не на розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня. Онѣ входятъ въ мои домашніе расчеты. Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностью. У меня сегодня spleen. Прерываю письмо мое, чтобы тебѣ не передать моей тоски. Тебѣ и своей довольно. Пиши мнѣ на Арбатъ, въ д. Хитровой. Надняхъ получилъ я чрезъ Вяземскаго твое письмо, писанное въ 1824 г. Благодарю, но не отвѣчаю.

П. А. Плетневу. — *Москва, 16 февраля.* — Черезъ нѣсколько дней я женюсь и представляю тебѣ хозяйственный отчетъ: заложилъ я моихъ 200 душъ, взялъ 38,000 р. и вотъ имъ распределение: 11,000 — тещѣ, которая непременно хотѣла, чтобъ дочь ея была съ приданымъ: пиши пропало. 10,000 — Нащокину, для выручки его изъ плохихъ обстоятельствъ: деньги вѣрныя. Остается 17,000 на обзаведеніе и житіе годовичное. Въ іюнѣ буду у васъ и начну жить en bourgeois, а здѣсь съ тетками справиться невозможно — требованія глупыя и смѣшныя, а дѣлать нечего. Теперь понимаешь ли, что значить приданое и отчего я сердился? Взять жену безъ со-

стоянія—я въ состояніи; но входитъ въ долги для ея тряпокъ—я не въ состояніи. Но я упрямы и долженъ былъ настоять по крайней мѣрѣ на свадьбѣ. Дѣлать нечего: придется печатать мои повѣсти; перешлю тебѣ на второй недѣлѣ, а къ Святой и тиснемъ.

Что баронесса? Я писалъ Хитровой о братьяхъ Дельвига. Спроси у нея, каковы ея дѣла, и отецъ мой заплатилъ ли долгъ Дельвигу? Не продастъ ли она мой портретъ? Мнѣ пишутъ, что ея здоровье плохо, а она пишетъ Михайлу Александровичу (Салтыкову, ея отцу), что она здорова. Кто правъ? Что-жъ ты мнѣ не отвѣчалъ про жизнь Дельвига? Баратынскій не на шутку думаетъ объ этомъ. Твоя статья о немъ прекрасна. Чѣмъ болѣе читаю ее, тѣмъ болѣе она мнѣ нравится. Но надобно подробностей—изложенія его мнѣній—апекдотовъ, разбора его стиховъ &.

А. Н. Гончарову: — *Москва, 24 февраля.* — Милостивый государь, дѣдушка Аѳанасій Николаевичъ! Спѣшу извѣстить васъ о счастіи моемъ и препоручить себя вашему отеческому благорасположенію, какъ мужа безцѣнной внучки вашей, Натальи Николаевны. Долгъ нашъ и желаніе были бы ѣхать къ вамъ въ деревню; но мы опасаемся васъ обезпечить и не знаемъ, въ пору ли будетъ наше посѣщеніе. Дмитрій Николаевичъ (старшій братъ Натальи Николаевны) сказывалъ мнѣ, что вы все еще тревожитесь насчетъ приданого; моя усиленная просьба состоитъ въ томъ, чтобъ вы не разстроивали для насъ уже разстроеннаго имѣнія: мы же въ состояніи ждать. Что касается до памятника, то, будучи въ Москвѣ, я никакъ не могу взяться за продажу онаго и предоставляю все это дѣло на ваше благорасположеніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и искренно сыновней преданностію имѣю счастье быть, милостивый государь дѣдушка, вашимъ покорнѣйшимъ слугою и внукомъ. *А. Пушкинъ.*

П. А. Плетневу, — Москва, 24 февраля. — Мой милый, я очень беспокоюсь о тебѣ. Говорятъ въ Петербургѣ гриппъ: боюсь за твою дочку. На всякій случай, жду отъ тебя письма.

Я женатъ—и счастливъ. Одно желаніе мое, чтобъ ничего въ жизни моей не измѣнилось; лучшаго не дождусь. Это состояніе для меня такъ ново, что, кажется, я переродился. По-сылаю вамъ визитную карточку — жены дома нѣтъ, и потому не сама она рекомендуется Степанидѣ Александровнѣ (жена Плетнева).

Прости, мой другъ. Что баронесса? Память Дельвига есть единственная тѣнь моего свѣтлаго существованія. Обнимаю тебя и Жуковского. Изъ газетъ узналъ я новое назначеніе Гяѣдича (въ члены Главнаго Правленія училищъ). Оно дѣлаетъ честь государю, котораго искренно люблю и за котораго всегда радуюсь, когда по-ступаетъ онъ прямопо-царски. Addio. Будьте-жъ всѣ здоровы.

Н. И. Хмѣльницкому. — Москва, 6 марта. — М. Г. Николай Ивановичъ! Спѣшу отвѣтствовать на предложеніе вашего превосходительства, столь лестное для моего самолюбія; я бы за честь себѣ поставилъ препроводить сочиненія мои въ Смоленскую Библіотеку, но вслѣдствіе условій, заключенныхъ мною съ петербургскими книгопродавцами, у меня не осталось ни одного экземпляра; а дороговизна книгъ не позволяетъ мнѣ и думать о покупкѣ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной

преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою *А. Пушкинъ*.

PS. Давъ официальный отвѣтъ на официальное письмо ваше, позвольте поблагодарить васъ за ваше воспоминаніе и попросить у васъ прощеніе, не за себя, а за моихъ книгопродавцевъ, не высылающихъ вамъ, вопреки моему наказу, ежегодной моей дани. Она будетъ вамъ доставлена непременно, вамъ, любимому моему поэту; но не ссорьте меня съ смоленскимъ губернаторомъ, котораго, впрочемъ, я уважаю столь же, сколько васъ люблю. Весь вашъ.

П. А. Плетневу. — *Москва, 26 марта.* — Что это значитъ, душа моя? ты совершенно замолкъ. Вотъ уже мѣсяць, какъ отъ тебя ни строчки не вижу. Ужъ не послѣдовало ли вновь тебѣ отъ ген.-губернатора милостивое запрещеніе со мною переписываться? Чего добраго! Не боленъ ли ты? все ли у тебя благополучно? или просто лѣнишься, да понапрасну друзей своихъ пугаешь? Покамѣстъ вотъ тебѣ подробное донесеніе обо мнѣ, о домашнихъ моихъ обстоятельствахъ и о намѣреніяхъ. Въ Москвѣ остаться я никакъ не намѣренъ; причины тому тебѣ извѣстны, — и каждый день новыя прибываютъ. Послѣ Святой отправлюсь въ Петербургъ. Знаешь ли что? мнѣ, мочи нѣтъ, хотѣлось бы къ вамъ не доѣхать, а остановиться въ Царскомъ Селѣ. Мысль благословенная! Лѣто и осень, такимъ образомъ, провелъ бы я въ уединеніи вдохновительномъ, вблизи столицы, въ кругу милыхъ воспоминаній и тому подобныхъ удобностей. А дома, вѣроятно, нынѣ тамъ не дороги: гусаровъ нѣтъ, Двора нѣтъ — квартиръ пустыхъ много. Съ тобою, душа моя,

видѣлся бы я всякую недѣлю, съ Жуковскимъ также—Петербургъ подъ бокомъ, жизнь дешевая, экипажа не нужно. Чего, кажется, лучше? Подумай объ этомъ на досугѣ, да и перешли мнѣ свое рѣшеніе Книги Белизара (фр. книгопродавецъ) я получилъ и благодаренъ. Прикажи ему прислать мнѣ еще Crabbe, Wordsworth, Southey и Shakespeare въ домъ Хитровой на Арбатѣ. (Домъ сей нанялъ я въ память своей Элизы; скажи это южной ласточкѣ, смуглорумяной красотѣ нашей (А. О Россетти). Сомову скажи, чтобъ онъ прислалъ мнѣ, если можетъ, Лит. Газету за прошлый годъ (за нынѣшній не нужно, самъ за нимъ приѣду), да и Сѣв. Цвѣты, послѣдній памятникъ нашего Дельвига; объ альманахѣ переговоримъ. Я не прочь издать съ тобою послѣдніе С. Цвѣты. Но затѣваю и другое, о которомъ также переговоримъ. Мнѣ сказывали, что Жуковскій очень доволенъ „Марей Посадницей“. Если такъ, то пусть же выхлопочетъ онъ у Бенкендорфа или у кого ему будетъ угодно, позволеніе напечатать всю драму, произведеніе чрезвычайно замѣчательное, не смотря на неровенство общаго достоинства и слабости стихосложенія. Погодинъ — очень, очень дѣльный и честный молодой человекъ, истинный нѣмецъ по чистой любви своей къ наукѣ, трудолюбію и умѣренности. Его надобно поддержать, также и Шевырева, котораго куда бы не худо посадить на опустѣвшую кафедру Мерзлякова, добраго пьяницы, но ужаснаго невѣжды. Это была бы побѣда надъ университетомъ, т. е. надъ предразсудками и вандализмомъ. О своихъ меркантильныхъ обстоятельствахъ скажу тебѣ, что благодаря отца моего, который далъ мнѣ способъ получить 38,000 р., я женился и обзавелся кой-какъ хозяйствомъ, не входя въ частные долги. На мою

тещу и дѣда жены моей надѣяться плохо, частью оттого, что ихъ дѣла разстроены, частью и оттого, что на слова надѣяться не должно. По крайней мѣрѣ, съ своей стороны, я поступилъ честно и болѣе нежели безкорыстно. Не хвалюсь и не жалуясь, ибо жена моя — прелесть не по одной наружности, и я не считаю пожертвованіемъ того, что долженъ былъ сдѣлать. Итакъ, до свиданія, мой милый.

Л. С. Пушкину. — *Москва, 6 апрѣля.* — Все было рѣшено. Ждали только отвѣта отъ гр. Паскевича, какъ Бенкендорфъ получилъ о тебѣ изъ Москвы un rapport défavorable. Нравоучительныхъ примѣчаній дѣлать я не намѣренъ; но кабы ты не былъ болтунъ и не наживался бы съ французскими актерами у Яра, вѣроятно ты могъ бы ужъ быть на Вислѣ. Въ Чугуевѣ тебѣ мѣшкать невозможно. Немедленно поѣзжай въ свой полкъ и жди тамъ рѣшенія своей участи. Дай Богъ, чтобъ эта шутка не стоила тебѣ вѣчнаго пребыванія въ Грузіи.

П. А. Плетневу. — *Москва, 11 апрѣля.* — Воля твоя, ты несносенъ: ни строчки отъ тебя не дождешься. Умеръ ты, что-ли? Если тебя уже нѣтъ на свѣтѣ, то, тѣнь возлюбленная, клянися отъ меня Державину и обними моего Дельвига. Если же ты живъ, ради Бога, отвѣчай на мои письма. Пріѣзжать ли мнѣ къ вамъ, остановиться ли въ Царскомъ Селѣ, или мимо скакать въ Петербургъ или Ревель? *Москва* мнѣ слишкомъ надоѣла. Ты скажешь, что въ Петербургъ малымъ чѣмъ лучше; но я, какъ Артуръ Потockій, которому предлагали *rien* удить: j'aime mieux m'ennuier autrement. *Мнѣ*

кажется, что если всѣ мы будемъ въ кучкѣ, то литература не можетъ не согрѣться и чегонибудь да не произведетъ: альманаха, журнала, чего добраго—и газеты! Вяземскій везетъ къ вамъ Жизнь Фонвизина, книгу едва ли не самую замѣчательную съ тѣхъ поръ, какъ пишутъ у насъ книги (все-таки исключая Карамзина). Петръ Ивановичъ (Романъ Булгарина „П. И. Выжигинъ“) приплылъ и въ Москву, гдѣ, кажется, приняли его довольно сухо. Что за дьявольщина? Неужто мы вразумили публику? Или сама догадалась, голубушка? А кажется, Булгаринъ такъ для нея созданъ, а она для него, что имъ вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать. На Выжигина II-го я еще не посягалъ; а какъ, сказываютъ, обо мнѣ въ немъ нѣтъ ни слова, то и не посягну. Разумѣю, не стану читать, а ругать все-таки буду. Сомовъ написалъ мнѣ длинное письмо, на которое я еще не отвѣчалъ. Скажи ему, что Делорма я самъ привезу, потому и не посылаю.

Что баронесса? О тебѣ говорила мнѣ Жихарева. Анекдотъ о билетцахъ—преlestь! Христосъ воскресъ!

П. А. Плетневу. — *Москва, въ апрѣль.* — Ты правъ, любимецъ музъ—должно быть аккуратнымъ, хотя эта и нѣмецкая добродѣтель; не худо быть и умѣреннымъ, хотя Чацкій и смѣется надъ этими двумя талантами. Итакъ, вотъ тебѣ пунктуальные отвѣты на твои запросы. Деларю слишкомъ гладко, слишкомъ правильно, слишкомъ чопорно пишетъ для молодого лиценста. Въ немъ не вижу я ни капли творчества, а много искусства. Это—второй томъ Подолинскаго. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и разовьется. О Гоголѣ не скажу тебѣ ничего, потому что доселѣ его не читалъ за недосугомъ. Отлагаю чтеніе до

Царскаго Села, гдѣ ради Бога найми мнѣ фатерку—насъ будетъ: мы двое, 3 или 4 человѣка, да 3 бабы. Фатерка чѣмъ дешевле, тѣмъ, разумѣется, лучше—но вѣдь 200 рублей лишнихъ насъ не разорятъ. Садика намъ не будетъ нужно, ибо подъ бокомъ будетъ у насъ садикъ. А нужна кухня, да сарай. Вотъ и все. Ради Бога, скорѣе же! И тотчасъ давай намъ и знать, что все де готово, и милости просимъ приѣзжать; а мы тебѣ какъ свѣтъ на голову

Обними Жуковскаго за участіе, въ которомъ я никогда не сомнѣвался. Не пишу ему, потому что не привыкъ съ нимъ переписываться. Съ нетерпѣніемъ ожидаю новыхъ его балладъ. И такъ, „былое съ нимъ сбывается опять“ (Изъ Жуковскаго). Слава Богу! Но ты не пишешь, что такое его баллады: переводы или сочиненія? Дмитріевъ, думая критиковать Жуковскаго, далъ ему прездравый совѣтъ. Жуковский, говорилъ онъ, въ своей деревнѣ заставляетъ старухъ себѣ ноги гладить и рассказывать сказки, а потомъ перекладываетъ ихъ въ стихи. Преданія русскія ничуть не уступаютъ въ фантастической поэзіи преданіямъ ирландскимъ и германскимъ. Если все еще его не съестъ вдохновеніемъ, то присовѣтуй ему читать Четь-Миннею, особенно легенды о кievскихъ чудотворцахъ: прелесть простоты и вымысла!

Перечитываю письмо и вижу, что я не акуртно отвѣчалъ тебѣ на вопросы: 1) гдѣ? 2) на сколько времени? и 3) во сколько комнатъ нужна мнѣ квартира? — Отвѣты: 1) На какой бы то ни было улицѣ Царскосельской. 2) До января, и потому квартира должна быть теплая. 3) Былъ бы особый кабинетъ,— а прочее мнѣ все равно.

Засимъ обнимаю тебя, благодаря заранее.

П. В. Нащокину. — *Петербургъ, въ маѣ.* — Приѣхали мы благополучно, мой милый Павелъ Вонновичъ, въ Демутовъ трактиръ, и надняхъ отправляемся въ Царское Село, гдѣ мой домикъ еще не меблированъ. (Мой будущій адресъ: въ домѣ Китаевой). Поливановъ сейчасъ былъ у меня; кажется, очень влюбленъ; завтра отправляется къ вамъ. Дѣла мои въ лучшемъ порядкѣ, нежели я думалъ. Надняхъ отправляю тебѣ 2000 р. для Горчакова; не знаю, получилъ ли ты тысячу отъ Вяземскаго. Съ нимъ переписусь. Что ты дѣлаешь, душка? Что твоя хозяйка? Что Марья Ивановна (быв. эконома), спровадилъ ли ты ее? И что твои хлопоты касательно моего дома (старая квартира) и твоего долга? До сихъ поръ я не получалъ еще черновой довѣренности, а самъ сочинить ее не съумѣю. Перешли поскорѣе. Жена тебѣ очень кланяется.

П. В. Нащокину. — *Петербургъ, въ маѣ.* — Вотъ тебѣ одна тысяча, другая досталась мнѣ золотомъ. Извини меня предъ Горчаковымъ; оны получить все прежде срока или въ срокъ, но не позже. Если увидишь Вяземскаго, то спроси, какъ ему переслать его 1000? Или нѣтъ ли у него здѣсь долговъ, или не хранить ли ее до его приѣзда? Прости, любезный другъ, будь здоровъ и не хандри.

П. В. Нащокину. — *Царское Село, 1 іюня.* — Вотъ уже недѣля, какъ я въ Царскомъ Селѣ, а письмо твое получилъ только третьяго дня. Оно было застраховано, и я возился съ полиціей и лочтой. Довѣренность пришлю тебѣ немедленно. Очень благодарю тебя за дружескія хлопоты съ Марьей Ивановной и поздравляю съ прекращеніемъ домашней войны. День ото дня ожидаю

своего обоза и письма твоего. Я бы передалъ Горчакову тотчасъ мой долгъ съ благодарностью, но принужденъ былъ въ эти двѣ недѣли истратить 2000 рублей и потому приостановился. Теперь, кажется, все сладилъ и буду жить потихоньку, безъ тещи, безъ экипажа, слѣдственно безъ большихъ расходовъ и безъ сплетенъ. Какъ ты ладишь съ влюбленнымъ Поливановымъ? Ѣдетъ ли онъ въ Калугу вслѣдъ своей возлюбленной? У меня встрѣтился онъ съ теткой жены, Кат. Ив. Загряжской, и я рекомендовалъ его, какъ будущаго племянника. Только я боюсь, чтобъ дѣдушка (А. Н. Гончаровъ) его не надулъ—смотри за нимъ. Что твои домашнія обстоятельства? Не отыскался ли женихъ на извѣстную особу? Изъ Царскаго Села приѣхалъ бы я на эту свадьбу, отпраздновать твое освобожденіе, законный бракъ Ольги Андреевны (цыганки, жившей у Нащокина), и увезъ бы тебя въ Петербургъ. То-то бы зажили! Опять бы завелись и арапы, и карлики, и со-тернѣ, и пр. — Прощай, пиши и не слишкомъ скучай по мнѣ. Кто-то говаривалъ: если я потеряю друга, то ѣду въ клубъ и беру себѣ другого. Мы съ женой тебя всякій день поминаемъ. Она тебѣ кланяется. Мы ни съ кѣмъ еще пока мѣсть незнакомы, и она очень по тебѣ скучаетъ.

Я сейчасъ увидѣлъ въ „Литературной Газетѣ“ разборъ Вельтмана, очень неблагоклонный и несправедливый; чтобъ не подумалъ онъ, что я тутъ какъ-нибудь вмѣшался. Дѣло въ томъ, что и я виноватъ: полѣнился исполнить обѣщанное, не написалъ самъ разбора; но и некогда было. Обнимаю Горчакова. Что Вяземскаго тысяча?

П. В. Нащокину.—Царское Село, 11 июня.
Послалъ я къ тебѣ, любезный Павелъ Волковичъ, и довѣренность, и деньги, получилъ ~~еще~~

мой московскій обозъ, а отъ тебя ни слова не имѣю; да и никто изъ Москвы ко мнѣ не пишетъ, ни ко мнѣ, ни къ женѣ. Ужъ не теряются ли письма? Пожалуйста, не лѣнись. Съ Павловымъ не играй, съ Рахмановымъ кончи поскорѣе, Ольгу Андреевну сосватай, да прїѣзжай къ намъ безъ хлопотъ. Мы здѣсь живемъ тихо и весело, будто въ глуши деревенской; насилу до насъ и вѣсти доходятъ, да и тѣ не радостныя. О смерти Дибича горевать, кажется, нечего. Онъ уронилъ Россію во мнѣніи Европы—и медленностію уснѣховъ въ Турціи, и неудачами противъ польскихъ мятежниковъ. Здѣсь говорятъ о взятіи и сожженіи Вильны и о томъ, что Храповицкаго будто бы повѣсили. Ужасно, но надѣюсь неправда. Холера, говорятъ, все не унимается. Правда ли, что въ Твери карантинны? Экій годъ! Прощай, душа моя. Жена тебя очень любитъ и очень кланяется.

П. В. Нащокину. — *Царское Село, въ іюнь.*— Очень, очень благодарю тебя за письмо отъ 9 іюня. Не знаю, отвѣчалъ ли я тебѣ на него; на всякій случай, перечитайъ его, пишу отвѣтъ. Съ подрядчикомъ я расплатился; онъ сказывалъ мнѣ, что ты обѣщалъ ему отъ меня прибавку; на сіе жду твоего приказанія, а самъ отъ себя ни гроша не прибавлю. Я не очень понимаю, какое условіе могъ ты заключить съ Рахмановымъ: страховать жизнь еще на Руси въ обыкновеніе не введено, но войдетъ же когда-нибудь; покажѣсть мы не застрахованы, а застращены. Здѣсь холера, т. е. въ Петербургѣ, и Царское Село оцѣплено—такъ, какъ при королевскихъ дворахъ, бывало, за шалости принца сѣкли его нажа. Жду дороговизны, и скупость наследственная и благопріобрѣтенная во мнѣ тревожится. О дѣлахъ жены моей не имѣю ника-

кихъ извѣстій: и дѣдушка, и тѣща отмалчиваются; рады, что Богъ послалъ ихъ Ташнинкѣ муженька такого смирнаго. Что-то будетъ съ Александромъ Юрьевичемъ (Поливановъ)? Твое извѣстiе о немъ насмѣшило насъ досыта. Воображаю его въ „Заводахъ“ en tête à tête съ глухимъ старикомъ, а Наталью Ивановну ходуномъ ходящую около дочерей, крѣпко-накрѣпко заключенныхъ. Что Александръ Юрьевичъ? Остылъ, али нѣтъ? Ты-то что самъ? И скоро ли деньги будутъ? Какъ будутъ, прїѣду, не смотря ни на какія холеры и тому подобное. А тебя ужъ яотчаяваюсь видѣть. Прости, отвѣчай.

П. В. Нащокинъ. — *Царское Село, 26 iюня.* — Очень благодаренъ за твое письмо, мой другъ. А что это за болѣзнь, отъ которой ты такъ скоро оправился? Я уже писалъ тебѣ, что въ Петербургѣ холера, и какъ она здѣсь новая гостья, то гораздо болѣе въ чести, нежели у васъ, равнодушныхъ москвичей. Надняхъ на Сѣнной былъ бунтъ въ пользу ея: собралось православнаго народа тысячъ шесть; отперли больницы, кой-кого (сказываютъ) убили; государь самъ явился на мѣстѣ бунта и усмирилъ его. Дѣло обошлось безъ пушекъ; дай Богъ, чтобы и безъ кнута. Тяжелыя времена на насъ, Воиновичъ! Тѣло цесаревича везутъ, также и Дибичево. О военныхъ движенiяхъ не имѣемъ еще никакого извѣстiя. Вотъ тебѣ общественныя новости; теперь поговоримъ о своемъ горѣ. Напиши ко мнѣ, въ какому времени явиться мнѣ въ Москву за деньгами, да у васъ ли Догановскiй (картежникъ)? Если у васъ, такъ постарайся съ нимъ поговорить, т. е. поторговаться, да и кончи дѣло, не дожидаясь меня; а я, не смотря на холеру, непременно буду въ Москвѣ, на тебя посмотрѣть, моя радость. Отъ Вяземскаго получилъ я письмо,

свою тысячу оставляет онъ у меня до предбудущаго. Тысячу Горчаковскую надняхъ переплю тебѣ. Холера прижала насъ, и въ Царскомъ Селѣ оказалась дороговизна. Я здѣсь безъ экипажа и безъ пирожнаго, а деньги все-таки уходятъ. Вообрази, что со дня нашего отъѣзда я выпилъ одну только бутылку шампанскаго, и ту не вдругъ. Разрѣшилъ ли ты съ гори? Кланяюсь Ольгѣ Андреевнѣ. Фуляровъ ей не присылаю, пбо съ Петербургомъ, какъ уже сказано было, всякое сообщеніе прервано. По той же причинѣ не получишь ты скоро и моего образа (портрета). Брюловъ въ Петербургѣ и женатъ, слѣдственно въ Италію такъ скоро не подыметъ. Кланяюсь Шнейдеру (врачу. Никого здѣсь не вижу и не у кого освѣдомиться о его представленіи (къ чину). Кланяюсь и Есаулову (музыкантъ). Пришли мнѣ его романсъ, исправленный во второмъ изданіи. Еще кланяюсь Ольгѣ Андреевнѣ, Матрени Сергѣевнѣ (московскія цыгаки) и всей компаніи. Прости, моя прелесть. Жена тебѣ кланяется. Шитье ея для тебя остановилось за немѣніемъ чернаго шелка. Все холера виновата.

Н. И. Гончаровой (по французски). *Царское Село, 26 іюня.* — Милостивая государыня, я вижу изъ письма, которое вы написали Наталіи, что вы очень недовольны мною, вслѣдствіе того, что я сообщилъ Аѳанасію Николаевичу притязанія г-на Поливанова. Мнѣ кажется, я говорилъ сперва вамъ объ этомъ. Это вовсе не мое дѣло сватать дѣвицъ, и будетъ ли предложеніе г-на Поливанова принято, или нѣтъ, это мнѣ рѣшительно все равно; но вы замѣчаете къ тому, что мой поступокъ не дѣлаетъ мнѣ чести. Это выраженіе оскорбительное, и осмѣливаюсь сказать, я никогда не заслуживалъ его.

Я былъ вынужденъ оставить Москву во избѣжаніе разныхъ дразгъ, которыя въ концѣ-концовъ могли бы нарушить болѣе чѣмъ одно мое спокойствіе; меня изображали моею женою, какъ человѣка ненавистнаго, жаднаго, презрѣннаго ростовщика; ей говорили: съ вашей стороны глупо позволять мужу и т. д. Сознайтесь, что это значить проповѣдывать разводъ. Жена не можетъ, сохраняя приличіе, выслушивать, что ея мужъ — презрѣнный человѣкъ, и обязанность моею женою подчиняться тому, что я себѣ позволяю. Не женщиной въ 18 лѣтъ управлять мужчиною 32 лѣтъ. Я представилъ доказательства терпѣнія и деликатности, но, повидимому, я только напрасно трудился. Я люблю собственное спокойствіе и съумѣю его обезпечить.

При моемъ отъѣздѣ изъ Москвы, вы не сочли нужнымъ говорить со мною о дѣлахъ; вы предпочли отшутиться на счетъ возможности развода или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Между тѣмъ, мнѣ необходимо знать окончательно ваше рѣшеніе относительно меня. Я не говорю о томъ, что предполагалось сдѣлать въ отношеніи Наталіи; это меня не касается, и я никогда объ этомъ не думалъ, не смотря на мою жадность. Я разумѣю 11,000 рублей, которые я далъ взаймы. Я не требую уплаты, и нисколько не тороплю васъ. Я хочу только знать навѣрное, что вы предполагаете по этому поводу сдѣлать, съ тѣмъ, чтобы съ своей стороны принять нужныя мѣры.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. *А. Пушкинъ.*

М. П. Погодину. — *Царское Село, въ июнь.* — Сердечно благодарю васъ и за письмо, и за старую Статистику. Я получилъ всѣ экземпляры вчера изъ Петербурга и не знаю, какъ доставить экземпляры, слѣдующіе великимъ князьямъ и Жуковскому. Вы знаете, что у насъ холера;

Царское Село отдѣлено; оно будетъ, вѣроятно, убѣжищемъ царскому семейству. Въ такомъ случаѣ, Жуковскій будетъ сюда, и я дождусь его, чтобъ вручить ему вашу посылку. Напрасно сердитесь вы на него за его молчаніе. Онъ — самый неаккуратный корреспондентъ и ни съ кѣмъ не въ перепискѣ. Могу васъ увѣрить, что онъ искренно васъ уважаетъ. Вы удивляете меня тѣмъ, что трагедія ваша не поступила еще въ продажу. Вяземскій сказалъ мнѣ, что она уже вышла, потому-то я и не хлопоталъ объ ней. Непремѣнно надобно ее выдать и непременно буду писать при первомъ случаѣ объ этомъ къ Блудову. Cholera и смерть цесаревича насъ совершенно смутила. Дайте образумиться.

Пишите Петра; не бойтесь его дубины. Въ его время вы были-бы одинъ изъ его помощниковъ; въ наше время будьте хоть живописцемъ. Жалѣю, что вы не раздѣлялись еще съ Полевымъ, который долженъ рано или поздно..., ибо ничего чуждаго не можетъ оставаться ни въ какомъ тѣлѣ, а ученость, дѣятельность и умъ чужды Полевого.

Пишите ко мнѣ прямо въ Царское или Сарское Село. Отъ Смирдина отдѣленъ я карантинъ. Вашихъ порученій касательно книгъ покаместъ не могу выполнить по многимъ причинамъ. Простите, до свиданія.

П. А. Осиповой (по франц.) — Ц. Село, 29 іюня. — Я откладывалъ отсылку къ вамъ моего письма, ожидая съ минуты на минуту вашего къ намъ пріѣзда; но обстоятельства не дозволяютъ мнѣ болѣе на это надѣяться.

И такъ, милостивая государыня, письменно поздравляю васъ и желаю Евпраксии Николаевнѣ (Вульфъ) всего того счастья, какое

только намъ возможно на землѣ и котораго достойно существо столь благородное и кроткое.

Очень грустные времена. Зараза жестоко опустошаетъ Петербургъ. Народъ бунтовалъ нѣсколько разъ. Распространились вѣрные слухи: утверждали, будто доктора отравляютъ жителей. Разъяренная чернь умертвила двухъ докторовъ. Явился императоръ среди мятежниковъ. Мнѣ пишутъ: „Государь говорилъ съ народомъ — чернь слушала на колѣняхъ — тишина — одинъ царскій голосъ, какъ звонъ святой, раздавался на площади“. За храбостью и умѣньемъ говорить у него дѣло не станетъ; на этотъ разъ мятежь былъ усмирень; но послѣ того безпорядки возобновились.

Придется, можетъ быть, прибѣгнуть къ карточн. Мы ожидаемъ прибытія двора въ Царское Село, которое до сихъ поръ еще не постигнуто заразою; но я думаю, это не замедлитъ. Оборони Боже Тригорское отъ семи язвъ египетскихъ; живите счастливо и спокойно и авось придетъ время, когда я опять буду жить въ вашемъ сосѣдствѣ! И къ слову сказать если бы я не боялся быть нескромнымъ, то попросилъ бы васъ, какъ добрую сосѣдку и добраго друга моего, увѣдомить меня, нельзя ли мнѣ пріобрѣсть Савкинно и на какихъ условіяхъ. Я построилъ бы здѣсь избушку, помѣстилъ бы свои книги и пріѣзжалъ бы проводить нѣсколько мѣсяцевъ въ кругу моихъ старыхъ и добрыхъ друзей. Что вы скажете, сударыня, о моихъ воздушныхъ замкахъ, или о моей избушкѣ въ Савкинѣ? Что до меня, я въ восхищеніи отъ этой мысли, и она ежеминутно приходитъ мнѣ въ голову. Примите, сударыня, увѣреніе въ глубокомъ моемъ уваженіи и совершенной преданности Мой поклонъ всему вашему семейству; примите также поклонъ и отъ жевы

моей, въ ожиданіи, когда буду имѣть удовольствіе лично вамъ ее представить.

П. А. Плетневу. — Царское Село, 3 іюля. — Скажи мнѣ, сдѣлай одолженіе, живъ ли ты? Что ты намѣренъ дѣлать? Что наши? Экія страсти! Господи Іисусе Христе?

Ради Бога, вели Смирдину прислать мнѣ денегъ, или я самъ явлюсь къ нему, не смотря на карантинны.

Знаешь ли что? Я живъ и здоровъ.

Р. S. Я переписалъ мои 5 повѣстей и предисловіе, т. е. сочиненія покойника Бѣлкина, славнаго малаго. Что прикажешь съ ними дѣлать? Печатать ли намъ самимъ, или торговаться со Смирдинымъ? R. S. V. P.

Жена моя кланяется твоей и желаетъ вамъ здравія.

П. Я. Чаадаеву (по франц.). — Ц. Село, 6 іюля. — Другъ мой, я буду говорить съ вами на языкѣ Европы; онъ мнѣ знакомѣе нашего, и мы будемъ продолжать наши бесѣды, начавшіяся когда-то въ Царскомъ Селѣ и такъ часто прерывавшіяся.

Вы знаете, что дѣлается у насъ въ Петербургѣ; народъ вообразилъ, что его отравляютъ. Газеты истощаются въ увѣщаніяхъ и протестахъ; но, къ несчастію, народъ не умѣетъ читать, и кровавыя сцены готовы возобновиться. Мы окружены въ Царскомъ Селѣ и Павловскомъ и не имѣемъ никакого сообщенія съ Петербургомъ. Вотъ отчего я не видалъ ни Блудова, ни Белизара. Ваша рукопись все еще у меня; не хотите ли вы, чтобы я отослалъ ее вамъ; но что вы станете дѣлать съ нею въ Некрополисѣ (Москвѣ)? Оставьте мнѣ ее еще на нѣсколько

времени. Я только что перечиталъ ее; мнѣ кажется, что начало очень связано съ предшествовавшими разсужденіями и съ идеями гораздо ранѣ развитыми, болѣе ясными и положительными для васъ, но не для читателя. Поэтому первая страница нѣсколько темна, и я думаю, что вы сдѣлаете лучше, если замѣните ихъ простымъ примѣчаніемъ, или сдѣлаете изъ нихъ извлеченіе. Я готовъ былъ также замѣтить вамъ безпорядокъ и отсутствіе метода во всей статьѣ, но разсудилъ, что это вѣдь письмо и что этотъ родъ извиняетъ и уполномочиваетъ и эту небрежность и это *laissez aller*. Все, что вы говорите о Моисеѣ, Римѣ, Аристотелѣ, идеѣ истиннаго Бога, древнемъ искусствѣ, протестантизмѣ, все это изумительно по силѣ, правдѣ и краснорѣчію. Все, что является портретомъ и картиной— все широко, блестяще и грандіозно. Съ взглядомъ вашимъ на исторію, мнѣ совершенно новымъ, я однако-жъ не могу всегда соглашаться: на примѣръ, я не понимаю ни вашего отвращенія къ Марку-Аврелію, ни вашего предпочтенія Давиду [псалмамъ котораго удивляюсь и я, если только еще они имъ и написаны]. Не вижу я также, отчего сильная и наивная живопись политизма возмущаетъ васъ въ Гомерѣ. Не говоря уже о поэтическомъ достоинствѣ, это и по вашему признанію великій историческій памятникъ. Да и все, что ни представляетъ кроваваго Иліада, развѣ тоже не находится въ Библии? Вы видите христіанское единство въ католицизмѣ, то есть въ папѣ. Не въ идеѣ ли оно Христа, которая есть и въ протестантизмѣ? Первая идея была монархическою: потомъ сдѣлалась республиканскою. Я дурно выражаюсь, но вы поймете меня. Пишите же мнѣ, другъ мой, если бы даже вамъ пришлось бранить ме-

ня. Лучше, говорить Евклезіастъ, слушать наставленія мудраго, нежели пѣсни безумца.

П. А. Плетневу. — *Царское Село, 16 іюля.* — Я надоѣдалъ тебѣ письмами и не зналъ о твоёмъ огорченіи. Вчера только сказали мнѣ о смерти нашего добраго и умнаго слѣпца (статсъ-секретаря Молчанова). Зная твою привязанность къ покойному Молчанову, живо воображаю твои чувства. Часъ отъ часу пустѣе свѣтъ, пустѣй дорога передъ нами. Тяжелое время, тяжелый годъ! По крайней мѣрѣ, утѣшаюсь, зная, что ты въ своемъ Патмосѣ безвреденъ и недостижимъ. Мы, уже обстрѣлянные въ Москвѣ и Нижнемъ, равнодушно слышали приближающуюся перестрѣлку. Но сколько знакомыхъ жертвъ! Однакожъ, кромѣ Молчанова, никого близкаго къ сердцу, кажется, не потеряли. У насъ въ Ц. С. все суетится, лкуецъ, ждуть разрѣшенія царицы; ждуть добрыхъ вѣстей отъ Паскевича; ждуть прекращенія холеры. Съ моей стороны жду твоего письма; увѣренъ, что ты и всѣ твои здоровы, такъ какъ я всегда былъ увѣренъ въ жизни и здоровьѣ своемъ и своихъ.

П. А. Плетневу. *Царское Село, въ іюль.* — Дворъ пріѣхалъ, и Царское Село закипѣло и превратилось въ столицу. Грустно мнѣ было услышать отъ Жуковского, что тебя сюда не будетъ. Но — такъ и быть: сиди себѣ на дачѣ и будь здоровъ. Россети черноокая хотѣла тебѣ писать, беспокоясь о тебѣ, но Жуковскій отсвѣтовалъ, говоря: онъ живъ, — чего же вамъ больше? Однако, она поручила было мнѣ переслать къ тебѣ 500 р. какой-то запоздалой пенсін. Если у тебя есть мои деньги, то заплати изъ нихъ и дай мнѣ знать сюда, а эти 500 р. я возьму съ нея.

Надняхъ отправилъ я тебѣ черезъ Эслинга (быв. лиценстъ) повѣсти покойнаго Бѣлкина, моего пріятеля; получилъ ли ты ихъ? предисловіе доставлю послѣ. Отдай ихъ въ цензуру земскую, не удѣльную, да и снюхаемся съ Смирдинымъ; я такого мнѣнія, что эти повѣсти могутъ доставить намъ 10,000, и вотъ какимъ образомъ

2000 экз. по 6 р. — 12,000.

1000 р. за печать,

1000 р. процентовъ.

итого 10,000.

Что же твой планъ С ѣ в. Ц в ѣ т о в ѣ въ пользу братьевъ Дельвига? Я даю въ нихъ М о ц а р т а и нѣсколько мелочей. Жуковский даетъ свою гекзаметрическую сказку (о царѣ Берендѣ). Пиши Баратынскому: онъ пришлетъ намъ сокровища. Онъ въ своей деревнѣ. Отъ тебя стиховъ не дождешься; если бы ты собрался, да написалъ что нибудь о Дельвигѣ, — то-то было бы хорошо! Во всякомъ случаѣ, проза нужна; коли ты ничего не дашь, такъ она сядетъ на мель. Обозрѣнія словесности не надобно: чортъ ли въ нашей словесности? придется бранить Полевого да Булгарина, — кстати ли такая адлилуія на могилѣ Дельвига? Подумай обо всемъ этомъ хорошенько, да и распорядись, — а издавать уже пора, т. е. приготовляться къ изданію. Будьте здоровы всѣ, Христось съ вами.

А. Х. Бенкендорфу (черновое). *Царское Село, въ июлѣ.* — Заботливость истинно-отеческая государя императора глубоко меня трогаетъ. Осыпанному уже благодѣяніями его величества, мнѣ давно было тягостно мое бездѣйствіе. Я всегда готовъ служить ему по мѣрѣ моихъ способностей. Мой настоящій чинъ (тотъ самый, съ

которымъ я выпущенъ изъ Лицея), къ несчастію, будетъ мнѣ препятствіемъ на поприщѣ службы. Я считался въ иностранной коллегіи отъ 1817 до 1824 г. Мнѣ слѣдовало за выслугу лѣтъ еще два чина, т. е. титулярнаго совѣтника и коллежскаго асессора. Бывшіе мои начальники забывали о моемъ представленіи, а я имъ о томъ не припоминалъ. Не знаю, можно ли мнѣ будетъ получить то, что мнѣ слѣдовало...

Если государю императору угодно будетъ употребить перо мое для политическихъ статей, то постараюсь съ точностію и съ усердіемъ исполнить волю его величества. Въ Россіи періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій (которыхъ у насъ и не существуетъ)—и правительству нѣтъ надобности имѣть свой официальный журналъ. Но тѣмъ не менѣе общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо.

Нынѣ, когда справедливое негодованіе и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всѣхъ насъ противъ польскихъ мятежниковъ, озлобленная Европа нападаетъ покамѣсть не оружіемъ, но ежедневной бѣшеной клеветою. Конституціонныя правительства хотятъ мира, а молодая поколѣнія, волнуемая журналами, требуютъ войны... Пускай позволяютъ намъ, русскимъ писателямъ, ограждать безстыдныя и невѣжественныя нападенія иностранныхъ газетъ. Съ радостію взялся бы я за редакцію политическаго и литературнаго журнала, т. е. такого, въ которомъ печатались бы политическія и заграничныя новости, около котораго соединилъ бы писателей съ дарованіями, и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ

къ просвѣщенію. Осмѣливаюсь также просить дозволенія заняться историческими изысканіями въ нашихъ государственныхъ архивахъ и библіотекахъ.

Не смѣю и не хочу взять на себя званіе исторіографа послѣ незабвеннаго Карамзина, но могу современемъ исполнить мое давнишнее желаніе написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до государя Петра III.

Просьба Пушкина на имя Бенкендорфа о разрѣшеніи ему и Дельвигу издавать политическую газету.

Десять лѣтъ тому назадъ литературою занималось у насъ весьма малое число любителей. Они видѣли въ ней пріятное, благородное упражненіе, но еще не отрасль промышленности; читателей еще было мало. Книжная торговля ограничивалась переводами кой-какихъ романовъ и перепечатываніемъ сонниковъ и пѣсенниковъ.

Человѣкъ, имѣвшій важное вліяніе на русское просвѣщеніе, посвятившій жизнь единственно на ученые труды, Карамзинъ первый показалъ опытъ торговыхъ оборотовъ въ литературѣ. Онъ и тутъ (какъ и во всемъ) былъ исключеніемъ изъ всего, что мы привыкли видѣть у себя.

Несчастныя обстоятельства, сопровождавшія восшествіе на престолъ нынѣ царствующаго императора, обратили вниманіе Его Величества на сословіе писателей. Онъ нашелъ сіе сословіе совершенно преданнымъ на произволъ судьбъ и притѣсненіямъ цензуры. Даже не было закона касательно собственности литературной. За годъ предъ симъ я не могъ найти нигдѣ управы, лишаясь трехъ тысячъ рублей чрезъ перепечатаніе одного изъ моихъ сочиненій.

ній (что было еще первый примѣръ плутовства). Огражденіе литературной собственности и цензурный уставъ принадлежать къ важнѣйшимъ благодѣяніямъ нынѣшняго царствованія. Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направленіе, т. е. торговое. Нынѣ составляетъ она видъ частной промышленности, покровительствуемой законами. Изъ всѣхъ родовъ литературы періодическія изданія болѣе приносятъ выгодъ и чѣмъ разнообразіе по содержанію, тѣмъ болѣе расходятся.

Извѣстія политическія привлекаютъ большое число читателей, будучи любопытны для всякаго.

Вѣдомости С.-Петербургскія и Московскія и Сѣверная Пчела суть единственные донныя журналы, въ коихъ помѣщаются извѣстія политическія.

С. Пчела, издаваемая двумя извѣстными литераторами, имѣя около 3000 подписчиковъ, естественно должна имѣть большое вліяніе на читающую публику, слѣдственно и на книжную торговлю

Всякій журналъ имѣетъ право говорить мнѣніе свое о нововышедшей книгѣ столь строго, какъ угодно ему. „Газета“ пользуется симъ правомъ—и хорошо дѣлаетъ. Закономъ требовать отъ журналиста благосклонности или безпристрастія было бы невозможно и несправедливо.

Автору осужденной книги остается ожидать рѣшенія читающей публики или искать упрывы и защиты въ другомъ журналѣ; но журналы чисто литературные, вмѣсто 3000 подписчиковъ, имѣютъ едва ли и 500—слѣдственно голосъ ихъ въ его пользу былъ бы вовсе не дѣйствителенъ.

Такимъ образомъ и слѣдуетъ, что политическія газеты приносятъ своимъ издателямъ до

100,000, между тѣмъ какъ чисто литературныя едва ли окупаютъ издержки изданія.

Такимъ образомъ, литературная торговля находится въ рукахъ издателей Сѣверной Пчелы, и критика, какъ и политика, сдѣлалась ея монополіей. Отъ сего терпятъ вещественный ущербъ всѣ литераторы, которые не находятся въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ издателями Сѣверной Пчелы, ибо ни одно изъ ихъ произведеній не можетъ имѣть успѣха и не продается.

Для возстановленія равновѣсія въ литературѣ намъ необходимъ журналъ, коего средства могли бы равняться средствамъ Сѣв. Пчелы. Въ семъ-то отношеніи осмѣливаюсь просить о разрѣшеніи печатать политическія заграничныя новости въ издаваемомъ журналѣ бар. Дельвигомъ или мною.

Направленіе политическихъ статей зависитъ и должно зависѣть отъ правительства, а въ этомъ издатели священною обязанности полагаютъ добросовѣстно ему повиноваться и не только строго соображаться съ рѣшеніями цензора, но и сами готовы отвѣчать за каждую строчку, напечатанную въ ихъ журналѣ.

Не въ обвиненіе издателей другихъ журналовъ, но единственно для изясненія причинъ, принуждающихъ насъ прибѣгнуть къ высочайшему покровительству, осмѣливаемся замѣтить, что личная честь не только писателей, но и ихъ матерей и отцовъ находится во власти издателей политическаго журнала, ибо обвиняки, хотя и явные, не могутъ быть остановлены цензурою.

Симъ разрѣшеніемъ государь императоръ даруетъ по 40 тысячъ дохода двумъ семействамъ и обезпечитъ состояніе нѣсколькихъ литераторовъ. Злонамѣренность или недоброжелатель-

ство были бы съ ихъ стороны столь же безразсудны, какъ неблагодарны.

М. Л. Яковлеву. Царское Село, 19 июля. — Деньги мои, любезный Михайло Лукьяновичъ, у Плетнева. Потрудись, сдѣлай оцолженіе, съѣздить къ нему; но какъ онъ человѣкъ аккуратный, то возьми съ собою вексель мой и надпиши, что проценты получены. Попроси его отъ меня написать мнѣ три строчки и переслать деньги, въ которыхъ я нуждаюсь. Если онъ сидитъ на дачѣ, опасаясь холеры, и ни съ кѣмъ сношеній не имѣетъ, то напиши мнѣ объ немъ, здоровъ ли онъ и всѣ ли у него здоровы.

Кланяюсь сердечно Софьѣ Михайловнѣ (вдова Дельвига), и очень жалѣю, что съ нею не прощусь. Дай Богъ ей здоровья и силы души. Если надобны будутъ ей деньги, попроси ее со мною не церемониться, не только насчетъ моего долга, но и во всякомъ случаѣ. Что Сѣверныя Цвѣты? Съ моей стороны я готовъ. Надняхъ пересмотрѣлъ я у себя письма Дельвига; можетъ быть, современемъ это напечатается. Нѣтъ ли у ней моихъ къ нему писемъ? Мы бы ихъ соединили. Еще просьба: у Дельвига находились готовыя къ печати двѣ трагедіи нашего Кюхли и его же Ижорскіи, также и моя баллада о Рыцарѣ влюбленномъ въ дѣву („Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный“). Не можетъ ли это все Софья Михайловна оставить у тебя? Плетневъ и я, мы бы постарались что нибудь изъ этого сдѣлать.

Что вы дѣлаете, друзья, и кто изъ нашихъ пріятелей отправился туда, отколь никто не воротится? Прости, до свиданія. А. Ш.

П. В. Нащокинъ. Царское Село, 21 июля. — Бѣдная моя крестница! Впередъ не буду крестить у тебя, любезный Павелъ Воиновичъ, у меня не легка рука. Воля твоя будетъ выполнена въ точности, если вздумаешь ты отправиться вслѣдъ за Юсуповымъ; но это дѣло не сбыточное: по крайней мѣрѣ, я никакъ не могу вообразить тебя покойникомъ. Я все къ тебѣ собираюсь, да боюсь карантинныхъ. Нынѣ никакъ нельзя, пускаясь въ дорогу, быть увѣреннымъ во времени прѣзда. вмѣсто трехдневной ѣзды, того и гляди, что высидишь три недѣли въ карантинѣ; шутка! Посылаю тебѣ посылку на имя Чадаева; онъ живетъ на Дмитровкѣ, противъ церкви. Сдѣлай одолженіе, доставь ему. У васъ, кажется, все тихо, о холерѣ не слыхать, бунтовъ нѣтъ, лекарей и полковниковъ не убиваютъ. Не даромъ царь ставилъ Москву въ примѣръ Петербургу! Въ Царскомъ Селѣ также все тихо; но около—такая каша, что Боже унаси. Ты пишешь мнѣ о какомъ то критическомъ разговорѣ, котораго я еще не читалъ. Если бы ты читалъ наши журналы, то увидѣлъ бы, что все, что называютъ у насъ критикой, одинаково глупо и смѣшно. Съ моей стороны, я отступился; возражать серьезно невозможно, а плясать передъ публикою не намѣренъ. Да къ тому-же ни критика, ни публика не достойны дѣльныхъ возраженій. Нынче осенью займусь литературой, а зимою зарююсь въ архивы, куда входъ дозволенъ мнѣ царемъ. Царь со мною очень милостивъ и любезенъ. Того и гляди, попаду во временщики, и Зубковъ съ Павловымъ явятся ко мнѣ съ распростертыми объятіями. Братъ мой переведенъ въ польскую армію. Имъ были недовольны.....; но это не будетъ имѣть слѣдствія никакого. Ты знаешь, что Вислу мы перешли, не видя непріятеля. Съ

часу на часъ ожидаемъ важныхъ извѣстій и изъ Польши, и изъ Парижа. Дѣло, кажется, обойдется безъ европейской войны. Дай-то Богъ! Прощай, душа, не лѣнись и будь здоровъ.

Р. S. Я съ тобою болтаю, а одѣлѣ и забылъ. Вотъ въ чемъ дѣло; деньги мои въ Петербургѣ, у Плетнева или у Смирдина. Оба со мною прекратили свои сношенія по причинѣ холеры. Не знаю, получу-ли, что мнѣ слѣдуетъ къ 1-му августу; въ такомъ случаѣ пришло тебѣ Горчаковскую тысячу; не-то, ради Господа Бога, займи хотя на мое имя, заплати въ срокъ. Не я виновать, виновата холера, отрѣзавшая меня отъ Петербурга, который подъ бокомъ, да куда не пускаютъ. Съ Догановскимъ (картежвикъ) не худо, братъ, намъ пуститься въ разговоры или переговоры, ибо срокъ моему третьему векселю приближается.

П. А. Плетневу. Царское Село, 22 июля. — Письмо твое отъ 19-го крѣвко меня онечало. Опять хандришь! Эй, смотри: хандра хуже холеры,—одна убиваетъ только тѣло, другая убиваетъ душу. Дельвигъ умеръ, Молчановъ умеръ; погоди, умереть и Жуковский, умремъ и мы. Но жизнь все еще богата; мы встрѣтимъ еще новыхъ знакомцевъ, новые созрѣютъ намъ друзья, дочь у тебя будетъ расти, выростетъ невѣстой. Мы будемъ старые хрычи, жены наши - старыя хрычовки; а дѣтки будутъ славныя, молодые, веселые ребята: мальчики станутъ повѣсничать, а дѣвчонки сентиментальничать, а намъ то и любо. Вздоръ душа моя; не хандри, холера на дняхъ пройдетъ; были бы мы живы, будемъ когда нибудь и всселя.

Жаль мнѣ, что ты моихъ писемъ не получалъ. Между ними были дѣльныя; но не бѣда. Эслингъ сей, котораго ты не знаешь,—мой внукъ по Ли-

цею и кажется добрый малый; я поручилъ ему доставить тебѣ мои сказки; прочитай ихъ ради скуки холерной, а напечатать ихъ не къ спѣху. Кромѣ 2000 за Бориса, я еще ничего не получилъ отъ Смирдина. Думаю, накопилось около двухъ же тысячъ моего жалованья; напишу ему, чтобъ онъ ихъ переслалъ ко мнѣ по почтѣ, доставивъ тебѣ 500 Россетинскихъ. Кстати скажу тебѣ новость (но да останется это, по многимъ причинамъ, между нами): царь взялъ меня въ службу, но не въ канцелярскую, или придворную, или военную, — нѣтъ, онъ далъ мнѣ жалованье, открылъ мнѣ архивы, съ тѣмъ, чтобъ я рылся тамъ и ничего не дѣлалъ. Это очень мило съ его стороны, не правда ли? Онъ сказалъ: *puisqu'il est marié et qu'il n'est pas riche, il faut faire aller sa marmite*. Ей-Богу, онъ очень со мною милъ. Когда жъ мы, братъ, увидимся? Охъ, ужъ эта мнѣ холера! Мой Юсуповъ умеръ, нашъ Хвостовъ умеръ, — авось смерть удовольствуется этими двумя жертвами Прощай, кланяюсь всѣмъ твоимъ. Будьте здоровы. Христосъ съ вами.

— — —

П. В. Нащокину. *Царское Село, 29 іюля.* — Я просилъ тебя въ послѣднемъ письмѣ доставить посылку Чадаеву; посылку не приняли на почтѣ. Я просилъ заплатить Горчакову остальную его тысячу: вотъ эта тысяча; доставь ее съ моей сердечной благодарностію моему любезному займодавцу.

Что ты дѣлаешь? Ожидаешь ли ты своихъ денегъ и выручишь ли ты меня изъ сѣтсей Догановскаго? Нужно ли мнѣ будетъ пріѣхать, какъ, признаюсь, мнѣ хочется, или оставаться мнѣ въ Царскомъ Селѣ, что и дешевле, и спокойнѣе?

У насъ все, слава Богу, тихо; бунты петербургскіе прекратились, холера также. Государь

ѣздилъ въ Новгородъ, гдѣ взбунтовались было колоніи и гдѣ произошли ужасы. Его присутствіе усмирило все. Государыня третьяго дня родила великаго князя Николая Николаевича. О Польшѣ ничего не слышно. Прощай, до свиданія.

П. А. Осиповой (по франц.). *Ц. Село, 29 іюля.*— Ваше молчаніе начинало меня тревожить, дорогая и добрая Прасковья Александровна; письмо ваше успокоило меня какъ нельзя болѣе кстати. Еще разъ поздравляю васъ и желаю вамъ всѣмъ отъ глубины сердца—благополучія, спокойствія и здоровья. Я самъ относилъ ваши письма въ Павловскъ и, признаюсь, смертельно желалъ узнать ихъ содержаніе; но матушки моей не было дома. Вы знаете о приключеніи, бывшемъ съ нами, о шалости О—и, о карантинѣ и проч. Теперь, слава Богу, все кончено. Родители мои болѣе не подъ арестомъ, холеры бояться уже нечего. Въ Петербургѣ она скоро прекратится. Знаете ли, что въ Новгородѣ, въ Военныхъ Поселеніяхъ, были мятежи? Солдаты взбунтовались и все подѣтъмъ же нелѣпнымъ предлогомъ отравленія. Генералы, офицеры и доктора умерщвлены съ утонченнымъ звѣрствомъ! Императоръ отправился туда и усмирилъ бунтъ съ удивительной храбростію и хладнокровіемъ; но народу не слѣдуетъ привыкать къ бунтамъ, а бунтовщикамъ—къ его присутствію. Кажется, все кончено. Вы судите о болѣзни гораздо лучше, нежели доктора и правительство. „Болѣзнь повальная, а не зараза, слѣдственно карантинныя лишніе; нужны однѣ предосторожности въ пищѣ и въ одеждѣ“. Если бы эта истина была намъ ранѣе извѣстна, мы избѣгнули бы многихъ бѣдствій. Теперь холеру лечатъ какъ всякую отраву—деревяннымъ масломъ и теплымъ молокомъ, не забывая и паровой ванны. Дай Богъ, чтобъ рецептъ этотъ

не понадобится вамъ въ Тригорскомъ. — Вамъ вручаю мои интересы и планы. Я не особенно держусь за Савкино (деревня въ сосѣдствѣ съ Михайловскимъ, которую Пушкинъ хотѣлъ купить) или за какое другое мѣсто; я желаю только быть вашимъ сосѣдомъ и обладателемъ хорошенькой мѣстности. Благоволите сообщить мнѣ о цѣнѣ той или другой усадьбы. Обстоятельства задержатъ меня, повидимому, въ Петербургѣ болѣе, чѣмъ бы я желалъ, но это нисколько не измѣняетъ ни моихъ намѣреній, ни надеждъ.

Примите увѣреніе въ моей преданности и совершенномъ уваженіи. Поклонъ всему вашему семейству!

Н. М. Кошину. *Царское Село, лѣтомъ.* — Собака нашла, благодаря вашимъ приказаніямъ. Жена сердечно васъ благодаритъ, но собачникъ поставилъ меня въ затруднительное положеніе. Я давалъ ему за труды 10 рублей, онъ не взялъ, говоря: мало; по мнѣ, и онъ, и собака того не стоятъ, но жена моя другого мнѣнія. Здоровы ли вы и скоро-ль увидимся? А П.

П. В. Нащокину. *Царское Село, 3 августа.* — Отецъ и благодѣтель! Надняхъ послалъ я къ тебѣ Горчаковскую 1000; отпиши, батюшка Павелъ Воиновичъ, получилъ ли все исправно; да еще покорнѣйшая просьба: узнай отъ Короткаго, сколько долженъ я въ ломбардъ процентовъ за 40,000 займа, и когда срокъ къ уплатѣ? Пошелъ ли въ дѣло Дороховскій вексель и здоровъ ли Корниліонъ Пинскій? Здоровъ ли ты, душа моя, каково поживаешь, и что твои? Что жъ не присылаешь ты Есауловскаго романа, исправленнаго во второмъ изданіи? Мы бы его въ моду пустили между фрейлинами. Всездѣсь обстоитъ

благополучно. Жена тебѣ кланяется и цѣлуетъ. Портрета не присылаетъ, за неимѣніемъ живописца. Заснѣмъ прощенія просимъ.

Р. S. Да растолкуй мнѣ, сдѣлай милость, какимъ образомъ платять въ ломбардъ? Самому ли мнѣ прѣхать? Довѣренность ли прислать? Или по почтѣ отослать деньги?

П. А. Плетневу. *Царское Село, 3 августа.*— Получилъ я, любезный Плетневъ, и письмо, и 1500. Ты умно дѣлаешь, что сидишь смиренно въ своей норѣ и носу не показываешь въ проклятомъ нѣкогда мною Петербургѣ. Не холера опасна, опасно опасеніе, моральное состояніе, уныніе, долженствующее овладѣть всякимъ мыслящимъ существомъ въ пынѣшнихъ страшныхъ обстоятельствахъ. Холера черезъ недѣлю, вѣроятно, прекратится; но Царское Село будетъ еще долго оградено карантинами; и такъ, свиданіе наше еще далеко. Что жъ Цвѣты? Ей-богу, не знаю, что мнѣ дѣлать. Яковлевъ пишетъ, что покажѣсть нельзя за нихъ приняться. Почему же? развѣ типографіи остановились? развѣ нѣтъ бумаги? развѣ Сомовъ боленъ или отказывается отъ изданія? Кстати: что сдѣлалось съ Лит. Газетою? Она неисправнѣе Меркурія. Не умеръ ли Бестужевъ Рюминъ? Говорятъ, холера уноситъ пьяницъ. Съ душевнымъ прискорбіемъ узналъ я, что Хвостовъ живъ. Посреди столькихъ гробовъ, столькихъ раннихъ или бездѣльныхъ жертвъ Хвостовъ торчитъ какимъ-то кувишемъ лохабнымъ. Перечитывалъ я на двѣхъ письма Дельвига; въ одномъ изъ нихъ пишетъ онъ мнѣ о смерти Д. Веневитинова: „Я въ тотъ-же день встрѣтилъ Хвостова, говоритъ онъ, и чуть не разругалъ его: зачѣмъ онъ живъ?“— Бѣдный нашъ Дельвигъ! Хвостовъ и его пережилъ. Рспомни мое пророческое слово: Хвостовъ

и меня переживетъ. Но въ такомъ случаѣ именемъ нашей дружбы заключаю тебя его зарѣвать—хоть эпиграммой. Прощай, будьте здоровы. Сказки мои возвратились ко мнѣ, не достигнувъ до тебя.

Россетти вижу часто; она очень тебя любитъ и часто мы говоримъ о тебѣ. Она гласно створена. Государь ужъ ее поздравилъ.

А. Ө. Воейкову. Царское Село, между 21—25 августа.—Сейчасъ прочелъ „Вечера близъ Диканьки“. Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился. Мнѣ сказывали, что когда падатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались „Вечера“, то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу. Молъеръ и Фильдингъ, вѣроятно, были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинновесною книгою, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ.

Ради Бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновенію, нападуть на него приличіе его выгаженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять les précieuses ridicules нашей словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ, и все это слогомъ камердинера профессора Тредьяковскаго.

П. А. Плетневу. *Царское Село, до 25 августа.*—Посылаю тебѣ съ Гоголемъ сказки моего друга Ив. П. Бѣлкина; отдай ихъ въ простую цензуру, да и приступимъ къ изданію. Предисловіе пришлю послѣ.—Правила, кои мы будемъ руководствоваться при изданіи, слѣдующія:

1) Какъ можно болѣе оставлять бѣлыхъ мѣстъ и какъ можно шире разставлять строки.

2) На страницѣ помѣщать не болѣе 18-ти строкъ.

3) Имена печатать полныя, напр. Иваѣъ Ивановичъ Ивановъ, а не И. Ив. Ив —ъ. То же и объ городахъ и деревняхъ.

4) Числа (кроме годовъ) печатать буквами.

5) Въ сказкѣ С м о т р и т е л ь назвать гусара Ми н с к и м ѣ и симъ именемъ замѣнить вездѣ***.

6) Смирдину шепнуть мое имя, съ тѣмъ, чтобъ онъ перешепнулъ покупателямъ.

7) Съ почтеннѣйшей публики брать по 7-ми рублей вмѣсто 10-ти — ибо нынче времена тяжелыя, рекрутскій наборъ и карантинъ.

Думаю, что публика будетъ безирекословно платить сей умѣренный оброкъ и не принудитъ меня употреблять строгія мѣры. Главное: будемъ живы и здоровы.—Прощай, мой ангелъ.

Р. С. Эпиграфы печатать передъ самымъ началомъ сказки, а заглавія сказокъ—на особенномъ листѣ (ради ширины).

Кстати объ эпиграфахъ: къ Выстрѣлу надобно будетъ приискать другой, именно въ Романѣ въ семи письмахъ А. Бестужева въ Полярной Звѣздѣ: У меня оставался одинъ выстрѣлъ, я поклялся etc. Справься, душа моя.

Н. В. Гоголю.—*Царское Село, 25 августа.*—Любезный Николай Васильевичъ! Очень благодарю васъ за письмо и доставленіе Плетневу моей посылки, особенно за письмо. Проектъ вашей ученой критики удивительно хорошъ. Но вы слыш-

комъ лѣнны, чтобъ привести его въ дѣйствіе. Статья Косичкина еще не явилась. Не знаю, что это значить: не убоился ли Надеждинъ гнѣва Оаддея Венедиктовича? — Поздравляю васъ съ первымъ вашимъ торжествомъ — съ фырканьемъ наборщиковъ и изъясненіями фактора. Съ нетерпѣніемъ ожидаю и другого — толковъ журналистовъ и отзыва остренькаго сидѣльца (Н. А. Полевой). У насъ все благополучно; бунтовъ, наводненія и холеры нѣтъ. Жуковскій расписался; я чую осень и собираюсь засѣсть. Ваша Надежда Николаевна, т. е. моя Наталья Николаевна благодарить васъ за воспоминаніе и сердечно кланяется. Обнимите за меня Плетнева и будьте живы въ Петербургѣ, что довольно, кажется, мудрено. А. П.

П. В. Нащокину. — *Царское Село, 3 сентября.* — Любезный мой Павелъ Воиновичъ, не отвѣчалъ я на твое послѣднее письмо, исполнившее меня радостью и благодарностью, въ ожиданіи обѣщаннаго слѣдующаго. Но оно покамѣстъ еще не пришло. Дай-то Богъ, чтобъ успѣхъ увѣнчалъ дипломатику твою! Жду съ трепетомъ сердца разрѣшенія Догановскаго. Все ли у тебя благополучно? Что твои спазмы, головныя боли, поѣздки къ Еленѣ Тимоѣевнѣ и прочія бури? У меня, слава Богу, все тихо. Жена здорова. Царь (между нами) взялъ меня въ службу, т. е. далъ мнѣ жалованье и позволилъ рыться въ архивахъ для составленія исторіи Петра I. Дай Богъ здравія царю! Дома у меня произошла перемѣна министерства Бюджетъ Алекс. Григорьевича оказался ошибоченъ; я потребовалъ счетовъ; засѣданіе было столь же бурное, какъ и то, въ которомъ уничтоженъ былъ Иванъ Григорьевичъ; вслѣдствіе этого Алекс. Григорьевичъ сдалъ министерство Василію (за которымъ блохи другого рода). Въ тотъ

же день поваръ мой явился ко мнѣ съ требованіемъ отставки; этого министра хотятъ отдать въ солдаты, и онъ ѣдетъ хлопотать о томъ въ Москву; вѣроятно, явится къ тебѣ. Отсутствие его мнѣ будетъ ощутительно; но, можетъ быть, все къ лучшему. Забылъ я тебѣ сказать, что Алекс. Григорьевичъ при отставкѣ получилъ отъ меня въ родѣ аттестата — плюху, за что онъ было вздумалъ произвести возмущеніе и явился ко мнѣ съ военною силою, т. е. съ квартальнымъ; но это обратилось ему же во вредъ, ибо лавочники, провѣдавъ обо всемъ, засадили было его въ тюрьму, отъ которой по своему великодушію избавилъ я его. Теща моя не унижается: ее не перемѣняетъ ничто, ni le temps, ni l'absence, ni des lieux la longueur; бранить меня, да и только; а все за нашего друга Александра Юрьевича. Дѣдушка ни гугу. До сихъ поръ ничего не сдѣлано для Натальи Николаевны. Мои дѣла идутъ помаленьку; печатаю incognito мои повѣсти („Повѣсти Бѣлкина“), первый экземпляръ пришлю тебѣ. Прощай, душа. Да не забудь о ломбардѣ поразспросить.

Жена тебѣ весьма кланяется. До свиданья.

А. О. Смирновой. (по франц.). — *Ц. Село, въ августѣ.* — Графинѣ Ламбертъ, первой объявившей мнѣ о взятіи Варшавы, по праву принадлежитъ и первый экземпляръ; второй же я предназначаю вамъ.

Отъ васъ узналъ я плѣнъ Варшавы,
Вы были вѣстницею славы
И вдохновеньемъ для меня.

Когда найду еще два стиха, то пришлю ихъ вамъ.

П. В. Нащокину. — *Царское Село, 7 октября.* — Жалѣю, любезный Павелъ Воиновичъ, что дѣло разошлось за 5000. Все-таки я тебѣ благодаренъ за твои хлопоты, а Догановскому и Жемчужникову - за ихъ снисхожденіе. Ты же не сердись. Они не повѣрили тебѣ, потому что тебя не знаютъ; это въ порядкѣ вещей. Но кто, зная тебѣ, не повѣритъ тебѣ на слово своего имѣнія, тотъ самъ не стоитъ никакой довѣренности. Прошу тебя въ послѣдній разъ войти съ ними въ сношенія и предложить имъ твои готовыя 15 т., а остальные 5 заплачу я въ теченіе 3 мѣсяцевъ. Мнѣ совѣстно быть неаккуратнымъ, но я совершенно разстроился: женись, я думалъ издерживать втрое противъ прежняго, вышло вдесятеро. Въ Москвѣ говорятъ, что я получаю 10,000 жалованья, но я покамѣстъ не вижу ни полушки; если буду получать и 4,000, такъ и то слава Богу. Отвѣчай мнѣ какъ можно скорѣе въ Петербургъ, въ Казачьемъ переулкѣ, въ домъ Дмитріева, О. С. Павлицевой, для доставленія А. С. П. Прощай и будь здоровъ. Кланяйся Ольгѣ Андреевнѣ и твоему наслѣднику. Весь твой Пушкинъ.

С. С. Уварову. — *Петербургъ, 21 октября.* — М. Г. Сергѣй Семеновичъ. Кн. Дундуковъ доставилъ мнѣ прекрасные, истинно вдохновенные стихи, которые угодно было вашей скромности назвать подражаніемъ (Уваровъ перевелъ стихотвореніе Пушкина „Клеветникамъ Россіи“). Стихи мои послужили вамъ простою темою для развитія гениальной фантазіи. Мнѣ остается отъ сердца васъ благодарить за вниманіе, мнѣ оказанное, и за силу и полноту мыслей, великодушно мнѣ присвоенныхъ вами. Съ глубочайшимъ почтеніемъ, и пр.

П. В. Нащокину.—*Петербургъ, 24 октября.*—
 Милый мой Павелъ Воиновичъ, вотъ я въ Петербургѣ, гдѣ я былъ принужденъ перемѣнить мою нанятый домъ. Пиши мнѣ: на Галерной, въ домъ Брискорна. Видѣлъ я Жемчужникова. Они согласились взять съ меня 5,000 векселемъ, а 15,000 получить тотчасъ. Какъ же мы сіе сдѣлаемъ? Не прѣхать ли мнѣ самому въ Москву? А мнѣ что-то очень хочется съ тобою поболтать, да я бы самъ кой-какія дѣла обработалъ, напр. (заложеныя) брилліанты жены моей, которые стараюсь спасти отъ банкротства тещи моей и отъ лапъ Семена Ѳедоровича (управляющій Гончаровой). Дѣдушка... выдаетъ свою третью наложницу замужъ съ 10,000 приданаго, а не можетъ заплатить мнѣ моихъ 12,000 и ничего своей внучкѣ не даетъ. Наталья Никол. брюхата—въ маѣ родить. Все это очень измѣнить мой образъ жизни, и обо всемъ надо подумать.

Что-то Москва? Какъ вы приняли государя и кто возьмется оправдать старинное московское хлѣбосольство? Бояре перевелись. Намъ надо праздниковъ. Москва губернской городъ, получающій журналы модъ. Плохо. Жду Вяземскаго. Не знаю, не затѣю ли что нибудь литературнаго—журнала, альбома или тому подобнаго. Лѣнь. Кстати: я издаю „Сѣверные Цвѣты“ для братьевъ нашего покойнаго Дельвига; заставь ихъ разбирать. Доброе дѣло сдѣлаемъ. Повѣсти мои напечатаны; на дняхъ получишь. Поклонъ твоимъ. Обнимаю тебя отъ сердца.

Н. М. Языкову.—*Петербургъ, 18-го ноября.*—
 Сердечно благодарю васъ, любезный Николай Михайловичъ, васъ и Кирѣевскаго, за дружескія письма и за прекрасные стихи. Если бы къ тому присовокупили вы еще свои адреса,

то я былъ-бы совершенно доволенъ. Поздравляю всю братію съ рожденіемъ Е в р о п е й ц а. Готовъ, съ моей стороны, служить вамъ, чѣмъ угодно, прозой и стихами, по совѣсти и противъ совѣсти. Ѳ. Косичкинъ до слезъ тронуть вниманіемъ, которымъ удостоиваете вы его; на дняхъ получилъ онъ благодарственное письмо отъ А. Орлова и собирается отвѣчать ему; потрудитесь отыскать его (Орлова) и доставить ему отвѣты его друга (или отъ его друга, какъ пишетъ Погодинъ). Жуковский пріѣхалъ; извѣстія, имъ привезенныя, очень утѣшительны; тысяча, пробитая вами (?), очень поправитъ домашнія обстоятельства нашей бѣдной литературы. Надѣюсь на Хомякова: Самозванецъ его не будетъ уже студентъ, а стихи его все будутъ попрежнему прекрасны. Торопите Вяземскаго, пусть онъ пришлетъ мнѣ своей прозы и стиховъ, стыдно ему; да и Баратынскому стыдно. Мы правимъ тризну по Дельвигъ; а вотъ какъ нашихъ поминаятъ! и кто же?—друзья его! ей-богу, стыдно. Хвостовъ написалъ мнѣ посланіе, гдѣ онъ помолодѣлъ и тряхнулъ старинною. Онъ говорить:

Приближася похода къ знаку,
Я сталъ союзникъ зодіаку;
Холеры не любя пилюль,
Я пѣлъ при старости іюль—

и проч., въ томъ же видѣ. Собираюсь достойно отвѣчать союзнику Водолея, Рака и Козерога. Впрочемъ, все у насъ благополучно.

Н. Н. Пушкиной. - *Москва, 6-го декабря, Сегодня мочи нѣтъ, усталъ. Цѣлуютебя, женка, мой ангелъ.*

Н. Н. Пушкиной. — *Москва, 8-го декабря. — Здравствуй, женка, мой ангелъ. Не сердись, что третья-*

го дня написалъ я тебѣ только три строки; мочи не было, такъ усталъ. Вотъ тебѣ мой Itinéraire. Собирался я выѣхать въ зимнемъ дилижансѣ, но мнѣ объявили, что, по причинѣ оттепели, долженъ я отправиться въ лѣтнемъ; взяли съ меня лишнихъ 30 рублей и посадили въ четверомѣстную карету вмѣстѣ съ двумя товарищами. А я еще и человекъ съ собою не взялъ, въ надеждѣ путешествовать одному. Одинъ изъ моихъ спутниковъ былъ рижскій купецъ, добрый нѣмецъ, котораго каждое утро душили мокроты, и который на станціи ровно часъ отхаркивался въ углу. Другой — мемельскій жидъ, путешествующій на счетъ перваго. Вообрази, какая веселая компанія. Нѣмецъ три раза въ день и два раза въ ночь аккуратно былъ пьянъ. Жидъ забавлялъ его всю дорогу пріятнымъ разговоромъ, напримѣръ, по нѣмецки рассказывалъ ему Ivan Wijiguin (ganz charmant!). Я старался ихъ не слушать и притворялся спящимъ. Вслѣдъ за нами ѣхали въ дилижансахъ трое купцовъ, княгиня Голицына (Ланская), пріятель мой Жемчужниковъ, Фр. Когтова и проч. Все это останавливалось вмѣстѣ, ни на минуту не было покоя; въ Валдаѣ принуждены мы были пересѣсть въ зимніе экипажи и насилу дотащились до Москвы. Нащокина не нашель я на старой его квартирѣ; насилу отыскалъ его у Пречистенскихъ воротъ, въ домѣ Ильинской (не забудь адреса). Онъ все тотъ же: очень милъ и уменъ; былъ въ выигрышѣ, но теперь проигрался, въ долгахъ и хлопотахъ. Твою комиссію исполнилъ: поцѣловалъ за тебя и потомъ объявилъ, что Нащокинъ дуракъ, дуракъ Нащокинъ. Домъ его (помнишь?) отдѣляется; что за подсвѣчники, что за сервизъ! онъ заказалъ фортепьяно, на которомъ играть можно будетъ науку, и с...о, на которомъ испражнится развѣ

шпанская муха. Видѣяъ я Вяземскихъ, Мещерскихъ, Дмитріева, Тургенева, Чадаева, Горчакова, Д. Давыдова. Всѣ тебѣ кланяются; очень спрашиваютъ о тебѣ, о твоихъ успѣхахъ; я поясню сплетни, а сплетенъ много. Дамъ московскихъ еще не видалъ; на балахъ и въ собраніе, вѣроятно, не явлюсь. Дѣлосъ Нащокинымъ и Догановскимъ, вѣроятно, скоро кончу; о твоихъ брилліантахъ жду извѣстія отъ тебя. Здѣсь говорятъ, что я ужасный ростовщикъ; меня смѣшиваютъ съ моимъ кошелькомъ. Кстатп: я кошелекъ обратилъ въ мошну и буду ежегодно праздновать родины и крестины, сверхъ положенныхъ имявинъ. Москва полна еще пребываніемъ Двора, въ восхищеніи отъ царя и еще не отдохнула отъ баловъ. Цыхлеръ сдѣлалъ въ одинъ мѣсяць 80 тысячъ чистаго барыша. А. Корсакова выходитъ за К. Вяземскаго. Вотъ тебѣ всѣ наши новости. Надѣюсь увидѣть тебя недѣли черезъ двѣ; тоска безъ тебя; къ тому же, съ тѣхъ поръ какъ я тебя оставилъ, мнѣ все что-то страшно за тебя. Дома ты не усидишь, поѣдешь во дворецъ, и того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени комендантской лѣстницы. Душа моя, жена моя, ангелъ мой! сдѣлай мнѣ такую милость: ходи 2 часа въ сутки по комнатамъ и побереги себя. Вели брату смотрѣть за собою и воли не давать. Брюловъ пишетъ-ли твой портретъ? была ли у тебя Хитрово или Фикельмонъ? Если поѣдешь на балъ, ради Бога, кромѣ кадрили не пляши ничего; напиши, не притѣсняють ли тебя люди и можешь ли ты съ ними сладить. Засимъ цѣлую тебя сердечно. У меня гости.

Н. Н. Пушкиной.—*Москва, 10 декабря.*—Я все боюсь, чтобы ты не прислала билетовъ на ста-

рую квартиру Нащокина и тѣмъ не замедлила моихъ хлопотъ. Вотъ ужъ недѣлю, какъ я съ тобою разстался, и срокъ отпуску моему близокъ; а я затѣваю еще дѣло, но оно меня не задержать. Что скажу тебѣ о Москвѣ? Москва еще пляшетъ, но я на балахъ еще не былъ. Вчера обѣдалъ въ англійскомъ клубѣ; поутру былъ на аукціонѣ Власова; вечеръ провелъ дома, гдѣ нашелъ студента дурака, твоего обожателя. Онъ поднесъ мнѣ романъ Теодоръ и Розалія, въ которомъ онъ описываетъ нашу исторію. Умора! Все это, однакожъ, не слишкомъ забавно, и меня тянетъ въ Петербургъ. Не люблю я твоей Москвы. У тебя, т. е. въ нашемъ Никитскомъ домѣ, я еще не былъ. Не хочу, чтобъ холопья ваши знали о моемъ пріѣздѣ; да не хочу отъ нихъ узнать и о пріѣздѣ Нат. Ив., иначе долженъ буду къ ней явиться и имѣть съ нею необходимую сцену; она все жалуется по Москвѣ на мое корыстолюбіе; да полно, я слушаться ея не намѣренъ. Цѣлую тебя и прошу ходить взадъ и впередъ по гостинной, во дворецъ не ѣздить и на балахъ не плясать.—Христось съ тобой.

Н. Н. Пушкиной.—*Москва, 15-го декабря.*—Оба письма твои получилъ я вдругъ, и оба меня огорчили и осердили. Василій вретъ, что онъ истратилъ на меня 200 рублей. Алешкѣ я денегъ давать не велѣлъ, за его дурное поведеніе. За столъ я заплачу по моему пріѣзду; никто тебя не просилъ платить мои долги. Скажи отъ меня людямъ, что я ими очень недоволенъ. Я не велѣлъ имъ тебя беспокоить, а они, какъ я вижу, обрадовались моему отсутствію. Какъ смѣли пустить къ тебѣ Оомина, когда ты принять его не хотѣла? да и ты хо-

роша. Ты пляшешь по ихъ дудѣ; платишь деньги, кто только попроситъ—эдакъ ховяйство не пойдетъ. Впередъ, какъ приступать къ тебѣ, скажи, что тебѣ до меня дѣла нѣтъ, а чтобъ твои приказанія были святы. Съ Алешкой раздѣляюсь по моемъ пріѣздѣ. Василю, вѣроятно, принужденъ буду выпроводить съ его возлюбленной—*afin de faire maison nette*; все это очень досадно.— Не сердись, что я сержусь.

Дѣла мои затруднительны. Нащокинъ запуталъ дѣла свои болѣе, нежели мы полагали. У него три или четыре прожекта, изъ которыхъ ни на одинъ онъ еще не рѣшился. Къ дѣду твоему явиться я не намѣренъ. А дѣлу его постараюсь помѣшать. Тебя, мой ангелъ, люблю такъ, что выразить не могу; съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь, я только и думаю, какъ бы удрать въ Петербургъ, къ тебѣ, женка моя.— Распечатываю письмо мое, мой милый другъ, чтобъ отвѣчать на твое. Пожалуйста, не стягивайся, не сиди поджавши ноги и не дружись съ графинями, съ которыми нельзя кланяться въ публикѣ. Я не шучу, а говорю тебѣ серьезно и съ безпокойствомъ. Письмо Бенкендорфа ты хорошо сдѣлала, что отослала,—дѣло не о чинѣ, а все-таки нужное. Жду его.— На дняхъ опишу тебѣ мою жизнь у Нащокина. Балъ у Солданъ, вечеръ у Вяземскаго—и только. Стиховъ твоихъ не читаю. Чортъ!!! въ пихъ; и свои надобли. Пиши мнѣ лучше о себѣ - о своемъ здоровьѣ. На хоры не ѣзди - это мѣсто не для тебя.

Н. Н. Пушкиной.— *Москва, 16-го декабря.*— Милый мой другъ, ты очень мила, ты пишешь мнѣ часто, одна бѣда: письма твои меня не радуютъ. Что такое vertige? обмороки или тошнота? видѣлась ли ты съ бабкой? пустили ли тебѣ кровь? Все это ужасъ меня безпокоитъ. Чѣмъ больше чумаю, тѣмъ яснѣе вижу, что я глупо одѣла,

что уѣхалъ отъ тебя. Безъ меня ты что нибудь съ собой да напроказишь. Того и гляди выкинешь... Зачѣмъ ты не ходишь? а дала мнѣ честное слово, что будешь ходить по два часа въ сутки. Хорошо ли это? Богъ знаетъ, кончу ли здѣсь мои дѣла, но къ празднику къ тебѣ приѣду.—Голкондскихъ алмазовъ дожидаться не намѣренъ и въ новый годъ выведу тебя въ бусахъ. Здѣсь мнѣ скучно; Нащокинъ занятъ дѣлами, а домъ его—такая безтолочь и ералашъ, что голова кругомъ идетъ. Съ утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты,стряпчѣ, цыганы, шпіоны, особенно займодавцы. Всѣмъ вольный входъ. Всѣмъ до него нужда; всякій кричитъ, курить трубку, обѣдаетъ, поетъ, пляшетъ; угла нѣтъ свободнаго—что дѣлать? Между тѣмъ денегъ у него нѣтъ, кредита нѣтъ,—время идетъ, а дѣло мое не распутывается. Все это поневолѣ меня бѣситъ. Къ тому же, я опять застудилъ себѣ руку, и письмо мое, вѣроятно, будетъ пахнуть бобковой мазью, какъ твои визитные билеты. Жизнь моя однообразная, выѣзжаю рѣдко—званъ былъ всюду, но былъ у одной Солданъ, да у Вяземской, у которой увидѣлъ я твоего Давыдова—не женатаго (утѣшься). Вчера Нащокинъ задалъ намъ цыганскій вечеръ; я такъ отъ этого отвыкъ, что отъ крику гостей и пѣнья цыганокъ до сихъ поръ голова болитъ.—Тоска, мой ангелъ—до свиданія.

1832.

П. В. Нащокину. — *Петербургъ, 5 января.*—Здравствуй, любезный Павелъ Воиновичъ; все ждалъ отъ тебя извѣстія. Петерпѣливо желаю знать, чѣмъ кончилось посольство, какой и 1-

timatum твоего брата и есть ли тебѣ надежда устроить дѣла твои? Пожалуйста не полѣнись обо всемъ обстоятельно мнѣ отнисать. Да сдѣлай одолженіе, перешли мнѣ мой оперунскій билетъ, который оставилъ я въ секретной твоей комодѣ; тамъ же выронилъ я серебряную копѣечку. Если и ее найдешь—и ее перешли. Ты ихъ счастію не вѣруешь, а я вѣрю. Что Рахмановъ и что мон алмазы? Нужно ли мнѣ будетъ вступить съ нимъ въ переписку или вѣтъ? Какъ ты думаешь? Кстати, не забудь Revue de Paris. Напиши мнѣ обстоятельно о посольствѣ своего нѣмца. Дѣло любопытное. Когда думаешь ты получить свои деньги, и не вступишь ли ты въ процессъ (чего Боже избави, но чего, впрочемъ, бояться нечего)? Жену мою нашелъ я здоровую, не смотря на дѣвическую ея неосторожность. На балахъ пляшетъ, съ г-ремъ любезничаетъ, съ крыльца прыгаетъ. Надобно бабенку къ рукамъ прибрать. Она тебѣ кланяется и готовить шитье. Ждетъ взятокъ обѣщанныхъ. Sur se обнимаю тебя. Ольгѣ Андреевнѣ посылаю фуляры.

А. Х. Бенкендорфу.— *Петербургъ, 7 января.*— Я всегда твердо былъ увѣренъ, что высочайшая милость, которой неожиданно былъ я удостоенъ, не лишаетъ меня и права, даннаго государемъ всѣмъ его подданнымъ: печатать съ дозволенія цензуры. Въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ во всѣхъ журналахъ и альманахахъ, съ вѣдома моего и безъ вѣдома, стихотворенія мои печатались безпрепятственно, и никогда не было о томъ ни малѣйшаго замѣчанія ни мнѣ, ни цензурѣ. Далѣе я, совѣстясь беспокоить поминутно его величество, раза два обратился къ вашему покровительству, когда цен-

зура недоумѣвала, и имѣлъ счастье найти въ васъ болѣе снисходительности, нежели въ ней.

А. А. Орлову.—*Петербургъ, 24 ноября 1831—9 января 1832.*—М. Г. Александръ Анѣимовичъ! Искренно благодарю васъ за удовольствіе, доставленное мнѣ письмомъ вашимъ. Радуюсь, что посильное заступленіе мое за дарованіе, конечно не имѣющее нужды ни въ чѣмъ заступленіи, заслужило вашу благосклонность. Вы оцѣнили мое усердіе, а не успѣхъ. Малъ бѣхъ въ братіи моей, и если мой камешекъ угодилъ въ мѣдный лобъ Голиаѳу Фиглярину, то слава Создателю! Первая глава новаго вашего Выжигина есть новое доказательство неистощимости вашего таланта. Но, почтенный Александръ Анѣимовичъ! удержите сіе благородное, справедливое негодованіе, обуздайте свирѣпость творческаго духа вашего! Не приводите яростью пера вашего въ отчаяніе присмирѣвшихъ издателей „Пчелы“. Оставьте меня впереди соглядатаемъ и стражемъ. Даю вамъ слово, что если они чуть пошевелинутся, то *Θ. Косичкинъ* заваритъ такую кашу или паче кутью, что они ею подавятся. Читалъ я въ „Молвъ“ объявленіе о намѣреніи вашемъ писать „Исторію русскаго народа“: можно ли вѣрить сей пріятной новости? Съ истиннымъ почтеніемъ и неизмѣннымъ усердіемъ остаюсь всегда готовый къ вашимъ услугамъ. *А. Пушкинъ.*

Р. С. Вотъ письмо, долженствовавшее къ вамъ явиться, м. г. Александръ Анѣимовичъ! но, отправляясь въ Москву, я его къ вамъ не отослалъ, я надѣялся лично съ вами увидаться. Судьба насъ не свела, о чемъ искренно жалѣю. Повторяю здѣсь просьбу мою: оставьте въ покоѣ людей, которые не стоятъ и не заслуживаютъ вашего гнѣва. Кажется, теперь г. Поле-

вой нападаетъ на васъ и на меня; собираюсь на него разсердиться; покамѣсть съ нимъ возьмется Воейковъ и Сомовъ подъ псевдонимомъ Н. Лугового — мое дѣло сторона. А. П.

П. В. Нащокину. — *Петербургъ, 10 января.* — Мой любезный Павелъ Воиновичъ! Дѣло мое можетъ быть кончено надняхъ; коли брилліанты выкуплены, скажи мнѣ адресъ Рахманова: я перешлю ему покамѣсть 5,500 руб. На эти деньги пусть перешлетъ онъ мнѣ брилліанты (заложены въ 5,500 р.). Остальные выкуплю, перезаложивъ сн. Сдѣлай милость, не подѣнись отвѣчать.

П. А. Осиповой (по франц.). — *Спб., въ январь.* — Примите, милостивая государыня, мою искреннюю благодарность за тѣ заботы, которыя вамъ угодно было приложить о моихъ книгахъ. Я употребляю во зло доброту и время ваши, но умоляю оказать мнѣ послѣднюю милость потрудиться приказать спросить у моихъ людей въ Михайловскомъ, нѣтъ ли тамъ еще сундука, присланнаго въ деревню вмѣстѣ съ ящиками, въ которыхъ уложены мои книги. Подозрѣваю, что Архипъ или другіе удерживаютъ одинъ ящикъ по просьбѣ Никиты, моего слуги (теперь Левинова). Онъ долженъ заключать въ себѣ (т. е. сундукъ, а не Никита), вмѣстѣ съ платьями и вещами Никиты, также мои вещи и нѣсколько книгъ, которыхъ я не могу отыскать. Еще разъ умоляю васъ простить мою докучливость, но ваша дружба и ваше снисхожденіе избаловали меня.

Посылаю вамъ, сударыня, „Сѣверные Цвѣты“, которыхъ я недостойный издатель. Это — послѣдній годъ моего альманаха и дань памяти нашего друга, утрата котораго долго будетъ ва-

заться намъ недавно. Прилагаю къ этому снотворныя сказки; желаю, чтобы онѣ на минуту позабавили васъ.

Мы услышали здѣсь о беременности вашей дочери. Дай Богъ, чтобы все кончилось благополучно и чтобы здоровье ея совершенно поправилось. Говорятъ, что отъ первыхъ родовъ молодая женщина хорошеетъ, дай Богъ, чтобы они были также благопріятны и здоровью. *А. П.*

П. В. Нащокину. — Петербургъ, 29 января. — Твои дѣла кончены. Андрей Христофоровичъ (управлявшій фабрикой у Нащокина) получилъ отъ меня 1,000 на дорогу; остаюсь тебѣ долженъ 2 тысячи съ чѣмъ-то. Если бѣ ты былъ... то я бы могъ и ихъ тебѣ заплатить.

Ради Бога, доставь какъ можно скорѣе письмо Рахманову. Ты не хотѣлъ отвѣчать мнѣ на мое письмо, а это сдѣлаетъ мнѣ чувствительную разницу.

Очень благодарю тебя за арана (черпильница); фуляры пришлю съ Андреемъ Христофор. Портретъ мой Брюловъ напишетъ на дняхъ. Письмо твое о твоёмъ братѣ ужасно хорошо. Кончилъ ли ты съ нимъ? Прощай, до свиданія.

И. И. Дмитріеву. — Петербургъ, 14 февраля. — М. Г. Иванъ Ивановичъ. Приношу вашему высокопревосходительству глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить, — драгоценный памятникъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Ваше вниманіе утѣшаетъ меня въ равнодушіи непосвященныхъ. Радуюсь, что успѣлъ вамъ угодить стихами, хотя и бѣлыми. Вы должны любить риѳму, какъ вѣрнаго слугу, который никогда съ вами не спорилъ и всегда повиновался малѣйшимъ вашимъ при-

хотямъ. Утѣшительно для всякаго русскаго видѣть живость вашей дѣятельности и внимательности: по физиологическимъ примѣчаніямъ, это порука въ долголѣтіи и здоровіи. Живите жъ долго, милостивый государь! Переживите наше поколѣніе, какъ мощные и стройные стихи ваши переживутъ тщедушныя, вынѣшнія произведенія.

Вѣроятно, вы изволите уже знать, что журналъ Европеецъ запрещенъ вслѣдствіе доноса. Кирѣевскій, добрый и скромный Кирѣевскій, представленъ правительству сорванцомъ и якобинцемъ! Всѣ здѣсь надѣются, что онъ оправдается и что клеветники—или по крайней мѣрѣ клевета—устыдится и будетъ изобличена. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

А. Х. Бенкендорфу.—*Петербургъ, 24 февраля.*— Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія принялъ я книгу, всемилостивѣйше пожалованную мнѣ его императорскимъ величествомъ. Драгоценный знакъ царскаго ко мнѣ благоволенія возбудить во мнѣ силы для совершенія предпринимаемаго мною труда, который будетъ ознаменованъ, если не талантомъ, то по крайней мѣрѣ усердіемъ и добросовѣстностію.

П. В. Нащокину. *Петербургъ, 6 февраля.*— Пошлю тебѣ, любезный Павелъ Воиновичъ, десятокъ фуляровъ; желаю, чтобъ они тебѣ доставили десять дней спокойствія домашняго. О брилліантахъ нечего думать; если завтра или послѣ завтра не получу отвѣта Рахманова, то деньги возвращаю, а дѣло сдѣлаю когданибудь. Все у насъ тихо и здорово. Обнимаю тебя сердечно.

М. П. Погодину.—*Петербургъ, 11 июля.*—Исполнивъ комиссію вашу касательно Смирдина и не получивъ отъ него удовлетворительнаго отвѣта, я все не рѣшался писать къ вамъ объ немъ. Варварство нашей литературной торговли меня бѣситъ. Смирдинъ опутанъ самъ разными обязательствами, накупивъ романовъ и т. п., и ни къ какимъ условіямъ не приступаетъ; трагедіи нынче не раскупаются, говоритъ онъ своимъ техническимъ языкомъ. Переждемъ же и мы: мнѣ сказывали, что васъ гдѣ-то разбрали за Посадницу; надѣюсь, что это никакого вліянія не будетъ имѣть на ваши труды. Вспомните, что меня лѣтъ 10 сряду хвалили Богъ вѣсть за что, а разругали за Годунова и Полтаву. У насъ критика, конечно, ниже даже и публики, не только самой литературы — сердиться на нее можно, но довѣрять ей въ чемъ бы то ни было — непростительная слабость. Ваша Марѳа, вашъ Петръ исполнены истинной драматической силы, и если когданибудь могутъ быть разрѣшены сценическою цензурой, то предрекаю вамъ такой народный успѣхъ, какого мы, холодные сѣверные зрители Скрибовыхъ водевилей и Дидловыхъ балетовъ, и представить себѣ не можемъ.

Знаете ли вы, что государь разрѣшилъ мнѣ политическую газету? Дѣло важное, если монополія пала. Вы чувствуете, что дѣло безъ васъ не обойдется.

Но журналъ, будучи торговымъ предпріятіемъ, я ни къ чему приступить не дерзаю, ни къ предложеніямъ, ни къ условіямъ, покамѣстъ порядкомъ не осмотрюсь; не хочу продать вамъ кожу медвѣдя еще живого, или собрать подписку на Исторію русскаго народа, существующую только въ желѣзной башкѣ моей... Кстати, скажите Надеждину, что опрометчивость его суж-

деній непростительна. Недавно прочелъ я въ его журналѣ сравненіе между мной и Полевымъ; оба-де морочуть публику: одинъ выманиваетъ у ней деньги, выдавая по одной главѣ своего Онѣгина, а другой— по одному тому своей Исторіи. Разница собрать подписку, обѣщавшись въ годъ выдать 12 томовъ, а между тѣмъ въ три года напечатать три тома на проценты съ выманенныхъ денегъ, и разница напечатать по главамъ сочиненіе, о которомъ сказано въ предисловіи: вотъ начало стихотворенія, которое, вѣроятно, никогда не будетъ кончено. Надеждинъ воленъ находить мои стихи дурными, но сравнивать меня съ Полевымъ есть съ его стороны свинство: какъ послѣ этого порядочному человѣку связываться съ этимъ народомъ? И что, если бы еще должны мы были уважать Н., Н., Н.? Приходилось бы стрѣляться послѣ каждаго нумера изъ журналовъ. Слава Богу, что общее мнѣніе (каково бы у насъ ни было) избавляетъ насъ отъ хлопотъ.

Я Шишкову не отвѣчалъ и не благодарилъ его. Обвините его за меня. Дай Богъ ему здоровья за Фортуната! (сказка Л. Тика). Не будете ли вы къ намъ? Эй, пріѣзжайте.

Н. Н. Пушкиной. — *Москва, 22 сентября.*— Не сердись, женка, дай слово сказать. Я пріѣхалъ въ Москву вчера, въ среду. Велосиферьъ, по русски поспѣшный дилижансъ, не смотря на плеоназмъ, поспѣшалъ какъ черепаха, а иногда даже какъ ракъ. Въ сутки случилось мнѣ сдѣлать три станціи. Лошади расковывались, и неслыханная вещь— ихъ подковывали на дорогѣ. 10 лѣтъ ѣзжу я по большимъ дорогамъ, отроду не видывалъ ничего подобнаго. Насилу дота-

щился въ Москву, обо...нную дождемъ и встре-
 воженную прїѣздомъ двора. Теперь послушай,
 съ кѣмъ провелъ я 5 дней и 5 ночей. То-то
 будетъ мнѣ гонка! Съ пятью нѣмецкими актри-
 сами, въ желтыхъ кацавейкахъ и въ черныхъ
 вуаляхъ. Каково? Ей-богу, душа моя, не я съ
 ними кокетничалъ—онѣ со мною амурились въ
 надеждѣ на лишній билетъ. Но я отговари-
 вался незнаніемъ нѣмецкаго языка, и какъ ма-
 ленькій Іосифъ, вышелъ чистъ отъ искушенія.
 Прїѣхавъ въ Москву, поскакалъ отыскивать
 Нащокина, нашелъ его по прежнему озабочен-
 нымъ домашними обстоятельствами, но уже
 спокойнѣе въ сношеніяхъ со своею Сарою. Онъ —
 е..., и видитъ, что это состояніе прїятное и не-
 зависимое. Онъ ѣздилъ со мною въ баню, обѣ-
 далъ у меня. Завезъ меня къ кн. Вяз.; княгиня
 завезла меня во французскій театръ, гдѣ я чуть
 было не заснулъ отъ скуки и усталости. Прї-
 ѣхалъ къ Оберу и заснулъ въ 10 часовъ вечера.
 Вотъ тебѣ весь мой день; писать не было мнѣ
 ни времени, ни возможности физической. Го-
 сударь здѣсь съ 20-го числа и сегодня ѣдетъ
 къ вамъ, такъ что съ Бенкендорфомъ не успѣлъ
 увидаться, хоть было бы и нужно. Великая
 княгиня была очень больна, вчера было ей легче,
 но Дворъ еще безпокоенъ, и государь не при-
 нялъ ни одного праздника. Видѣлъ Чадаева въ
 театрѣ, онъ звалъ меня съ собою повсюду, но
 я дремалъ. Дѣла мои, кажется, скоро могутъ
 кончиться, и я, мой ангелъ, не мѣшкаю ни ми-
 нуты, поскачу въ Петербургъ. Не можешь во-
 образить, какая тоска безъ тебя. Я же все
 безпокоюсь, на кого покинулъ я тебя! на Петра,
 соннаго пьяницу, который спитъ не прослится,
 ибо онъ и пьяница, и дуракъ; на Ирину Кузми-
 ничну, которая съ тобою воюетъ; на Нещилу
 Ануфриевну, которая тебя грабитъ. А Маша-то?

что ея золотуха и что (д-ръ) Спасскій? Ахъ, женка-душа! что съ тобою будетъ! Прощай, пиши.

Н. Н. Пушкиной. — *Москва, 25 сентября.* — Какая ты умненькая, какая ты миленькая! какое длинное письмо! какъ оно дѣльно! благодарствуй, женка. Продолжай, какъ начала, и я вѣкъ за тебя буду Бога молить. Заключай съ поваромъ какія хочешь условія, только бы не былъ я принужденъ, отобѣдавъ дома, ужинать въ клубѣ. Каретникъ мой плутъ: взялъ съ меня за починку 500 руб., а въ одинъ мѣсяць карета моя — хотъ брось. Это мнѣ наука: не имѣть дѣла съ полуталантами. Фрибеліусъ или Іохимъ взяли бы съ меня 100 руб. лишнихъ, но за то не надули бы меня. Ради Бога, Машу не пачкай ни сливками, ни мазью. Я твоей Уткиной плохо вѣрю. Кстати: смотри, не брюхата ли ты, а въ такомъ случаѣ береги себя на первыхъ порахъ. Верхомъ не ѣзди, а кокетничай какъ нибудь иначе. Здѣсь о тебѣ всѣ отзываются очень благосклонно. Твой Давыдовъ, говорятъ, женится на дурнушкѣ. Вчера рассказали мнѣ анекдотъ, который тебѣ сообщаю. Въ 1831 году, февр. 18, была свадьба на Никитской въ приходѣ Вознесенія. Во время церемоніи двое молодыхъ людей разговаривали между собою. Одинъ изъ нихъ вѣжно утѣшалъ другого, несчастнаго любовника вѣнчаемой дѣвицы. А несчастный любовникъ, съ воздыханіемъ и слезами, надѣялся современемъ забыть безумную страсть и пр., и пр. Княжны Вяз. слышали весь разговоръ и думаютъ, что несчастный любовникъ былъ Давыдовъ. А я такъ думаю, Пѣтушковъ или Буяновъ, или паче Сорохтинъ. Ты какъ? не правдали, интересный анекдотъ? Твое намѣреніе съѣздить къ

Плетневу похвально, но соберешься ли ты? съѣзди, женка, спасибо скажу. Что люди наши? каково съ ними ладишь? Вчера былъ я у Вяземской, у ней отправлялся обозъ, и я было съ нимъ отправилъ къ тебѣ письмо, но письмо забыли, а я его тебѣ препровождаю, чтобъ не пропала ни строка пера моего для тебя и потомства. Нащокинъ милъ до чрезвычайности. У него проявились два новыя лица въ числѣ челядинцевъ: актеръ, игравшій вторыхъ любовниковъ, нынѣ развитый параличемъ и совершенно одурѣвшій, и монахъ, перекрестъ изъ жидовъ, обвѣщенный веригами, представляющій намъ въ лицахъ жидовскую синагогу и разсказывающій намъ соблазнительные анекдоты о московскихъ монашенкахъ. Нащокинъ говоритъ ему: ходи ко мнѣ всякій день обѣдать и ужинать, волочись за мою дѣвичьей, но только не..... Окулову. Каковъ отшельникъ? Онъ смѣшитъ меня до упаду, но не понимаю, какъ можно жить окруженнымъ такою сволочью. Букли я отослалъ въ Малиновскимъ; они велѣли звать меня на вечеръ, но вѣроятно не поѣду. Дѣла мои принимаютъ видъ хорошій. Завтра начну хлопотать, и если черезъ недѣлю не кончу, то оставляю все на попеченіе Нащокину, а самъ отправлюся къ тебѣ—мой ангелъ, милая моя женка. Покажѣтъ прощай, Христось съ тобою и съ Машей. Видишь ли ты Катерину Ивановну? сердечно ей кланяюсь и цѣлую ручку ей и тебѣ, мой ангелъ. Важное открытіе: Ипполитъ (камердинеръ Пушкина) говоритъ по-французски.

Н. Н. Пушкиной.—*Москва, 27 сентября.*—Вчера только успѣлъ отправить письмо на почту, получилъ отъ тебя цѣлыхъ три.—Спасибо, жена. Спасибо и за то, что ложишься рано спать.—

Не хорошо только, что ты пускаешься въ разныя кокетства; принимать П....а тебѣ не слѣдовало, вопервыхъ, потому, что при мнѣ онъ у насъ ни разу не былъ, а во-вторыхъ, хотъ я въ тебѣ и увѣренъ, но не должно свѣту подавать поводъ къ сплетнямъ. Вслѣдствіе сего деру тебя за ухо и цѣлую нѣжно, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Здѣсь я живу смирно и порядочно: хлопочу по дѣламъ, слушаю Нащокина и читаю Mémoires de Diderot. Былъ вечеръ у Вяземской и видѣлъ у ней le beau Bezobrasof, который такъ же нѣжно обошелся со мною, какъ Александровъ у Бобринской. Помнишь? Это весьма тронуло мое сердце. Прощай. Кто-то ко мнѣ входитъ.

Фальшивая тревога: Исполить принесъ мнѣ кофей. Сегодня ѣду слушать Давыдова, не твоего супранта, а профессора; но я ни до какихъ Давыдовыхъ, кромѣ Дениса, не охотникъ — а въ Московскомъ университетѣ я оглашенный. Мое появленіе произведетъ шумъ и соблазнъ, а это пріятно щекотитъ мое самолюбіе.

Опять тревога—Мухановъ прислалъ мнѣ разнощика съ настилою. Прощай, Христось съ тобою и съ Машею.

Цѣлую ручку у К. Ив. Не забудь же.

Н. Н. Пушкиной.—*Москва, 30 сентября.*—Вотъ видишь, что я правъ: нечего было тебѣ принимать П....а. Просидѣла бы ты у Идалии, и не сердилась на меня. Теперь спасибо за твое милое, милое письмо. Я ждалъ отъ тебя грозы, ибо по моему расчету прежде воскресенія ты письма отъ меня не получила; а ты такъ тиха, такъ снисходительна, такъ забавна, что чудо. Что это значитъ? Ужъ не к... ли я? Смотри! Кто тебѣ говоритъ, что я у Баратынскаго не

бываю? Я и сегодня провожу у него вечеръ, и вчера былъ у него. Мы всякій день видимся. А до женъ намъ и дѣла нѣтъ. Грѣхъ тебѣ меня подозрѣвать въ невѣрности къ тебѣ и въ разборчивости къ женамъ друзей моихъ. Я только завидую тѣмъ изъ нихъ, у коихъ супруги не красавицы, не ангелы прелести, не мадонны etc. Знаешь русскую пѣсню:

Не дай Богъ хорошей жены,
Хорошу жену часто въ пирь зовуть.

А бѣдному-то мужу во чужомъ ппру похмѣлье, да и въ своемъ тошнить. — Сейчасъ отъ меня альманашникъ. Насилу отговорился отъ него. Онъ сталъ просить стиховъ для альмапаха, а я статьи для газеты, такъ и разошлись. На дняхъ былъ я приглашенъ Уваровымъ въ университетъ. Тамъ встрѣтился съ Каченовскимъ (съ которымъ, надобно тебѣ сказать, бранивались мы, какъ торговки на Вшивомъ рынкѣ), а тутъ разговорились съ нимъ такъ дружески, такъ сладко, что у всѣхъ предстоящихъ потекли слезы умиленія. Передай это Вяземскому! Благодарю, душа моя, за то, что въ шахматы учишься. Это непременно нужно во всякомъ благоустроенномъ семействѣ: докажу послѣ. На дняхъ былъ я на балѣ (у кн. Вяз.; слѣдственно я правъ). Тутъ была графиня Сологубъ, гр. Пушкинъ (Владимиръ), Augere, ея сестра и Natalie Урсова. Я велъ себя прекрасно; любезничалъ съ гр. Сологубъ (съ теткой, entendons-nous) и уѣхалъ ужинать къ Яру, какъ скоро балъ разыгрался. Дѣла мои идутъ своимъ чередомъ. Съ Нащокинымъ вижусь всякій день. У него въ домикѣ былъ пирь; подали на столъ мышенка въ сметанѣ подъ хрѣномъ, въ видѣ поросенка. Жаль, не было гостей. По своей духовной, домикъ этотъ отказываетъ онъ тебѣ.

Мнѣ пришелъ въ голову романъ, и я, вѣроятно, за него примусь; но покаместъ голова моя кругомъ идетъ при мысли о газетѣ. Какъ то слажу съ нею? Дай Богъ здоровье Отрыжкову; авось вывезетъ. Цѣлую Машу и благословляю, и тебя тоже, душа моя, мой ангелъ. Христосъ съ вами.

Н. Н. Пушкиной. — *Москва, 3 октября.*—По пунктамъ отвѣчаю на твои обвиненія: 1) Русскій человекъ въ дорогѣ не переодѣвается и, доѣхавъ до мѣста свинья-свиньею, идетъ въ баню, которая — наша вторая мать. Ты развѣ некрещеная, что всего этого не знаешь? 2) Въ Москвѣ письма принимаются до 12 часовъ—а я вѣхалъ въ Тверскую заставу ровно въ 11, слѣдственно и отложилъ писать къ тебѣ до другого дня. Видишь ли, что я правъ, а что ты кругомъ виновата? Виновата: 1) потому, что всякій вздоръ забираешь себѣ въ голову; 2) потому, что пакетъ Бенкендорфа (вѣроятно важный) отсылаешь, съ досады на меня, Богъ вѣдаетъ куда; 3) кокетничаешь со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ да еще жалуешься на свое положеніе, будто бы подобное Нащокинскому! женка, женка!—Но оставимъ это. Ты, мнѣ кажется, воюешь безъ меня дома, смѣняешь людей, ломаешь кареты, свѣряешь счеты, довшъ кормилицу—ай-да хватъ баба! что хорошо, то хорошо. Здѣсь я не такъ-то дѣятеленъ. Насилу успѣлъ написать двѣ довѣренности, а денегъ не дождусь. Оставляю неоконченное дѣло на попеченіе Нащокину. Братъ Дмитрій Николаевичъ (Гончаровъ) здѣсь. Онъ въ Калугѣ никакого не нашелъ акта, утверждающаго болѣзненное состояніе отца, и пріѣхалъ хлопотать о томъ сюда. Съ Натальей Ивановной они сошлись и помирились. Она не хочетъ входить въ упра-

вленіе имѣнія и во всемъ полагается на Дмитрія Никол. Отецъ поговариваетъ о духовной; на дняхъ будетъ онъ освидѣтельствованъ гражданскимъ губернаторомъ. Къ тебѣ приплюютъ для подписанія довѣренность. Катерина Ивановна научитъ тебя, какъ со всѣмъ этимъ поступить. Вяземскіе ѣдутъ послѣ 14, а я надняхъ. Слѣдственно нечего тебѣ и писать. Мнѣ безъ тебя такъ скучно, такъ скучно, что не знаю куда голову приклонить. Хочешь комеражей? Горскина вчера вышла за кн. Щербатова, за младенца. Красавецъ Безобразовъ кружить здѣшнія головки, причесанныя à la Ninon домашними парикмахерами. Кн. Урусовъ влюбленъ въ Машу Вяземскую (не говори отцу, онъ станетъ беспокоиться). Другой Урусовъ, говорятъ, женится на Бороздиной-соловейкѣ. Москва ожидаетъ царя къ зимѣ, но, кажется, напрасно. Прощай, мой ангель, цѣлую тебя и Машу. Прощай, душа моя, Христось съ тобою.

П. А. Осиповой. (по франц.).— *Спб., въ октябрѣ.*— Алымовъ въ нынѣшнюю ночь отправляется въ Псковъ и въ Тригорское, и ему угодно было взять на себя доставку письма къ вамъ, милая, добрая и почтенная Прасковья Александровна. Я не поздравилъ васъ съ рожденіемъ внука. Дай Богъ здоровья ему и его матери, а намъ всѣмъ приведи Богъ быть у него на свадьбѣ, если не пришлось быть на его крестинахъ. Къ слову о крестинахъ: онѣ будутъ скоро у меня „на Фурштаттской, въ домѣ Алымова“. Не забудьте этотъ адресъ, если вздумаете написать мнѣ слово. Не сообщаю вамъ никакой ни политической, ни литературной новости. Полагаю, что онѣ утомили васъ такъ же, какъ и насъ. Нѣтъ ничего разумнѣе, какъ оставаться въ своей де-

ревнѣ и поливать капусту—старая истина, которую я ежедневно примѣняю къ себѣ, живя жизнью совершенно свѣтскою и совершенно безалаберною. Не знаю, увидимся ли нынѣшнимъ лѣтомъ, это одно изъ любимѣйшихъ моихъ мечтаній; хорошо, если бы оно сбылось.

Простите, сударыня; вѣжнѣйшій мой привѣтъ вамъ и всему вашему семейству.

Графу Д. И. Хвостову. — *Спб., въ октябрѣ.* — М. Г. графъ Дмитрій Ивановичъ. Жена моя благодаритъ васъ за принесенный и неожиданный подарокъ. Позвольте и мнѣ принести вашему сіятельству сердечную мою благодарность. Я въ долгу передъ вами: два раза почтили вы меня лестнымъ ко мнѣ обращеніемъ и пѣснями лиры заслуженной и вѣчно юной. На дняхъ буду имѣть честь явиться съ женою на поклоненіе къ нашему славному и любезному патриарху. А. П.

Л. В. Нащонину.—*Спб., 20-го октября.*—Сіе да будетъ моимъ оправданіемъ въ неаккуратности. Приѣхавъ сюда, нашелъ я большіе беспорядки въ домѣ, принужденъ былъ выгонять людей, перемѣнять поваровъ, наконецъ, нанимать новую квартиру, и слѣдственно употреблять суммы, которыя въ другомъ случаѣ оставались бы неприкосновенными. Надѣюсь, что теперь получилъ ты, любезный Павелъ Воиновичъ, нужныя бумаги для перезалога, и что получишь ломбардные деньги безпрепятственно: въ такомъ случаѣ, извинивъ меня (какъ можешь) передъ Федоромъ Даниловичемъ (Шнейдеръ), отдай ему его тысячу, а другую возьми себѣ, ибо вѣроятно тебѣ она нужна будетъ; остальной же долгъ получишь въ январѣ, какъ я

ужь распорядился, продавъ Смирдину второе изданіе Онѣгина. *Sur se* поговоримъ о дѣлѣ: честь имѣю тебѣ объявить, что первый томъ *Oстровскаго* (т.е. Дубровскаго) конченъ, и на дняхъ присланъ будетъ въ Москву на твое разсмотрѣніе и подъ критику г. Короткаго (знатока тяжёбныхъ дѣлъ). Я написалъ его въ двѣ недѣли, но остановился по причинѣ жестокаго ревматизма, отъ котораго пристрадалъ другія двѣ недѣли, такъ что не брался за перо и не могъ связать двѣ мысли въ головѣ. Что твои мемуаріи? Надѣюсь, что ты ихъ не бросишь. Пиши ихъ въ видѣ писемъ ко мнѣ. Это будетъ и мнѣ пріятно, да и тебѣ легче: незамѣтнымъ образомъ выростетъ томъ, а тамъ, поглядишь, и другой. Мой *журналъ* остановился потому, что долго не приходило разрѣшеніе. Нынѣшній годъ онъ издаваться не будетъ. Я и радъ. Къ будущему успѣю осмотрѣться и приготовиться; покамѣстъ буду жаться понемногу. Мою статую (статуя Екатерины II) еще я не продалъ, но продамъ во что бы то ни стало. Къ лѣту будутъ у меня хлопоты. Наталья Никол. брюхата опять и носить довольно тяжело. Не пріѣдешь-ли ты крестить Гаврила Александровича? Я такого мнѣнія, что Петербургъ былъ бы для тебя пристанью и ковчегомъ спасенія. Скажи Баратынскому, что Смирдинъ въ Москвѣ и что я говорилъ съ нимъ объ изданіи Полныхъ Стихотвореній Евг. Баратынскаго. Я говорилъ о 8 и 10 тысячахъ, а Смирдинъ боялся, что Баратынскій не согласится; слѣдственно Баратынскій можетъ съ нимъ сдѣлаться. Пускай онъ попробуетъ. Что Вельтманъ? Каковы его обстоятельства и что его опера? Прощай, кланяюсь твоимъ, — цѣлую Павла (сынъ Нащокина).

Въ Морской, въ домѣ Жадиміровскаго.

Д. Б. Бантышъ-Каменскому. *Спб., 14 декабря.*—М. Г. Дмитрій Николаевичъ! Къ крайнему моему сожалѣнію, сегодня мнѣ никакъ нельзя исполнить давнишнее мое желаніе — познакомиться съ почтеннымъ историкомъ Малороссіи. Надѣюсь, что въ другой разъ буду счастливѣе. Покамѣстъ прошу ваше превосходительство принять изъявленіе глубочайшаго почтенія моего. Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Ал. Пушкинъ.

1833.

А. И. Чернышеву.—*Спб., 9 февраля.*—Приношу вашему сіятельству искреннѣйшую благодарность за вниманіе, оказанное къ моей просьбѣ. Слѣдующіе документы, касающіеся исторіи графа Суворова, должны находиться въ архивахъ Главнаго Штаба: 1) Слѣдственное дѣло о Пугачевѣ, 2) Донесенія гр. Суворова во время кампаніи 1794 г., 3) Донесенія его 1799 г., 4) Приказы его по войскамъ. Буду ожидать отъ вашего сіятельства дозволенія пользоваться сими драгоценными матеріалами.

П. В. Нащокину.—*Спб., 23 февраля.*—Что, любезный Павелъ Воиновичъ? Получилъ ли ты нужныя бумаги, взялъ ли ты себѣ малую толику, заплативъ Федору Даниловичу, справилъ ли остальную тысячу въ ломбардѣ, пришлешь ли мнѣ чтонибудь? Коли ничто еще не сдѣлано, то сдѣлай вотъ что: 2,525 рублей доставь, сдѣлай одолженіе, сенатору М. А. Салтыкову, живущему на Моросейкѣ въ д. Бубуки, и возьми съ

него роспись у. Это нужно, и для меня очень неприятно.

Что твой дѣла? Заглава я все боюсь за тебя. Все мнѣ кажется, что ты гибнешь, что Вееръ (ростовщикъ) тебя топить, а Рахмановъ на плечахъ у тебя. Дай Богъ мнѣ зашибить деньгу, тогда авось разведемъ тебя съ сожительницей, заведемъ мельницу въ Тюфляхъ (роща), и заживешь припѣваючи и пишучи свои Записки. Жизнь моя въ Петербургѣ—ни то, ни се. Заботы о жизни мѣшаютъ мнѣ скучать. Но вѣтъ у меня досуга, вольной, холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь въ свѣтѣ, жена моя въ большой модѣ; все это требуетъ денегъ, деньги достаются мнѣ черезъ труды, а труды требуютъ уединенія.

Вотъ какъ располагаю я моимъ будущимъ. Лѣтомъ, послѣ родовъ жены, отправляю ее въ калужскую деревню, къ сестрамъ, а самъ съѣзжу въ Нижній, да можетъ быть въ Астрахань. Мимоходомъ увидимся и наговоримся досыта. Путешествіе нужно мнѣ нравственно и физически.

М. П. Погодину.—*Спб., 5 марта.*—По секрету. Вотъ въ чемъ дѣло: по уговору нашему, долго собирался я улучшить время, чтобъ выпросить васъ въ сотрудники. Да все какъ-то не удавалось. Наконецъ я представилъ, что трудиться мнѣ одному надъ архивами невозможно и что помощь просвѣщеннаго, умнаго и дѣятельнаго ученаго мнѣ необходима. Такимъ образомъ, дѣло слажено, и архивы вамъ открыты (кромѣ тайнаго). Теперь остается рѣшить, на какомъ основаніи намѣрены вы приступить къ дѣлу. Думаю, что вамъ надо требовать вашего адъютантскаго жалованья во все время вашихъ трудовъ—и только. А труды ваши не пропа-

дуть ни въ какомъ отношеніи. Ибо все, елико можно будетъ напечатать, напечатаете вы и для себя, это будетъ вамъ и пріятно, и выгодно. Сколько отдѣльныхъ книгъ можно составить тутъ, сколько творческихъ мыслей тутъ могутъ развиваться. Съ вашей вдохновенной дѣятельностью, съ вашей чистой добросовѣстностью—вы произведете такіа чудеса, что мы и потомство наше будемъ за васъ Бога молить, какъ за Шлёцера и Ломоносова.

Напишите же мнѣ о ф ф и ц і а л ь н о е письмо, которое могъ бы я показать, и я поспѣшу все здѣсь окончить. Ожидаю васъ съ распростертыми объятіями.

Гр. А. И. Чернышеву. — *Спб., 8 марта.* — Доставленные мнѣ, по приказанію вашего сіятельства, изъ Московскаго отдѣленія инспекторскаго архива книги получить имѣлъ я честь. Принося вашему сіятельству глубочайшую мою благодарность, осмѣливаюсь безпокоить васъ еще одною просьбою—благосклонность и просвѣщенная снисходительность вашего сіятельства совсѣмъ избаловали меня.

Въ бумагахъ касательно Пугачева, полученныхъ мною предъ симъ, извѣстія о немъ доведены токмо до назначенія генераль-аншефа Бибикова, но донесеній сего генерала въ военную коллегію, также какъ и рапортовъ кн. Голицына, Михельсона и самого Суворова, тутъ не находится. Если угодно будетъ его сіятельству оныя донесенія и рапорты (съ января 1776 г. по конецъ того же года) приказать мнѣ доставить, то почту сіе за истинное мнѣ благодареніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

П. А. Осиповой (по франц.)—*Спб., въ маѣ.*—Виновать, тысячу разъ виновать, дорогая Пр.

Александровна, что замедлилъ поблагодарить васъ за ваше весьма любезное письмо и за его интересную виньетку. Всякаго рода затрудненія помѣшали мнѣ. Не знаю, когда дождусь счастья явиться въ Тригорское, но охота смертная. Петербургское житье отнюдь не по мнѣ: ни мои склонности, ни мои средства не ладятся съ нимъ. Но года на два, на три, приходится взять терпѣнья. Жена моя свидѣтельствуетъ тысячу любезностей вамъ и Аннѣ Николаевнѣ. Дочь моя потревожила насъ въ теченіе этихъ пяти или шести дней: полагаю, что у нея прорѣзываются зубы. До сихъ поръ еще ни одного нѣтъ. Какъ ни говори себѣ, что это всеобщій жребій, но эти созданьица такія нѣжныя, что невозможно безтрепетно смотрѣть на ихъ страданія. Родители мои только что прибыли изъ Москвы. Они располагаютъ пріѣхать въ Михайловское въ половинѣ іюля. Какъ бы я желалъ имъ сопутствовать!

А. А. Ананьину.—*Спб., 26 іюля.*—М. Г. Александръ Андреевичъ! Бывъ у васъ и не имѣвъ удовольствія застать васъ дома, на всякій случай беру съ собой письмо. Я собираюсь въ деревню. Вы изволили обнадежить меня, что около нынѣшняго времени можно мнѣ будетъ получить отъ васъ еще 2000 р. По моему счету мнѣ болѣе 1500 р. не надобно. Смирдинъ готовъ въ нихъ поручиться. Буду ожидать отвѣта вашего черезъ городскую почту, если не удобно будетъ прислать его ко мнѣ въ городъ. Я живу на Черной рѣчкѣ, на Милеровой дачѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр. *Пушкинъ.*

А. Х. Бенкендорфу.—*Спб., 30 іюля.*—Въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ занимался

я одними историческими изысканіями, не написавъ ни одной строчки чисто литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важныхъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую, и которая доставить мнѣ деньги, въ конхъ имѣю нужду. Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія, но они доставляютъ мнѣ способъ проживать въ С.-Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря начальству, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную. Если угодно будетъ знать, какую именно книгу хочу я дописать въ деревнѣ: это романъ („Капитанская дочка“), коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани, и вотъ почему хотѣлось бы мнѣ посѣтить обѣ сіи губерніи.

Н. Н. Пушкиной. — *Торжокъ, 21 августа.* — Милая женка, вотъ тебѣ подробная моя Одиссея. Ты помнишь, что отъ тебя уѣхалъ я въ самую бурю. Приключенія мои начались у Троицкаго моста—Нева такъ была высока, что мостъ стоялъ дыбомъ: веревка была протянута, и полиція не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на Черную рѣчку. Однако переправился черезъ Неву выше и выѣхалъ изъ Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту такъ и валялись, я насчиталъ ихъ съ пятьдесятъ. Въ лужицахъ была буря. Болота волновались бѣлыми волнами. По счастью, вѣтеръ и дождь гнали меня въ спину, и я преспокойно высидѣлъ все это время. Что было съ вами, петербургскими жителями? Не было-ли у васъ новаго наводненія? что, если и это я прогулялъ? досадно было бы. На другой день погода прояснилась. Мы съ Соболевскимъ шли пѣшкомъ 15 верстъ, убивая по

дорогѣ змѣй, которыя обрадовались сдуру солнцу и выползали на песокъ. Вчера прибыли мы благополучно въ Торжокъ, гдѣ Соболевскій свирѣпствовалъ за нечистоту бѣлья. Сегодня проснулись въ 8 часовъ, завтракали славно и теперь я отправляюсь въ сторону, въ Ярополецъ (имѣніе Гончаровыхъ), а Соболевскаго оставляю наединѣ съ швейцарскимъ сыромъ. Вотъ, мой ангелъ, подробный отчетъ о моемъ путешествіи. Ямщики закладываютъ коляску шестерней, страшая меня грязными проселочными дорогами. Коли не утону въ лужѣ, подобно Андрею, буду писать тебѣ изъ Яропольца. Отъ тебя буду надѣяться письма въ Симбирскѣ. Пиши мнѣ о твоей грудницѣ и о прочемъ. Машу не балуй, а сама береги свое здоровье. Не кокетничай 26-го. Да бишь: не съ кѣмъ. Однако, все-таки не кокетничай. Кланяюсь и цѣлую ручку съ Ермоловской нѣжностью Катеринѣ Ивановнѣ. Тебя цѣлую крѣпко и всѣхъ васъ благословляю, тебя, Машу и Сашку.

Кланяйся Вяземскому; когда увидишь, скажи ему, что мнѣ буря помѣшала съ нимъ проститься и поговорить объ альманахѣ, о которомъ буду хлопотать дорогою.

Н. Н. Пушкиной.— 24 августа. — Ты не угадаешь, мой ангелъ, откуда я тебѣ пишу: изъ Павловска, между Берцовомъ и Малинниками, о которыхъ вѣроятно я тебѣ много рассказывалъ. Вчера, своротя на проселочную дорогу къ Яропольцу, узнаю съ удовольствіемъ, что проѣду мимо Вульфовыхъ помѣстій, и рѣшилъ ихъ посѣтить. Въ 8 часовъ вечера пріѣхалъ я къ доброму моему Павлу Ивановичу (Эгельструму), который обрадовался мнѣ, какъ родному. Здѣсь я нашелъ большую перемѣну. Назадъ тому

5 лѣтъ Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями, но уланы переведены, а барышни развѣхались; изъ старыхъ моихъ пріятельницъ нашелъ я одну бѣлую кобылу, на которой и свѣдиль въ Малинники; но и та ужъ подо мною не пляшетъ, не бѣсится, а въ Малинникахъ вмѣсто всѣхъ Анетъ, Евпраксій, Сашъ, Машъ etc., живетъ управитель Парасковіи Александровны Рейхманъ, который попотчивалъ меня шнапсомъ. Вельяшева, мною вѣкогда воспѣтая, живетъ здѣсь въ сосѣдствѣ; но я къ ней не поѣду, зная, что тебѣ было бы это не по сердцу. Здѣсь объѣдаюсь я вареньемъ и проигралъ три рубля въ двадцать четыре роббера въ вистъ. Ты видишь, что во всѣхъ отношеніяхъ я здѣсь безопасенъ. Много спрашиваютъ меня о тебѣ; такъ же ли ты хороша, какъ сказываютъ, и какая ты: брюнетка или блондинка, худенькая или плотненькая? Завтра чѣмъ свѣтъ отправляюсь въ Ярополецъ, гдѣ пробуду нѣсколько часовъ, и отправлюсь въ Москву, гдѣ, кажется, долженъ буду остаться дня три. Забылъ я тебѣ сказать, что въ Ярополцѣ (виновать: въ Торжкѣ) толстая m-lle Rojarsky, та самая, которая варитъ славный квасъ и жаритъ славныя котлеты, провожая меня до воротъ своего трактира, отвѣчала мнѣ на мои нѣжвости: стыдно замѣчать чужія красоты, у васъ у самого жена такая красавица, что я, встрѣтя ее (?), ахнула. А надобно тебѣ знать, что m-lle Rojarsky — ни дать ни взять m-me George, только немного постарѣе. Ты видишь, моя женка, что слава твоя распространяется по всѣмъ уѣздамъ. Довольна ли ты? будьте здоровы всѣ, помнитъ ли меня Маша, и нѣтъ ли у ней новыхъ ватѣй? Прощай, моя плотненькая брюнетка (что ли?). Я веду себя хорошо, и тебѣ не за что на меня дуться.

Письмо это застанетъ тебя послѣ твоихъ именинъ. Глядѣлась ли ты въ зеркало и увѣрилась ли ты, что съ твоимъ лицомъ ничего сравнить нельзя на свѣтѣ, а душу твою люблю я еще болѣе твоего лица. Прощай, мой ангелъ, цѣлую тебя крѣпко.

Н. Н. Пушкиной. — *Москва, 26 августа.* — Поздравляю тебя со днемъ твоего ангела, мой ангелъ, цѣлую тебя заочно въ очи — и пишу тебѣ продолженіе моихъ похожденій изъ антресолей вашего Никитскаго дома, куда прибылъ я вчера благополучно изъ Яропольца. Въ Ярополець пріѣхалъ я въ среду поздно. Наталья Ивановна встрѣтила меня, какъ нельзя лучше. Я нашелъ ее здоровою, хотя подлѣ нея лежала палка, безъ которой далеко ходить не можетъ. Четвергъ я провелъ у нея. Много говорили о тебѣ, о Машѣ и о Кат. Ив. — Мать, кажется, тебя къ ней ревнуетъ; но, хотя она по своей привычкѣ и жаловалась на прошедшее, однако съ меньшей уже горечью. Ей очень хотѣлось бы, чтобы ты будущее лѣто провела у нея. Она живетъ очень уединенно и тихо въ своемъ разоренномъ дворцѣ и разводитъ огороды надъ прахомъ твоего прадѣдушки Дорошенки, къ которому ходилъ я на поклоненіе. Сем. Фед., съ которымъ мы большіе пріятели, водилъ меня на его гробницу и показывалъ мнѣ прочія достопамятности Яропольца. Я нашелъ въ домѣ старую бібліотеку, и Нат. Ив. позволила мнѣ выбрать нужныя книги. Я отобралъ ихъ десятка три, которыя къ намъ и придутъ съ вареньемъ и наливками. Такимъ образомъ набѣгъ мой на Ярополець былъ вовсе не напрасенъ.

Теперь, женка, послушай, что дѣлается съ Дм. Ник. (Гоичаровымъ). Онъ, какъ владѣтель-

*

ный принцъ, влюбился въ гр. Н. Чернышеву по портрету, услыша, что она дѣвка плотная, чернобровая и румяная. Два раза ѣздилъ онъ въ Ярополецъ въ надеждѣ ее увидѣть, и въ самомъ дѣлѣ ему удалось застать ее въ церкви. Вотъ онъ и полѣзъ на стѣны. Пишетъ изъ Заводовъ, что онъ безъ памяти отъ *la charmante et divine comtesse*, что онъ ночи не спитъ, *et que son charmant image etc.*, и непремѣнно требуетъ отъ Нат. Ив., чтобъ она просватала за него *la charmante et divine comtesse*. Нат. Ив. поѣхала къ Кругликовой и выполнила комиссію. Позвали *la divine et charmante*, которая отказала на-отрѣзъ. Нат. Ив. безпокоится о томъ, какое дѣйствіе произведетъ эта вѣсть. Я полагаю, что онъ не застрѣлится. Какъ ты думаешь? А надобно тебѣ знать, что онъ дѣло затѣялъ еще зимою и очень подоврѣвалъ *la divine et charmante comtesse* въ склонности къ Муравьеву (святому); для сего онъ со всевозможною дипломатическою тонкостію пришелъ однажды спросить его, какъ Скотининъ у своего племянника: Митрофанъ, хочешь ли ты жениться? Видишь, какой плутъ! и намъ ничего не сказалъ. Муравьевъ отвѣчалъ ему, что скорѣй онъ будетъ монахомъ, а братъ и обрадовался, и ну просить у графини *son coeur et sa main*, увѣряя ее письменно *qu'il n'est plus dans son assiette ordinaire*. Я помиралъ со смѣху, читая его письмо, и жалѣю, что не выпросилъ его для тебя.

Изъ Яроп. выѣхалъ я ночью и пріѣхалъ въ Москву вчера въ полдень. Отецъ (Гончаровъ) меня не принялъ. Говорятъ, онъ довольно тихъ. Нащокинъ сказывалъ мнѣ, что деньги Юрьева къ тебѣ посланы. Теперь я покоевъ. Соболевскій здѣсь *incognito* прячется отъ ~~взимодавцевъ~~, какъ настоящій *gentleman*, и скупаетъ свои вещи

себя. Дорогой велъ онъ себя порядочно и довольно вѣрно исполнилъ условія, мною ему поднесенныя, а именно: 1) платить прогоны пополамъ, не обсчитывая товарища. 2) Не п... ни явнымъ, ни тайнымъ образомъ, развѣ во снѣ и то ночью, а не послѣ обѣда. Въ Москвѣ пробуду я нѣсколько времени, то есть два или три дня. Коляска требуетъ подправокъ. Дороги проселочныя были скверныя; меня насилу тащили шестерней. Въ Казани буду я около третьяго. Оттолѣ ѣду въ Симбирскъ. Прощай, береги себя. Цѣлую всѣхъ васъ. Кланяйся Кат. Ивановѣ.

Н. Н. Пушкиной.—*Москва, 27 августа.*—Вчера были твои именины, сегодня твое рожденіе. Поздравляю тебя и себя, мой ангелъ. Вчера пилъ я твое здоровье у Кирѣевского съ Шевыревымъ и Соболевскимъ; сегодня буду пить у Суденки. Ёду послѣ завтра—прежде не будетъ готова моя коляска. Вчера, пріѣхавъ поздно домой, нашелъ я у себя на столѣ карточку Булгакова, отца красавицы, и приглашеніе на вечеръ. Жена его была также именинница. Я не поѣхалъ, за немѣнѣемъ бальнаго платья и за небритіемъ усовъ, которые отрощаю въ дорогу. Ты видишь, что въ Москву мудроно попасть и не поплясать. Однако скучна Москва, пуста Москва, бѣдна Москва. Даже извозчиковъ мало на ея скучныхъ улицахъ. На Тверскомъ бульварѣ попадаются двѣ-три салоппицы, да какой нибудь студентъ въ очкахъ и въ фуражкѣ, да кв. Шаликовъ. Былъ я у Погодина, который, говорятъ, женатъ на красавицѣ. Я ея не видалъ и не могу всеподданнѣйше о ней тебѣ донести. Нащокина не видалъ цѣлый день. Чадаевъ потолстѣлъ, похорошѣлъ и поздоровѣлъ. Здѣсь Раевскій Николай. Ни онъ, ни

братъ его не умирали, а умеръ какой-то бригадиръ Раевскій. Скажи Вяземскому, что умеръ тезка его, князь Петръ Долгорукой, получивъ какое-то наслѣдство и не успѣвъ его промотать въ Англійскомъ клубѣ, о чемъ здѣшнее общество весьма жалѣеть. Въ клубѣ я не былъ—чуть ли я не исключенъ, ибо позабылъ возобновить свой билетъ. Надобно будетъ заплатить 300 рублей штрафа, а я весь Англійскій клубъ готовъ продать за 200. Здѣсь Орловъ, Бобринскій и другіе мои старые знакомые. Важная новость: французскія вывѣски, уничтоженныя Растопчинымъ въ годъ, когда ты родилась, появились опять на Кузнецкомъ Мосту. По своему обыкновенію, бродилъ я по книжнымъ лавкамъ и ничего путнаго не нашель. Книги, взятыя мною въ дорогу, перебились и перетерлись въ сундукѣ. Отъ этого я такъ сердитъ сегодня, что не совѣтую Машкѣ капризничать и воевать съ нянею: прибью. Цѣлую тебя. Кляняюсь теткѣ.—Благословляю Машку съ Сашкой.

Н. Н. Пушкиной.—*Нижній, 2 сентября.*—Передъ отъѣздомъ изъ Москвы я не успѣлъ тебѣ писать. Нащокниъ провожалъ меня шампанскимъ, жжевкой и молитвами. Каретникъ на силу выдалъ мнѣ коляску; нѣтъ мнѣ счастья съ каретниками. Дорога хороша, но подъ Москвою нѣтъ лошадей—я повсюду ждалъ нѣскольکو часовъ и на силу дотащился до Нижняго сегодня, т. е. въ 5-е сутки. Успѣлъ только съѣздить въ баню, а объ городѣ скажу только: les rues sont larges et bien pavées, les maisons bien bâties. Ёду на ярмарку, которая свои послѣднія штуки показываетъ, а завтра въ Казань.

Мой ангелъ, кажется, я глупо сдѣлалъ, что оставилъ тебя и началъ опять кочевую жизнь.

Живо воображаю первое число. Тебя теребятъ за долги, Параша, поваръ, извозчикъ, аптекарь, m-me Sichler etc., у тебя не хватаетъ денегъ. Смирдинъ передъ тобой извиняется, ты безпокоишься, сердидься на меня—и подѣломъ. А это еще хорошая сторона картины—что, если у тебя опять нарывы, что, если Машка больна? А другіе, непредвидѣнные случаи?—Пугачевъ не стоитъ этого; того и гляди, я на него плюну — и явлюсь къ тебѣ. Однако буду въ Симбирскѣ и тамъ ожидаю найти писемъ отъ тебя. Ангелъ мой, если ты будешь умна, т. е. здорова и спокойна, то я тебѣ изъ деревни привезу товару на сто рублей, какъ говорится. Что у насъ за погода! дни жаркіе, съ утра маленькіе морозы — роскошь! такъ ли у васъ? Гуляешь ли ты по Черной Рѣчкѣ или еще взаперти? Во всякомъ случаѣ береги себя. Скажи тетѣ, что хоть я и ревную ее къ тебѣ, но прошу Христомъ и богомъ тебя не покидать и глядѣть за тобою. Прощайте, дѣти, до Казани. Цѣлую всѣхъ васъ равно крѣико—тебя въ особенности.

Н. Н. Пушкиной.—*Нижній, 2 сентября.* — Мой ангелъ, я писалъ тебѣ сегодня, выпрыгнувъ изъ коляски и одурѣвъ съ дороги. Ничего тебѣ не сказалъ и ни о чемъ всеподданнѣйше не донесъ. Вотъ тебѣ отчетъ съ самаго Натальина дня. Утромъ поѣхалъ я къ Булгакову извиняться и благодарить, а между тѣмъ и выпросить листъ для зрителей, которые очень мало меня уважаютъ, не смотря на то, что я пишу прекрасныя стишки. У него засталъ я его дочерей и В...скаго le c..., который скачетъ изъ Казани къ вамъ въ Петербургъ. Они звали меня на вечеръ къ Пашковымъ на дачу, —я не поѣхалъ, жалѣя своихъ усовъ, которые только лишь още-

тивились. Обѣдалъ у Судевки, моего пріятеля, товарища холостой жизни моей. Теперь и онъ женатъ, и онъ сдѣлалъ двухъ ребятъ, и онъ пересталъ играть; но у него 125,000 дохода, а у насъ, мой ангелъ, это—впереди. Жена его тихая, скромная, не красавица. Мы отобѣдали втроемъ, и я, безъ церемоніи, предложилъ здоровье моеи именинницы, и выпили мы всѣ, не морщась, по бокалу шампанскаго. Вечеръ у Нащокина, да какой вечеръ! шампанское, лафитъ, зажженный пуншъ съ янанасами—пью за твое здоровье, красота моя. На другой день въ книжной лавкѣ встрѣтилъ я Н. Раевского. — *Sacré chien*, сказалъ онъ мнѣ съ нѣжностію: *pourquoi n'êtes vous pas venu me voir?*—*Animal*, отвѣчалъ я ему съ чувствомъ: *qu'avez vous fait de mon manuscrit petit-russien?* Послѣ сего поѣхали мы вмѣстѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, онъ—держитъ меня за воротъ всенародно, чтобъ я не выскочилъ изъ коляски. Отобѣдали вмѣстѣ глазъ на глазъ (виновать: втроемъ съ бутылкой мадеры). Потомъ, для разнообразія жизни, провель опять вечеръ у Нащокина; на другой день онъ задалъ мнѣ прощальный обѣдъ, со стерлядями и съ жженкой, усадили меня въ коляску, и я выѣхалъ на большую дорогу.

Ухъ, женка, страшно! теперь слѣдуетъ важное признанье. Сказать ли тебѣ словечко, утерпѣть ли твое сердечко? Я нарочно тянулъ письмо разсказами о московскихъ моихъ обѣдахъ, чтобы какъ можно позже дойти до сего рокового мѣста; ну, такъ ужъ и быть, узнай, что на второй станціи, гдѣ не давали мнѣ лошадей, встрѣтилъ я нѣкоторую городничиху, ѣдущую съ теткой изъ Москвы къ мужу, и обижаемую на всѣхъ станціяхъ. Она приняла меня весьма дурно и на распѣвъ начала меня усовѣщевать и уговаривать: какъ вамъ не стыд-

но? на что это похоже? двѣ тройки стоятъ на конюшнѣ, а вы мнѣ ни одной со вчерашняго дня не даете. — Право? сказалъ я и пошелъ взять эти тройки для себя. Городничиха, видя, что я не смотритель, очень смутилась, начала извиняться и такъ меня тронула, что я уступилъ ей одну тройку, на которую имѣла она всевозможныя права, а самъ нанялъ себѣ другую, т. е. третью и уѣхалъ. Ты подумаешь: ну, это еще не бѣда. Пстой, женка, еще не все. Городничиха и тетка такъ были восхищены моимъ рыцарскимъ поступкомъ, что рѣшились отъ меня не отставать и путешествовать подъ моимъ покровительствомъ, на что я великодушно и согласился. Такимъ образомъ и доѣхали мы почти до самаго Нижняго — онѣ отстали на 3 или 4 станціи — и я теперь свободенъ и одинокъ. Ты спросишь, хороша ли городничиха? Вотъ то-то что не хороша, ангелъ мой Таша, о томъ-то я и горюю.—Уфъ! кончилъ. Отпусти и помилуй.

Сегодня былъ я у губернатора, ген. Бутурлина. Онъ и жена его приняли меня очень мило и ласково; онъ уговорилъ меня обѣдать завтра у него. Ярмарка кончилась. Я ходилъ по опустѣлымъ лавкамъ. Онѣ сдѣлали на меня впечатлѣніе бальнаго разѣзда, когда карета Гончаровыхъ уже уѣхала. Ты видишь, что не смотря на городничиху и ея тетку—я все еще люблю Гончарову Наташу, которую заочно цѣлую куда ни попало. Addio, mia bella, idol mio, mio bel tesoro, quando mai ti rivedro?

Н. Н. Пушкиной.— *Казань, 8 сентября.*— Мой ангелъ, здравствуй. Я въ Казани съ 5, и до сихъ поръ не имѣлъ время тебѣ написать слова. Сейчасъ ѣду въ Симбирскъ, гдѣ надѣюсь найти отъ тебя письмо. Здѣсь я возился

стариками, современниками моего героя, объѣзжалъ окрестности города, осматривалъ мѣста сраженій, спрашивалъ, записывалъ и очень доволенъ, что не напрасно посѣтилъ эту сторону. Погода стоитъ прекрасная, чтобъ не сгладить только. Надѣюсь до дождей объѣхать все, что предполагалъ видѣть, и въ концѣ сентября быть въ деревнѣ. Здорова ли ты? здоровы ли всѣ вы? Дорогой я видѣлъ годовую дѣвочку, которая бѣгаетъ на карачкахъ, какъ котенокъ, и у которой уже два зубка. Скажи это Машкѣ. Здѣсь Баратынскій — вотъ, онъ ко мнѣ входитъ. До Симбирска. Я буду говорить тебѣ о Казани подробно — теперь некогда. — Цѣлую тебя.

А. А. Фуксъ. — *Казань, 8 сентября.* — Милостивая государыня Александра Андреевна! Съ сердечной благодарностью посылаю вамъ мой адресъ и надѣюсь, что обѣщаніе ваше пріѣхать въ Петербургъ не есть одно любезное привѣтствіе. Примите, м. г., изъявленіе моей глубокой признательности за ласковый пріемъ путешественнику, которому долго памятно будетъ минутное пребываніе его въ Казани. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

Н. Н. Пушкиной. *Село Языково, 65 верстъ отъ Симбирска, 12 сентября.* — Пишу тебѣ изъ деревни поэта Языкова, къ которому заѣхалъ и не нашелъ дома. Третьяго дня прибылъ я въ Симбирскъ и отъ Загряжскаго принялъ отъ тебя письмо. Оно обрадовало меня, мой ангелъ, но я все-таки тебя побраню. У тебя нарывы, а ты пишешь мнѣ четыре страницы кругомъ. Какъ тебѣ не совѣстно! Не могла ты мнѣ сказать въ четырехъ строчкахъ о себѣ и о дѣтихъ? Ну, такъ и быть — дай Богъ теверь бытъ.

тебѣ здоровой.—Я радъ, что Сергѣй Ник. будетъ съ тобою, онъ очень милъ и тебѣ не надоесть. Объ И... Н... говорить нечего. Надеюсь, что свадьба не разстроится. По всему видно, что все семейство воспользовалось разстроеннымъ его состояніемъ, чтобъ заманить его въ сѣти. Вѣроятно и начальство, если дѣло дойдетъ до начальства, приметъ это въ соображеніе. Должно будетъ поплатиться деньгами. Если дѣвица не брюхата, то бѣда еще не велика, а съ отцомъ и съ дядей-башмачникомъ дуэли, кажется, не будетъ. Если домъ удобенъ, то нечего дѣлать, бери его—но ужъ, по крайней мѣрѣ, усиди въ немъ. Меня очень беспокоятъ твои обстоятельства, денегъ у тебя слишкомъ мало. Того и гляди, сдѣлаешь новые долги, не расплатясь со старыми. Я путешествую, кажется, съ пользою, но еще не на мѣстѣ и ничего не написалъ. И сплю и вижу пріѣхать въ Болдино и тамъ запереться.

Изъ Казани написалъ я тебѣ нѣсколько строчекъ—некогда было. Я таскался по окрестностямъ, по полямъ, по кабакамъ и попалъ на вечеръ къ одной blue stockings, сорокалѣтней несносной бабѣ, съ вощенными зубами и съ ногтями въ грязи. Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двѣсти, какъ ни въ чемъ не бывало. Баратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ безстыдствомъ расхвалилъ ея красоту и гений. Я такъ и ждалъ, что принужденъ буду ей написать въ альбомѣ—но Богъ помиловалъ; однако она взяла мой адресъ и страшаетъ меня перепискою и пріѣздомъ въ Петербургъ, съ чѣмъ тебя и поздравляю. Мужъ ея, умный и ученый нѣмецъ, въ нее влюбленъ и въ изумленіи отъ ея генія; однако онъ одолжилъ меня очень, и я радъ, что съ нимъ познакомился. Сегодня ѣду въ Симбирскъ, отобѣдаю у губер-

натора, а къ вечеру отправлюсь въ Оренбургъ— послѣдняя цѣль моего путешествія.

Здѣсь я нашель старшаго брата Языкова, человекѣка чрезвычайно замѣчательнаго и котораго готовъ я полюбить, какъ люблю Плетнева или Нащокина. Я провелъ съ нимъ вечеръ и оставилъ его для тебя, а теперь оставляю тебѣ для него. Прости, ангелъ женка. Цѣлую тебя и всѣхъ васъ—благословляю дѣтей отъ сердца. Береги себя. Я радъ, что ты не брюхата. Кланяюсь Кат. Ив. и брату Сергѣю.

Пиши мнѣ въ Болдино.

Н. Н. Пушкиной.—Симбирскъ, 14 сентября.— Опять я въ Симбирскѣ. Третьяго дня, выѣхавъ ночью, отправился я къ Оренбургу. Только выѣхалъ на большую дорогу, заяцъ перебѣжалъ мнѣ ее. Чортъ его поberi, дорого бы далъ я, чтобъ его затравить. На третьей станціи стали закладывать мнѣ лошадей—гляжу: нѣтъ ямщиковъ—одинъ слѣпъ, а другой пьянъ и спрятался. Пошумѣвъ изо всей мочи, рѣшился я возвратиться и ѣхать другой дорогой; по этой на станціяхъ вездѣ по 6 лошадей, а почта ходитъ четыре раза въ недѣлю. Повезли меня обратно—я заснулъ—просыпаюсь утромъ—что же? не отѣхалъ я и пяти верстъ. Гора—лошади не везутъ—около меня человекъ 20 мужиковъ: Чортъ знаетъ, какъ Богъ помогъ—наконецъ выѣхали мы, и я воротился въ Симбирскъ. Дорого бы далъ я, чтобъ быть борзой собакой; ужъ этого зайца я бы отыскалъ. Теперь ѣду опять другимъ трактомъ. Авось безъ приключеній. Я все надѣялся, что получу здѣсь въ утѣшеніе хоть извѣстіе о тебѣ—анъ нѣтъ. Что ты, моя женка? Какова ты и дѣти? Цѣлую. Я благословляю васъ. Пиши мнѣ часто и о немъ

комъ вздорѣ, до тебя касающемся. Кланяюсь теткѣ.

Н. Н. Пушкиной.—*Оренбургъ, 19 сентября.*—Я здѣсь со вчерашняго дня. Насилу доѣхалъ—дорога прескучная, погода холодная, завтра ѣду къ яцкимъ казакамъ, пробуду у нихъ дня три—и отправлюсь въ деревню черезъ Саратовъ и Пензу.

Что, женка, скучно тебѣ? мнѣ тоска безъ тебя. Кабы не стыдно было, воротился-бы прямо къ тебѣ, ни строчки не написавъ. Да нельзя, мой ангелъ,—взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ; то есть уѣхалъ писать, такъ пиши же романъ за романомъ, поэму за поэмой.—А ужъ чувствую, что дурь на меня находитъ, я и въ коляскѣ сочиняю; что жъ будетъ въ постелѣ? Одно меня сокрушаетъ: человекъ мой. Вообрази себѣ тонъ московскаго канцеляриста, глупъ, говорливъ, черезъ день пьянъ, ѣстъ мои холодные дорожные рябчики, пьетъ мою мадеру, портитъ мои книги и по станціямъ называетъ меня то графомъ, то генераломъ. Бѣситъ менѣ, да и только. Свѣтъ-то мой Ипполитъ! Кстати о хановомъ племени: какъ ты ладншь своимъ домомъ? боюсь, людей у тебя мало; не наймешь ли ты кого? На женщинъ надѣюсь, но съ мужчинами какъ тебѣ ладить? Все это меня беспокоитъ—я мнителенъ, какъ отецъ мой. Не говорю ужъ о дѣтяхъ. Дай Богъ имъ здоровья—и тебѣ, женка. Прощай, женка; не жди отъ меня ужъ писемъ до самой деревни. Цѣлую тебя и васъ благословляю.

Какъ я хорошо веду себя! какъ ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, съ калмычками не кокетничаю и надняхъ отказался отъ башкирки, не смотря на любопытство, очень проститель-

ное путешественнику. Знаешь ли ты, что есть пословица: на чужой сторонѣ и старушка—Божій даръ. То-то, женка. Бери съ меня при-мѣръ.

Н. Н. Пушкиной. — *Болдино, 2 октября.* — Милый другъ мой, я въ Болдинѣ со вчерашняго дня; думалъ здѣсь найти отъ тебя письма и не нашелъ ни одного. Что съ вами? здорова ли ты? здоровы ли дѣти? сердце замираетъ, какъ подумаешь. Подъѣзжая къ Болдину, у меня были самыя мрачныя предчувствія, такъ что, не нашедъ отъ тебя никакого извѣстія, я почти обрадовался. Такъ боялся я недоброй вѣсти. Нѣтъ, мой другъ: плохо путешествовать жена-тому, то ли дѣло холостому! ни о чемъ не думаешь, ни о какой смерти не печалишься. Последнее письмо мое должна ты была получить изъ Оренбурга. Оттуда поѣхалъ я въ Уральскъ. Тамошній атаманъ и казаки приняли меня славно, дали мнѣ два обѣда, подписали за мое здоровье, наперерывъ давали мнѣ всѣ извѣстія, въ которыхъ имѣлъ нужду, и накормили меня свѣжей икрой, при мнѣ изготовленной. При выѣздѣ моемъ (23 сентября) вечеромъ пошелъ дождь, первый по моемъ выѣздѣ. Надобно тебѣ знать, что нынѣшній годъ была всеобщая засуха, и что Богъ угодилъ на одного меня, уготовя мнѣ вездѣ прекраснѣйшую дорогу. На возвратный же путь послалъ Онъ мнѣ этотъ дождь, и черезъ полчаса сдѣлалъ дорогу непроходимую. Того мало: выпалъ снѣгъ, и я обновилъ зимній путь, проѣхавъ верстъ 50 на саняхъ. Проѣзжая мимо Языкова, я къ нему заѣхалъ, засталъ всѣхъ трехъ братьевъ, отобѣдалъ съ ними очень весело, ночевалъ и отправился сюда. Въѣхавъ въ границы Болдинскія, встрѣтилъ я поповъ, и такъ же озлился на нихъ,

какъ на симбирскаго зайца. Недаромъ всѣ эти встрѣчи. Смотри, женка. Того и гляди, избалуешься безъ меня, забудешь меня—изкокетничаешься. Одна надежда на Бога да на тетку. Авось сохранять тебя отъ искушеній разсѣянности. Честь имѣю донести тебѣ, что съ моей стороны я передъ тобою чистъ, какъ новорожденный младенецъ. Дорогою волочился я за однѣми 70 и 80-лѣтними старухами. А на молоденькихъ 3—хъ шестидесятилѣтнихъ и не глядѣлъ.

Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ 6 мѣсяцевъ, имѣлъ я une bonne fortune—нашелъ 75-лѣтнюю казачку, которая помнитъ это время, какъ мы съ тобою помнимъ 1830 годъ. Я отъ нея не отставалъ, виноватъ, и про тебя не подумалъ. Теперь надѣюсь многое привести въ порядокъ, многое написать и потомъ къ тебѣ съ добычею. Въ воскресенье приходитъ почта въ Абрамово. Надѣюсь письма—сегодня понедѣльникъ, недѣлю буду его ждать. Прости—оставляю тебя для Пугачева. Христосъ съ вами, дѣти мои. Цѣлую тебя, женка—будь умна и здорова.

Н. Н. Пушкиной.— *Голдино, 8 октября.*—Мой ангелъ, сейчасъ получаю отъ тебя вдругъ два письма, первыя послѣ симбирскаго. Какъ они дошли до меня, не понимаю: ты пишешь въ Нижегородскую губ. въ село Абрамово, оттуда etc.—А объ уѣздѣ ни словечка. Не забудь, прибавлять: въ Арзамасскомъ уѣздѣ; а то чего добраго, въ Нижегород. губ. можетъ быть и не одно село Абрамово, такъ какъ не одно село Болдино. Двѣ вещи меня беспокоятъ: то, что я оставилъ тебя безъ денегъ, а можетъ быть и брюхатую. Воображаю твои хлопоты и твою доса-

ду; слава Богу, что ты здорова, что Машка и Сашка живы, и что ты, хоть и дорого, но домъ наняла. Не страшай меня, женка, не говори, что изкокетничалась: я приѣду къ тебѣ, ничего не успѣвъ написать—а безъ денегъ сядемъ на мель. Ты лучше оставь ужъ меня въ покоѣ, а я буду работать и спѣшить. Вотъ ужъ недѣлю, какъ я въ Болдинѣ, привожу въ порядокъ мои записки о Пугачевѣ, а стихи пока еще спятъ. Коли царь позволить мнѣ Записки, то у насъ будетъ тысячъ 30 чистыхъ денегъ. Заплатимъ половину долговъ и заживемъ припѣваючи. Очень благодарю за новости и за сплетни. Коли увидишь Жуковскаго, поцѣлуй его за меня и поздравь съ возвращеніемъ и ввѣзду. Каково его здоровье? напиши. Карамзинымъ и Мещерскимъ мой сердечный поклонъ. Софѣ Николаевнѣ объясни, что если я не былъ къ нимъ въ Дерптъ, то это единственно по недостатку прогоновъ, которыхъ не хватило на лишнихъ 500 верстъ. А не писалъ имъ, полагая все пріѣхать. Жаль, что ты Смирновой не видала; она должна быть уморительно смѣшна послѣ своей поѣздки въ Германію; Б.....тъ умно дѣлаетъ, что женится на в. Х.....ой. Давно бы такъ. Лучше завести свое хозяйство, нежели волочиться весь свой вѣкъ за чужими женами и выдавать за свои чужіе стихи. Не кокетничай съ Соболевскимъ и не сердись на Нащокина: слава Богу, что онъ прислалъ 1500—а о 180 не жалѣй; плюнь, да и только. Что такое 50 р., присланные тебѣ моимъ отцомъ? ужъ не проценты ли за 550, которыхъ онъ мнѣ долженъ? Чего добраго! Здѣсь мнѣ очень совѣтуютъ взять на себя наслѣдство Василья Львовича, и мнѣ хочется, но для этого нужны во первыхъ деньги, а во вторыхъ свободное время. А у меня ни

того, ни другого. Какова Краевская? недаромъ Отрѣжковъ за ней волочился. Не думаль я попасть въ ея меморіи и такимъ образомъ достигнуть безсмертія. Кланяйся ей отъ меня, если ее увидишь. Да кланяйся и всѣмъ моимъ прелестямъ: Хитровой первой. Какъ она перенесла мое отсутствіе? Надѣюсь, съ твердостью, достойной дочери князя Кутузова. Такъ Фикельмоны пріѣхали? радуюсь за тебя; какъ то, мой ангелъ, удадутся тебѣ балы? Прощай, душа. Я что-то сегодня не очень здоровъ. Животикъ болитъ, какъ у Александрова. Цѣлую и благословляю всѣхъ васъ. Кланяюсь и отъ сердца благодарю тетку Катерину Ивановну за ея милые хлопоты. Прощай.

Н. Н. Пушкиной.—*Болдино, 11 октября.*—Мой ангелъ, одно слово: съѣзди къ Плетневу, и попроси его, чтобъ онъ къ моему пріѣзду велѣлъ переписать изъ Собр. Законовъ (гг. 1774 и 1775 и 1773) всѣ указы, относящіеся къ Пугачеву. Не забудь.

Что твои обстоятельства? что твое б...? Не жди меня въ нынѣшній мѣсяць, жди меня въ концѣ ноября. Не мѣшай мнѣ, не страшай меня, будь здорова, смотри за дѣтьми, не кокетничай съ ц—мъ, ни съ женихомъ княжны Любы. Я пишу, я въ хлопотахъ, никого не вижу—и привезу тебѣ пропастъ всякой всячины. Надѣюсь, что Смирдинъ аккуратень. Надняхъ пришлю ему стиховъ.—Знаешь ли, что обо мнѣ говорятъ въ сосѣднихъ губерніяхъ? Вотъ какъ описываютъ мои занятія: какъ Пушкинъ стихи пишетъ—передъ нимъ стоитъ штофъ славнѣйшей настойки—онъ хлопъ стаканъ, другой, третій—и ужъ вачнетъ писать!—Это слава! Что касается до тебя, то слава о твоей красотѣ

достигла до нашей пощады, которая увѣряетъ, что ты всёмиъ взяла, не только лицомъ, да и фигурой. Чего тебѣ больше? Прости, цѣлую васъ и благословляю. Теткѣ цѣлую ручку. Говорить ли Маша? ходить ли? что зубки? Самѣ подвистываю.—Прощай.

Н. Н. Пушкиной.—*Болдино, 21 октября.*—Получилъ сегодня письмо твое отъ 4 окт. и сердечно тебя благодарю. Въ прошлое воскресенье не получилъ отъ тебя письма и имѣлъ глупость на тебя надуться; а вчера такое горе взяло, что я не запомню, чтобъ на меня находила такая хандра. Радуюсь, что ты не брюхата, и что ничего не помѣшаетъ тебѣ отличаться на нынѣшнихъ балахъ. Видно, Огаревъ охотникъ до Пушкиныхъ, дай Богъ ему ни дна, ни покрышки! кокетничать я тебѣ не мѣшаю, но требую отъ тебя холодности, благопристойности, важности—не говорю уже о безпорочности поведенія, которое относится не къ тону, а къ чему-то уже важнѣйшему. Охота тебѣ, женка, соперничать съ гр. С.—Ты красавица, ты бой-баба, а она шкурка. Что тебѣ перебивать у ней поклонниковъ? Все равно, кабы гр. Шереметевъ сталъ оттягивать у меня Кистеневскихъ моихъ мужиковъ. Кто же еще за тобой ухаживаетъ, кромѣ Огарева? пришли мнѣ списокъ по азбучному порядку. Да напиши мнѣ также, гдѣ ты бываешь и что Карамзины, Мещерская и Вяземскіе. Княгиня Вяземской скажи, что напрасно она беспокоится о портретѣ Вигеля и что съ этой стороны честное мое поведеніе выше всякаго подозрѣнія; но что изъ уваженія къ ея просьбѣ я поставлю его портретъ сзади всѣхъ другихъ. Кстати: она обещала мнѣ свой портретъ и до сихъ поръ сдѣ-

ва не сдержала; пеняй ей отъ меня. Жуковскаго и Вьельгорскаго, вѣроятно, ты уже видѣла. Что Жуковский? мнѣ пишутъ, что онъ поздоровѣлъ и помолодѣлъ. Правда ли? Чтожъ ты хотѣла женить его на Кат. Ник.? и что К. Н., будетъ къ намъ или нѣтъ? Вообрази, что прошлое воскресеніе вмѣсто письма отъ тебя получилъ я письмо отъ Соболевскаго, которому нужны деньги для *râtes de foie gras*, и который для того затѣваетъ альманахъ. Ты понимаешь, какъ письмо его и просьбы о стихахъ (что я говорю—просьбы: приказанія, подряды на заказъ) разсердили меня. А все ты виновата. Что-то моя беззубая Пускина? Ужъ эти мнѣ зубы! — а каковъ Сашка рыжій? Да въ кого-то онъ рыжъ? не ожидалъ я этого отъ него.

О себѣ тебѣ скажу, что я работаю лѣнливо, черезъ пень колоду ваю. Всѣ эти дни голова болѣла, хандра грызла меня. Нынче легче. Началъ многое, но ни къ чему нѣтъ охоты; Богъ знаетъ, что со мною дѣлается. Старамъ стала, и умомъ плохамъ! Приѣду оживиться твоею молодостью, мой ангелъ. Но не жди меня прежде конца ноября; не хочу къ тебѣ съ пустыми руками явиться; взялся за гушъ, не скажу, что не дюжъ. А ты не брани меня. Благодарю мою безцѣнную Катерину Ивановну, которая не даетъ тебѣ воли въ ложѣ. Цѣлую ей ручки и прошу, ради Бога, не оставлять тебя на произволь твоихъ обожателей.—Машку, Сашку рыжаго и тебя цѣлую и крещу. Господь съ вами.—Прощай, спать хочу.

Н. Н. Пушкиной.—*Болдино, 30 октября.*—Вчера получилъ я, мой другъ, два отъ тебя письма, спасибо; но я хочу немножко тебя пожу-

рить. Ты, кажется, не путемъ изкокетничался. Смотри: не даромъ кокетство не въ модѣ и почитается признакомъ дурного тона. Въ немъ толку мало. Ты радуешься; что за тобою бѣгаютъ; есть чему радоваться! Не только тебѣ, но и Прасковья Петровна легко за собою приучить бѣгать холостыхъ шаромыжниковъ;
 Вотъ вся тайна кокетства. Было бы корыто, а свиньи будутъ. Къ чему тебѣ принимать мужчинъ, которые за тобою ухаживаютъ? не знаешь, на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Оомѣ и Кузьмѣ. Оома накормилъ Кузьму икрой и селедкой. Кузьма сталъ просить пить, а Оома не далъ; Кузьма и прибилъ Оому, какъ каналью. Изъ этого поэтъ выводитъ слѣдующее правоученіе: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьму. Видишь ли? Прошу, чтобъ у меня не было академическихъ завтраковъ. Теперь, мой ангелъ, цѣлую тебя, какъ ни въ чемъ не бывало, и благодарю за то, что ты подробно и откровенно описываешь мнѣ всю безпутную жизнь. Гуляй, женка; только не загуливайся, и меня не забывай. Мочи нѣтъ, хочется мнѣ увидѣть тебя причесанную à la Ninon; ты должна быть чудо какъ мила. Какъ ты прежде объ этой старой в... не подумала и не переняла у ней ея прическу? Опиши мнѣ свое появленіе на балахъ, которые, какъ ты пишешь, вѣроятно, уже открылись. — Да, ангелъ мой, пожалуйста, не кокетничай. Я не ревнивъ, да и знаю, что ты во все тяжкое не пустишься; но ты знаешь, какъ я не люблю все, что пахнетъ московской барышнею, все, что не выше il faut, все, что vulgar... Если при моемъ возвращеніи я найду, что твой милый, простой, аристократическій тонъ измѣнился, разведусь,

вотъ-те Христось, и пойду въ солдаты съ горя. Ты спрашиваешь, какъ я живу и похорошѣлъ ли? Во первыхъ отпустилъ себѣ бороду; усъ да борода — молодцу похвала; выду на улицу, дядюшкой зовутъ. 2) Просыпаюсь въ 7 часовъ, пью кофей, и лежу до 3-хъ часовъ. Недавно расписался и уже написалъ пропастъ. Въ 3 часа сажусь верхомъ, въ 5 — въ ванну, и потомъ обѣдаю картофелемъ да гречневой кашей. До 9 часовъ читаю. Вотъ тебѣ мой день, и всѣ на одно лицо.

Проси Катерину Андреевну на меня не сердиться: ты рожала, денегъ у меня лишнихъ не было, я спѣшилъ въ одну сторону — никакъ не попалъ на Дерптъ. Кланяюсь ей, Мещерской, Соф. Н., княгинѣ и княжнамъ Вяземскимъ. Полетикѣ скажи, что за ея поцѣлуемъ явлюсь лично, а что-де на почтѣ не принимаютъ. А Катерина Ивановна? какъ это она тебя пустила на Божью волю? Ахти, Господи Сусе Христе! Машу цѣлую и прошу меня помнить. Что это у Саши за сынь? Христось съ вами. — Благоговляю и цѣлую васъ.

Ии. В. С. Одоевскому. — *Болдино, 30 октября.* — Винавать, ваше сіятельство, кругомъ винавать. Приѣхалъ въ деревню, думалъ — раслипусь; не тутъ-то было Головная боль, хозяйсвенные хлопоты, лѣнь — барская, помѣщичья лѣнь такъ одолѣли меня, что не приведи Боже. Не дожидаетесь Бѣлкина (Пушкина); не на шутку, видно, онъ покойникъ, не бывать ему на новосельѣ ни въ гостиной Гомозѣйки (Одоевскій), ни на чердакѣ Панька (Гоголь). Не достоинъ онъ, видно, быть въ ихъ компаніи (говорится о задуманномъ альманахѣ). А куда бы не худо до погреба-то добратъся! Теперь донесу вашему сіятельствѣ

что, будучи въ С., видѣлъ я скромную отшельницу, о которой мы съ вами говорили передъ моимъ отъездомъ. Недурна. Кажется, губернаторъ гораздо усерднѣе покровительствуетъ ей, нежели губернаторша. Вотъ все, что могъ я замѣтить. Дѣло ея, кажется, кончено. Вы обрадовали меня извѣстіемъ о Жуковскомъ. Дай Богъ, чтобъ нынѣшній запасъ здоровья сталъ ему лѣтъ на пять. А тамъ ужъ какъ нибудь да справится.

Кланяюсь Гоголю. Что его комедія (Ревизоръ)? Въ ней же есть закорючка (условное выраженіе вѣсто: она заслуживаетъ особеннаго вниманія). — Вѣсь вашъ А. Пушкинъ.

Н. Н. Пушкиной. — *Болдино, 6 ноября.* — Другъ мой женка, на прошедшей почтѣ я не очень помню, что я тебѣ писалъ. Помнится, я былъ немножко сердитъ, и кажется, письмо немного жестко. Повторю тебѣ помягче, что кокетство ни къ чему доброму не ведетъ; и хотъ оно имѣетъ свои пріятности, но ничто такъ скоро не лишаетъ молодой женщины того, безъ чего нѣтъ ни семейственнаго благополучія, ни спокойствія въ отношеніяхъ къ свѣту: уваженія. Радоваться своими побѣдами тебѣ нечего; в.., у которой переняла ты прическу (NB: ты очень должна быть хороша въ этой прическѣ; я объ этомъ думалъ сегодня ночью) Ninon, говорила: Il est écrit sur le coeur de tout homme: à la plus facile. Послѣ этого, изволь гордиться похищеніемъ мужскихъ сердець. Подумай объ этомъ хорошенько и не безпокой меня напрасно. Я скоро выѣзжаю, но нѣсколько времени останусь въ Москвѣ по дѣламъ. Женка, женка! я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по 3 мѣсяца въ степной глуши, остававливаюсь въ павострой Москвѣ, которую ненавижу — для чего? — Да

тебя, женка: чтобъ ты была спокойна и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта и съ твоею красотою. Побереги же и ты меня. Къ хлопотамъ, неразлучнымъ съ жизнію мужчины, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности &c. &c. — не говоря объ *sosage*, о коемъ прочель я надняхъ цѣлую диссертацію въ Брантомѣ.

Что дѣлаешь братъ? я не совѣтую ему идти въ статскую службу, къ которой онъ такъ же неспособенъ, какъ и къ военной; но у него, по крайней мѣрѣ, ... здоровая и на сѣдлѣ онъ все далѣе уѣдетъ, чѣмъ на стулѣ въ канцеляріи. Миѣ сдается, что мы безъ европейской войны не обойдемся. Этотъ *Louis-Philippe* у меня какъ бѣльмо на глазу. Мы когда нибудь да до него доберемся — тогда Левъ Сергѣичъ поѣдетъ опять пожинать, какъ говоритъ у насъ засѣдатель, лавры и мирты. Покамѣстъ совѣтую ему бить баклуши: занятіе пріятное и здоровое. Здѣсь я было вздумалъ взять наследство Вас. Льв., во опека такъ ограбила его, что нельзя и подумать; развѣ не заступится ли Бенкендорфъ: попробую, пріѣхавъ въ Петербургъ. — При семъ письмо къ отцу вѣроятно, уже онъ у васъ. Я привезу тебѣ стихковъ много, но не разглашай этого; а то альманашники заѣдятъ меня. Цѣлую Машку, Сашку и тебя; благословляю тебя, Сашку и Машку; цѣлую Машку — и такъ далѣе до семи разъ. Желалъ бы я быть у тебя къ теткинѣмъ именинамъ. Да Богъ вѣсть.

П. В. Нащокину. — *Спб.*, 24 ноября. — Что, Павелъ Вонновичъ, каковы домашнія обстоятельства? Рѣшено ли? Мочи нѣтъ, хочется узнать развязку: я твой романъ оставилъ на самомъ занимательномъ мѣстѣ. Не смѣю надѣяться.

можно надѣяться. Vous êtes éminemment un homme de passion—и въ страстномъ состояніи духа ты въ состояніи сдѣлать то, о чемъ и не осмѣлился бы подумать въ трезвомъ видѣ, какъ нѣкогда пьяный переплылъ ты рѣку, не умѣя плавать. Нынѣшнее дѣло на то похоже—сыми рубашку, перекрестись и бухъ съ берега; а мы, князь Федоръ (Ф. О. Гагаринъ) и я будемъ слѣдовать за тобою въ лодкѣ и какъ нибудь выкарабкаемся на противную сторону. Теперь скажу тебѣ о своемъ путешествіи. Я совершилъ его благополучно. Деленька мнѣ не мѣшала, онъ очень милъ, т. е. молчалъ; всѣ наши сношенія ограничивались тѣмъ, что когда ночью онъ прилегалъ на мое плечо, то я отталкивалъ его локтемъ. Я привезъ его здрава и невредима, и какъ рѣка еще не стала, а мостовъ уже нѣтъ, то я и отправилъ его ко¹ Льву Сергѣевичу, чѣмъ вѣроятно одолжилъ его. При выѣздѣ моемъ изъ Москвы, Гаврила мой такъ былъ пьянъ и такъ меня взбѣсилъ, что я велѣлъ ему слѣзть съ козелъ и оставилъ его на большой дорогѣ въ слезахъ и въ истерикѣ; но это все на меня не подѣйствовало. Я подумалъ о тебѣ. Велика своему Гаврилѣ въ юбкѣ и въ кацавейкѣ слѣзть съ козелъ — полно ему воевать! Дома я нашелъ все въ порядкѣ, жена была на балѣ, я за нею поѣхалъ и увезъ къ себѣ, какъ уланъ уѣздную барышню съ именинъ городничаго. Девежныя мои обстоятельства безъ меня запутались, но я думаю ихъ распутать. Отца видѣлъ; онъ очень радъ моему предположенію взять Болдино. Денегъ у него нѣтъ. Братъ во фракѣ и очень благопрістоевъ. Соболевскій выигралъ свой процесъ и ѣдетъ къ вамъ. Пиши ко мнѣ, когда будетъ время. Записку отдай моему управляющему. Ольгѣ Андреевнѣ мое почтеніе.

И. И. Лажечникову (черновое).— *Спб., въ ноябрь.*— Осмѣливаюсь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою. Мнѣ сказывали, что у васъ находится любопытная рукопись Рычкова о времени Пугачева. Вы оказали бы мнѣ истинное благодѣяніе, если бѣ позволили пользоваться пѣсколько дней сею драгоцѣнностью. Будьте увѣрены, что я возвращу ее въ цѣлости и при первомъ вашемъ востребованіи. Съ истиннымъ, и пр.

И. И. Дмитріеву (черновое). — *Спб., въ ноябрь.*— **М. Г. Иванъ Ивановичъ.** Имѣвъ всегда счастье пользоваться благосклонностью вашего превосходительства, осмѣливаюсь нынѣ обратиться къ вамъ съ всепокорнѣйшей просьбою. Случай доставилъ въ мои руки нѣкоторыя важныя бумаги, касающіяся Пугачева, собственныя письма Екатерины, Бибикова, Румянцева, Панина, Державина и другихъ. Я привелъ ихъ въ порядокъ и надѣюсь ихъ издать. Въ Историческихъ Запискахъ (которыя дай Богъ намъ прочесть какъ можно позже) вы говорите о Пугачевѣ и какъ очевидецъ описали его смерть. Могу ли надѣяться, что вы, м г., не откажетесь занять мѣсто между знаменитыми людьми, коихъ имена и свидѣтельства дадутъ цѣну моему труду, и позволите помѣстить собственныя ваши строки въ одномъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ царствованія Великой Екатерины? Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

А. Х. Бенкейдорфу.— *Спб., 6 декабря.*— (Пушкинъ писалъ, что книгопродавецъ Смирдинъ, приступая къ изданію журнала „Библиотека для Чтенія“, просилъ и его участвовать въ этомъ журналѣ; но онъ, стараясь какъ можно

рѣже пользоваться драгоцѣннымъ дозволеніемъ—утруждать вниманіе государя императора, можетъ согласиться на это въ такомъ только случаѣ, если сочиненія его будутъ представляемы Смирдинымъ въ цензуру, наравнѣ съ сочиненіями другихъ писателей, и испрашивалъ на то дозволенія; при этомъ прибавилъ):

Я думалъ нѣкогда написать историческій романъ, относящійся къ временамъ Пугачева; но нашедъ множество матеріаловъ, я оставилъ вымыселъ и написалъ исторію Пугачевщины. Осмѣливаюсь просить черезъ ваше сіятельство дозволеніе представить оную на высочайшее разсмотрѣніе. Не знаю, можно ли мнѣ будетъ ее напечатать; но смѣю надѣяться, что сей историческій отрывокъ будетъ любопытенъ для его величества, особенно въ отношеніи тогдашнихъ военныхъ дѣйствій, доселѣ худо извѣстныхъ.

Бар. М. А. Корфу. — *Спб., въ декабрѣ.*—Сейчасъ былъ у Смирдиной и, кажется, дѣло сдѣлано. Н. М. Бакунинъ можетъ пріѣхать къ нему для окончательныхъ условій; я бы совѣтывалъ ему сираться сперва о томъ, что берутъ обыкновенно за переводы à tant la feuille, и требовать ту же цѣну. Такимъ образомъ онъ вѣрно получитъ болѣе, нежели условясь брать годовую плату. Въ случаѣ какого нибудь затрудненія, пусть онъ располагаетъ мною: я готовъ служить ему отъ всей души.

Радуюсь, что на твое дружеское письмо могъ отвѣчать удовлетворительно и исполнилъ твое приказаніе. Сердечно благодарю за поздравленія.—Весь твой Александръ Пушкинъ.

П. В. Нащокину. — *Спб., въ декабрѣ.*—Я получилъ отъ тебя два грустныхъ письма, любезный

Павелъ Воиновичъ, и ждалъ третьяго, съ нетерпѣніемъ желая знать, что дѣлается съ тобою, и какое направленіе принимаютъ дѣла твои домашнія и сердечныя. Но ты, вѣроятно, слишкомъ озабоченъ, и я не знаю, чего надѣяться: перемѣнилась ли; успокоилась ли судьба твоя? Напиши ко мнѣ объ этомъ подробнѣе.

Въ твои именины семья моя (въ томъ числѣ Григорій Ѳеодоровичъ) пила за твое здоровье и желала тебѣ всякаго благополучія. Объ Алешѣ (зачеркнуто и сверху написано: „Леленькѣ“) не имѣю извѣстія; онъ живетъ у Эрстова, а я на его имя получаю изъ Москвы письма. Сумасшедшій отецъ его написалъ мнѣ сумасшедшее письмо. на которое ужъ мнѣ поздно отвѣчать: онъ беспокоится о каллиграфическихъ трудахъ своего сына и о томъ, не илачетъ ли мальчикъ, и не тоскуетъ ли о своихъ родныхъ! Успокой старика, какъ умѣешь.

Не знаю, буду ли я у васъ въ январѣ. Наслѣдники дяди дѣлаютъ мнѣ дурацкія предложенія—я отказался отъ наслѣдства. Не знаю, войдутъ ли они въ новые переговоры. Здѣсь имѣлъ я непріятности денежныя: я сговорился было со Смирдинымъ и принужденъ былъ уничтожить договоръ, потому что Мѣднаго Всадника цензура не пропустила. Это мнѣ убытокъ. Если не пропустятъ Исторію Пугачевскаго бунта, то мнѣ придется ѣхать въ деревню. Все это очень непріятно. На деньги твои однако я надѣюсь: думаю весною приступить къ полному собранію моихъ сочиненій.

Всѣ мои здоровы. Крестникъ твой тебя цѣлуетъ; мальчикъ славный. Съ Плетневымъ о Павлѣ еще не говорилъ, потому что дѣло не къ спѣху. Прощай. Кланяюсь князю Гагарину и желаю вамъ обоимъ счастья.— А. П.,

1834.

Н. В. Нащокину. — Слб., *въ мартъ или въ апрѣль*. — Ты не можешь вообразить, милый другъ, какъ обрадовался я твоему письму. Во-первыхъ, получаю отъ тебя тетрадку: доказательство, что у тебя и лишнее время, и лишняя бумага, и спокойствіе, и охота со мною болтать. Съ первыхъ строкъ вижу, что ты спокоенъ и счастливъ. Каждое слово уничтожаетъ сплетни, половинѣ которыхъ я не вѣрилъ, но которыхъ другая половина сильно меня тревожила. У меня обѣдалъ Соболевскій и Левъ Сергѣевичъ. Прочитавъ твое письмо сперва про себя, потомъ во услышаніе твоихъ пріятелей, всѣ мы были довольны, всѣ пожелали тебѣ счастья. Наталья Никол. нетерпѣливо желаетъ познакомиться съ твоею Вѣрою Александровною, и проситъ тебя заочно ихъ подружить. Она сердечно тебя любитъ и поздравляетъ. — Но сперва поговоримъ о дѣлѣ, т. е. о деньгахъ. Когда ты отпразднвалъ меня изъ Москвы, ты помнишь, что мы думали, что ты безъ моихъ денегъ обойдешься. Оттого-то я моихъ распоряженій и не сдѣлалъ. У меня была въ рукахъ, и весьма недавно, довольно круглая сумма; но она истаяла, и до октября денегъ у меня не будетъ; но твои 3,000 доставлю тебѣ въ непродолжительномъ времени, по срокамъ, которые назначу, соображаясь съ моими обстоятельствами. Здѣсь говорили, что ты проигралъ въ долгъ все, что тебѣ слѣдовало получить съ брата. Ты не можешь вообразить, какъ это меня беспокоило; но теперь надѣюсь на переиству жизни твоей. Тебѣ уже не нужно потрясеній *бенъ-слѣва и пліе*, для разсѣянія своего домашнего

горя. Говорять, что несчастье — хорошая школа, может быть. Но счастье есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной къ доброму и прекрасному, какова твоя, мой другъ, какова и моя, какъ тебѣ извѣстно. Конечно, мы квиты, если ты мнѣ обязанъ жевитьбою своей, и надѣюсь, что Вѣра Александровна будетъ меня любить, какъ любить тебя Наталья Николаевна. Вообрази, что жена моя на дняхъ чуть не умерла. Нынѣшняя зима была ужасно изобильна балами: на масляницѣ танцовали ужъ два раза въ день. Наконецъ настало послѣднее воскресенье передъ великимъ постомъ. Думаю: слава Богу! балы съ плечъ долой. Жена во дворцѣ. Вдругъ, смотрю — съ нею дѣлается дурно; я увожу ее, и она, приѣхавъ домой, выкидываетъ. Теперь она (чтобъ не сглазить), слава Богу, здорова и ѣдетъ на дняхъ въ калужскую деревню къ сестрамъ, которыя ужасно страдаютъ отъ капризовъ моей тещи. Долгъ Вяземскаго я еще до получения твоего письма перевелъ на себя. Андрей Петровичъ (Есауловъ) въ ужасномъ положеніи. Онъ умираетъ съ голоду и сходитъ съ ума. Соболевскій и я, мы помогали ему деньгами — скупю, увѣщаніями — щедро. Теперь думаю отправить его въ полкъ капельмейстеромъ. Онъ художникъ въ душѣ и въ привычкахъ, т. е. безпеченъ, нерѣшителенъ, лѣнивъ, гордъ и легкомысленъ, предпочитаетъ всему независимость. Но вѣдь и нищій независимѣе поденщика. Я ему ставлю въ примѣръ нѣмецкихъ гениевъ, преодолевшихъ столько горя, дабы добиться славы и куска хлѣба. Сколько ты долженъ ему? Хочешь, я за тебя и ему заплачу? Обстоятельства мои затруднились еще вотъ во какому случаю. На дняхъ отецъ мой посылаетъ за мною. Прихожу — нахожу его въ

слезахъ, мать въ постель, весь домъ въ ужасномъ безпокойствѣ. Что такое?—И мѣніе описываютъ.—Надо скорѣе заплатить долгъ.—Ужъ долгъ заплаченъ. Вотъ и письмо управителя.—О чемъ же горе?—Жить не чѣмъ до октября.—Поѣзжайте въ деревню.—Не съ чѣмъ. Что дѣлать? Надо взять имѣніе въ руки, а отцу назначить содержаніе. Новые долги, новыя хлопоты. А надобно: я желалъ бы успокоить старость отца и устроить дѣла брата Льва, который въ своемъ родѣ такой же художникъ, какъ и Андрей Петровичъ, съ той разницею, что за собою никакого художества не знаетъ. Сестра Ольга Сергѣевна выкинула и опять брюхата. Чудеса, да и только!

Вотъ тебѣ другія новости: я камеръ-юнкеръ съ января мѣсяца. Мѣдны й Всадникъ не пропущенъ—убытки и неприятность! За то Пугачевъ пропущенъ, и я печатаю его на счетъ государя. Это совершенно меня утѣшило, тѣмъ болѣе, что, конечно, сдѣлавъ меня камеръ-юнкеромъ, государь думалъ о моемъ чинѣ, а не о моихъ лѣтахъ, и вѣрно не думалъ ужъ меня кольнуть. Какъ скоро устрою свои дѣла, то примусь и за твои. Прощай, жди денегъ.

М. П. Погодину.—Спб., 6 апрѣля.—Вы спрашиваете меня о Мѣдномъ Всадникѣ, о Пугачевѣ и о Петрѣ. Первый не будетъ напечатанъ. Пугачевъ выдетъ къ осени. Къ Петру приступаю со страхомъ и трепетомъ, какъ вы къ исторической каедрѣ. Вообще пишу много про себя, а печатаю поневолѣ и единственно для денегъ: охота являться предъ публикою, которая васъ не понимаетъ, чтобъ... дураки ругали васъ потомъ шесть мѣсяцевъ въ

своихъ журналахъ только что не по.. Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Нынѣ это - вшивый рынокъ. Быть такъ.

Графу Гр. А. Строгонову. — *Сиб., около 1 апрѣля*—Графъ! Печально приходится мнѣ испускать мечты моей молодости. Объятія Лелсвеля кажутся мнѣ жестче ссылки въ Сибирь. Однако же весьма вамъ благодаренъ за то, что вы изволили сообщить мнѣ упомянутую статью: она послужитъ текстомъ для моей отвѣди. Благоволите, графъ, повергнуть меня къ стопамъ супруги вашей и примите дань моего глубочайшаго уваженія. *Александръ Пушкинъ.*

Н. Н. Пушкиной. — *Сиб., 17 апрѣля.*—Что, женка? каково ты ѣдешь? что-то Саша и Машка? Христось съ вами! будьте живы и здоровы, и доѣзжайте скорѣе до Москвы. Жду отъ тебя письма изъ Новагорода, а покамѣстъ вотъ тебѣ отчетъ о моемъ холостомъ житьѣ-бытьѣ. Третьяго дня возвратился я изъ Царскаго Села въ 5 часовъ вечера, нашелъ на своемъ столѣ два билета на балъ 29 апрѣля и приглашеніе явиться на другой день къ Литтѣ; я догадался, что онъ собирается мыть мнѣ голову за то, что я не былъ у обѣдни. Въ самомъ дѣлѣ, въ тотъ же вечеръ узнаю отъ забѣжавшаго ко мнѣ Жуковскаго, что государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ и что онъ велѣлъ намъ это объявить. Литта во дворцѣ толковалъ съ большимъ жаромъ. Il y a cependant pour les Messieurs de la Cour des règles fixes, des règles fixes. На что Нарышкинъ ему замѣтилъ: Vous vous trompez: c'est pour les demoiselles d'honneur. Я извинился

письменно. Говорятъ, что мы будемъ ходить попарно, какъ институтки. Вообрази, что мнѣ съ моею сѣдой бородкой придется выступать съ Безобразовымъ или Реймерсомъ — ни за какія благополучія! — *J'aime mieux avoir le fouet devant tout le monde*, какъ говоритъ *m-r Jourdain*. Поутру сидѣлъ я въ моемъ кабинетѣ, читая Гримма и ожидая, чтобъ ты, мой ангелъ, позвонила, какъ явился ко мнѣ Соболевскій съ вопросомъ, гдѣ мы будемъ обѣдать? Тутъ вспомнилъ я, что я хотѣлъ говѣть, а между тѣмъ ужъ оскоромился. Дѣлать нечего, рѣшились отобѣдать у Дюме, и покамѣстъ стали приводить въ порядокъ библіотеку, тетка пріѣхала спросить о тебѣ, и узнавъ, что я въ халатѣ и оттого къ ней не выхожу, сама вошла ко мнѣ. Я исполнилъ твою комиссію, поговорили о тебѣ, потужили, побезпокоились и рѣшились тебѣ подтвердить наши просьбы и требованія — беречь себя и помнить наши наставленія. Потомъ явился я къ Дюме, гдѣ появленіе мое произвело общее веселіе: холостой, холостой Пушкинъ! Стали потчивать меня шампанскимъ и пущемъ, и спрашивать, не поѣду ли я къ Софьѣ Астафьевнѣ? Все это меня смутило, такъ что я къ Дюме являться ужъ болѣе не намѣренъ, и обѣдаю сегодня дома, заказавъ Степану ботвинью и *beafsteaks*. Вечеръ провелъ я дома, сегодня проснулся въ 7 часовъ, и сталъ тебѣ писать сіе подробное донесеніе. — Посылаю тебѣ письмо матери, пришедшее третьяго дня, — буду ей писать, а покамѣстъ обнимаю и цѣлую тебя, и благословляю всѣхъ троихъ.

Н. Н. Пушкиной. *Спб., 19 апрѣля.* — Душка моя, посылаю тебѣ два письма, которыя я распечаталъ изъ любопытства и скупости (чтобъ

меньше платить на почту въсовыхъ денегъ), также и рецептъ капель. Сдѣлай милость не забудь перечестъ инструкцію Снасскаго и поступать по ней. Теперь, женка, должна ты быть уже около Москвы. Чѣмъ дальше ѣдешь, тѣмъ тебѣ легче; а мнѣ!.. Сестры твои тебя ждутъ, воображаю вашу радость; смотри, не сдѣлайся сама дѣвочкой, не забудь, что ужъ у тебя двое дѣтей, третьяго выкинула, береги себя, будь осторожна, пляши умѣренно, гуляй понемножку, а пуще — скорѣе добирайся до деревни. Цѣлую тебя крѣпко и благословляю всѣхъ васъ. Что Машка? чай, куда рада, что можетъ въ волю воевать! Теперь вотъ тебѣ отчетъ о моемъ поведеніи. Я сижу дома, обѣдаю дома, никого не вижу, а принимаю только Соболевскаго. Третьяго дня сыгралъ я славную штуку со Львомъ Сергѣевичемъ. Соболевскій, будто ненарочно, зоветъ его ко мнѣ обѣдать. Левъ Серг. является. Я передъ нимъ извинился какъ передъ гастрономомъ, что, не ожидая его, заказалъ себѣ только ботвинью да beefsteaks. Левъ Серг. тому и радъ. Садимся за столъ, подаютъ славную ботвинью; Левъ Серг. хлебаетъ двѣ тарелки, утираетъ осетрину; наконецъ требуетъ вина; ему отвѣчаютъ: нѣтъ вина.—Какъ нѣтъ?—Алекс. Серг. не приказалъ на столъ подавать. И я объявляю, что съ отъѣзда Нат. Ник. я на діэтѣ и пью воду. Надобно было видѣть отчаяніе и сардоническій смѣхъ Льва Сергѣича, который уже ко мнѣ, вѣроятно, обѣдать не явится. Во все время Соболевскій подливалъ себѣ воду то въ стаканъ, то въ рюмку, то въ длинный бокалъ и потчивалъ Льва Сергѣича, который чинился и отказывался. Вотъ тебѣ примѣръ моихъ невнятныхъ упражненій. Съ нетерпѣніемъ ожидаю твоего письма изъ Новгорода, и тотчасъ понесу его Кат. Ивановѣ. Покажѣсть прощай,

ангелъ мой. Цѣлую васъ и благословляю. Вчера былъ у насъ первый громъ—слава Богу, весна кончилась.

Н. Н. Пушкиной.—*Спб., 20—22 апрѣля.*—*Пятница.*—Ангелъ мой, женка! сейчасъ получилъ я твое письмо изъ Бронницъ и сердечно тебя благодарю. Съ нетерпѣвиемъ буду ждать извѣстія изъ Торжка. Надѣюсь, что твоя усталость дорожная пройдетъ благополучно, и что ты въ Москвѣ будешь здорова, весела и прекрасна. Письмо твое послалъ я теткѣ, а самъ къ ней не отнесъ, потому что репортуюсь больнымъ и боюсь царя встрѣтить. Всѣ эти праздники просижу дома. Къ наслѣднику являться съ поздравленіями и привѣтствіями не буду; царствіе его впереди, и мнѣ, вѣроятно, его не видать. Видѣлъ я трехъ царей: первый велѣлъ снять съ меня картузь, и пожурилъ за меня мою няньку; второй меня не жаловалъ; третій хоть и упекъ меня въ камеръ-пажи подъ старость лѣтъ, но промѣнять его на четвертаго не желаю: отъ добра добра не ищутъ. Посмотримъ, какъ-то нашъ Сашка будетъ ладить съ; съ моимъ тезкой я не ладилъ. Не дай Богъ ему идти по моимъ слѣдамъ, писать стихи, да ссориться съ царями! Въ стихахъ онъ отца не перещеголяетъ, а плетью обуха не перешибетъ. Теперь полно врать; поговоримъ о дѣлѣ: пожалуйста побереги себя, особенно сначала; не люблю я святой недѣли въ Москвѣ; не слушайся сестерь, не таскайся по гулявьямъ съ утра до ночи, не пляши на балѣ до заутрени. Гуляй умѣренно, ложись рано. Отца не пускай къ дѣтямъ: онъ можетъ ихъ испугать, и мало ли что еще. Пуще береги себя во время болѣзни—въ деревнѣ не читай

скверныхъ книгъ дѣдиной библіотеки, не марай себѣ воображенія. женка. Кокетничать позволѣю, сколько душѣ угодно. Верхомъ ѣзди не на бѣшеныхъ лошадяхъ (о чемъ всепокорно прошу Дм. Ник.). Сверхъ того прошу не баловать ни Машку, ни Сашку, и если ты не будешь довольна своей няней или кормилицей, прошу тотчасъ прогнать, не совѣстясь и не церемонясь.

Воскресенье. Христосъ воскресъ, моя милая женка; грустно, мой ангелъ, грустно безъ тебя. Письмо твое мнѣ изъ головы нейдетъ. Ты, мнѣ кажется, слишкомъ устала. Приѣдешь въ Москву, обрадуешься сестрамъ; нервы твои будутъ напряжены, ты подумаешь, что ты здорова совершенно, цѣлую ночь прстоишь у всенощной, и теперь лежишь въ растяжку, въ истерикѣ и лихорадкѣ. Вотъ что меня тревожитъ, мой ангелъ, такъ что голова кругомъ идетъ, и что ничто другое въ умъ не лѣзетъ. Дождусь ли я, чтобъ ты въ деревню уѣхала? Нынче великій князь присягалъ; я не былъ на церемоніи, потому что репортуюсь больнымъ, да и въ самомъ дѣлѣ не очень здоровъ. Кочубей сдѣланъ канцлеромъ; множество милостей; шесть фрейлинъ, между прочими твоя пріятельница Натали Оболенская, а наша Машенька Вяземская все нѣтъ. Жаль и досадно. Наслѣдникъ былъ очень тронуть; государь также. Вообще говорятъ, все это произвело сильное дѣйствіе. Съ одной стороны я очень жалѣю, что не видалъ сцены исторической, и подѣ старость нельзя мнѣ будетъ говорить объ ней, какъ свидѣтелю. Еще новость: Мердеръ умеръ; это еще тайна для в. князя, и отравить его юношескую радость. Аракчеевъ также умеръ. Объ этомъ во всей Россіи жалѣю я одинъ. Не удалось мнѣ съ нимъ видѣться и наговориться. Тетка подарила мнѣ шоколадный бильярдъ—преlestь.

Она тебя очень цѣлуетъ и по тебѣ хандритъ. Прощайте, всѣ мои. Христось воскресъ, Христось съ вами.

М. Н. Пушкиной.—*Спб., 28 апрѣля.*—Ну, женка! насилу дождались мы отъ тебя письма. По моему расчету, ты должна была пріѣхать въ Москву въ великій четвергъ (такъ и вышло), и цѣлые девять дней не было отъ тебя извѣстія. Тетка перепугалась. Я былъ спокойнѣе, зная уже, что ты до Торжка дотащилась благополучно, и полагая, что хлопоты пріѣзда и радость свиданія помѣшаютъ тебѣ въ первые дни думать о письмахъ. Однако ужъ и мнѣ становилось плохо. Слава Богу! ты пріѣхала, ты и Маша здоровы, Сашкѣ лучше, вѣроятно онъ и совсѣмъ выздоровѣетъ. Не отъ кормилицы ли онъ боленъ? вели ея осмотрѣть, да отыми его отъ груди, пора. Кланяйся сестрамъ. Попроси ихъ отъ меня Машку не баловать, т. е. не слушаться ея слезъ и крику, а то мнѣ не будетъ отъ нея покоя. Береги себя, и сдѣлай милость, не простудись. Что дѣлать съ матерью? Коли она сама къ тебѣ пріѣхать не хочетъ, поѣзжай къ ней на недѣлю, на двѣ, хоть это лишніе расходы и лишнія хлопоты. Боюсь ужасно для тебя семейственныхъ сценъ. Помяни Господи царя Давида и всю кротость его!—Съ отцомъ пожалуйста не входи въ близкія сношенія и дѣтей ему не показывай; на него, въ его положеніи, невозможно полагаться. Того и гляди, откуситъ у Машки носикъ. Теперь вотъ тебѣ всепокорнѣйшій отчетъ. Святую недѣлю провелъ я чинно дома, былъ всего вчерась (въ пятницу) у Карамзиной да у Смирновой. На какаляхъ не являлся; завтра будетъ балъ, на который также не явлюсь. Этотъ балъ кружитъ

головой и сдѣлался предметомъ толковъ всего города. Будеть 1,800 гостей. Расчислено, что, полагая по одной минутѣ на карету, подъѣздъ будетъ продолжаться 10 часовъ; но кареты будутъ подъѣзжать по 3 вдругъ, слѣдственно время втрое сократится. Вчера весь городъ ѣздилъ смотрѣть залу, кромѣ меня. Соболевскій здѣсь, позанялъ у меня 50 р. и съ тѣхъ поръ ко мнѣ не являлся. Левъ Серг. переѣзжаетъ сегодня отъ Энг. къ родителямъ. Честь имѣю тебѣ замѣтить, что твой извозчикъ спрашивалъ не рейнвейну, а ренскаго (т. е. всякое бѣлое кисленькое виноградное вино называется ренскимъ); впрочемъ, твое замѣчаніе о просвѣщеніи русскаго народа очень справедливо и дѣлаетъ тебѣ честь, а мнѣ удовольствіе. Dis-moi ce que tu bois, je te dirai qui tu es. Пьешь ли ты ромашку или eau d'orange? Тетка третьяго дня заѣзжала ко мнѣ узнать о твоёмъ здоровьѣ и кокетничала со мною изъ... ты. Сегодня отправлюсь къ ней съ твоимъ письмомъ. Прощай, мой ангелъ; цѣлую тебя и всѣхъ васъ благословляю. Кланяюсь сестрамъ. — Эхъ, хотѣлось бы отпустить une bonne plaisanterie, да тебя боюсь. Addio.

Н. Н. Пушкиной. — Спб., 30 апрѣля. — Оминъ понедѣльникъ. — Вчера былъ, наконецъ, дворянскій балъ. Съ шести часовъ начался подъѣздъ экипажей. Я пошелъ бродить по городу и прошелъ мимо дома Нарышкина. Народу толпилось множество. Полиція съ нимъ шумѣла. Иллюминацію приготавливали. Не дождавшись сумерковъ, пошелъ я въ англ. клубъ, гдѣ со мною случилось маленькое происшествіе. У меня въ клубъ украли 350 рублей, украли не въ тинтере, не въ вистъ, а украли, какъ крадутъ на площадяхъ. Каковъ нашъ клубъ? перещеголяли мы и московскій! Ты думаешь, что я сердился?

ничуть. Я золь на Петербургъ, и радуюсь каждой его гадости. Возвратясь домой, получаю твое письмо, милый мой ангель. Слава Богу, ты здорова, дѣти здоровы, ты най дитя; съ бала уѣзжаешь прежде мазурки, по приходамъ не таскаешься. Одно худо: не утерпѣла ты, чтобъ не съѣздить на балъ кн. Голицыной. А я именно объ этомъ и просилъ тебя. Я не хочу, чтобъ жена моя ѣздила туда, гдѣ хозяйка позволяетъ себѣ невниманіе и неуваженіе. Ты не *m-lle Sonntag*, которую зовутъ на вечеръ, а потомъ на нее и не смотрять. Московскія дамы мнѣ не примѣръ. Онѣ пускай таскаются по переднямъ къ тѣмъ, которыя на нихъ и не смотрять. Туда имъ и дорога. Женка, женка! если ты и въ эдакой бездѣлицѣ меня не слушаешь, такъ какъ мнѣ не думать... ну, ужъ Богъ съ тобой.— Ты говоришь: я къ ней не ѣздила, она сама ко мнѣ подошла. Это-то и худо. Ты могла и должна была сдѣлать ей визитъ, потому что она штатсъ-дама, а ты камеръ-пажиха; это дѣло службы. Но на балъ къ ней нечего бѣло тебѣ являться. Ей Богу, досада беретъ — и письма не хочу продолжать.

Н. Н. Пушкиной.—*Спб., 30 апрѣля.* — Женка моя милая, женка мой ангель—я сегодня ужъ писалъ тебѣ, да письмо мое какъ то не удалось. Началъ я было за здравіе, свелъ за упокой. Началъ нѣжностями, а кончилъ плюхой. Виноватъ, женка. Остави намъ долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Прощаю тебѣ балъ у Голицыной и поговорю тебѣ о балѣ вчерашнемъ, о которомъ весь городъ говоритъ, и который, сказываютъ, очень удался. Ничего нельзя было видѣть великолѣпнѣе. Было и не слишкомъ тѣсно, и много мороженова.

такъ что мнѣ бы очень было хорошо. Но я былъ въ народѣ, и передо мною весь городъ проѣхалъ въ каретахъ (кромѣ поэта Кукольника, который проѣхалъ въ какомъ-то старомъ фурговѣ, съ какимъ то оборваннымъ мальчикомъ на запяткахъ, что было истинное поэтическое явленіе). О туалетахъ я справлюсь и дамъ тебѣ знать. Я писалъ тебѣ, что у меня въ клобѣ украли деньги; не вѣрь, это низкая клевета: деньги нашлись, и мнѣ принесены. Напрасно ты думаешь, что я въ лапахъ у Соболевскаго и что онъ пакоститъ твои мебели. Я его вовсе не вижу, а подружился опять съ Sophie Kagamine. Она сегодня на свадьбѣ, у Бакуниной. Есть еще славная свадьба: Воронцовъ женится на дочери К. А. Нарышкина, которая и въ свѣтъ еще не выѣзжаетъ. Теперь изъ богатыхъ жениховъ остался одинъ Новомлинскій, ибо Сорохтинъ, ты говоришь, умре. Кого то выберетъ онъ? Александру ли Николаевну или Кат. Ник.? какъ думаешь? Это письмо, вѣроятно, получивъ ты уже въ Яропольцѣ; Натальѣ Ивановнѣ я уже писалъ; поцѣлуй за меня у ней ручки и скажи много вѣжнаго.—Прощай, жена, цѣлую и благословляю тебя и васъ. — А. П.

Д. Н. Бятышъ-Каменскому. — *Спб., 1 мая.* — М. Г. Дмитрій Николаевичъ! Позвольте принести вамъ глубочайшую мою благодарность за письмо, драгоценный знакъ вашей благосклонности, и за снимокъ съ печати Самозванца, который я тотчасъ и отдалъ гравировать. Портретъ его у меня есть, и также гравированъ. Съ ветеранствомъ буду ждать біографію Пугачева, которую извоите мнѣ обѣщать съ такою снисходительностію.

Жалѣю, что время не позволяетъ мнѣ поцѣловать мой трудъ вашему разсмотрѣнію. Мнѣ

нія и замѣчанія такого человѣка, баковъ вы, послужили бы мнѣ руководствомъ и ободрили бы первый мой историческій опытъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. *А. Пушкинъ.*

Н. Н. Пушкиной. — *Спб., 13 мая.* — Какая ты дура, мой ангелъ! конечно я не стану беспокоиться оттого, что ты три дня пропустишь безъ письма, такъ точно какъ я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь съ кавалергардомъ. Изъ этого еще не слѣдуетъ, что я равнодушенъ и не ревнивъ. Я отправилъ тебя изъ Петербурга съ большимъ безпокойствомъ; твое письмо изъ Бронницы еще болѣе меня взволновало. Но когда узналъ я, что до Торжка ты доѣхала здорова, у меня горе съ сердца свалилось, и я не сталъ сывзова хандрить. Письмо твое очень мило, а опасенія насчетъ истинныхъ причинъ моей дружбы къ Софьѣ Карамзиной очень пріятны для моего самолюбія. Отвѣчаю на твои запросы: Смирнова не бываетъ у К., ей не встаетъ брюхо на такую лѣстницу; кажется, она уже на дачѣ; графиня Сологубъ тамъ также не бываетъ, но я видѣлъ ее у кн. В. — Волочиться я ни за кѣмъ не волочусь; у меня голова кругомъ идетъ. Не радъ жизни, что взялъ имѣніе; но что жъ дѣлать? Не для меня, такъ для дѣтей. Тетка вчера сидѣла у меня. Она тебя цѣлуетъ. Вчера былъ большой парадъ, который, говорятъ, не удался. Царь посадилъ Н. подъ арестъ. Сюда ожидаютъ прусскаго принца и много другихъ гостей. Надѣюсь не быть ни на одномъ празднике. Одна мнѣ и есть выгода отъ отсутствія твоего, что не обязанъ на балахъ дремать и жрать мороженое. Пишу тебѣ въ Ярославль, гдѣ ты должна быть съ третьягодневнаго дня.

Кланяюсь сердечно Нат. Ив., цѣлую тебя и дѣтей. Христось съ вами. Знаешь ты, что кн. Мещ. и Sophie Karamsine ѣдутъ за границу? Sophie уже плачетъ недѣли двѣ; вѣроятно, я доведу ее до Кронштадта.

Н. В. Гоголю. — *Спб., послѣ 13 мая.* — Я совершенно съ вами согласенъ. Пойду сегодня же назидать Уварова, и кстати о смерти Телеграфа, поговорю и о вашей (что де Гоголь при смерти). Отъ сего незамѣтнымъ и искуснымъ образомъ перейду къ безсмертію, его ожидающему. Авось уладимъ.

Н. Н. Пушкиной. — *Спб., 15 мая.* — Мой ангелъ! поздравляю тебя съ Машинымъ рожденіемъ, цѣлую тебя и ее. Дай Богъ ей зубковъ и здоровья. Того же и Сашѣ желаю, хоть онъ не именинникъ. Ты такъ давно, такъ давно ко мнѣ не писала, что не смотря на то, что беспокоить-ся по пустому я не люблю, но я беспокоюсь. Я долженъ былъ изъ Яропольца получить по крайней мѣрѣ два письма. Здорова ли ты и дѣти? спокойна ли ты? Я тебѣ не писалъ, потому что былъ золь — не на тебя, на другихъ. Одно изъ моихъ писемъ попало въ полицію, и такъ далѣе. Смотри, женка, надѣюсь, что ты моихъ писемъ списывать никому не дашь; если почта распечатала письмо мужа къ женѣ, такъ это ея дѣло, и тутъ одно неприятно: тайна семейственныхъ сношеній, проикнутая сквернымъ и безчестнымъ образомъ; но если ты виновата, такъ это мнѣ было бы больно. Никто не долженъ знать, что можетъ происходить между нами; никто не долженъ быть принятъ въ нашу спальню. Безъ тайны нѣтъ семейственной жизни. Но знаю, что этого быть не мо-

жетъ; а свинство уже давно меня ни въ комъ не удивляетъ.

Вчера я былъ въ концертъ, данномъ для бѣдныхъ въ великолѣпной залѣ Нарышкина, въ самомъ дѣлѣ великолѣпной. Какъ жаль, что ты ее не видела! Пѣли новую музыку Вьельгорскаго на слова Жуковскаго. Я никого не вижу, нигдѣ не бываю; принялся за работу и пишу по утрамъ. Безъ тебя такъ мнѣ скучно, что поминутно думаю къ тебѣ поѣхать, хоть на недѣлю. Вотъ ужъ мѣсяць живу безъ тебя; дотяну до августа; а ты себя береги, боюсь твоихъ гулявій верхомъ. Я еще не знаю, какъ ты ѣдишь; вѣроятно — смѣло; да крѣпко ли на сѣдлѣ сидишь? вотъ запрось. Дай Богъ тебя мнѣ увидѣть здоровою, дѣтей цѣлыхъ и живыхъ! да плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить баринномъ! Неприятна зависимость; особенно, когда лѣтъ 20 человекъ былъ независимъ. Это не упрекъ тебѣ, а ропотъ на самого себя. — Благословляю всѣхъ васъ, дѣтушки.

Н. Н. Пушкиной. — *Спб.*, 16 мая. — Давно, мой ангелъ, не получалъ я отъ тебя писемъ. Тебѣ, видно, было некогда. Теперь, вѣроятно, ты въ Яропольцѣ, и уже опять собираешься въ дорогу. Такая тоска безъ тебя, что того и гляди, приѣду къ тебѣ. Говорилъ я со Спасскимъ о Пирмонтскихъ водахъ; онъ желаетъ, чтобы ты ихъ принимала, и входилъ со мною въ подробности, о которыхъ по почтѣ не хочу тебѣ писать. Пиши мнѣ о своемъ здоровьѣ и о здоровьѣ дѣтей, которыхъ цѣлую и благословляю. Кланяюсь Н. Ив. — Тебя цѣлую. — Надняхъ получишь письма по оказіи. — Прощай, мой милый другъ.

Н. Н. Пушкиной. — *Спб., въ концѣ мая.* — Что это, жена? вотъ уже 5 дней, какъ я не имѣю о тебѣ извѣстiя. Надѣюсь, что хлопоты отъѣзда и прiѣзда однѣ помѣшали тебѣ ко мнѣ писать и что ты и дѣти здоровы. Пишу къ тебѣ въ Ярополецъ. Не знаю, куда отправить тебѣ деньги, въ Москву ли, въ Волоколамскъ ли, въ Калугу ли? Надняхъ на чтонибудь рѣшусь. Что тебѣ сказать о себѣ: жизнь моя очень однообразна. Обѣдаю у Дюме часа въ 2, чтобъ не встрѣтиться съ холостой шайкою. Вечеромъ бываю въ клубѣ. Вчера былъ у кн. Вяземской, гдѣ находилась и твоя гр. Сологубъ. Оттуда поѣхалъ я къ Одоевскому, который ѣдетъ въ Ревель. Тетку вижу часто, она беспокоится, что давно нѣтъ объ тебѣ извѣстiя. — Погода у насъ славная, а у васъ, вѣроятно, еще лучше. Пора тебѣ въ деревню на лѣкарство, на ванны и на чистый воздухъ.

Сейчасъ, мой ангелъ, получилъ я твое письмо отъ 1-го мая. Благодарю тебя, что ты переждешь..... Это мнѣ доказываетъ твое благоравушiе, и я тебя втрое за то люблю. Радуюсь, что ты хорошѣешь, хоть это *du superflu*. Сейчасъ (въ 5 час.) сидѣла у меня тетка, она тебя цѣлуетъ. — Лѣтнiй садъ полонъ. — Всѣ гуляютъ. Гр. Фикельмонъ звала меня на вечеръ. Явлюсь въ свѣтъ въ первый разъ послѣ твоего отъѣзда. — За Сологубъ я не ухаживаю, вотъ-те Христось; и за Смирновой тоже. Смирнова ужасно брюхата, а родить черезъ мѣсяць. — Всѣ тебѣ вланияются. Завтра еще буду писать. Не смѣй купаться — съ ума сошла, что ли? Послѣ завтра обѣдаю у Спасскаго и буду на тебя жаловаться. Я не поѣхалъ къ Фикельмону, а остался дома, перечелъ твое письмо и ложусь спать. Братъ Иванъ у меня. Левъ Серг. и отецъ меня очень любятъ, а Ольга Сергѣевна

начинаетъ уже сердить. — Откажусь ото всего — и стану жить припѣваючи.

Н. Н. Пушкиной. — *Сиб.*, 29 мая. — Благодарю тебя, мой ангель, за добрую вѣсть о зубкѣ Машиномъ. Теперь надѣюсь, что и остальные прорѣжутся безопасно. Теперь за Цашкою дѣло. Чтò ты путаешь, говоря: „о себѣ не пишу, потому что не интересно“. Лучше бы ты о себѣ писала, чѣмъ о S., о которой забираешь въ голову всякій вздоръ — на-смѣхъ всѣмъ частнымъ людямъ и полиціи, которая читаетъ наши письма. Ты спрашиваешь, чтò я дѣлаю. — Ничего путнаго, мой ангель. Однако дома сижу до 4-хъ часовъ и работаю. Въ свѣтѣ не бываю; отъ фрака отвыкъ; въ клубѣ провожу вечера. Книги изъ Парижа пріѣхали, и моя бібліотека растеть и тѣснитъ. Къ намъ въ Петербургъ пріѣхалъ ventriloque, который смѣшилъ меня до слезъ; мнѣ право жаль, что ты его не услышишь. Хлопоты по имѣнію меня бѣсятъ; съ твоего позволенія, надобно будетъ, кажется, выдти мнѣ въ отставку и со вздохомъ сложить камеръ конкерскій мундиръ, который такъ пріятно льстил моему честолюбію, и въ которомъ, къ сожалѣнію, не успѣлъ я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я увѣренъ, что тебѣ не трудно будетъ исполнять долгъ доброй матери, какъ исполняешь ты долгъ честной и доброй жены. Зависимость и разстройство въ хозяйствѣ ужасны въ семействѣ; и никакіе успѣхи тщеславія не могутъ вознаградить спокойствія и довольства. — Вотъ тебѣ и мораль. Ты зовешь меня къ себѣ прежде августа. Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Ты развѣ думаешь, что свивскій Петербургъ не гадокъ мнѣ? что мнѣ весело въ немъ жить

между пасквилями и доносами? Ты спрашиваешь меня о Петрѣ (Великомъ)?—идеть по маленьку; скопляю матерьялы — привожу въ порядокъ — и вдругъ вылью мѣднѣй памятникъ, котораго нельзя будетъ перетаскивать съ одного конца города на другой, съ площади на площадь, изъ переулка въ переулокъ. Вчера видѣлъ я Сперанскаго, Карамзинныхъ, Жуковскаго, Вьельгорскаго, Вяземскаго — всѣ тебѣ кланяются. Тетка меня все балуетъ—для моего рожденія прислала мнѣ корзину съ дынями, съ земляникой, клубничкой—такъ что боюсь попомомъ встрѣтить 36-ой годъ бурной моей жизни. Сегодня ѣду къ ней съ твоимъ письмомъ. Покажеться прощай, мой другъ.—У меня желчь, такъ извини мои сердитыя письма. Цѣлую васъ и благословляю.

Р. С. Деньги шлю на имя Дм. Ник.

Н. Н. Пушкиной. — *Спб., 3 июня.* — Что это, мой другъ, съ тобою дѣлается? вотъ ужъ девятый день, какъ не имѣю отъ тебя извѣстiя. Это меня поцеволю безпокоить. Положимъ, ты выѣзжала изъ Ярополяца; все-таки, могла имѣть время написать мнѣ двѣ строчки. Я не писалъ тебѣ потому, что свинство почты такъ меня охолодило, что я пера въ руки взять былъ не въ силѣ. Мысль, что кто-нибудь насъ съ тобой подслушиваетъ, приводитъ меня въ бѣшенство à la lettre. Безъ политической свободы жить очень можно; безъ семейственной неприкосновенности (*inviolabilité de la famille*) невозможно. Каторга не въ примѣръ лучше. Это писано не для тебя; а вотъ что пишу для тебя. Начала ли ты желѣзныя ванны? есть ли у Маши новые зубы, и каково перенесла она свои первые? У меня отгадай, кто теперь остановился? — Сергѣй Ник., который ирѣхаль-было въ Ц. Се-

ло къ брату, но съ нимъ побранился и принужденъ былъ ъзжать со всѣмъ багажемъ. Я очень ему радъ. Шашки возобновились. Тетка уѣхала съ Натальей Кир.—Я еще у ней не былъ. Долгорукая Малиновская выкинула, но, кажется, здорова. Сегодня обѣдаю у Вяземскаго, у котораго сынъ пмениникъ; Карамзина уѣхала также. Писалъ я тебѣ, что Мецкерскіе отправились въ Италію, и что Sophie три дня сряду разливалась, обвиняя себя въ жестокосердіи и расканываясь въ томъ, что оставляетъ Кат. Андр. одну? Я провожалъ ихъ до пироскафа. Въ прошлое воскресенье представлялся я къ вел. княгинѣ. Я повѣхалъ къ ея выс. на Кам. Островъ въ томъ пріятномъ расположеніи духа, въ которомъ ты меня привыкла видѣть, когда надѣваю свой великолѣпный мундиръ. Но она такъ была мила, что я забылъ и свою несчастную роль и досаду. Со мною вмѣстѣ представлялся цензоръ Красовскій. Вел. кн. сказала ему: *Vous devez être bien fatigué d'être obligé de lire tout ce qui paraît.*—*Oui, Votre A. I.,* отвѣчалъ онъ ей: *d'autant plus que ce que l'on écrit maintenant n'a pas le sens commun.* А я стою подлѣ него. Она, какъ умная женщина, какъ-то его подправила. Смирнова на сносяхъ. Брюхо ея ужасно; не знаю, какъ она разрѣшится, но она много ходитъ и не похожа на то, что была прошлаго года. Гр. Сологубъ встрѣтилъ я недавно. Она велѣла тебя поцѣловать, и тетка ея также. Я большею частію дома и въ клубъ. Веду себя порядочно, только то не хорошо, что разстроилъ себѣ желудокъ и что желчь меня такъ и волнуетъ. Да отъ желчи здѣсь не убережешься. Новостей нѣтъ, да хоть бы и были, такъ не скавалъ бы.—Цѣлую всѣхъ васъ, Христось съ вами. Отецъ и мать на дняхъ ѣдутъ въ деревню, а я хлопочу. Левъ ходитъ пѣшкомъ въ Царское

Село, а Соболевскій въ Ораніенбаумъ. Видно, имъ обоимъ дѣлать нечего. Прощай мой ангелъ. Не сердись на холодность моихъ писемъ. Пишу, скрѣпя сердце.

Д. Н. Бантышъ-Каменскому. — *Спб.*, 3 іюня. — М. Г. Дмитрій Николаевичъ! Не знаю, какъ васъ благодарить за доставленіе бумагъ, касающихся Пугачева. Не смотря на то, что я имѣлъ уже въ рукахъ множество драгоцѣнныхъ матеріаловъ, я тутъ нашелъ неизвѣстныя, любопытныя подробности, которыми непремѣнно воспользуюсь. Смирдину отдалъ я вашу прекрасную статью о П а н и н ѣ. Онъ взялъ ее къ себѣ съ благодарностію. Не согласитесь ли вы участвовать въ его журналѣ и на какихъ условіяхъ?

Вы вѣроятно изволпи слышать о торговомъ и литературномъ предпріятіи Плюшара, о русскомъ Conversations-Lexicon. Великое множество біографическихъ статей, вами заготовленныхъ, могли бы войти въ составъ этого лексикона.. Не войдете ли вы въ сношеніе съ Плюшаромъ? Въ такомъ случаѣ прошу васъ выбрать меня въ свои повѣренныя, а мы рады стараться.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. *Пушкинъ.*

Н. Н. Пушкиной. — *Спб.*, 8 іюня. — Милый мой ангелъ! Я было написалъ тебѣ письмо на 4 страницахъ, но оно вышло такое горькое и мрачное, что я его тебѣ не послалъ, а пишу другое. У меня рѣшительно сплинь. Скучно жить безъ тебя и не смѣтъ даже писать тебѣ все, что придетъ на сердце. Ты говоришь о Болдинѣ. Хорошо бы туда засѣсть, да мудроно.

Объ этомъ успѣемъ еще поговорить. Не сердись, жена, и не толкуй моихъ жалобъ въ худую сторону. Никогда не думалъ я упрекать тебя въ своей зависимости. Я долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ бы безъ тебя несчастливъ; но я не долженъ былъ вступать въ службу, и что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ. Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня, какъ на холопа, съ которымъ можно имъ поступать, какъ имъ угодно. Опала легче прервѣнія. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шуткомъ ниже у Господа Бога. Но ты во всемъ этомъ не виновата, а виновать я изъ добродушія, которымъ я преисполненъ до глупости, не смотря на опыты жизни.

Благодарю тебя за вѣсы, роскошную вывѣску моей скупости. Мнѣ пріслала ихъ тетка безъ записки. Вѣроятно, она теперь въ хлопотахъ и приготовляетъ Нат. Кир. къ вѣсти о смерти кв. Кочубея, который до васъ не доѣхалъ, какъ имѣлъ намѣреніе, и умеръ въ Москвѣ. Денегъ тебѣ еще не посылаю. Принужденъ былъ снарядить въ дорогу своихъ стариковъ. Теряютъ меня безъ милосердія. Вѣроятно, послушаюсь тебя и скоро откажусь отъ управленія имѣнія. Пускай они его коверкаютъ, какъ знаютъ; на ихъ вѣкъ станетъ, а мы Сашкѣ и Манкѣ постараемся оставить кусокъ хлѣба. Не такъ-ли? Новостей нѣтъ. Фикельмонъ боленъ и въ ужасной хандрѣ. Вьельгорскій ѣдетъ въ Италію къ больной женѣ; Петербургъ пусть, всѣ на дачахъ, а я сижу дома до 4 часовъ и пишу. Обѣдаю у Дюме. Вечеромъ въ клубѣ. Вотъ и весь мой день. Для развлеченія вздумалъ было я въ кло-

бѣ играть, но принужденъ былъ остановиться. Игра волнуетъ меня—а желчь не унимается. Цѣлую васъ и благословляю. Прощай Жду отъ тебя письма объ Яропольцѣ. Но будь осторожна... вѣроятно, и твои письма распечатываютъ: этого требуетъ государственная безопасность!

Н. Н. Пушкиной.—*Спб., 11 іюня.* — Нашла, за что бравиться!.. за Лѣтній садъ и за Соболевскаго! Да вѣдь Лѣтній садъ—мой огородъ. Я, вставши отъ сна, иду туда въ халатѣ и туфляхъ. Послѣ обѣда сплю въ немъ, читаю и пишу. Я въ немъ дома. А Соболевскій? Соболевскій самъ по себѣ, а я самъ по себѣ. Онъ спекуляціи творитъ свои, а я свои. Моя спекуляція—удрать къ тебѣ въ деревню. Что ты мнѣ пишешь о Калугѣ? что тебѣ смотрѣть на нее? Калуга немного гаже Москвы, которая гораздо гаже Петербурга. Что же тебѣ тамъ дѣлать? Это тебя сестры баломутятъ, и вѣрно ужъ моя любимая. Это на нее весьма похоже. Прошу тебя, мой другъ, въ Калугу не ѣздить. Сиди дома—такъ будетъ лучше. Тетка на дачѣ, а я у ней еще не былъ. Ёду сегодня съ твоими письмами. Нат. Кир. узнала о смерти Кочубея. Je ne croyais pas, сказала она, que la mort de K. me fit tant de peine. Она утѣшается тѣмъ, что умеръ—онъ, а не Маша. Сегодня ѣдутъ мои въ деревню, и я ихъ иду проводить, до кареты, не до Царскаго Осла, куда Левъ Серг. ходитъ пѣшечкомъ. Ужъ какъ меня теребили; вспомнилъ я тебя, мой ангелъ. А дѣлать нечего. Если не вьзаться за имѣніе, то оно пропадетъ же даромъ; Ольга Серг. и Л. Серг. останутся на подножномъ корму, а придется взять ихъ мнѣ же на руки, тогда то наплачусь и наплачусь, а имъ и горя мало! Меня же будутъ цыганить. Охъ, семья, семья!

Пожалуйста, мой другъ, не ѣзди въ Калугу. Съ кѣмъ тамъ тебѣ знаться? съ губернаторшей? Она очень мила и умна; но я никакой не вижу причины тебѣ ѣхать къ ней на поклонъ. Съ невѣстой Дм. Ник.? Вотъ это дѣло другое. Ты сладъ эту свадьбу, а я пріѣду въ отцы посаженные. Напиши мнѣ, женка, какъ поживала ты въ Яроп., какъ ладила съ матушкой и съ прочими. Надѣюсь, что вы разстались дружески, не успѣвъ поссориться и приревновать другъ къ другу. У насъ ожидаютъ прусскаго принца. Вчера пріѣхалъ Орловъ изъ Берлина съ женою въ три обхвата. Славная баба; я, смотря на нее, думалъ о тебѣ и желалъ тебѣ воротиться изъ Завода такую-же тетехой. Полно тебѣ быть сличкой. Прощай, жена. У меня на душѣ просвѣтлѣло. Я два дня сряду получалъ отъ тебя письма и помирился отъ души съ почтой и полиціей. Чортъ съ ними. Что дѣлають дѣти? благословляю ихъ, а тебя цѣлую.

Н. Н. Пушкиной — *Въ тотъ же день.* — Сейчасъ отъ меня тетка. Она просить тебя къ ней писать, а меня — тебѣ уши выдрать. Она переѣзжаетъ въ Царское Село, въ домъ кн. Кочубея, съ Нат. Кир., которая удивительно мила и добра; завтра ѣду съ ней проститься. Зачѣмъ ты теткѣ не пишешь? Какая ты безалаберная! Она просить, чтобы я тебя въ Калугу пустилъ; да вѣдь ты махнешь и безъ моего позволенія. Ты на это молодець. Сейчасъ простился съ отцомъ и матерью. У него хандра и черныя мысли. Знаешь, что я думаю? не пріѣхать ли мнѣ къ тебѣ на лѣто? Нѣтъ, жена, дѣло есть, потерпимъ еще полтора мѣсяца. А тутъ я къ тебѣ упаду, какъ свѣгъ на голову, — если только пустятъ меня. Охота тебѣ думать о помѣщеніи

сестеръ во дворецъ. Во-первыхъ, вѣроятно откажутъ; а во-вторыхъ, коли и возьмутъ, то подумай, что за скверные толки пойдутъ по свиному Петербургу. — Ты слишкомъ хороша, мой ангелъ, чтобъ пускаться въ просительницы. Погоди: овдовѣешь, постарѣешь — тогда, пожалуй, будь салопницей и титулярной совѣтницей. Мой совѣтъ тебѣ и сестрамъ — быть подалѣ отъ двора; Вы же не богаты. На тетку вамъ нельзя всѣмъ навалиться. Боже мой! кабы Заводы были мои, такъ меня бы въ Петербургъ не заманили и московскимъ калачемъ. Жилъ-бы себѣ баринкомъ. — Но вы, бабы, не понимаете счастья независимости и готовы закабалить себя на вѣки, чтобы только сказали про васъ: *hier madame une telle était décidément la plus belle et la mieux mise du bal.* Прощай, *madame une telle*, тетка прислала мнѣ твое письмо, за которое я тебя очень благодарю. Будь здорова, умна, мила, не ѣзди на бѣшеныхъ лошадяхъ, за дѣтми смотри, чтобъ за ними няньки ихъ смотрѣли, пиши ко мнѣ чаще; сестеръ поцѣлуй запросто, Дм. Ннк. также — дѣтей за меня благослови. Цѣлую тебя. Ъду на пироскафъ провожать Вьельгорскаго, который, вѣроятно, жену свою въ живыхъ не застанетъ. Петръ I идетъ; того и гляди, напечатаю 1-ый томъ къ зимѣ. И а того я перестала сердиться, потому что, *toute réflexion faite*, не онъ виноватъ въ свинствѣ, его окружающемъ. А живя въ н..... поповолѣ привыкнешь къ '....., и вонь его тебѣ не будетъ противна, даромъ что gentleman. Ухъ, кабы мнѣ удрать на чистый воздухъ!

Н. Н. Пушкиной. — Спб., 19-го июня. — Грустно мнѣ, женка. Ты больна, дѣти больны. Чѣмъ это

все кончится, Богъ вѣсть. Здѣсь меня теребятъ и бѣсятъ безъ милости. И мои долги, и чужіе мнѣ покоя не дають. Имѣніе разстроено, и надобно его поправить, уменьшая расходы, а они обрадовались и на меня насѣли. То—то, то другое. Вотъ тебѣ письмо Спасскаго. Если ты здорова, на что тебѣ ванны. Тетку видѣлъ на дняхъ. Она ѣдетъ въ Царск. Село. Прощай, женка. Плетневъ сейчасъ ко мнѣ входитъ. — П.
Цѣлую васъ всѣхъ и благословляю дѣтей.

Н. Н. Пушкиной. — *Спб.*, 31-го іюня. — „Ваше благородіе, всегда понапрасну лаяться изводителю“ (Недоросль).

Помилуй, за что, въ самомъ дѣлѣ, ты меня бранишь? что я пропустилъ одну почту? но вѣдь почта у насъ всякій день; пиши, сколько хочешь и когда хочешь, не то что изъ Калуги, изъ которой письма приходятъ каждые десять дней. Предпоследнее письмо твое было такое милое, что расцѣловалъ бы тебя; а это такое безалаберное, что за ухо бы выдралъ. Буду отвѣчать тебѣ по пунктамъ. Когда я представлялся в. кн., дежурная была не С., а моя приципленая кузинка Ч...на, до которой я не охотникъ; да хоть бы и С. была въ караулѣ, такъ ужъ если влюбляться...—Эхъ, женка! почта мѣшаетъ, а то бы я навралъ тебѣ съ три короба. Я писалъ тебѣ, что я отъ фрака отвыкъ, а ты меня ловишь во лжи, какъ въ *petite misère ouverte*, доказывая, что я видѣлъ и того и другого, слѣдственно въ свѣтѣ бываю; это ничего не доказываетъ. Главное то, что я привыкъ опять къ Дюме и къ Англійскому клубу; а этимъ нечего хвастаться. Смирнова родила благополучно, и вообрази: двоихъ. Каковъ бабенка, и каковъ красноглазый кроликъ Смир-

новъ?— Сегодня, кажется, девятый день—я слышно, мать и дѣти здоровы. Ты пишешь мнѣ, что думаешь выдать Кат. Ник. за Хлюстина, а Алекс. Ник. за Убри; ничему не бываетъ: оба влюбятся въ тебя; ты мѣшаешь сестрамъ, потому надобно быть твоимъ мужемъ, чтобъ ухаживать за другими въ твоёмъ присутствіи, моя красавица. Хлюстинъ тебѣ вретъ, а ты ему вѣришь; откуда беретъ онъ, что я къ тебѣ въ августъ не буду? развѣ онъ пьянъ былъ отъ ботвиньи съ лукомъ? Меня въ Петербургѣ останавливаетъ одно: залогъ имѣнія Нижегородскаго; я даже Пугачева намѣренъ препоручить Яковлеву, да и дернуть къ тебѣ, мой ангелъ, на Полотняный Заводъ.

Туда бы отъ жизни удралъ, улизнулъ! Цѣлую тебя и дѣтей, и благословляю васъ отъ души.—Ты, я думаю, такъ въ деревнѣ похорошѣла, что ни на что не похоже.—Благодарю за анекдотъ о Дмитр. Ник. Не влюбленъ ли онъ? Тетка въ Царскомъ Селѣ. Надняхъ ѣду къ ней. Addio, vita mia; ti amo.

Н. Н. Пушкиной.—*Спб., въ концѣ іюня.*—Мой ангелъ, сейчасъ послалъ я къ графу Литта извиненіе въ томъ, что не могу быть на Петергофскомъ праздникѣ по причинѣ болѣзни. Жалѣю, что ты не увидишь; онъ того стоитъ. Не знаю даже, удастся ли тебѣ когда нибудь его видѣть. Я крѣпко думаю объ отставкѣ. Должно подумать о судьбѣ нашихъ дѣтей. Имѣніе отца, какъ я въ томъ удостовѣрился, разстроено до невозможности, и только строгой экономіей можетъ еще поправиться. Я могу имѣть большія суммы, но мы много и проживаемъ. Умри я сегодня, что съ вами будетъ! мало утѣшенія въ томъ, что меня

похоронятъ въ полосатомъ кафтанѣ, и еще на тѣсномъ петербургскомъ кладбищѣ, а не въ церкви на просторѣ, какъ прилично порядочному человѣку. Ты баба умная и добрая. Ты понимаешь необходимость; дай сдѣлаться богатымъ—а тамъ, пожалуй, и путать можемъ въ свою голову. Петербургъ ужасно скученъ. Говорятъ, что свѣтъ живетъ на Петергофской дорогѣ. На Черной рѣчкѣ только Бобринская да Фикельмонъ. Принимаютъ—а никто не ѣдетъ. Будутъ большіе праздники послѣ Петергофа. Но я ужъ никуда не поѣду. Меня здѣсь удерживаетъ одно: типографія. Виноватъ, еще другое: залогъ имѣнія. Но можно ли будетъ его заложить? какъ ты права была въ томъ, что не должно мнѣ было принимать на себя эти хлопоты, за которыя никто мнѣ спасибо не скажетъ, а которыя испортили мнѣ столько ужъ крови, что всѣ пѣвки дома нашего ея мнѣ не высосутъ.—Кстати о домѣ нашемъ: надобно тебѣ сказать, что я съ нашимъ хозяиномъ побранился, и вотъ почему. На дняхъ возвращаюсь ночью домой; двери заперты. Стучу, стучу; звоню, звоню. Насилу добудился дворника. А ему уже нѣсколько разъ говорилъ: прежде моего приѣзда не запирайте. Разсердясь на него, далъ я ему отеческое наказаніе. На другой день узнаю, что Оливье на своемъ дворѣ декламировалъ противу меня и велѣлъ дворнику меня не слушаться и двери запирайте съ 10 часовъ, чтобъ воры не украли лѣстницы. Я тотчасъ велѣлъ прибить къ дверямъ объявленіе, писанное рукою Сергѣя Николаевича, о сдачѣ квартиры — а къ Оливье написалъ письмо, на которое дуракъ до сихъ поръ не отвѣчалъ. Война же съ дворникомъ не прекращается, и вчера еще я съ нимъ повожился. Мнѣ его жаль, но дѣлать нечего: я упрямъ и

хочу переспорить весь домъ—включая тутъ и пѣвакоу. Я передъ тобой кругомъ виноватъ въ отношеніи денежномъ. Были деньги — и проигралъ ихъ. Но что дѣлать? я такъ былъ желченъ, что надобно было развлечься чѣмъ нибудь. Все тотъ виноватъ; но Богъ съ нимъ; отпустилъ бы лишь меня восвояси. Письмо твое не передо мной: кажется, есть что-то, на что обязанъ я возразить—но до другого дня.—Пока прощай. — Цѣлую тебя и дѣтей, благословляю всѣхъ троику. Прощай, душа моя — кланяйся сестрамъ и братьямъ. Сергѣй Ник. на дняхъ въ офицеры произведенъ и хлопочетъ о мундирѣ.—А. П.

Гр. А. Х. Бенкендорфу (черновое, по франц.).—*Спб., въ июнь.* — Повергая предъ Его Величеству II томъ Пугачева, я позволю себѣ изложить Вашему Превосходительству обстоятельства, лично до меня касающіяся, и прибѣгнуть къ Вашему обычному доброжелательству. Разрѣшая мнѣ напечатаніе этого сочиненія, Его Величество обезпечилъ мое состояніе. Вырученные отъ его продажи деньги дадутъ мнѣ возможность принять наслѣдство, отъ котораго я вынужденъ былъ отказаться за неимѣніемъ потребныхъ 40000 рублей. Вышеупомянутое сочиненіе доставить мнѣ эту сумму только въ томъ случаѣ, если бы я могъ самъ издать его, не прибѣгая къ книгопродавцамъ, для чего было бы достаточно 15000 рублей.

Поэтому прошу двухъ вещей: во-первыхъ, разрѣшенія печатать 2-й томъ Пугачева за мой счетъ въ Собственной типографіи Его Величества, находящейся въ завѣдываніи г. Яковлева, (это единственная типографія, относительно которой я увѣренъ, что не буду обманутъ) и во-вторыхъ, чтобы мнѣ даны были займы на

2 года 15000 рублей; эта сумма дастъ мнѣ возможность посвятить изданію необходимое для того количество времени и труда.

Я не имѣю иныхъ правъ на милость, о которой ходатайствую, кромѣ уже полученныхъ благодарѣній. Они-то и даютъ мнѣ смѣлость для новыхъ ходатайствъ. Вѣррю мою низжайшую просьбу Вашему покровительству.

Н. Н. Пушкиной.—*Опб., 2 іюля.*—Твоя Шишкова ошиблась: я за ея дочкой Полиной не волочился, потому что не видывалъ, а ѣздилъ я къ Александру Семеновичу Ш. въ академію, и то не для свадьбы, а для жетоновъ, *roug (pas?) autrement*. Исторія же о княжняхъ совершенно справедлива, и я не вижу тутъ ничего смѣшного. Благодарю тебя за милое и очень милое письмо. Конечно, другъ мой, кромѣ тебя въ жизни моей утѣшенія нѣтъ — и жить съ тобою въ разлукѣ такъ же глупо, какъ и тяжело. Но что жъ дѣлать? Послѣ завтраго начну печатать Пугачева, который до сихъ поръ лежитъ у Сперанскаго. Онъ задержитъ меня съ мѣсяць. — Въ августъ буду у тебя. Завтра Петергофскій праздникъ, и я проведу его на дачѣ у Плетнева, вдвоемъ. Будемъ пить за твое здоровье. Съ хозяиномъ Оливье я рѣшительно побранился, и надобно будетъ имѣть другую квартиру, особенно, если пріѣдутъ съ тобою сестры. Serge еще у меня, вчера явился ко мнѣ въ офицерскомъ мундирѣ, и молодець.—Исторія о томъ, какъ Ив. Ник. побранился съ Юрьевымъ и какъ они помирились, уморительно смѣшна, но долго тебѣ рассказывать. Изъ деревни имѣю я вѣсти неутѣшительныя. Посланный мною новый управитель нашель все въ такомъ безпорядкѣ, что отказался отъ управленія и уѣхалъ. Думаю

послѣдовать его примѣру. Онъ умный человѣкъ, а Болдино можно еще коверкать лѣтъ пять.

Прости, женка. Благодарю тебя за то, что ты общаешься не кокетничать; хоть это я тебѣ и позволилъ, но все-таки лучше моимъ позволеніемъ тебѣ не пользоваться. — Радуюсь, что Сашку отъ груди отняла, давно бы пора. А что кормилица пьянствовала, отходя ко сну, то это еще не бѣда; мальчикъ привыкнетъ къ вицу и будетъ молодецъ, во Льва Сергѣевича. Машкѣ скажи, чтобъ она не капризничала, не то я приѣду и худо ей будетъ. Благословляю всѣхъ васъ—тебя цѣлую въ особенности.

Р. С. Пожалуйста, не требуй отъ меня пѣжныхъ, любовныхъ писемъ. Мысль, что мои письма распечатываются и прочитываются на почтѣ, въ полиціи, и такъ далѣе—охлаждаетъ меня, и я поневолѣ сухъ и скученъ. Погоди, въ отставку выду, тогда переписка нужна nebudeтъ.

М. Л. Яковлеву. — *Спб., 3 іюля.*—М. Г. Михайло Лукьяновичъ! Вслѣдствіе даннаго вамъ начальствомъ порученія касательно напечатанія рукописи моей, подъ названіемъ «Исторія Пугачевскаго бунта», и по личному моему съ вами о томъ объясненію, поспѣшаю васъ увѣдомить:

1-е. Желая я, чтобъ означенная рукопись была напечатана въ 8-ю долю листа, такого же формата, какъ Сводъ Законовъ.

2-е. Число экземпляровъ полагаю я 3000, изъ коихъ для 1200 прошу заготовить бумагу на счетъ казенный, а потребное количество оной для 1800 экз. доставлю я самъ въ типографію.

3-е. Что касается до шрифта и вообще до изданія книги, то во всемъ полагаюсь на ваше благоусмотрѣніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. *Пушкинъ*

Гр. А. Х. Бенкендорфу (по франц.) — *Спб.*, 3 июля.—Графъ! Нѣсколько дней тому назадъ я имѣлъ честь обратиться къ вашему сіятельству, испрашивая у васъ дозволеніе оставить службу. Такъ какъ поступокъ этотъ неприличенъ, то и прошу васъ, графъ, не давать моей просьбѣ дальнѣйшаго хода. Предпочитаю лучше казаться непослѣдовательнымъ, нежели быть неблагодарнымъ. Однако же отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ былъ бы мнѣ необходимъ. Имѣю честь быть и проч. *А. Пушкинъ.*

Гр. А. Х. Бенкендорфу (по франц.). — *Спб.*, 4 июля.—М. Г. графъ Александръ Христофоровичъ! Письмо вашего сіятельства отъ 30-го іюня удостоился я получить вчера вечеромъ. Крайне огорченъ я, что необдуманное прошеніе мое, вынужденное отъ меня неприятными обстоятельствами и досадными мелочными хлопотами, могло показаться безумною неблагодарностью и сопротивленіемъ волѣ того, кто донинѣ былъ болѣе моимъ благодѣтелемъ, нежели государемъ. Буду ждать рѣшенія участи моей, но во всякомъ случаѣ ничто не измѣнитъ чувства глубокой преданности моей къ царю и сыновней благодарности за прежнія его милости. Съ глубоч. почтеніемъ и пр. *А. Пушкинъ.*

В. А. Жуковскому. — *Спб.*, 4 июля. — Получивъ первое письмо твое, я тотчасъ написалъ графу Бенкендорфу, прося его остановить мою отставку, *ma démarche étant inconsiderée*, и сказалъ, *que j'aimais mieux avoir l'air insequent qu'ingrat*. Но вслѣдъ за тѣмъ получилъ официальное извѣщеніе о томъ, что отставку я получу, но что входъ въ архивы мнѣ будетъ запрещенъ.

Это огорчило меня во всѣхъ отношеніяхъ. Подалъ въ отставку я въ минуту хандры и досады на всѣхъ и на все. Домашнія обстоятельства мои затруднительны; положеніе мое невесело, переменна жизни почти необходима. Изяснять все это гр. Бенкендорфу мнѣ не достало духа — отъ этого и письмо мое должно было показаться сухо, а оно просто глухо.

Впрочемъ, я ужъ не имѣлъ намѣренія произвести, что вышло. Писать письмо прямо къ государю, ей-Богу, не смѣю, особенно теперь. Оправданія мои будутъ похожи на просьбы, а онъ ужъ и такъ много сдѣлалъ для меня. Сейчас отъ меня Лизавета Михайловна Хитрово. Она привезла еще мнѣ два твои письма. Это меня, конечно, трогаетъ. Но что жъ мнѣ дѣлать? Буду еще писать къ гр. Бенкендорфу.

В. А. Жуковскому.—*Спб., 6 іюля.*—Я, право, самъ не понимаю, что со мною дѣлается. Идти въ отставку, когда того требуютъ обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствіе—какое тутъ преступленіе? Какая неблагодарность? Но государь можетъ видѣть въ этомъ что-то похожее на то, чего понять все-таки не могу. Въ такомъ случаѣ, я не подаю въ отставку и прошу оставить меня въ службѣ. Теперь—отчего письма мои сухи? Въ глубинѣ сердца моего я чувствую себя правымъ передъ государемъ. Гнѣвъ его меня огорчаетъ; но чѣмъ хуже положеніе мое, тѣмъ языкъ мой становится связаннѣе и холоднѣе. Что мнѣ дѣлать? Просить прощенія? Да въ чемъ? Къ Бенкендорфу я явлюсь и объясню ему, что у меня на сердцѣ. Но не знаю, почему письма мои неприличны. Попробую написать третье.

Гр. А. Х. Бенкендорфу (по франц.). — *Сиб. 6 июля.* —
 Графъ! Позвольте мнѣ говорить откровенно. Испрашивая мою отставку, я думалъ лишь о моихъ семейныхъ дѣлахъ, тягостныхъ и затруднительныхъ. Я имѣлъ въ виду единственное неудобство часто отлучаться въ отпуски, состоя на службѣ. Богомъ и душою моею клянусь, что это было единственнымъ моимъ помышленіемъ; съ глубочайшею скорбью вижу, что оно было столь жестоко перетолковано. Императоръ осыпалъ меня милостями съ первой же минуты, въ которую царская его мысль низошла на меня. Между этими милостями есть такія, при воспоминаніи о которыхъ не могу удержаться отъ глубочайшаго чувства: такъ много соединено было въ нихъ благородства и великодушія. Онъ всегда былъ для меня провидѣніемъ, и если въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ мнѣ случалось роптать, то никогда, клянусь вамъ, чувство горечи не примѣшивалось къ тѣмъ, которыя я питалъ къ нему. И въ эту минуту сердце мое переполнено грустью не отъ мысли лишиться всемогущаго покровителя, но отъ боязни оставить въ его душѣ впечатлѣніе, мною, по счастью, незаслуженное. — Повторяю, ваше сіятельство, всепокорнѣйшую мою просьбу, не давать дальнѣйшаго хода прошенію, подавнному мною столь опрометчиво. — Поручая себя вашему мощному покровительству, осмѣливаюсь принести вамъ дань моего глубокаго уваженія. — Съ такими чувствами имѣю честь быть. А. //.

М. Н. Загоскину. — *Сиб. 9 июля.* — М. Г. Михайлъ Николаевичъ! Вы изволили вспомнить обо мнѣ и прислали мнѣ послѣднее прекрасное ваше твореніе, и не слышали отъ меня спасибо.

Вы имѣете полное право считать меня неучемъ, варваромъ и неблагодарнымъ. Но виноватъ пріятель мой Соболевскій, который ѣдетъ въ Москву каждый день и уже седьмой мѣсяцъ, какъ взялъ отъ меня письмо, которое обѣщался немедленно вамъ доставить.

Обращаюсь къ вамъ съ важнымъ дѣломъ: г. Александръ (чревоѣщатель), очень занимательное лицо (или даже лица), собирается въ Москву и предлагаетъ вамъ слѣдующія условія: доходъ за представленія пополамъ съ дирекціею (издержки спектакля на ея счетъ) и бенефисъ. Удостойте меня отвѣтомъ и потѣшите матушку-Москву. Съ глубочайшимъ уваженіемъ и пр А. Ц.

Н. Н. Пушкиной. *Спб., 11 іюля.*— Ты, женка моя, презалаберная (вычеркнуто) пребезалаберная (насилу слово написалъ). То сердисься на меня за С., то за краткость моихъ писемъ, то за холодный слогъ, то за то, что къ тебѣ не ѣду. Подумай обо всемъ и увидишь, что я передъ тобой не только правъ, но чуть не святъ. Съ С. я не кокетничаю, потому что и вовсе не вижу, пишу коротко и холодно по обстоятельствамъ, тебѣ извѣстнымъ; не ѣду къ тебѣ по дѣламъ, ибо я печатаю Пугачева и закладываю имѣнія, и вожусь, и хлопочу—и письмо твое меня огорчило, а между тѣмъ и порадовало; если ты поплакала, не получивъ отъ меня письма, стало быть, ты меня еще любишь, женка, за что цѣлую тебѣ ручки и ножки. Кабы ты видѣла, какъ я сталъ прилеженъ; какъ читаю корректуру—какъ тороплю Яковлева! Только бы въ августѣ быть у тебя. Теперь расскажу тебѣ о вчерашнемъ балѣ. Былъ я у Фикельмонъ. Надо тебѣ знать, что съ твоего отъѣзда я кромѣ

какъ въ клубѣ нигдѣ не бываю. Вотъ вчера, какъ я вошелъ въ освѣщенную залу съ нарядными дамами, то я смутился, какъ нѣмецкій профессоръ: наслыу хозяйку вашель, наслыу слово вымолвилъ. Потомъ, осмотрѣвшись, увидѣлъ я, что народу не такъ-то много, и что балъ это запросто, а не рауть. Незнакомыхъ дамъ - нѣсколько прусачекъ (наши лучше, не говоря уже о тебѣ), а одѣты, какъ Ермолова во дни отчаянныя. Вотъ, наѣлся я мороженого и пріѣхалъ себѣ домой — въ часъ. Кажется, не за что меня бранить. О тебѣ въ свѣтѣ много спрашиваютъ и ждутъ очень. Я говорю, что ты уѣхала плясать въ Калугу. Всѣ тебя за то хвалятъ. И говорятъ: ай-да баба! — а у меня сердце радуется. Тетка заѣзжала вчера ко мнѣ и бесѣдовала со мною въ каретѣ; я ей жаловался на свое житье-бытье; а она меня утѣшала. На дняхъ я чуть было бѣды не сдѣлалъ: съ тѣмъ чуть было не побранился — и тухнулъ то я, да и грустно стало. Съ этимъ поссорюсь — другого не наживу. А долго на него сердиться не умѣю, хоть онъ и не правъ. Сегодня былъ на дачѣ у Плетнева; у него дочь именинница. Только вмѣсто его нашель я кривую кузину — и ничего. А онъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ — в. княгиню учить. Досадно было, да нечего дѣлать. Прощай, женка спать хочу. Цѣлую тебя и васъ — и всѣхъ благословляю. — Христось съ вами.

П. А. Осиповой (по франц.) *Спб., 29 іюня — 13 іюля.* — Отъ всего сердца благодарю васъ, милая, добрая и любезная Прасковья Александровна, за письмо, которое вы мнѣ написали. Вижу, что вы постоянно сохраняете ко мнѣ тѣ же чувства дружбы и участія. Касательно Рейх-

мава. отвѣчу вамъ откровенно. Я знаю его за честнаго человѣка, а въ данную минуту мнѣ только это и нужно. Я не могу имѣть довѣрія ни къ Михайлѣ, ни къ Пенковскому, такъ какъ знаю перваго и вовсе не знаю втораго. Не имѣя намѣренія поселиться въ Болдино, не могу и думать объ устройствѣ имѣнія, дошедшаго, между нами будь сказано, до совершеннаго разоренія; я хочу только, чтобы меня не обкрадывали и исправно вносить проценты въ ломбардъ Улучшенія придуть впоследствии. Но будьте спокойны: Рейхманъ пишетъ мнѣ, что крестьяне находятся въ такой нищетѣ, а дѣла идутъ такъ худо, что онъ не могъ взять на себя управленіе Болдинымъ и въ эту минуту онъ въ Малининкахъ.

Не можете себѣ представить, до какой степени тяготитъ меня управленіе этимъ имѣніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Болдино стоитъ того, чтобы его спасти, хотя бы для Ольги и для Льва, которымъ грозитъ въ будущемъ нищенская сумма, или по меньшей мѣрѣ бѣдность. Но я не богатъ, у меня самого семья, которая отъ меня зависитъ и безъ меня впадетъ въ нищету. Я принялъ имѣніе, которое принесетъ мнѣ одвѣ заботы и неприятности. Родители мои не знаютъ, что они на волосъ отъ полнаго разоренія. Если бы они могли рѣшиться пожить вѣскольکو лѣтъ въ Михайловскомъ, то дѣла могли-бы уладиться; но этого никогда не будетъ.

Надѣюсь увидѣться съ вами нынѣшнимъ лѣтомъ и, разумѣется, остановиться въ Тригорскомъ. Благоволите передать мое почтеніе всему вашему семейству и еще разъ примите мою благодарность и выраженіе чувствъ моего уваженія и неизмѣнной дружбы. А. П.

13-го юля. Это письмо должно было бѣ быть васъ двѣ недѣли тому назадъ. Не знаю, какъ

случилось, что оно не послано. Дѣла мои удержатъ меня еще на нѣкоторое время въ Петербургѣ. Но я все таки располагаю явиться къ вамъ.

Н. Н. Пушкиной. — *Спб., 13 іюля.* — Ты хочешь непременно знать, скоро-ли я буду у твоихъ ногъ? изволь, моя красавица: я закладываю имѣніе отца; это конечно будетъ черезъ недѣлю. Я печатаю Пугачева; это займетъ цѣлый мѣсяць. Женка, женка, потерпи до половины августа, а тутъ ужъ я къ тебѣ явлюсь и обниму тебя, и дѣтей расцѣлю. Ты развѣ думаешь, что холостая жизнь ужасно какъ меня радуетъ? Я сплю и вижу, чтобъ къ тебѣ пріѣхать; да кабы могъ остаться въ одной изъ вашихъ деревень подь Москвою, такъ бы Богу свѣчку поставилъ; радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Я деньги мало люблю; но уважаю въ нихъ единственный способъ благопристойной независимости. — А о какомъ сосѣдѣ пишешь мнѣ лукавыя письма? кѣмъ это меня ты стращаешь? отселѣ вижу, что такое. Человѣкъ лѣтъ 36; отставной военный, или служащій по выборамъ. Съ пузомъ и въ картузѣ. Имѣетъ 300 душъ и ѣдетъ ихъ перезакладывать — по случаю неурожая а паканунѣ отъѣзда сентиментальничаетъ передъ тобою. Не такъ-ли? А ты, бабенка, за неимѣніемъ того и другого, избираешь въ обожатели него: дѣльно. Да какъ балы тебѣ не пріѣхалъ, что ты и въ Калугу ѣдешь для нихъ? Удивительно!—Надобно тебѣ поговорить о моемъ горѣ. На дняхъ хандра меня взяла, подалъ я въ отставку, но получилъ отъ Жуковскаго такой нагоняй, а отъ Бенкендорфа такой сухой абшидь, что я струхнулъ, и Христомъ и Богомъ прошу, чтобы мнѣ отставку не

давали. А ты и рада, не такъ? Хорошо, коли проживу я лѣтъ еще 25; а коли свернусь прежде десяти, такъ не знаю, что ты будешь дѣлать, а что скажутъ Машка, а въ особенности Сашка. Утѣшенія мало имъ будетъ въ томъ, что ихъ папеньку схоронили, какъ шута, и что ихъ маменька ужасъ какъ мила была на Анничковскихъ балахъ. Ну, дѣлать нечего. Богъ великъ; главное то, что я не хочу, чтобы могли меня подозрѣвать въ неблагодарности. Это хуже либерализма. Будь здорова. — Поцѣлуй дѣтей и благослови ихъ за меня. Прощай, цѣлую тебя. — А. П.

Н. Н. Пушкиной. — *Спб., 14 іюля.* — Всѣ вы, дамы, на одинъ покрой. Куда какъ интересны похождения дурачка Д. и его семейственныя ссоры! А ты такъ и радуешься. Я чай, такъ и раскокетничалась. Что-то Калуга! Вотъ тутъ и царствуешь! — Впрочемъ, женка, я тебя за то не браню. Все это въ порядкѣ вещей; будь молода, потому что ты молода — и царствуй, потому что ты прекрасна. — Цѣлую тебя отъ сердца — теперь поговоримъ о дѣлѣ. Если ты въ самомъ дѣлѣ вздумала сестеръ своихъ сюда привести, то у Оливье оставаться намъ невозможно: мѣста нѣтъ. Но обѣихъ ли ты сестеръ къ себѣ берешь? Эй, жепка! смотри... Мое мнѣніе: семья должна быть одна подъ одной кровлей: мужъ, жена, дѣти, покамѣстъ малы; родители, когда ужъ престарѣлы; а то хлопотъ не оберешься, и семейственнаго спокойствія не будетъ. Впрочемъ, объ этомъ еще поговоримъ. Яковлевъ обѣщаетъ отпустить меня къ тебѣ въ августъ. Я оставляю Пугачева на его попеченіи. Августъ близокъ. Слава Богу, дождались Надеюсь, что ты передо мною чиста и права, и что мы свидимся, какъ разстались. Мнѣ ка-

жется, что Сашка начинаетъ тебѣ нравиться—радуюсь; онъ не въ примѣръ милѣе Машки, съ которой ты наплянешься. Смирнова опять чуть не умерла. Разсердилась на доктора и кровь кинулась въ голову, слава Богу, что не молоко. Она теперь принимаетъ, но я у ней не былъ. Сегодня фейворокъ или фейерверкъ. Сергѣй Ник. ѣдетъ смотрѣть его; а я въ городѣ останусь. У насъ третій день какъ жары—и мы не знаемъ, что дѣлать. Сплю и вижу, чтобы изъ Петербурга убраться къ тебѣ, а ты и не вѣришь мнѣ, и бранишь меня. Сегодня съѣзжу къ Плетневу. Поговоримъ о тебѣ. У меня большія хлопоты по части Болдина. Черезъ годъ я на все это плюну—и займусь своими дѣлами. Левъ Серг. очень себя дурно ведетъ. Ни копѣйки денегъ не имѣетъ, а въ домино проигрываетъ у Дюме по 14 бутылокъ шампанскаго. Я ему ничего не говорю, потому что, слава Богу, мужику 30 лѣтъ; но мнѣ его жаль и досадно. Соболевскій имъ руководствуетъ, и что ужъ они дѣлаютъ, то Господь вѣдаетъ. Оба довольно пусты. Тетка въ Царск. Селѣ. Я все къ ней собираюсь, да не соберусь.—Прощай. Обнимаю тебя, дѣтей благословляю, тебя также. Всякій-ли ты день молишься, стоя въ углу?

Н. Н. Пушкиной—Спб., 26 іюля.—Наташа, мой ангелъ, знаешь-ли что? я беру этажъ, занимаемый теперь Вяземскими. Княгиня ѣдетъ въ чужіе края, дочь ея больна не на шутку: боятся чахотки. Дай Богъ, чтобъ югъ ей помогъ. Сегодня видѣлъ во снѣ, что она умерла, и проснулся въ ужасѣ. Ради Бога, берегись ты. Женщина, говоритъ Гальяни, *est un animal naturellement faible & malade*. Какія-же вы помощницы или работницы? Вы работаете только

ножками на балахъ и помогаете мужьямъ мотать. И за то спасибо. Пожалуйста, не сердись на меня за то, что я медлю къ тебѣ явиться. Право, душа просить, да мошна не велить. Я работаю до низложенія ризъ. Держу корректуру двухъ томовъ вдругъ, пишу примѣчанія, закладываю деревни,—Льва Сергѣича выпроваживаю въ Грузію. Все слажу—и сломя голову къ тебѣ прискачу. Сейчас приносили мнѣ корректуру, и я тебя оставилъ для Пугачева. Въ корректурѣ я прочелъ, что Пугачевъ поручилъ Хлопушѣ грабежъ заводовъ. Поручаю тебѣ грабежъ Заводовъ (деревня Полотняные Заводы, гдѣ жила жена Пушкина). Слышишь ли моя Хло-Пушкина? ограбь Заводы и возвратись съ добычею.—Въ свѣтѣ я не бываю. Смирнова велѣла мнѣ сказать, что она меня впишетъ въ разрядъ иностранцевъ, которыхъ велѣно не принимать. Она здорова, но чуть не умерла (*Animal naturellement faible & malade*). Цѣлую Машу и заочно смѣюсь ея затѣямъ. Она умная дѣвчонка, но я отъ нея покамѣстъ ума не требую, а требую здоровья. Довольна ли ты нѣмкой и кормилицей? Ты дурно сдѣлала, что кормилицу не прогнала. Какъ можно держать при дѣтяхъ пьяницу, повѣря обѣщанію и слезамъ пьяницы? Молчи, я все это улажу. До тебя мнѣ осталось 9 листовъ. То есть, какъ еще пересмотрю 9 печатныхъ листовъ и подпишу: „печатать“,—такъ и пушусь къ тебѣ, а покамѣстъ буду проситься въ отпускъ. Новостей нѣтъ никакихъ, кромѣ того, что бѣднаго маршала Мезона чуть не задавили на маневрахъ. Знай напихъ. Цѣлую тебя и ихъ. Господь васъ благослови.

*

Н. Н. Пушкиной. — *Спб., 30 июля.* — Что это значить, жена? Вотъ ужъ болѣе недѣли, какъ я не получаю отъ тебя писемъ. Гдѣ ты? что ты? Въ Калугѣ? въ деревнѣ? откликнись. Что такъ могло тебя занять и развлечь? какіе балы? какія побѣды? ужъ не больна ли ты? Христось съ тобою. Или просто хочешь меня заставить скорѣе къ тебѣ пріѣхать? Пожалуйста, женка—брось эти военныя хитрости, которыя не въ шутку мучаютъ меня за тысячу верстъ отъ тебя. Я пріѣду къ тебѣ, коль скоро меня Яковлевъ отпуститъ. Дѣла мои подвигаются. Два тома печатаются вдругъ! Для одной недѣли разницы не заставь меня все бросить, и потомъ охать цѣлый годъ, если не два и не три. Будь умна. Я очень занятъ. Работаю цѣлое утро, до 4 часовъ, никого къ себѣ не пускаю. Потомъ обѣдаю у Дюме, потомъ играю на бильярдѣ въ клубѣ; возвращаюсь домой рано, надѣясь пайти отъ тебя письмо—и всякій день обманываюсь. Тоска, тоска!—Съ кн. Вяземскимъ я уже условился. Беру его квартиру. Къ 10 августу принасу ему 2.500 рублей—и велю перетаскивать пожитки; а самъ поскачу къ тебѣ. Ждать недолго.

Прощай — будьте всѣ здоровы. Цѣлую твой портретъ, который что-то кажется виноватымъ. Смотри.

Н. Н. Пушкиной. — *Спб., 3 августа.* — Стыдно, женка. Ты на меня сердишься, не разбирая, кто виноватъ, я или почта, и оставляешь меня двѣ недѣли безъ извѣстія о себѣ и о дѣтяхъ. Я такъ былъ смущенъ, что не зналъ, что и подумать. Письмо твое успокоило меня, но не утѣшило. Описаніе вашего путешествія въ Калугу, какъ ни смѣшно, для меня вовсе не забавно. Что за охота таскаться въ скверный

уѣздный городишка, чтобъ видѣть скверныхъ актеровъ, скверно играющихъ старую, скверную оперу? что за охота останавливаться въ трактирѣ, ходить въ гости къ купеческимъ дочерямъ, смотрѣть съ чернію губернской фейворокъ — когда въ Петербургѣ ты никогда и не думаешь посмотрѣть на Каратыгиныхъ и никакимъ фейворокомъ тебя въ карету не заманишь. Просилъ я тебя по Калугамъ не развѣзжать, да видно, ужъ у тебя такая натура. О твоихъ кокетственныхъ сношеніяхъ съ сосѣдомъ говорить нечего. Кокетничать я самъ тебѣ позволилъ, но читать о томъ листъ кругомъ подробнаго описанія вовсе мнѣ не нужно. Побравивъ тебя, беру нѣжно тебя за уши и цѣлую: благодаря тебя за то, что ты Богу молишься на козѣнахъ посреди комнаты. Я мало Богу молюсь и надѣюсь, что твоя чистая молитва лучше моихъ, какъ для меня, такъ и для насъ. Ты ждешь меня въ началѣ августа. Вотъ, нынче уже 3-е, а я еще не подымаюсь; Яковлевъ отпустить меня около половины мѣсяца. Но и тутъ я не совсѣмъ еще буду свободенъ. Я взялъ квартиру Вяземскихъ. Надо будетъ мнѣ переѣхать, перетащить мебель и книги, и тогда уже, благословясь, пуститься въ дорогу. Дай Богъ пріѣхать мнѣ къ твоимъ именинамъ, я и тѣмъ былъ бы счастливъ.

Вяземскіе здѣсь. Бѣдная Полина очень слаба и блѣдна. Отца жалко смотрѣть. Такъ онъ убитъ. Они всѣ ѣдутъ за границу. Дай Богъ, чтобъ климатъ ей помочь. Магіе похорошѣла и въ бѣдной загнанной Москвѣ произвела большое дѣйствіе. О тебѣ гремитъ еще молва, послѣ минутнаго твоего появленія. Нашли, что ты похудѣла. Я привезу тебя тетехой, по твоему общанію: смотри жъ! не поставь меня въ луны. На двяхъ встрѣтилъ я m-me Жоржъ.

Она остановилась со мною на улицѣ и спрашивала о твоёмъ здоровьѣ; я сказалъ, что на дняхъ ѣду къ тебѣ pour te faire un enfant. Она стала присѣдать, повторяя: Ахъ Monси, vous me ferez une grande plaisir. Однако я боюсь родовъ, послѣ того что ты выкинула. Надѣюсь, однако, что отдохнула. Видѣлъ я Смирнову; она начинаеть оправляться, но все еще плоха и желта. Тетка воротилась изъ Царскаго Села и была у меня. Она очень мила; но Наталья Кириловна сильно ей надоѣла. Н. К. сердится на всѣхъ, особенно на князя Кочубея, зачѣмъ онъ умеръ и тѣмъ огорчилъ ея Машу. На княгиню также дуется, и говоритъ: Mon Dieu, mais nous toutes nous avons perdu nos maris et cependant nous nous sommes consolés. Тетка говоритъ, что ты ей вовсе не пишешь. Не хорошо. А она все за тебя хлопочеть. Serge въ лагерѣ. Брата Ивана не вижу. Прощай. Христосъ съ вами. Цѣлую васъ, тебя въ особенности. Привесли корректуру.

М. Л. Яковлеву. — *Спб., въ половинѣ августа.* — Вотъ 18-й листъ (Исторія Пугач. бунта). Справлялся я въ другихъ спискахъ и смысла не нашелъ и тамъ. Изъ предисловія (ты правъ, любимецъ музъ!) должно будетъ выкинуть имя Вольтера, хоть я и очень люблю его.

Н. Н. Пушкиной. — *Болдино, 15 сентября.* — Почта идетъ во вторникъ, а сегодня только еще суббота; итакъ, это письмо не скоро до тебя доберется. Я пріѣхалъ третьяго дня, въ четвергъ, поутру — вотъ какъ тихо ѣздять по губернскимъ трактамъ — а я еще платилъ почти вездѣ двойные прогоны. Правда, что отовожду

лошади были взяты подъ государя, который долженъ изъ Москвы проѣхать въ Нижній. Въ деревнѣ встрѣтилъ меня первый снѣгъ, и теперь дворъ передъ моимъ окошкомъ бѣлешевекъ: *c'est une très aimable attention*, однако я еще писать не принимался, и въ первый разъ беру перо, чтобъ съ тобою побесѣдовать. Я радъ, что добрался до Болдина; кажется, мнѣ будетъ мнѣ хлопотъ, чѣмъ я ожидалъ. Написать что нибудь мнѣ бы очень хотѣлось не знаю, придетъ ли вдохновеніе. Здѣсь нашелъ я Безобразова (что же ты такъ удивилась? не твоего обожателя, а мужа моей кузины-маргаритки). Онъ хлопочетъ и хозяйничаетъ и, вѣроятно, купитъ полъ-Болдина. Охъ, кабы у меня было 100,000! какъ бы я все это уладилъ; да Пугачевъ, мой оброчный мужичекъ, и половины того мнѣ не принесетъ, да и то мы съ тобою какъ разъ промотаемъ; не такъ ли? Ну, нечего дѣлать: буду живъ, будутъ и деньги.... Вотъ, ѣдетъ ко мнѣ Безобразовъ—прощай.

Ухъ, насилу отвязался! Два часа сидѣлъ у меня. Оба мы хитрили—дай Богъ, чтобъ я его перехитрилъ на дѣлѣ; а на словахъ, кажется, я перехитрилъ. Вижу отселѣ твою недоувѣрчивую улыбку: ты думаешь, что я подуруша, и что меня опять оплетутъ—увидимъ. Приѣхавъ въ Москву, кончу дѣло въ два дня; и приѣду въ Петербургъ молодцомъ, и обладателемъ села Болдина...

Сейчасъ у меня были мужики съ челобитьемъ; и съ ними принужденъ я былъ хитрить; но эти навѣрное меня перехитрятъ, хотя я сдѣлался ужаснымъ политикомъ, съ тѣхъ поръ какъ читаю *Conquête de l'Angleterre par les Normands*. Это что еще? Баба съ просьбою. Прощай, иду ее слушать...

Ну, женка, умора. Солдатна просить, чтобъ

ея сына записали въ мои крестьяне, а его де записали въ в..... (незаконные), а она де родила его только 13 мѣсяцевъ по отдачѣ мужа въ рекруты, такъ какой же онъ в.....? я буду хлопотать за честь оскорбленной вдовы.

17-го. Теперь, вѣроятно, ты въ Яропольцѣ и вѣроятно ужъ думаешь объ отъѣздѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ тебя письма. Не забудь моего адреса: въ Арзамасскомъ уѣздѣ, въ село Абрамово, оттуда въ село Болдино.—Мнѣ здѣсь хорошо, да скучно, а когда мнѣ скучно, меня такъ и тянетъ къ тебѣ, какъ ты жмешься ко мнѣ, когда тебѣ страшно. Цѣлую тебя и дѣтокъ и благословляю васъ. Писать я еще не принимался.

М. Н. Пушкиной. — *Болдино, 25 сентября.*—

Вотъ ужъ скоро двѣ недѣли, какъ я въ деревнѣ, а отъ тебя еще письма не получилъ. Скучно, мой ангелъ. И стихи въ голову нейдутъ, и романъ не переписываю. Читаю Вальтеръ-Скотта и Библию, а все объ васъ думаю. Здоровъ-ли Сашка? прогнала ли ты кормилицу? отдѣлалась ли отъ проклятой пѣмки? Каково доѣхала? Много вещей, о которыхъ беспокоюсь. Видно нынѣшнюю осень мнѣ долго въ Болдинѣ не прожить. Дѣла мои я кой-какъ уладилъ. Погожу еще немножко, не распишусь ли; коли вѣтъ—такъ съ Богомъ и въ путь. Въ Москвѣ останусь дня три, у Нат. Ив. (въ Яропольцѣ) сутки—и приѣду къ тебѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ: неужто близъ тебя не распишусь? Пустое. Я жду къ себѣ Языкова, да видно не дождусь.—Скажи пожалуйста, брюхата ли ты? если брюхата, прошу, мой другъ, быть осторожной, не прыгать, не падать, не становиться на колѣни передъ Машей (ни даже на молитвѣ). Не забудь, что ты выкинула и что тебѣ надобно

себя беречь.—Охъ, кабы ты ужъ была въ Петербургѣ! Но по всѣмъ моимъ расчетамъ, ты прежде 3-го октября не дойдешь. И какъ тебѣ тамъ быть? безъ денегъ, безъ Амеляна, съ твоими дурами-няньками и неряхами дѣвушками (не во гнѣвъ будь сказано Пелагеѣ Ивановнѣ, которую заочно цѣлую). У тебя, чай, голова кругомъ идетъ. Одна надежда: тетка. Но изъ тетки двухъ тетокъ не сдѣлаешь — видно, что мнѣ надобно снѣшить. — Прощай, Христось васъ храни. Цѣлую тебя крѣпко — будьте здоровы.

Н. М. Языкову. — *Болдино, 26 сентября.* — Я былъ обрадованъ въ моемъ уединеніи пріѣздомъ Александра Михайловича (Языкова), который, къ сожалѣнію, пробылъ у меня нѣсколько часовъ. Блазнить онъ меня предложеніемъ ѣхать съ нимъ въ село Языково, быть свидѣтелемъ его свободы, обѣщаясь употребить меня съ пользою; но мнѣ невозможно: жена и дѣти...

Разговаривая о различныхъ предметахъ, мы рѣшили, что весьма не худо было бы мнѣ приняться за альманахъ, или паче за журналъ; я и не прочь, но для того долженъ быть увѣренъ въ вашемъ содѣйствіи. Какъ думаете, сударь? сами видите: шелкоперы насъ одолѣваютъ. Пора, ей-ей пора дать имъ порядочный отпоръ. На дняхъ отправлюсь въ Петербургъ. Если вамъ будетъ досугъ написать мнѣ двѣ строчки, адресуйте ихъ на Дворцовую набережную, въ домъ Баташева, у Прачешнаго моста. Ал. Мих. изволить снѣшить, — и я кончаю письмо мое, поручая себя вашей благосклонности. Вашъ богомолецъ *А. Пушкинъ.*

М. Л. Яковлеву.—*Спб., 19 октября.*—Вѣдь у тебя празднуемъ мы годовщину? (лицейскую) Не правда ли?—№ 14 (Лиц. № комнаты Пушкина).

А. А. Фуксъ.—*Спб., 19 октября.*—Вчера, возвратившись въ Петербургъ послѣ скучнаго трехмѣсячнаго путешествія по губерніямъ, я былъ обрадованъ неожиданной находкою: письмомъ и посылкою изъ Казани. Съ жадностію прочелъ я прелестныя ваши стихотворенія, и между ними ваше посланіе ко мнѣ, недостойному поклоннику вашей музы. Въ обмѣнъ вымысловъ, исполненныхъ прелести, ума и чувствительности, надѣюсь на дняхъ доставить вамъ отвратительно ужасную исторію Пугачева. Не браните меня. Поэзія, кажется, для меня изсякла. Я весь въ прозѣ, да еще въ какой!... право, совѣстно; особенно передъ вами.

Вы изволили написать, что баронъ Люцероде долженъ мнѣ былъ доставить письмо еще въ прошломъ году; къ крайнему сожалѣнію моему, я его не получилъ, вѣроятно потому, что барона Люцероде я уже не засталъ въ Петербургѣ, по возвращеніи моемъ изъ Оренбурга. Онъ уже былъ отозванъ въ Дрезденъ. Э. П. Перцовъ, котораго на минуту имѣлъ я удовольствіе видѣть въ Петербургѣ, сказывалъ мнѣ, что онъ имѣлъ у себя письмо отъ васъ ко мнѣ; но и тутъ оно до меня не дошло: онъ уѣхалъ изъ Петербурга, не доставя мнѣ для меня драгоценный знакъ вашего благосклоннаго воспоминанія. Понимаю его разсѣянность въ тогдашнихъ его обстоятельствахъ, но не могу не жаловаться, и великодушно ему прощаю, только съ тѣмъ, чтобы онъ прислалъ мнѣ письмо, которое забылъ мнѣ здѣсь доставить. Потрудитесь, м. г., засвидѣтельствовать глубочайшее мое почтеніе Карлу Федоровичу (мужу г-жи Фуксъ),

коего любезность и благосклонность будутъ мнѣ вѣчно памятны.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

П. В. Нащокинну.— *Спб., въ декабрѣ.* — Не можешь вообразить, съ какимъ удовольствіемъ получилъ я наконецъ отъ тебя письмо; но прежде него поговоримъ о дѣлѣ. Соболевскій, съ которымъ имѣю денежные дѣла, немедленно о тебѣ доставить 2,000 р. Слѣдовательно будь покоенъ. Я бы нашелъ много, что тебѣ сказать въ извиненіе моей несостоятельности, но это по почтѣ писать вещь излишняя; а дай Богъ, чтобъ запоздалыя мои деньги пришли къ тебѣ въ пору. Поздравляю тебя съ дочкою Катериной Павловной, желаю роженицѣ здоровья. (Ты не пишешь, когда она родила). Все лѣто рыскалъ я по Россіи и нигдѣ тебя не заставалъ: изъ Тулы выгнанъ ты былъ пожарами; въ Москвѣ не засталъ я тебя недѣлю; въ Торжкѣ никто не могъ о тебѣ мнѣ дать извѣстія. Радъ я, Павелъ Воиновичъ, твоему письму, по которому вижу, что твое удивительное добродушіе и умная, терпѣливая снисходительность не измѣнились ни отъ хлопотъ новой для тебя жизни, ни отъ виновности дружбы передъ тобою. Когда бы намъ съ тобою увидѣться! Много бы я тебѣ паговорилъ, много скопилось для меня въ этотъ годъ такого, о чемъ не худо бы потолковать у тебя на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ, вдали цыганскихъ буръ и Рахмановскихъ паѣздовъ! Пиши мнѣ, если можешь, почаще: на Дворцовую набережную, въ домъ Баташова у Прачешнаго моста (гдѣ жилъ Вяземскій), а не къ Смирдину, который держитъ твои письма по цѣлымъ мѣсяцамъ, а иногда, вѣроятно, ихъ и затериваетъ. Съ любопытствомъ взглянулъ бы я на твою семейственную и деревенскую жизнь. Я

зналъ тебя всегда подъ бурей и въ качкѣ. Какое дѣйствіе имѣеть на тебя спокойствіе? Видалъ ли ты лошадей, выгруженныхъ на петербургской биржѣ? Онѣ шатаются и не могутъ ходить. Не то ли и съ тобою? О себѣ говорить я не хочу, потому что не намѣренъ въ наперники брать московскую почту, которая нынѣшній годъ дѣлала со мною удивительныя свинства; буду писать тебѣ по оказіи. Покажѣсть обнимаю тебя отъ всего сердца. Цѣлую ручку у твоей роженицы.

1835.

П. В. Нащокину.—*Отб., 20 января.*—Посылаю тебѣ, любезный Павелъ Воиновичъ, 1500 рублей, остальные 500 должны были къ тебѣ явиться, но вчера ихъ у меня перехватилъ заимообразно молодой человекъ, находящійся въ подмазкѣ. Соболезнуя положенію, въ которомъ и намъ съ тобою случалось обрѣтаться, вѣроятно, ты извинишь меня великодушно. Однако пожалуйста пришли мнѣ полный счетъ моего долга.

Жена кланяется сердечно твоей Вѣрѣ Александровнѣ; она у M-me Sichler заказала ей шляпу, которая сегодня же и отправляется въ Москву. Жена говоритъ, что comme M-me Нащокинъ est brune et qu'elle a un beau teint, то выбрала она для нея шляпу такого-то цвѣта, а не другого. Впрочемъ, это дѣло дамское.

Ты видѣлъ, вѣроятно, Пугачева и надѣюсь, что его не купилъ. Я храню для тебя особый экземпляръ. Каково время? Пугачевъ сдѣлался добрымъ, исправнымъ плательщикомъ оброка, Емелька Пугачевъ—оброчный мой мужикъ! Денегъ оныхъ мнѣ принеси довольно, но;

какъ около двухъ лѣтъ жилъ я въ долгъ, то ничего и не остается у меня за пазухой, и все идетъ на расплату. Теперь, обнявъ тебя отъ всего сердца и поцѣловавъ ручку Вѣры Александровны, отправляюсь на почту.

Гр. А. Х. Бенкендорфу. — *Спб., 26 января.* — Осмѣливаюсь просить ваше сіятельство о испрошеніи важной для меня милости: о высочайшемъ дозволеніи прочесть Пугачевское дѣло, находящееся въ архивѣ. Въ свободное время я могъ бы изъ онаго составить краткую выписку, если не для печати, то по крайней мѣрѣ для полноты моего труда, безъ того несовершеннаго, и для успокоенія исторической моей совѣсти.

Д. Н. Бачтышъ-Каменскому. — *Спб., 26 января.* — М. Г. Дмитрій Николаевичъ. Съ благодарностію отсылаю вамъ статью, концы, по вашему благорасположенію ко мнѣ, пользовался я при составленіи моей *Исторіи*. При нихъ препровождаю и экземпляръ *Исторіи* самой. Мнѣніе ваше о ней, во всякомъ случаѣ, мнѣ драгоцѣнно: похвала отъ настоящаго историка, а не поверхностнаго рассказчика или переписчика, будетъ лестна для меня, а изъ укоризны — научуся (чего, знаете вы сами, не дождуся отъ записныхъ нашихъ критиковъ).

Прошу васъ взять на себя трудъ исправить двѣ ошибки, справедливо замѣченныя въ *Сынѣ Отечества*: на стран 129 былъ уже въ 15 верстахъ, должно читать въ 50. — Изъ примѣчанія въ пятой главѣ (92) вмѣсто *Тобольскъ* — *Табинскъ*.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. А. Пушкинъ.

И. И. Дмитріеву — *Спб., 14 февраля.*—М. Г. Иванъ Ивановичъ. Молодой Карамзинъ показывалъ мнѣ письмо вашего высокопревосходительства, въ которомъ укоряете вы меня въ невѣжливости непростительной. Спѣшу оправдаться: я до сихъ поръ не доставилъ вамъ своей дани, потому что поминутно поджидалъ портретъ Емельяна Ивановича, который гравировается въ Парижѣ; я хотѣлъ поднести вамъ книгу свою во всей исправности. Не исполнить того было бы съ моей стороны не только скупостію, но и неблагодарностію: хроника моя обязана вамъ яркой и живой страницей, за которую много будетъ мнѣ прощено самыми строгими читателями.

Вы смѣтаетесь надъ нашимъ поколѣніемъ и конечно имѣете на то полное право. Не стану заступаться за историковъ и стихотворцевъ моего времени; тѣ и другіе имѣли въ старину, первые — менѣе шарлатанства и болѣе учености и трудолюбія, вторые — болѣе искренности и душевной теплоты. Что касается до выгодъ денежныхъ, то, позвольте замѣтить, что Карамзинъ первый у насъ показалъ примѣръ большихъ оборотовъ въ торговлѣ литературной.

Незнаю, занимаетъ ли васъ участь нашей академіи, которая недавно лишилась своего секретаря, умершаго на щитѣ, то есть на послѣднемъ корректурномъ листѣ своего словаря. Неизвѣстно, кто будетъ его преемникомъ. Святое мѣсто пусто не будетъ; но мѣсто непремѣннаго секретаря было довольно пустое, даже не будучи упразднено.

Современникъ вашъ, о которомъ изволите упоминать въ письмѣ къ А. Н. Карамзину, слава Богу, здравствуетъ и продолжаетъ посѣщать книжную лавку Смирдина ежедневно, а академію по субботамъ. Въ лавкѣ забираетъ онъ свои сочи-

нія, все еще нераспроданныя, и раздаетъ ихъ въ академіи сочленамъ съ трогательнымъ безкорыстіемъ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. А. Пушкинъ.

Д. Н. Бантышъ-Каменскому. — *Спб., 2 апрѣля.* — М. Г. Дмитрій Николаевичъ! Съ крайней досадою узналъ я, что давно уже отосланныя ваши бумаги все еще находились въ рукахъ того, кому я ихъ повѣрилъ. Простите невольное мое прегрѣшеніе. Не знаю, получили ли вы Исторію Пугачева. Она была мною поручена вмѣстѣ съ вашими бумагами тому безвѣчному коммиссіонеру.

Поручая себя вашей благосклонности, съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. А. Пушкинъ.

И. И. Дмитріеву. — *Спб., 26 апрѣля.* — М. Г. Иванъ Ивановичъ! Приношу искреннюю мою благодарность вашему высокопревосходительству за ласковое слово и за утѣшительное одобреніе моему историческому отрывку. Его побраниваютъ, и подѣломъ: я писалъ его для себя, не думая, чтобъ могъ напечатать, и старался только объ одномъ ясномъ изложеніи происшествій, довольно запутанныхъ. Читатели любятъ анекдоты, черты мѣстности и пр.; а я все это отбросилъ въ примѣчанія. Что касается до тѣхъ мыслителей, которые негодуютъ на меня за то, что Пугачевъ представленъ у меня Емелькою Пугачевымъ, а не Байрововымъ Ларою, то охотно отсылаю ихъ къ г. Полевому, который, вѣроятно, за сходную цѣну возьметса идеализировать это лицо по самому послѣднему фасону.

Вы спрашиваете, кто секретарь у насъ въ академіи? Кажется, еще не рѣшено. Улиссъ-

Лобановъ и Аяксъ-Федоровъ спорять объ оружіи Ахиллеса. Но оно достанется чуть ли не Языкову-Нестору (по крайней мѣрѣ, издатель Нестора). Вы пророкъ въ отечествіи своемъ

На академіи наши нашель черный годъ: едва въ Россійской почилъ Соколовъ, какъ въ академіи паукъ явился вице-президентомъ князь Дондуковъ-Корсаковъ фокусникъ, а Фуссъ его паяцъ. Кто-то сказалъ, что куда одинъ, туда и другой; одинъ кувыркается на канатъ, а другой подъ нимъ на полу. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. А. П.

Л. С. Пушкину. — *Спб., 2 мая.* — Отецъ согласенъ дать тебѣ въ полное управленіе половину Кистенева (деревня). Свою часть уступаю сестрѣ (т. е. одни доходы). Я писалъ о томъ уже управителю. У тебя будетъ чистаго дохода около 2000 р. Советую тебѣ предоставить платежъ процентовъ управляющему, а самому получать только эту сумму. 2000 р. не много, но все же можно ими жить. Мать у насъ умирала; теперь ей легче, но не совсѣмъ. Не думаю, чтобъ она долго могла жить.

Гр. А. Х. Бенкендорфу. — *Спб., въ июль.* — (Въ письмѣ отъ 1 іюня 1835 г. Пушкинъ просилъ о дозволеніи отправиться на нѣсколько лѣтъ въ деревню. При этомъ онъ говорилъ, что ни у него, ни у жены его нѣтъ обезпеченнаго состоявія, и снова описывалъ затрудненія свои жить въ Петербургѣ. Онъ также упоминалъ о желаніи издавать журналъ. — Государь приказалъ спросить: хочетъ ли онъ отставки, потому что иначе нѣтъ возможности уволить на такой продолжительный срокъ. Пушкинъ отвѣчалъ):

Предаю совершенно судьбу мою въ царскую волю и желаю только, чтобъ рѣшеніе его ве-

личества не было для меня знакомъ немилости, и чтобъ входъ въ архивы, когда обстоятельства позволятъ мнѣ оставаться въ Петербургѣ, не былъ мнѣ запрещенъ.

Гр. А. Х. Бенкендорфу (по франц.) *Спб., 22-го июля.*—Графъ! Я имѣлъ честь являться къ вашему сіятельству, но не имѣлъ счастья застать васъ дома. — Осыпанный милостями его величества, обращаюсь къ вамъ, графъ, съ благодарностью за участіе, которое вы благоволили принять во мнѣ, и съ откровеннымъ извѣщеніемъ моего положенія. Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ пребыванія моего въ Петербургѣ, я надѣлалъ долговъ около шестидесяти тысячъ рублей. Кромѣ того, я былъ обязанъ взять на свои руки дѣла моего семейства и это до такой степени меня затруднило, что я былъ вынужденъ отказаться отъ одного послѣдства, и едиными способами къ водворенію порядка въ моихъ дѣлахъ было—или удаленіе въ деревню, или заемъ, единовременно и навсегда, значительной денежной суммы. Послѣдній способъ почти невозможенъ въ Россіи, гдѣ законъ даетъ слишкомъ слабое ручательство заимодавцу, и займы почти всегда суть долги между друзьями и на слово. Для меня благодарность—чувство не тягостное, и привязанность моя къ особѣ императора, конечно, не возмущается тайною мыслію стыда или угрызенія совѣсти; но я не могу скрыть отъ себя самого, что не имѣю рѣшительно никакихъ правъ на благодѣянія его величества и что мнѣ невозможно просить его о чемъ-либо. И такъ, графъ, еще разъ вамъ предоставляю я рѣшить мою участь и, прося васъ принять дань моего глубочайшаго уваженія, имѣю честь быть и пр. А. Пушкинъ.

(По мѣта. Императоръ предлагаетъ ему 10 ты-

сячь рублей и шестимѣсячный отпускъ, по прошествіи котораго онъ увидитъ — подать ему въ отставку, или нѣтъ“).

Гр. А. Х. Бенкендорфу (по франц.). — *Спб.*, 26-го іюля. — Графъ! Тяжело мнѣ, въ минуту полученія неожиданной милости, просить еще о двухъ другихъ, но я рѣшаюсь съ совершенною откровенностью прибѣгнуть къ тому, кто благоволилъ быть моимъ провидѣніемъ. Изъ 60,000 руб. моихъ долговъ, половину составляютъ долги чести. Для уплаты ихъ я вижу себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ займамъ подъ проценты, что удвоитъ мое затрудненіе, или поставитъ меня въ необходимость снова прибѣгнуть къ великодушію императора. Посему всеподданнѣйше умоляю его величество объ оказаніи мнѣ полной и совершенной милости, дарованіемъ мнѣ — во первыхъ, возможности уплатить эти 30,000 р., а во вторыхъ — дозволеніемъ мнѣ смотрѣть на сію сумму, какъ на заемъ, и вслѣдствіе этого — удержаніемъ получаемаго мною жалованья впредь до погашенія моего долга. Поручая себя снисходительности вашей, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и живѣйшею признательностію вашего сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою *А. Пушкинъ*

(По мѣта. „Императоръ жалуетъ ему 30,000 р. съ удержаніемъ, согласно просьбѣ, его жалованья“).

А. А. Фуксъ. — *Спб.*, 15 августа. — Долго мѣшкатель я доставить вамъ свою дань, ожидая изъ Парижа портрета Пугачева; наконецъ его получилъ и сѣшу препроводить вамъ мою книгу. Надѣясь на вашу снисходительность, я осмѣлился отправить на ваше имя одинъ экземпляръ для доставленія г. Рыбушкину, отъ ко-

того имѣлъ честь получить любопытную исторію о Казани.

Препоручаю себя драгоценному вашему благорасположенію и дружеству почтеннаго Карла Федоровича (предъ которымъ извиняюсь въ несправности изданія моей книги).

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

Н. Н. Пушкиной.—*Михайловское, 14 сентября.*— Хороши мы съ тобой. Я не далъ тебѣ моего адреса, а ты у меня его и не спросила; вотъ онъ: въ Пск. Губ., въ Островъ, въ село Тригорское. Сегодня 14-ое сентября. Вотъ ужъ недѣля, какъ я тебя оставилъ, милый мой другъ; а толку въ томъ не вижу. Писать не начиналъ и не знаю, когда начну. За то безирестанно думаю о тебѣ, и ничего путнаго не надумаю. Жаль мнѣ, что я тебя съ собою не взялъ. Что у насъ за погода! Вотъ ужъ три дня, какъ я только что гуляю, то пѣшкомъ, то верхомъ. Эдакъ я и осень мою прогуляю, и коли Богъ не пошлетъ намъ порядочныхъ морозовъ, то возвращусь къ тебѣ, не сдѣлавъ ничего. Пр. Ал. (Осиповой) еще здѣсь нѣтъ. Она или въ деревнѣ у Бѣгичевой, или во Псковѣ хлопочетъ. На дняхъ ожидаютъ ее. Сегодня видѣлъ я мѣсяцъ съ лѣвой стороны и очень о тебѣ сталъ беспокоиться. Что наша экспедиція? видѣлась ли ты съ графиней К., и что отвѣтъ? На всякій случай, если насъ гонитъ графъ К., то у насъ остается графъ Юрьевъ (Гурьевъ?), я адресую тебя къ нему. Пиши мнѣ какъ можно чаще, и пиши все, что ты дѣлаешь, чтобъ я зналъ, съ кѣмъ ты кокетничаешь, гдѣ бываешь, хорошо ли себя ведешь, каково сплетничаешь и счастливо-ли воюешь съ твоей однофамилицей. Прощай, душа, цѣлую ручку у Марьи

Александровны и прошу ее быть моей заступницей у тебя. Сашку цѣлую въ его круглый лобъ. Благословляю всѣхъ васъ. Теткамъ Азѣ и Кдоко мой сердечный поклонъ. Скажи Плетневу, чтобъ онъ написалъ мнѣ объ нашихъ общихъ дѣлахъ.

Н. Н. Пушкиной. — *Михайловское, 21 сентября.* — Жена моя, вотъ и 21-ое, а я отъ тебя еще ни строчки не получилъ. Это меня безпокоитъ поневолѣ, хоть я знаю, что ты мой адресъ, вѣроятно, узнала не прежде какъ 17-го, въ Павловскѣ. Не такъ ли? къ тому же, и почта изъ Петербурга идетъ только разъ въ недѣлю. Однако я все безпокоюсь и ничего не пишу, а время идетъ.

Ты не можешь вообразить, какъ живо работаетъ воображеніе, когда сидимъ одни между четырехъ стѣнъ, или ходимъ по лѣсамъ, когда никто не мѣшаетъ намъ думать, думать до того, что голова закружится. А о чемъ я думаю? Вотъ о чемъ: чѣмъ намъ жить будетъ? Отецъ не оставитъ мнѣ имѣнія; онъ его уже съ половину промоталъ; ваше имѣніе на волоскѣ отъ гибели. Царь не позволяетъ мнѣ ни записаться въ помѣщики, ни въ журналисты. Писать книги для денегъ, видить Богъ, не могу. У насъ ни гроша вѣрнаго дохода, а вѣрнаго расхода 30,000. Все держится на мнѣ да на теткѣ. Но ни я, ни тетка не вѣчны. Что изъ этого будетъ — Богъ знаетъ. Покажѣсть грустно. — Поцѣлуй-ка меня, авось горе пройдетъ. Да лихъ, губки твои на 400 верстъ не оттянешь. Сиди да горюй — что прикажешь! Теперь выслушай мой журналъ: былъ я у Вревскихъ третьяго дня и тамъ ночевалъ. Ждали Пр. Алекс., но она не бывала. Вревская очень добрая и милая бабенка, но толста какъ Меѳодій, нашъ

исковской архіерей. И незамѣтно, что она ужъ не брюхата; все та же, какъ когда ты ее видѣла. Я взялъ у нихъ Вальтеръ-Скотта и перечитываю его. Жалѣю, что не взялъ съ собою англійскаго. Кстати: пришли мнѣ, если можно, Essays de M. Montaigne—4 синихъ книги, на длинныхъ моихъ полкахъ. Отыщи. Сегодня погода пасмурная. Осень начинается. Авось засяду. Жду Пр. Ал., которая, вѣроятно, будетъ сегодня въ Тригорское.—Я много хожу, много ѣзжу верхомъ, на клячахъ, которыя очень тому рады, ибо имъ за то даютъ овесъ, къ которому онѣ не привыкли. Ымъ я печеный картофель, какъ маймистъ, и яйца въ смятку, какъ Людовикъ XVIII. Вотъ мой обѣдъ. Ложусь въ 9 часовъ, встаю въ 7. Теперь требую отъ тебя такого же подробнаго отчета. Цѣлую тебя, душа моя, и всѣхъ ребятъ, благословляю васъ отъ сердца. Будьте здоровы. Бель-сѣрамъ поклонъ. Какъ надобно сказать: бель-сѣры, или бель-сѣри? Прощай.

Н. Н. Пушкиной.—*Тригорское, 25 сентября.*—Пишу тебѣ изъ Тригорскаго. Что это, женка? вотъ ужъ 25-ое, а я все отъ тебя не имѣю ни строчки.—Это меня сердить и беспокоить.—Куда адресуешь ты свои письма? Пиши: „Во Псковъ, Ея Высочородію Прасковѣ Александровнѣ Осиповой, для доставленія А. С. П., извѣстному сочинителю“—вотъ и все. Такъ вѣрнѣе дойдутъ до меня твои письма, безъ которыхъ я совершенно одурѣю. Здорова ли ты, душа моя? и что мои ребятншки? Что домъ нашъ, и какъ ты имъ управляешь? Вообрази, что до сихъ поръ не написалъ я ни строчки, а все потому, что не спокоенъ. Въ Михайловскомъ нашелъ я все по старому, кромѣ того.

что нѣтъ ужъ въ немъ няни моей, и что около знакомыхъ старыхъ сосенъ поднялась, во время моего отсутствія, молодая сосновая семья, на которую досадно мнѣ смотрѣть, какъ иногда досадно мнѣ видѣть молодыхъ кавалергардовъ на балахъ, на которыхъ уже не пляшу. Но дѣлать нечего; все кругомъ меня говоритъ, что я старѣю, — иногда даже чистымъ русскимъ языкомъ. Наприм. вчера мнѣ встрѣтилась знакомая баба, которой не могъ я не сказать, что она перемѣнилась. А она мнѣ: да и ты, мой кормилецъ, состарѣлся, да и подурнѣлъ. Хотя могу я сказать вмѣстѣ съ покойной няней моей: хорошъ никогда не былъ, а молодъ былъ. Все это не бѣда; одна бѣда: не замѣчай ты, мой другъ, того, что я слишкомъ замѣчаю. Что ты дѣлаешь, моя красавица, въ моемъ отсутствіи? Расскажи, что тебя занимаетъ, куда ты ѣдишь, какія есть новыя сплетни, etc. — Карамзина и Мещерскія, слышалъ я, пріѣхали. Не забудь сказать имъ сердечный поклонъ. Въ Тригорскомъ стало просторнѣе — Евпраксія Ник. и Александра Ив. замужемъ, но Пр. Ал. все та же, и я очень люблю ее. Веду себя скромно и порядочно. Гуляю пѣшкомъ и верхомъ, читаю романы В.-Скотта, отъ которыхъ въ восхищеніи, да охаю о тебѣ. — Прощай, цѣлую тебя крѣпко, благословляю тебя и ребятъ. — Что Коко и Азя? замужемъ или еще нѣтъ? Скажи, чтобъ безъ моего благословенія не шли. Прощай, мой ангелъ.

Н. Н. Пушкиной. — *Михайловское, 29 сент.* — Душа моя, вчера получилъ я отъ тебя два письма; они очень меня огорчили. Чѣмъ больна Кат. Ив.? ты пишешь: ужасно больна. Слѣдственно есть опасность? съ нетерпѣніемъ ожидаю твой bulletin. Все это происходитъ отъ не-

человѣческаго образа ея жизни. Вѣрить-ли, чтобъ гр. Полье вышла наконецъ за своего принца? Канкринъ шутить, а мнѣ не до шутокъ. Государь общалъ мнѣ Газету, а самъ запретилъ; заставляетъ меня жить въ Петербургѣ, а не даетъ мнѣ способовъ жить моими трудами. Я теряю время и силы душевныя, бросаю за окошки деньги трудовыя, и не вижу ничего въ будущемъ. Отецъ мотаетъ имѣніе безъ удовольствія, какъ безъ разчета; твой теряетъ свое, отъ глупости и безпечности покойника Аѳ. Ник.— Что изъ этого будетъ? Господь вѣдаетъ. Пожаръ твой произошелъ, вѣроятно, отъ оплошности твоихъ фрейлинъ, которымъ безъ меня житье! слава Богу, что дѣло ограничилось занавѣсками. Ты мнѣ прислала записку отъ m-me K.; дура вздумала переводить Занда и просить, чтобъ я сосводничалъ ее со Смирдинымъ. Чортъ поberi ихъ обоихъ. Я поручилъ Ан. Ник. отвѣчать ей за меня, что если переводъ ея будетъ такъ же вѣренъ, какъ она сама вѣрный списокъ съ m-me Sand, то успѣхъ ея несомнѣтеленъ, а что со Смирдинымъ дѣла я никакого не имѣю. Что Плетневъ? Думаетъ ли онъ о нашемъ общемъ дѣлѣ? вѣроятно, нѣтъ. Я провожу время очень однообразно. Утромъ дѣла не дѣлаю, а такъ, изъ пустого въ порожнее переливаю. Вечеромъ ѣзжу въ Тригорское, роюсь въ старыхъ книгахъ, да орѣхи грызу. А ни стиховъ, ни прозы писать и не думаю. Скажи Сашкѣ, что у меня здѣсь бѣлыя сливы, не чета тѣмъ, которыя онъ у тебя крадетъ, и что я прошу его ихъ со мною покушать. Что Машка? какова дружба ея съ маленькой Музика? и каковы ея побѣды? Пиши мнѣ также новости политическія. Я здѣсь газетъ не читаю — въ Англ. клубъ не ѣзжу и Хитрову не вижу. Не знаю, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Ког-

да будутъ цари? и не слышно ли чего про войну и т. под.? Благословляю васъ—будьте здоровы. Цѣлую тебя. Какъ твой адресъ глушь—такъ это объяденіе! Въ Исковскую губернію, въ село Михайловское. Ахъ ты, моя голубушка! а въ какой уѣздъ — и не сказаво. Да и Михайловскихъ селъ, чаю, не одно; а хоть и одно, такъ кто жъ его знаетъ? Экая вѣтренница! ты видишь, что я все ворчу, да что дѣлать? нечему радоваться. Пиши мнѣ про тетку — и про мать. Je remercie vos soeurs, какъ пишетъ Нат. Ив., хоть право не за что.

Н. Н. Пушкиной.—*Михайловское, 2 октября.*— Милая моя женка, есть у насъ здѣсь кобылка, которая ходитъ и въ упряжи, и подъ верхомъ. Всѣмъ хороша, но чуть пугнетъ ее что на дорогѣ, какъ она закуситъ поводья, да и несетъ верстъ десять по кочкамъ да оврагамъ—и тутъ ужъ ничѣмъ ея не проймешь, пока не устанетъ сама.

Получилъ я, ангелъ кротости и красоты, письмо твое, гдѣ изволишь ты, закусивъ поводья, лягаться милыми и стройными копытцами, подкованными у m-me Katherine. Надѣюсь, что теперь ты устала и присмирѣла. Жду отъ тебя писемъ порядочныхъ, гдѣ бы я слышалъ тебя и твой голосъ, а не брань, мною вовсе не заслуженную, ибо я веду себя, какъ красная дѣвица. Со вчерашняго дня началъ я писать (чтобы не сглазить только). Погода у насъ портится; кажется, осень наступаетъ не на шутку. Авось распишусь. Изъ сердитаго письма твоего заключаю, что К. И-нѣ лучше; ты бы такъ бодро не бранилась, еслибъ она была не на шутку больна. Все-таки, напиши мнѣ обо всемъ и обстоятельно. Что ты про-

Машу ничего не пишешь? вѣдь я, хоть Сашка и любимецъ мой, а все люблю ея затѣи. Я смотрю въ окошко и думаю: не худо бы, если бы вдругъ въѣхала на дворъ карета, а въ каретѣ сидѣла бы Нат. Ник.! да нѣтъ, мой другъ. Сиди себѣ въ Петербургѣ, а я постараюсь ужъ поторопиться и пріѣхать къ тебѣ прежде срока. Что Плетневъ? что Карамзины, Мещерскія? etc.—пиши мнѣ обо всемъ. Цѣлую тебя и благословляю ребятъ.

П. А. Плетневу.—*Михайловское, въ октябрь.* — Очень обрадовался я, получивъ отъ тебя письмо (дѣльное по твоему обычаю). Постараюсь отвѣчать по пунктамъ и обстоятельно; ты получилъ „Путешествіе въ Эрзерумъ“ отъ цензуры; но что рѣшилъ комитетъ на мое всеуниженное прошеніе? Неужели залягаетъ меня о...къ Никитенко и забодаетъ быкъ Дундукъ? Впрочемъ они отъ меня такъ легко не отдѣлаются. Спасибо, великое спасибо Гоголю за его Коляску, въ ней альманахъ далеко можетъ уѣхать; но мое мнѣніе — даромъ Коляски не брать, а установить ей цѣну. Гоголю нужны деньги. Ты требуешь имени для альманаха: назовемъ его Аріонъ или Оріонъ; я люблю имена, не имѣющія смысла; шуточкамъ привязаться не къ чему. Лангера заставь также нарисовать виньетку для смысла. Были бы цвѣточки, да лиры, да плющъ, какъ на квартирѣ Алекс. Ив. въ комедіи Гоголя. Это будетъ очень натурально. Въ ноябрѣ я бы радъ явиться къ вамъ, тѣмъ болѣе, что такой безплодной осени отроду мнѣ не выдавалось. Пишу—черезъ пень колоду валю. Для вдохновенья нужно сердечное спокойствіе, а я совсѣмъ не спокоенъ. Ты дурно дѣлаешь, что становишься нерѣшителенъ. Я всегда находилъ,

что все тобою придуманное мнѣ удавалось. Начнемъ альмавахъ съ „Путешествія“. Присылай мнѣ корректуру, а я перешлю тебѣ стиховъ. Кто будетъ нашъ цензоръ? Радуюсь, что Сенковскій промышляетъ именемъ Бѣлкина; но нельзя ль (разумѣется, изъ-за угла и тихонько, на примѣръ въ Московскомъ Наблюдателѣ) объявить, что настоящій Бѣлкинъ умеръ и не принимаетъ на свою душу грѣховъ своего омонима? Это бы, право, было не худо.

Въ главный комитетъ цензуры.—Честь имѣю обратиться въ главный комитетъ цензуры съ покорнѣйшею просьбою о разрѣшеніи встрѣтившихся затрудненій.

Въ 1826 году государь императоръ изволилъ объявить мнѣ, что ему угодно быть самому моимъ цензоромъ. Вслѣдствіе высочайшей воли, все, что съ тѣхъ поръ было мною напечатано, доставлено было мнѣ прямо отъ его величества, изъ III-го отдѣленія собственной его канцеляріи, при подписи одного изъ чиновниковъ „Съ дозволенія Правительства“. Такимъ образомъ были напечатаны: „Цыганы“, — повѣсть (1826), 4-я, 5-я, 6-я, 7-я и 8-я главы „Евгенія Онѣгина“ — романа въ стихахъ (1827, 1828, 1831, 1833). „Полтава“ (1829), 2-я и 3-я часть „Мелкихъ Стихотвореній“, 2-е и 3-е издание поэмы „Русланъ и Людмила“ (1828), „Графъ Нулинъ“ (1828), „Исторія Пугачевского бунта“ и проч.

Нынѣ, по случаю второго исправленнаго изданія „Анджео“, перевода изъ Шекспира (неисправно и съ своевольными поправками напечатаннаго книгопродавцемъ Смирдинымъ), г. попечитель Спб. учебнаго округа изустно объявилъ мнѣ, что не можетъ болѣе позволить мнѣ печатать моихъ со-

чиненій, какъ доселѣ они печатались, т. е. за подписью чиновника собственной его величества канцеляріи. Между тѣмъ никакого новаго распоряженія не воспослѣдовало, и такимъ образомъ я лишенъ права печатать свои сочиненія, дозволенные самимъ государемъ императоромъ.

Въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ государь изволилъ возвратить мнѣ сочиненіе мое, дозволивъ оное напечатать, за исключеніемъ собственноручно замѣченныхъ мѣстъ. Не могу болѣе обратиться для подписи въ собственную канцелярію его величества и принужденъ утруждать комитетъ всеуниженнымъ вопросомъ: какую новую форму соизволилъ онъ предписать мнѣ для представленія рукописей моихъ въ типографію? — Титулярный Совѣтникъ *Александръ Пушкинъ*.

П. В. Нащокинъ. — *Спб., въ октябрѣ*. — Мой любезный Павелъ Воиновичъ! Не писалъ къ тебѣ, потому что въ ссорѣ съ московскою почтою (говорится о перлюстраціи). Услышалъ я, что ты собирався ко мнѣ въ деревню. Радуюсь, что не собрался, потому что тамъ меня бы не засталъ. Болѣзнь матери моей заставила меня воротиться въ городъ. О тебѣ были разные слухи, касательно твоего выигрыша; но что истинно меня утѣшило, такъ это то, что всѣ въ голосъ оправдывали тебя, и тебя одного. Думаю побывать въ Москвѣ, коли не ожолѣю на дорогѣ. То-то бы наболтались! А здѣсь не съ кѣмъ. Денежныя мои обстоятельства плохи. Я принужденъ былъ приняться за журналъ. Не вѣдаю, какъ еще пойдетъ. Смирдинъ уже предлагаетъ мнѣ 15,000, чтобъ я отъ своего предпріятія отступился и сталъ бы снова сотрудникомъ его Библіотеки. Но хотя это было

бы и выгодно, но не могу на то согласиться. Сенковскій такая бестія, а Смирдинъ такая дура, что съ ними связываться невозможно.— Желалъ бы я взглянуть на твою семейную жизнь и ею порадоваться. Вѣдь и я тутъ участвовалъ, и я имѣлъ вліяніе на рѣшительный переворотъ твоей жизни. Мое семейство умножается, растетъ, шумитъ около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку въ свѣтѣ скучно: ему досадно видѣть новыя молодыя поколѣнія; одинъ отецъ семейства смотритъ безъ зависти на молодость, его окружающую. Изъ этого слѣдуетъ, что мы хорошо сдѣлали, что женились.—Каковы твои дѣла? Что Куликовъ и твой жиденокъ-лѣкарь, котораго Наталья Николаевна такъ не любитъ? А у ней пречуткое сердце. Смотри, распутайся съ ними! Это необходимо. Но обо всемъ этомъ послѣ поговоримъ. До свиданія, мой другъ.

П. А. Осиповой (по франц.). — *Спб.*, окт.— Вотъ и я въ Петербургѣ, милост. государыня; представьте себѣ, что молчаніе жены моей происходило отъ того, что она вздумала адресовать свои письма въ Опочку. Богъ знаетъ, съ чего это она взяла. Во всякомъ случаѣ, покорно васъ прошу послать туда когонибудь изъ нашихъ людей—сказать почтмейстеру, что меня болѣе нѣтъ въ деревнѣ, и чтобы всеу него находящееся онъ переслалъ обратно въ Петербургъ.

Мать мою я нашелъ въ крайне опасномъ положеніи; она пріѣхала изъ Павловска искать квартиры и вдругъ почувствовала слабость, будучи у Княжнина, гдѣ остановилась. Раухъ и Спасскій не имѣютъ никакой надежды. Къ это-

му печальному положенію примѣшивается еще грусть при видѣ, что бѣдная моя Наташа служить цѣлью для злыхъ нападковъ свѣта. Повсюду говорятъ — какъ это ужасно, что она такъ наряжается, когда ея свекру и свекрови ѣсть нечего, когда ея свекровь умираетъ у чужихъ людей. Вы знаете, въ чемъ дѣло. Нельзя, конечно, сказать, чтобы человекъ, у котораго 1,200 душъ крестьянъ, находился въ нищетѣ. Стало быть, у моего отца кое-что есть, а у меня ничего нѣтъ. Во всякомъ случаѣ Наташа тутъ не при чемъ, и за все долженъ быть въ отвѣтъ я. Если бы мать моя вздумала поселиться у насъ, Наташа приняла бы ее, разумѣется; но холодный домъ, наполненный ребятами, набитый гостями, едва ли годится для больной. Матери моей лучше у себя дома. Я нашелъ ее ужъ переѣхавшею; отецъ въ весьма плачевномъ положеніи. Что касается до меня, я въ жалкомъ настроеніи духа и совершенно оглушенъ.

Повѣрьте мнѣ, милая М-ше Осипова, жизнь — при всемъ томъ, что она «сладкая привычка» — содержитъ въ себѣ горечь, отъ которой, наконецъ, дѣлается противною; свѣтъ же — гнусная, грязная лужа. Мнѣ милѣе Тригорское. Привѣтъ мой вамъ отъ всего сердца.

И. И. Ламечникову. — *Спб., 3 ноября.* — М. Г. Иванъ Ивановичъ! Во первыхъ, долженъ я у васъ просить прощеніе за медленность и несправность свою.

Портретъ Пугачева получилъ мѣсяць тому назадъ, и возвратясь изъ деревни, узналъ я, что до сихъ поръ экземпляръ его Исторіи вамъ не доставленъ. Возвращаю вамъ рукопись Рычкова, коей пользовался я по вашей благосклонности.

Позвольте, милостивый государь, благодарить теперь за прекрасные романы, которые всѣ мы прочли съ такою жадностью и съ такимъ наслажденіемъ. Можетъ быть, въ художественномъ отношеніи „Ледяной Домъ“ и выше „Послѣдняго Новика“, но истина историческая въ немъ не соблюдена, и это современемъ, когда дѣло Волинскаго будетъ обнародовано, конечно, повредитъ вашему созданію; но поэзія останется всегда поэзіей, и многія страницы вашего романа будутъ жить, доколѣ не забудется русскій языкъ. За Василя Тредьяковскаго, признаюсь, я готовъ съ вами поспорить. Вы оскорбляете человѣка, достойнаго во многихъ отношеніяхъ уваженія и благодарности нашей. Въ дѣлѣ же Волинскаго играетъ онъ лицо мученика. Его донесеніе академіи трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать безъ негодованія на его мучителя. О Биронѣ можно бы также потолковать. Онъ имѣлъ несчастіе быть нѣмцемъ; на него свалили весь ужасъ царствованія Анны, которое было въ духѣ его времени и въ нравахъ народа. Впрочемъ, онъ имѣлъ великій умъ и великіе таланты.

Позвольте сдѣлать вамъ филологическій вопросъ, коего разрѣшеніе для меня важно: въ какомъ смыслѣ упомянули вы слово хоботь въ послѣднемъ вашемъ твореніи и по какому нарѣчію?

Препоручая себя вашей благосклонности, честь имѣю быть и пр. *А. Пушкинъ.*

П. А. Клейнмихелю. — Сбн., 19 ноября. — Возвратясь изъ путешествія, вашелъ я предписаніе вашего высокопревосходительства, коему и послѣшилъ повиноваться. Книги и бумаги, которыми пользовался я по благосклонности его сія-

тельства гр Чернышева, возвращены мною въ военное министерство.—Обращаюсь къ в. высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою: въ главномъ штабѣ находится одна, мнѣ еще неизвѣстная кпига, содержащая послѣднія письма и донесенія генерала Бибикова (1774 г.). Мнѣ было бы необходимо справиться съ сими документами; осмѣливаюсь просить на то соизволенія вашего высокопревосходительства. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

П. А. Осиповой (по франц.).—*Спб., 26 дек.*—Наконецъ, милост. государыня, я былъ утѣшенъ полученіемъ вашего письма отъ 27-го ноября. Оно около четырехъ недѣль находилось въ дорогѣ. Мы не знали, что подумать о вашемъ молчаніи. Не знаю почему, но полагаю, что вы—въ Псковѣ, куда и адресую это письмо. Здоровье матери моей улучшилось, но это еще не выздоровленіе. Она слаба, однако же болѣзнь утихла. Отецъ жалокъ. Жена моя благодаритъ васъ за память и поручаетъ себя дружбѣ вашей. Ребятишки также. Желаю вамъ здоровья и пріятнаго праздника; не говорю о моей неизмѣнной привязанности.

Императоръ явилъ милость свою многимъ изъ заговорщиковъ 1825 года, между прочими и моему бѣдному Кюхельбекеру. По указу долженъ онъ быть поселенъ въ южной части Сибири. Страна прекрасная, но я желалъ бы знать, что онъ поближе къ намъ; можетъ быть, ему позволятъ поселиться въ имѣніи г-жи Глинки, его сестры. Правительство относилось къ нему всегда кротко и снисходительно.

Какъ подумаю, что уже десять лѣтъ прошло со времени этого несчастнаго возмущенія, то мнѣ все это кажется сномъ. Сколько событій, сколько

перемѣнѣ во всемъ, начиная съ собственныхъ моихъ мыслей, моего положенія, и проч., и проч. По правдѣ сказать, только дружбу мою къ вамъ и вашему семейству нахожу я въ душѣ моей все тою же, всегда полною и ненарушимою.

Вексель вашъ готовъ, и я вышлю его въ слѣдующій разъ.

(Помѣта Осиповой: «Я его никогда не получала»).

Н. В. Гоголю.—Прочелъ съ большимъ удовольствіемъ. Кажется, все можетъ быть пропущено. Сѣкцію жаль выпустить: она, мнѣ кажется, необходима для эффекта вечерней мазурки („Невскій Проспектъ“ Гоголя). Авось Богъ вынесетъ. Съ Богомъ!—А. П.

Н. В. Гоголю.—Г. Булгаринъ, въ предисловіи къ одному изъ своихъ романовъ, увѣдомляетъ пубliku, что есть люди, не признающіе въ немъ никакого таланта. Это, повидимому, очень его удивляетъ. Онъ даже выразилъ свое удивленіе и знакомъ препинанія—(!).

Съ нашей стороны, мы знаемъ людей, которые признаютъ талантъ въ г. Булгаринѣ, но и тутъ не удивляемся.

Новый романъ г. Булгарина („Записки Чухина“) нисколько не уступаетъ его прежнимъ...

Бѣдной вдовѣ.—Милостивая государыня! Все, что могу сдѣлать для васъ добраго—постараюсь, но не осудите, если пособіе мое будетъ не такъ значительно, какъ вы, быть можетъ, ожидаете. Я самъ далеко не изъ числа богатыхъ людей. На дняхъ буду у васъ.—Съ уваженіемъ и пр. А. Пушкинъ.

Гр. А. X. Бенкендорфу. — *Спб.*, 31 декабря. — Я желалъ бы въ слѣдующемъ 1836 году издать четыре тома статей чисто литературныхъ (какъ-то: повѣстей, стихотвореній etc.), историческихъ, ученыхъ, также критическихъ разборовъ русской и иностранной словесности, на подобіе англійскихъ трехъ-мѣсячныхъ *Reviews*. Отказавшись отъ участія во всѣхъ нашихъ журналахъ, я лишился и своихъ доходовъ. Изданіе таковой *Review* доставило бы мнѣ вновь независимость, а вмѣстѣ и способъ продолжать труды, мною начатые. Это было бы для меня новымъ благодѣніемъ государя.

1836.

С. С. Хлюстину (по франц.). — *Спб.*, 4 февраля. — М. г. позвольте мнѣ возстаповить нѣкоторыя пункты, по которымъ, мнѣ кажется, вы ошибаетесь. Я не помню, чтобы вы приводили какую-либо ссылку изъ той статьи. Заставило же меня объясняться, можетъ быть, съ излишнею горячностью, ваше замѣчаніе, что я напрасно наканунѣ принялъ къ сердцу слова Сенковскаго. Я вамъ отвѣчалъ: „Я не сержусь на Сенковскаго; но мнѣ нельзя не досадовать, когда порядочные люди повторяютъ нелѣпости свпшей и мерзавцевъ“. Васъ отожествлять съ свиньями и мерзавцами — несомнѣнно нелѣпость, которая не могла ни придти мнѣ въ голову, ни даже сорваться съ языка моего при всемъ жару спора. Къ моему великому удивленію, вы мнѣ возразили, что вы вполне принимаете за вашъ счетъ обидную статью С. и именно выраженіе „обманывать публику“. Я тѣмъ менѣе былъ подготовленъ къ такому заявленію, исходящему отъ васъ, что ни наканунѣ, ни при по-

слѣднемъ нашемъ свиданіи вы ничего ровно не сказали мнѣ такого, что могло бы относиться къ статьѣ журнала. Мнѣ показалось, что я васъ не понялъ и просилъ васъ объясниться, что вы и сдѣлали въ тѣхъ же выраженіяхъ. Тогда я имѣлъ честь замѣтить вамъ, что то, что вы высказали, совершенно измѣняетъ вопросъ, и я замолчалъ. Разставаясь съ вами, я вамъ сказалъ, что я не могу оставить это безъ послѣдствій. Это можетъ быть сочтено вызовомъ, но не угрозою. Ибо наконецъ, я вынужденъ повторить: я могу пренебречь словами какого нибудь Сенковскаго, но совсѣмъ иное дѣло, когда ихъ повторяетъ такой человѣкъ, какъ вы. Вслѣдствіе сего я поручилъ г. Соболевскому просить васъ отъ моего имени просто-на-просто взять ваши слова назадъ, или же дать мнѣ обычное удовлетвореніе. Доказательствомъ, насколько послѣднее рѣшеніе мнѣ было противно, можетъ служить то, что я сказалъ именно Соболевскому, что я не требую извиненій. Мнѣ прискорбно, что г. Соболевскій во всемъ этомъ поступилъ со свойственною ему небрежностью.

Что касается до моей невѣжливости, что я не поклонился вамъ, когда вы отъ меня уходили, прошу васъ вѣрить, что то была съ моей стороны совершенно невольная разсѣянность, въ которой я отъ всего сердца прошу васъ меня извинить. Имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ и послушнымъ слугою.

Кн. Н. Гр. Репнину (по франц.).—*Спб., 5 февраля.*—Князь! съ сожалѣніемъ вижу себя принужденнымъ безпокоить ваше сіятельство; но, какъ дворянинъ и отецъ семейства, я обязанъ блюсти мою честь и имя, которое оставлю моимъ дѣтямъ.

Не имѣю чести быть лично извѣстенъ вашему сіятельству. Я никогда не только не оскорблялъ васъ, но по извѣстнымъ мнѣ причинамъ донынѣ питалъ къ вамъ истинныя чувства уваженія и признательности. Однако же, нѣкто г. Боголюбовъ публично повторяетъ оскорбительныя обо мнѣ отзвывы, будто бы произнесенныя вами. Прошу ваше сіятельство благоволить увѣдомить меня, какъ мнѣ поступить въ этомъ случаѣ.

Я знаю лучше нежели кто либо разстояніе, отдѣляющее меня отъ васъ; но вы, будучи не только знатнымъ вельможею, но еще и представителемъ нашего древняго и настоящаго дворянства, къ которому и я также принадлежу, надѣюсь, поймете безъ труда всю силу необходимости, побудившей меня поступить такимъ образомъ. Остаюсь съ уваженіемъ и пр. А. Пушкинъ.

Кня. Н. Гр. Репнину.—*Спб., 11 февраля.*—М. Г. князь Николай Григорьевичъ! Приношу вашему сіятельству искреннюю, глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить.

Не могу не сознаться, что мнѣніе вашего сіятельства касательно сочиненій, оскорбительныхъ для чести частнаго лица, совершенно справедливо. Трудно ихъ извинить, даже когда они написаны въ минуту огорченія и слѣпой досады; какъ забава суетнаго или развращеннаго ума, они были бы непростительны.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. А. П.

А. А. Фуксъ.—*Спб., 20 февраля.*—Я столько предъ вами виноватъ, что не осмѣливаюсь и оправдываться. Недавно возвратился я изъ деревни и нашелъ у себя письмо, которымъ вы

изволили меня удостоить. Не понимаю, какимъ образомъ мой бродяга Емельянъ Пугачевъ не дошелъ до Казани, мѣсто для него памятное: видно, шатался по сторонамъ и загулялся по своей привычкѣ. Теперь гр. Апраксинъ снисходительно взялся доставить къ вамъ мою кпигу. При семъ позвольте мнѣ, м. г., препроводить къ вамъ и билетъ на получение Современника, мною издаваемого. Смѣю ли надѣяться, что вы украсите его когда нибудь произведеніями пера вашего?

Свидѣтельствую глубочайшее мое почтеніе любезному, почтенному Карлу Ѳедоровичу, поручая себя вашей и его благосклонности.

Честъ имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію и пр.

С. Н. Глинкѣ.—*Спб., въ мартѣ.*—М. Г. Сергѣй Николаевичъ! Искренно благодарю васъ за любезное письмо ваше (извините галицизмъ). Современникъ мой еще не вышелъ—а выйдетъ современемъ. Вы первый его получите.

Какъ адресовать письма къ Ѳедору Николаевичу?—Весь вашъ А. П.

Альфону Жобару (по франц.).—*Спб., 24 марта.*
—М. г. Съ истиннымъ удовольствіемъ получилъ я вашъ прелестный переводъ Оды къ Лукуллу и лестное письмо, которое вы къ нему приложили. Ваши стихи на столько же милы, на сколько злы, а это много значитъ. Если справедливо, какъ вы рассказываете о своемъ письмѣ, что васъ хотѣли на законномъ основаніи объявить лишеннымъ разсудка, то падо признать, что послѣ того вы воротили его въ чертовской степени.

Расположеніе, которое повидимому вы ко мнѣ питаете и которымъ я горжусь, даетъ мнѣ пра-

во съ полною откровенностью говорить съ вами. Въ письмѣ къ г-ну министру народнаго просвѣщенія вы, кажется, изъявляете намѣреніе напечатать свой переводъ въ Бельгій съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ примѣчаній, необходимыхъ, по вашему мнѣнію, для пониманія стихотворенія: осмѣливаюсь умолять васъ, м. г., отнюдь этого не дѣлать. Мнѣ самому досадно, что я напечаталъ произведеніе, написанное въ минуту раздраженія. Опубликованіе его вызвало неудовольствіе одного лица, котораго мнѣніемъ я дорожу и которымъ пренебрегать я не могу, не оказавшись неблагодарнымъ и безумцемъ. Будьте добры: удовольствіемъ гласности пожертвуйте мысли оказать услугу собрату. Не воскрешайте своимъ талантомъ произведеніе, которое само по себѣ впадаетъ въ заслуженное забвеніе.

Позволяю себѣ надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ любезности, о которой я прошу. Примите увѣреніе и пр. *А. Пушкинъ*.

(Жобаръ сначала былъ учителемъ франц. языка въ Ригѣ и Петербургѣ, а въ 1822 г.—профессоромъ греч., лат. и франц. словесности въ Казани. Уволенный Магницкимъ, онъ не могъ добиться удовлетворенія своихъ претензій отъ Уварова и, негодуя на него, перевелъ на франц. яз. и поднесъ ему стихотвореніе „На выздоровленіе Лукулла“, испрашивая разрѣшеніе напечатать, о чемъ сообщилъ и Пушкину).

Кн. В. Ѡ. Одоевскому.—*Спб., въ мартъ*.—Весьма и весьма доволенъ и благодаренъ. Если въ недѣлю можно будетъ отпечатать по пяти листовъ, то это славно, и дѣло наше въ шляпѣ. Корректуру „Путешествія“ прикажите однако присылать ко мнѣ. Тутъ много ошибокъ въ рукописи. Что ваша повѣсть Зизи? Это славная вещь.—*А. П.*

Ии. В. Ө. Одоевскому.—*Спб. въ началѣ апрѣля.*—
У меня въ 1 № не будетъ ни одной строчки
вашего пера—грустно мнѣ; во времени вамъ не
доставало, а за меня пріятели дали предъ публи-
кою обѣтъ выдать Современникъ на Ө-
минной.

Думаю 2 № начать статьей вашей, дѣльной,
умной и сильной, и которую хочется мнѣ наи-
меновывать: „О враждѣ къ просвѣщенію“,
ибо въ томъ же № хочется мнѣ помѣ-
стить и „Разборъ Постоялаго Двора“,
подъ названіемъ: „О нѣкоторыхъ рома-
нахъ“. Разрѣшаете ли вы?

О Сегеліелѣ, кажется, задумалась цен-
зура, но я не очень имъ доволенъ; къ тому же,
какъ отрывокъ, онъ и въ печати можетъ повре-
дить изданію полнаго вашего произведенія.

Я ѣду во вторникъ. Увижу ли васъ дотолѣ?
Весь вашъ.—*А II.*

PS. „Разговоръ недовольныхъ“ не помѣстплъ
я, потому что ужъ „Сцены“ Гоголя (Утро дѣло-
вого человѣка) были у меня напечатаны, и что
вы могли другъ другу повредить въ эффектѣ.

Н. М. Языкову.—*Михайловское, 14 апрѣля.*—
Отгадайте, откуда пишу къ вамъ, любезный Ни-
колай Михайловичъ? Изъ той стороны, гдѣ
вольные живали вы, гдѣ ровно тому десять
лѣтъ пировали мы втроемъ,—вы, Вульфъ и я,
гдѣ звучали наши стихи и бокалы съ Еммой,
гдѣ теперь вспоминаемъ мы васъ—и старину.
Поклонъ вамъ отъ холмовъ Михайловскаго, отъ
сѣней Тригорскаго, отъ волнъ голубой Сороти,
отъ Евпраксин Николаевны, нѣкогда полувоз-
душной дѣвы (Е. Н. Вульфъ), нынѣ — деброй
жены (Вревской), въ пятый разъ уже брюхатой,
и у которой я въ гостяхъ,—поклонъ вамъ ото
всего и ото всѣхъ, вамъ преданныхъ сердцемъ
и мятью!

Алексѣй Вульфъ здѣсь же, отставной студентъ и гусарь, усатый агрономъ, тверской ловелась, — попрежнему милый, но уже перешагнувшій за тридцатый годъ. Пребываніе мое во Псковѣ не такъ шумно и весело нынѣ, какъ во время моего заточенія, во дни, какъ царствовалъ Александръ; но оно такъ живо мнѣ васъ напоминало, что я не могъ не написать вамъ нѣсколько словъ, въ ожиданіи, что и вы откликнетесь. Вы получите мой Современникъ; желаю, чтобъ онъ заслужилъ ваше одобреніе. Изъ статей критическихъ моя одна: о Конисскомъ. Будьте моимъ сотрудникомъ непременно. Ваши стихи — вода живая, наши — вода мертвая; мы ею окатили Современника; опрысните его вашими кипучими каплями. Посланіе къ Давыдову — прелесть! Нашъ боецъ чернокудрявый окрасилъ было свою сѣдину, замазалъ и свой бѣлый локонъ, но послѣ вашихъ стиховъ опять его вымылъ — и правъ. Это знакъ благоговѣнія къ поэзіи. Прощайте, пишите мнѣ, да кстати ужъ напишите и къ Вяземскому отвѣтъ на его посланіе, напечатанное въ Новосельѣ (помнитея) и о которомъ вы ему ни слова не молвили. Будьте здоровы и пишите, то есть: живи и жить давай другимъ. Весь вашъ Ал.

Пришлите мнѣ, ради Бога, стихъ объ Алексѣѣ Божьемъ человекѣ и еще какуюнибудь легенду: н у ж н о.

М. П. Погодину. — *Михайловское, 14 апрѣля.* — Пишу къ вамъ изъ деревни, куда заѣхалъ вслѣдствіе печальныхъ обстоятельствъ (смерть матери). Журналъ мой вышелъ безъ меня, и вѣроятно вы его ужъ получили. — Статья о вашихъ Афоризмахъ писана не мною, и я не имѣлъ ни времени, ни духу ее порядочно разсмотрѣть

Не сердитесь на меня, если вы ею недовольны. Не войдете ли вы со мною въ сношенія литературныя и торговыя? Въ такомъ случаѣ прошу васъ объявить безъ обиняковъ ваши требованія. Если увидите Надеждина, благодарите его отъ меня за Телескопъ. Пошлю ему Современникъ. Сегодня ѣду въ С.-Петербургъ. А въ Москву буду въ маѣ—порыться въ архивѣ и свидѣться съ вами. Весь вашъ А. П.

И. И. Лажечникову. — *Съ Тверской станціи, проѣздомъ.* — Я все еще надѣялся, почтенный и любезный Иванъ Ивановичъ, лично благодарить васъ за ваше ко мнѣ благорасположеніе, за два письма, за романы и пугачевщину, но неудача меня преслѣдуетъ. — Проѣзжаю черезъ Тверь на перекладныхъ, и въ такомъ видѣ, что никакъ не осмѣливаюсь къ вамъ явиться и возобновить старое, мнѣ знакомство. — Отлагаю до сентября, то есть, до возвратнаго пути; покамѣсть поручаю себя вашей снисходительности и доброжелательству. — Сердечно васъ уважающій Пушкинъ.

Л. С. Пушкину. (по франц.). *Спб., 24 апрѣля.* — Я замедлилъ тебѣ отвѣтомъ, потому что нечего было сказать важнаго. Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ слабость приняться за отцовскія дѣла, я не получилъ и 500 р. дохода; что же касается до занятыхъ 13.000, то онѣ уже истрачены. Вотъ счетъ, который до тебя относится: Энгельгардту 1330, въ ресторанъ 260, Дюме 220 (за вино), Павлицеву 837, портному 390, Плещееву 1.500. Послѣ ты получилъ ассигнаціями 280, золотомъ 950=5767 (августъ 1834). Твое заемное письмо въ 10000 выкуплено. Сверхъ квартиры, стола и портного, чѣмъ ты вовсе не дорожилъ, ты получилъ 1230 р.

Такъ какъ мать моя очень больна, то я все еще занимаюсь дѣлами, не смотря на сильное къ нимъ отвращеніе. Надѣюсь сдать ихъ при первой возможности. Постараюсь, чтобы ты получилъ слѣдующую тебѣ часть земли и крестьянъ; тогда ты, вѣроятно, займешься своими дѣлами и отстанешь хотя нѣсколько отъ своей безпечности, съ которой до сихъ поръ живешь со дня на день. Я не уплатилъ твоихъ маленькихъ карточныхъ долговъ, потому что не трудился искать твоихъ пріятелей—а слѣдовало бы къ нимъ обратиться.

Н. Н. Пушкиной.—*Москва, 4-го мая, у Пащокина.*—Вотъ тебѣ, царица моя, подробное донесеніе: путешествіе мое было благополучно. 1-го мая переночевалъ я въ Твери, а 2-го ночью пріѣхалъ сюда. Я остановился у Пащокина. Il est logé en petite maîtresse. Жена его очень мила. Онъ счастливъ и потолстѣлъ. Мы, разумеется, другъ другу очень обрадовались и цѣлый вчерашній день проболтали, Богъ знаетъ о чемъ. Я успѣлъ уже посѣтить Брюлова. Я нашелъ его въ мастерской какого-то скульптора, у котораго онъ живетъ. Онъ очень мнѣ понравился. Онъ хандритъ, боится русскаго холода и прочаго, жаждетъ Италіи, а Москвою очень недоволенъ. У него видѣлъ я нѣсколько начатыхъ рисунковъ и думалъ о тебѣ, моя прелесть. Неужто не будетъ у меня твоего портрета, имъ писаннаго? невозможно, чтобы онъ, увидя тебя, не захотѣлъ срисовать тебя; пожалуйста, не прогони его, какъ прогнала ты пруссака Криднера [Кригера?]. Мнѣ очень хочется привезти Брюлова въ Петербургъ. А онъ настоящій художникъ, добрый малый, и готовъ на все. Здѣсь Перовскій его-было заплонилъ; перевезъ его къ себѣ, заперъ подъ ключъ и за-

ставилъ работать. Брюловъ насилу отъ него уѣхалъ. Домикъ Нащокина доведенъ до совершенства—недостаетъ только живыхъ человѣчковъ. Какъ бы Маша имъ радовалась! Вотъ тебѣ здѣшнія новости. Акулова, долгоносая пѣвица, вчера вышла за вдовца Дьякова. Сестра ея Варвара сошла съ ума отъ любви. Она была влюблена и надѣялась выдти замужъ. Надежда не сбылась. Она впала въ задумчивость, стала заговариваться. Свадьба сестры совершенно ее помutila. Она уѣхала къ Троицѣ. Ее насилу поймали и увезли. Мнѣ очень жаль ее. Надѣются, что у ней бѣлая горячка, но врядъ-ли. Видѣлъ я свата нашего Толстого; дочь у него также почти сумасшедшая, живетъ въ мечтательномъ мѣрѣ, окруженная видѣніями, переводитъ съ греческаго Анакреона, и лечится гомеопатическп. Чадаева, Орлова, Раевского и Наблюдателей (которыхъ Нащокинъ называетъ les treizes) еще не успѣлъ видѣть. Съ Наблюдателями и книгопродавцами намѣренъ я кокетничать и постараюсь какъ можно лучше распорядиться съ Современникомъ.—Вотъ является Нащокинъ, и я для него оставляю тебя. Цѣлую и благословляю тебя и ребятъ. Кланяюсь дамамъ твоимъ. Здѣсь говорятъ уже о свадьбѣ Marie W. — Я секретничаю покамѣстъ. Прости, мой другъ,—цѣлую тебя еще разъ.

Н. Н. Пушкиной.—*Москва, 6 мая.*—Вотъ ужъ три дня, какъ я въ Москвѣ, и все еще ничего не сдѣлалъ. Архива не видалъ, съ книгопродавцами не сторговался, всѣхъ визитовъ не отдалъ, къ Солнцевымъ на поклоненіе не бывалъ. Что прикажешь дѣлать? Нащокинъ встаетъ поздно, я съ нимъ забалтываюсь—глядь, обѣдать пора, а тамъ ужинать, а тамъ спать—и день прошелъ. Вчера былъ у Дмитріева, у Ор-

лова, Толстого, сегодня собираюсь къ остальнымъ. Поэтъ Хомяковъ женится на Языковой, сестрѣ поэта. Богатый женихъ, богатая невѣста. Какія бы тебѣ московскія сплетни передать? что-то ихъ много, да не вспомню. Что Москва говоритъ о Петербургѣ, такъ это умора. Напримѣръ: есть у васъ нѣкто Савельевъ, кавалергардъ, прекрасный молодой человекъ, влюбленъ онъ въ Idalie Политику и даль за нее пощечину Гри.....ду. Савельевъ на дняхъ будетъ разстрѣлянъ. Вообрази, какъ жалка Idalie! И про тебя, душа моя, идутъ кой-какіе толки, которые не вполне доходятъ до меня, потому что мужья всегда послѣдніе въ городѣ узнаютъ про женъ своихъ; однакожь видно, что ты довела кого-то до такого отчаянія своимъ кокетствомъ и жестокостію, что онъ завелъ себя въ утѣшеніе гаремъ изъ театральныя воспитанницъ. Нехорошо, мой ангелъ: скромность есть лучшее украшеніе вашего пола. Чтобъ чѣмъ-нибудь полакомить Москву, которая ждетъ отъ меня, какъ отъ пріѣзжаго, свѣжихъ вѣстей, я рассказываю, что Алекс. Карамзинъ (сынъ исторіографа) хотѣлъ застрѣлиться изъ любви pour une belle brune, но что по счастью пуля вышибла только передній зубъ. Однако, полно врать. — Пошли ты за Гоголемъ и прочти ему слѣдующее: видѣлъ я актера Щепкина, который ради Христа проситъ его пріѣхать въ Москву, прочесть Ревизора. Безъ него актерамъ не спѣться. Онъ говоритъ, комедія будетъ карикатурна и грязна (къ чему Москва всегда имѣла поползновеніе). Съ моей стороны, я то же ему совѣтую: не надобно, чтобъ Ревизоръ упалъ въ Москвѣ, гдѣ Гоголя болѣе любятъ, нежели въ Петербургѣ. — При семъ пакетъ къ Плетневу, для Современника; коли цензоръ Крыловъ не пропуститъ, отдать въ комитетъ, и ради Бо-

га, напечатать во 2 №. Жду письма отъ тебя съ нетерпѣніемъ. Что твое брюхо, и что твои деньги? Я не раскаяваюсь въ моемъ прѣздѣ въ Москву, а тоска беретъ по Петербургу. На дачѣ-ли ты? Какъ ты съ хозяиномъ управилась? что дѣти? Экое горе! Вижу, что непременно нужно мнѣ 80,000 доходу. И буду ихъ имѣть. Не даромъ-же пустился въ журнальную спекуляцію—а вѣдь это все равно, что золотарство, которое хотѣла взять на откупъ мать Безобразова: очищать русскую литературу есть чистить н..... и зависѣть отъ полиціи. Того и гляди, что.... Чортъ ихъ побери! У меня кровь въ желчь превращается. Цѣлую тебя и дѣтей. Благословляю ихъ и тебя. Дамамъ кланяюсь.

Н. Н. Пушкиной. — *Москва, 11 мая.* — Очень, очень благодарю тебя за письмо твое, воображаю твои хлопоты, и прошу прощенія у тебя за себя и книгопродавцевъ. Они ужасный моветонъ, какъ говоритъ Гоголь, т. е. хуже нежели мошенники. Но Богъ намъ поможетъ. Благодарю и Одоевскаго за его типографическія хлопоты. Скажи ему, чтобъ онъ печаталъ, какъ вадумаетъ—порядокъ ничего не значить. Что записки Дуровой? пропущены ли цензурою? онѣ мнѣ необходимы. Безъ нихъ я пропалъ. Ты пишешь о статьѣ Гольцовской. Что такое? Кольцовской или Гоголевской? — Гоголя печатать, а Кольцова разсмотрѣть. Впрочемъ, это не важно.—Вчера былъ у меня Ив. Ник. Онъ увѣряетъ, что дѣла идутъ хорошо. Впрочемъ Дм. Ник. лучше его это знаетъ. Жизнь моя пребезпутная. Дома не сижу—въ архивѣ не роюсь. Сегодня ѣду во второй разъ къ Малиновскому. На дняхъ обѣдалъ я у Орлова, у котораго собрались Московскіе Наблюдатели, между прочимъ женихъ Хомяковъ. Орловъ умный

человѣкъ и очень добрый малый, но до него я какъ то не охотнѣкъ по старымъ нашимъ отношеніямъ; Раевскій (Ал.), который до прошлаго раза казался мнѣ немного приглупѣвшимъ, кажется, опять оживился и поумнѣлъ. Жена его собою не красавица—говорять, очень умна. Такъ какъ теперь къ моимъ прочимъ достоинствамъ прибавилось и то, что я журналистъ, то для Москвы имѣю я новую прелесть. Недавно сказываютъ мнѣ, что пріѣхалъ ко мнѣ Чертковъ. Отроду мы другъ къ другу не ѣзжали. Но при сей вѣрной оказіи вспомнилъ онъ, что жена его мнѣ родня, и потому привезъ мнѣ экземпляръ своего Путешествія въ Сицилію. Не побрапитъ ли мнѣ его en bon parent? Вчера ужиналъ у кн. Оед. Гагарина и возвратился въ 4 часа утра—въ такомъ добромъ расположеніи, какъ бы съ бала. Нащокинъ здѣсь одна моя отрада. Но онъ спитъ до полудня, а вечеромъ ѣдетъ въ клубъ, гдѣ играетъ до свѣта. Чадаева видѣлъ всего разъ.—Письмо мое похоже на тургеневское и можетъ тебѣ доказать разницу между Москвою и Парижемъ. Ёду хлопотать по дѣламъ Современника. Боюсь, чтобъ книгопродавцы не воспользовались моимъ мягкосердіемъ и не выпросили себѣ уступки вопреки строгихъ твоихъ предписаній. Но постараюсь оказать благородную твердость. Былъ я у Солнцевой—его здѣсь нѣтъ, онъ въ деревнѣ. Она зоветъ отца къ себѣ въ деревню на лѣто. Кузинки пищать, какъ галочки. Былъ я у Перовскаго, который показывалъ мнѣ недоконченныя картины Брюлова. Брюловъ, бывший у него въ плѣну, отъ него убѣжалъ и съ нимъ поссорился. Перовскій показывалъ мнѣ взятіе Рима Гензерикомъ (которое стоитъ Послѣдняго дня Помпей), приговаривая:—Замѣть, какъ прекрасно подлецъ этотъ нарисовалъ этого всадника, мо-

шенникъ этакой! Какъ онъ умѣлъ, эта свинья, выразить свою канальскую, геніальную мысль, мерзавецъ онъ, бестія. Какъ нарисовалъ онъ эту группу.....—Умора. Ну, прощай. Цѣлую тебя и ребятъ, будьте здоровы.—Христось съ вами.

Н. Н. Пушкиной.—*Москва, 16 мая.*—Что это, женка? такъ хорошо было начала и такъ худо кончила! Ни строчки отъ тебя; ужъ не родила ли ты? сегодня день рожденія Гришки, поздравляю его и тебя. Буду пить за его здоровье. Нѣтъ ли у него новаго братца или сестрицы? погоди до моего пріѣзда — а я уже собираюсь къ тебѣ. Въ архивахъ я былъ и принужденъ буду опять въ нихъ зарыться мѣсяцевъ на шесть; что тогда съ тобою будетъ? А я тебя съ собою, какъ тебѣ угодно, ужъ возьму. Жизнь моя въ Москвѣ степенная и порядочная. Сижу дома — вижу только мужескъ полъ. Пѣшкомъ не хожу, не прыгаю — и толстѣю.

Надняхъ звалъ меня обѣдать Чертковъ. Пріѣзжаю — а унего жена выкинула. Это намъ не помѣшало отобѣдать очень скучно и очень дурно. Съ литературой московскою кокетничаю, какъ умѣю; но Наблюдатели меня не жалууютъ. Любитъ меня одинъ Нащокинъ. Но тинтере — мой соперникъ, и меня приносятъ ему въ жертву. Слушая толки здѣшнихъ литераторовъ, дивлюсь, какъ они могутъ быть такъ порядочны въ печати и такъ глупы въ разговорѣ. Признайся: такъ ли и со мною? право, боюсь. Баратынскій, однакожь, очень милъ.

Но мы какъ-то холодны другъ ко другу. — Зываю Брюлова къ себѣ въ Петербургъ. Но онъ боленъ и хандритъ. Здѣсь хотятъ лѣпить мой бюстъ. Но я не хочу. Тутъ арапское мое безобразіе предано будетъ безсмертію во всей

своей жертвой неподвижности; я говорю:—у меня дома есть красавица, которую когданибудь мы выльпимъ. Видѣлъ я невѣсту Хомякова. Не разглядѣлъ въ сумеркахъ. Она, какъ говорилъ покойный Гвѣдичъ, *pas une belle-femme*, но *une jolie figuriette*. Прощай на минуту: ко мнѣ входятъ два буфона. Одинъ-маіоръ-мистикъ; другой—пьяница-поэтъ; оставлю тебя для нихъ.

Насилу отдѣлался отъ буфоновъ—въ томъ числѣ отъ Н. . . . а. Всѣ зовутъ меня обѣдать, а я всѣмъ отказываю. Начинаю думать о выѣздѣ. Ты ужъ, вѣроятно, въ своемъ загородномъ болотѣ. Что-то дѣти мои и книги мои? Каково-то перевезла и перетасила тѣхъ и другихъ? и какъ перетасила ты свое брюхо? Благословляю тебя, мой ангелъ. Богъ съ тобою и съ дѣтьми. Будьте здоровы.—Кланяюсь твоимъ наѣздникамъ.—Цѣлую ручки у К. Ив.—Прощай. А. П.

Я получилъ отъ тебя твое прेमилое письмо; отвѣчать некогда—благодарю и цѣлую тебя, мой ангелъ. Сейчасъ получилъ отъ тебя письмо, и такъ оно меня разнѣжило, что спѣшу переслать тебѣ 900 р. Отвѣтъ напишу тебѣ послѣ; теперь покамѣстъ, прощай.—У меня спитъ Ив. Н.

Н. Н. Пушкиной.—*Москва, 18 мая.*—Жена, мой ангелъ, хоть и спасибо за твое милое письмо, а все-таки я съ тобою побранюсь: зачѣмъ тебѣ было писать? Это—мое послѣднее письмо, болѣе не получишь. Ты меня хочешь принудить пріѣхать къ тебѣ прежде 26-го. Это не дѣло. Богъ поможетъ, Современникъ и безъ меня выйдетъ. А ты безъ меня не родяшь. Можешь ли ты изъ полученныхъ денегъ дать Одоевскому 500? нѣтъ? Ну, пусть меня дождутся,—вотъ и все. Новое твое распоряженіе касательно твоихъ доходовъ касается тебя, дѣлай какъ хочешь;

хоть, кажется, лучше имѣть дѣло съ Дм. Ник., чѣмъ съ Нат. Ив. Это я говорю только dans l'intérêt de m-r Durier et de m-me Sichler, а мнѣ все равно. Твои петербургскія новости ужасны. То, что ты пишешь о Павловѣ, помирило меня съ нимъ. Я радъ, что онъ вызывалъ Аирѣлева. — У насъ убійство можетъ быть гнуснымъ расчетомъ: оно избавляетъ отъ дуэли и подвергается одному наказанію, а не смертной казни. Утопление Стальпина — ужасъ! неужто невозможно было помочь? У насъ въ Москвѣ все, слава Богу, смирно: бой Кирѣва съ Яромъ произвелъ великое негодованіе въ чопорной здѣшней публикѣ. Нащокинъ заступаетъ за Кирѣва очень просто и очень умно: что за бѣда, что гусарскій поручикъ напился пьянъ и побилъ трактирщика, который сталъ обороняться? Развѣ въ наше время, когда мы били нѣмцевъ на Красномъ Кабачкѣ, и намъ не доставалось, а нѣмцы получали тычки сложа руки? По мнѣ, драка Кирѣва гораздо простибельнѣе, нежели славный обѣдъ вашихъ кавалергардовъ и благоразуміе молодыхъ людей, которымъ плюютъ въ глаза, а они утираются батистовымъ платкомъ, смекая, что если выйдетъ исторія, такъ ихъ въ Аничковъ не позовутъ. Брюловъ сейчасъ отъ меня ѣдетъ въ Петербургъ, скрѣпя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утѣшить и ободрить; а между тѣмъ у меня у самого душа въ пятки уходитъ, какъ вспомню, что я журналистъ. Будучи еще порядочнымъ человѣкомъ, я получалъ ужъ полицейскіе выговоры и мнѣ говорили: Vous avez trompé, и тому подобное. Что же теперь со мною будетъ? Мордвиновъ будетъ на меня смотрѣть какъ на Фаддея Булгарина и Николая Полевого, какъ на шпіона; чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душею и та-

лантомъ! Весело, нечего сказать. — Прощай, будьте здоровы. Цѣлую тебя.

П. В. Нащокину. — *Спб., 27 мая.* — Любезный Павелъ Воиновичъ! Я пріѣхалъ къ себѣ на дачу 23-го въ полночь, и на порогѣ узналъ, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью, за нѣсколько часовъ до моего пріѣзда. Она спала. На другой день я ее поздравилъ и отдалъ вмѣсто червонца твое ожерелье, отъ котораго она въ восхищеніи. Дай Богъ не сглазить, все идетъ хорошо. Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Я оставилъ у тебя два экземпляра Современника. Одинъ отдай кн. Гагарину, а другой пошли отъ меня Бѣлинскому (тихонько отъ Наблюдателей NB) и вели сказать ему, что очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться. Вторыхъ — деньги, деньги! Нужно ихъ до зарѣзу.

Путешествіе мое было благополучно, хотя три раза чинилъ я коляску, но слава Богу — на мѣстѣ, т. е. на станціи, и не долѣе 2 часовъ en tout.

Второй № Современника очень хорошъ, и ты скажешь мнѣ за него спасибо. Я самъ начинаю его любить, и вѣроятно займусь имъ дѣятельно. Прощай, будь счастливъ въ тинтере и въ прочемъ. Сердечно кланяюсь Вѣрѣ Александровнѣ. Ея комиссіи сдѣлать еще не успѣлъ. На дняхъ буду хлопотать.

Д. В. Давыдову (черновое). — *Спб., въ май.* — Я сейчасъ изъ Москвы. Статью о Дрезденѣ не могу тебѣ прислать прежде, нежели ее напечатаютъ, ибо она есть цензурный документъ. Успѣешь наглядѣться на ея благородныя раны. Покажѣсть благодарю за позволеніе напечатать ее въ настоящемъ видѣ. Чортъ побери генераль-лейтенанта Винцингероде! А жалѣю.

что не тиснули мы ее во 2-мъ №, который у насъ весь полонъ Наполеономъ. Куда какъ кстати тутъ же было заколотъ у подножія Вандомской колонны генерала Винцингероде, какъ жертву примирительную! Я было в рукава засучилъ—вырвался проклятый! Богъ съ нимъ, чортъ его поберни!

Вяземскій совѣтуетъ мнѣ напечатать твои Очи (стихи) безъ твоего позволенія: я бы радъ, да какъ то боюсь. Какъ думаешь, вѣдь можно бы безъ имени? Отъ Языкова жду писемъ.

Генералу Ушанову (Черное).—*Спб., въ маѣ.*— Возвратясь изъ Москвы, имѣлъ я честь получить вашу книгу и ее прочелъ. Не берусь судить о ней, какъ о произведеніи ученаго военнаго человѣка, но восхищаюсь яснымъ, краснорѣчивымъ и живописнымъ изложеніемъ. Отнынѣ великое имя покорителя Кавказа соединено будетъ съ именемъ его блестящаго историка.

Съ изумленіемъ увидѣлъ я, что вы мнѣ даровали безсмертіе одною чертою вашего пера. Вы впустили меня въ храмъ славы, какъ нѣкогда графъ Эриванскій позволилъ мнѣ вѣхаться въ немъ завоеванный Арзрумъ. Съ глубочайшимъ etc.

Л. С. Пушкину.—*Спб., 3 іюня*— Вотъ тебѣ короткій расчетъ нашего предполагаемаго раздѣла: 80 душъ и 700 десятинъ земли въ Псковской губерніи стоятъ (полагая 500 р. за душу, вмѣсто обыкновенный цѣны—400 р.)—40000 р. Изъ оныхъ выключается 7-я часть на отца. 5714
Да 14-я часть на сестру. 2857

Итого. 8571

Отецъ нашъ отказался отъ своей части и

предоставилъ ее сестрѣ. На нашу часть остается раздѣлить поровну—31429 р. На твою часть придется - 15715.

Прежде сентября мы ничего не успѣемъ сдѣлать.

Напиши, какіе у тебя долги въ Тифлисѣ и, если успѣешь, то купи свои векселя, пока мѣсть кредиторы твои не узнали о твоёмъ наслѣдствѣ.

Изъ письма твоего къ Ник. Ив. вижу, что ты ничего не знаешь о своихъ дѣлахъ: твой вексель, данный Болтину, мною купленъ; долгъ Плещееву заплаченъ (кромѣ 30 черв., о которыхъ онъ писалъ ко мнѣ, когда уже отказался я отъ управленія нашимъ имѣніемъ). Долгъ Ник. Ив. также заплаченъ. Изъ мелочныхъ не заплаченъ долгъ Гута и нѣкоторые другіе, которые ты знаешь, говоритъ мнѣ Ник. Ив.

P. S. Имѣніе мое: эти 15000 разсрочить тебѣ на три года, ибо вѣроятно тебѣ деньги нужны и ты на полученіе половины доходовъ съ половины Михайловскаго согласиться не можешь. — О положенномъ тебѣ отцомъ буду съ нимъ говорить, хотъ это вѣроятно ни къ чему не поведетъ. Отдавая ему имѣніе, я было выговорилъ для тебя независимые доходы съ половины Кистенева. Но видно, отецъ перемѣнилъ свои мысли. Я же ни за что не хочу болѣе вмѣшиваться въ управленіе или разореніе имѣнія отцовскаго.

И. И. Дмитріеву.—Спб., 14 іюня.—М. Г. Иванъ Ивановичъ! Возвратясь въ Петербургъ, имѣлъ я счастье найти у себя письмо отъ вашего высокопревосходительства. Батюшка поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать глубочайшую свою благодарность за участіе, принимаемое вами

въ несчастіи, которое насъ постигло (смерть матери).

Благосклонный вашъ отзывъ о Современникѣ ободряетъ меня на поприщѣ, для меня новомъ. Постараюсь и впредь оправдать ваше доброе мнѣніе.

Дай Богъ вамъ здоровье и многія лѣта! Переживите молодыхъ нашихъ словесниковъ, какъ ваши стихи переживутъ молодую нашу словесность. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. А. П.

Над. Андр. Дуровой. — Вотъ начало вашихъ Записокъ. Всѣ экземпляры уже напечатаны и теперь переплетаются. Не знаю, возможно ли будетъ остановить изданіе. Мнѣніе мое искреннее и безкорыстное — оставить какъ есть. Записки Амазонки какъ-то слишкомъ изысканно, манерно, напоминаетъ нѣмецкіе романы. Записки Н. А. Дуровой просто, искренно и благородно. Будьте смѣлы — вступайте на поприще литературное столь же отважно, какъ и на то, которое васъ прославило. Полумѣры никуда не годятся. — Весь вашъ А. П.

Домъ мой къ вашимъ услугамъ. На Дворц. набережной, д. Баташева, у Прачешнаго моста.

А. А. Жандру (черновое). Осмѣливаюсь тебя безпокоить просьбою за молодого человѣка, мнѣ незнакомаго, но который находится въ обстоятельствахъ, требующихъ немедленной помощи. Г. Хл. на дняхъ пріѣхалъ изъ Малороссіи. Онъ здѣсь безъ денегъ и безъ покровителей. Ему 23 года. Судя по его разговору и по письму, мною отъ него полученному, онъ уменъ и имѣетъ благородныя чувства. Вотъ въ чемъ просьба моя къ тебѣ: онъ желаетъ опредѣлиться во флотъ, но до сихъ поръ не имѣлъ доступа до кн. Меншикова. Я общалъ его те-

бѣ представить, и отвѣчаю за твою готовность сдѣлать ему добро, коли только будетъ возможно.

Д. В. Давыдову (черновое). — *Спб., въ сентябрь.*—Ты думалъ, что твоя статья о партизанской войнѣ пройдетъ сквозь цензуру цѣла и невредима? Ты ошибся: она не избѣжала красныхъ чернилъ. Право, кажется, военные цензоры вымарываютъ для того, чтобъ доказать, что они читаютъ. Цензура—дѣло земское; изъ нея отдѣлили опричнину, а опричники руководствуются не уставомъ, а своимъ крайнимъ разумѣніемъ.

Тяжело, нечего сказать! И съ одною цензурою напляшешься; каково же зависѣть отъ цѣлыхъ четырехъ? Не знаю, чѣмъ провинились русскіе писатели, которые не только смиренны и безотвѣтны, но даже сами отъ себя слѣдуютъ духу правительства; но знаю, что никогда не бывали они притѣснены какъ нынче, даже и въ послѣднее пятнадцатилѣтіе царствованія императора Александра, когда вся литература сдѣлалась рукописною, благодаря Красовскому и Бирюкову.... Одно спасеніе намъ, если государь успѣетъ самъ прочесть и разрѣшить.

Н. И. Гречу.—*Спб., 13 октября.*—М. Г. Николай Ивановичъ! Искренно благодарю васъ за доброе слово о моемъ Полководцѣ. Стоическое лицо Барклай есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ нашей исторіи. Не знаю, можно ли вполнѣ оправдать его въ отношеніи военнаго искусства; но его характеръ останется вѣчно достоинъ удивленія и поклоненія. А. П.

Бар. М. А. Корфу. — *Спб., 14 октября.*—Вчерашняя посылка твоя мнѣ драгоцѣнна во всѣхъ

отношеніяхъ и останется у меня памятникомъ (каталогъ иностранныхъ сочиненій о Россіи). Право, жалѣю, что государственная служба отняла у насъ историка. Не надѣюсь тебя замѣнить. Прочитавъ эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитованныхъ книгъ мнѣ неизвѣстна. Употреблю всевозможныя старанія, дабы ихъ достать. Какое поле—эта новѣйшая русская исторія! И какъ подумаешь, что оно вовсе еще не обработано, и что кромѣ насъ, русскихъ, никто того не можетъ и предпринять! — Но исторія долга, жизнь коротка, а пуще всего человѣческая природа лѣнива (русская природа въ особенности). До свиданія. Завтра, вѣроятно, увидимся у Мясоѣдова.

Сердцемъ тебѣ преданный А. П.

М. Л. Яковлеву. — *Спб., въ октябрь.*—Я согласенъ съ мнѣніемъ 39 №. Нечего для двадцатилѣтняго юбилея измѣнять старинные обычаи Лицея. Это было бы худое предзнаменованіе. Сказано, что и послѣдній лицейскій одинъ будетъ праздновать 19 октября. Объ этомъ не худо напомнить. — № 14.

(Директоръ Лицея Е. А. Энгельгардтъ предлагалъ праздновать лицейскую годовщину всѣмъ курсамъ вмѣстѣ. Противъ этого предложенія и возражаетъ Пушкинъ).

П. Я. Чудаеву (черновое, по франц.). — *Спб., 19 октября.*—Благодарю васъ за брошюру, которую вы мнѣ прислали. Мнѣ было пріятно перечитать ее, хотя я удивился, что она переведена и напечатана. Я доволенъ переводомъ: въ немъ сохранилась и энергія, и непринужденность подлинника. Что касается мыслей, вы знаете, что я далекъ отъ полного согласія съ

вашимъ мнѣніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что „схизма“ насъ отдѣлила отъ остальной Европы и что мы не участвовали ни въ одномъ изъ великихъ событій, которыя ее волновали. Но у насъ было наше собственное призваніе. Россія, ея громадныя пространства поглотили монгольское завоеваніе. Татары не посмѣли перейти наши западныя границы и оставить насъ въ тылу. Они удалились въ свои пустыни, и христіанское просвѣщеніе было спасено. Для этого намъ пришлось жить совершенно особою жизнью, которая оставила насъ христіанами, и между тѣмъ совершенно отчудила насъ отъ христіанскаго міра, такъ что, благодаря нашему мученичеству, католическая Европа безъ помѣхи могла энергически развиваться.

Вы говорите, что мы черпали христіанство изъ нечистаго источника, что Византія была достойна презрѣнія и презираема, и т. п. Но, другъ мой, развѣ самъ Христосъ не родился евреемъ, и Іерусалимъ развѣ не былъ притчею во языцѣхъ? Развѣ Евангеліе отъ этого менѣе дивно? Мы приняли отъ грековъ Евангеліе и преданія, но не приняли отъ нихъ духа ребяческой мелочности и преній. Нравы Византіи никакъ не были нравами Кіева. Русское духовенство до Теофана было достойно уваженія: оно никогда не оскверняло себя мерзостями папства и, конечно, не вызвало бы реформаціи въ минуту, когда человѣчество нуждалось больше всего въ единствѣ. Я соглашаюсь, что наше нынѣшнее духовенство отстало. Но хотите знать причину? Оно носить бороду, вотъ и все. Оно не принадлежитъ къ хорошему обществу.

Что же касается нашего историческаго ничтожества, я положительно не могу съ вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удѣльныя войны, вѣдь это та же жизнь кипу-

чей отваги и безцѣльной и недозрѣлой дѣятельности, которая характеризуетъ молодость всѣхъ народовъ. Вторженіе татаръ есть печальное и великое зрѣлище. Пробужденіе Россіи, развитіи ея могущества, ходъ къ единству (къ русскому, конечно, единству), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся въ Угличѣ и окончившаяся въ Ипатіевскомъ монастырѣ— какъ, неужели это не исторія, а только блѣдный и полузабытый сонъ? А Петръ Великій, который одинъ — цѣлая всемірная исторія? А Екатерина II, помѣстившая Россію на порогъ Европы? А Александръ, который привелъ васъ въ Парижъ, и (положа руку на сердце) развѣ вы не находите чего-то величественнаго въ настоящемъ положеніи Россіи, чего-то такого, чтò должно поразить будущаго историка? Думаете ли, что онъ поставитъ насъ внѣ Европы?

Хотя я лично сердечно привязанъ къ императору, но я далеко не всѣмъ восторгаюсь, что вижу вокругъ себя; какъ писатель—я раздраженъ, какъ человѣкъ съ предразсудками—я оскорбленъ. Но клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечество, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какъ намъ Богъ ее послалъ.

Вотъ предлинное письмо. Послѣ столькихъ возраженій я долженъ вамъ сказать, что въ вашемъ посланіи есть много вещей глубокой правды. Нужно признаться, что ваша общественная жизнь весьма печальна. Это отсутствіе общественнаго мнѣнія, это равнодушіе ко всякому долгу, къ справедливости и правдѣ, это циническое презрѣніе къ мысли и къ человѣческому достоинству дѣйствительно приводятъ въ отчаяніе. Вы хорошо сдѣлали, что громко это высказали. Но я боюсь, что мнѣ-

нія ваши объ исторіи вамъ повредятъ. Наконецъ, я сожалѣю, что не былъ при васъ, когда вы отдавали вашу рукопись журналистамъ. Я нигдѣ не бываю и не могу сказать вамъ, производить ли ваша статья впечатлѣніе. Надѣюсь, что изъ-за нея не выйдетъ шуму.

Читали ли вы 3-й номеръ „Современника“? Статья о Вольтерѣ и Джонѣ Теннерѣ мои. Козловскій былъ бы для меня провидѣніемъ, если-бъ онъ захотѣлъ сдѣлаться разъ навсегда писателемъ. Прощайте, другъ мой. Если вы увидите N, N, поклонитесь имъ отъ меня. Что говорятъ они, столь плохіе христіане, о вашемъ письмѣ?

Кн. Н. Б. Голицыну (по франц.). — *Спб., 10 ноября.*—Тысяча разъ благодарю васъ, любезный князь, за вашъ несравненный переводъ моего стихотворенія, брошеннаго недругамъ нашего отечества. (Клеветникамъ Россіи). Я видѣлъ уже три перевода, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ лицу высокопоставленному изъ моихъ друзей, но ни который не стоитъ вашего. Зачѣмъ вы не перевели этой пьесы болѣе вѣремя; я переслалъ бы ее во Францію, чтобъ дать щелчокъ всѣмъ возгласамъ палаты депутатовъ. Завидую вашему прекрасному крымскому климату. Письмо ваше возбудило во мнѣ множество воспоминаній всякаго рода: тутъ колыбель моего Онѣгина, и вѣроятно вы узнали нѣкоторыхъ лицъ. Вы меня извѣстили о переводѣ въ стихахъ моего Бахчисарайскаго Фонтана; я увѣренъ, что переводъ вамъ удастся, какъ все, что выходитъ изъ-подъ вашего пера, хотя родъ литературы, которому вы себя посвящаете, изъ самыхъ трудныхъ и, сколько мнѣ извѣстно, наиболѣе неблагодарныхъ. По моему мнѣнію, нѣтъ ничего труднѣе, какъ переводить русскіе стихи французскимъ; ибо, при

сжатости нашего языка, никогда нельзя быть достаточно краткимъ. Слѣдовательно, честь тому, кто такъ мастерски управляетъ съ языкомъ, какъ вы. — Прощайте; надѣюсь скоро васъ видѣть въ нашей столицѣ, особенно зная вашу легкую подвижность. Весь вашъ А. П.

Кн. В. Ѡ. Одоевскому.—*Спб., 6ъ ноябрѣ.*— Конечно, Княжна Зиви имѣетъ болѣе истинны и занимательности, нежели Сильфида; но всякое даяніе ваше благо. Кажется, „письмо тещи“ холодно и слишкомъ незначительно. За то въ другихъ много прелестнаго. Я замѣтилъ одно мѣсто знакомъ „?“ Оно показалось мнѣ невразумительно. Во всякомъ случаѣ Сильфиду ли, Княжву ли, по оканчивайте и высылайте. Безъ васъ пропалъ Современникъ. А. П.

Кн. В. Ѡ. Одоевскому.—*Статья г. Волкова) желѣзн. дорогахъ)* въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательна, дѣльно и умно написана и занимательна для всякаго. Однакожъ я ея не помѣщу, потому что, по моему мнѣнію, правительству вовсе не нужно вмѣшиваться въ проектъ этого Герстнера. Россія не можетъ бросить 3,000,000 на попытку. Дѣло о новой дорогѣ касается частныхъ людей: пускай они и хлопочуть. Все, что можно имъ обѣщать, такъ это привилегію на 12 или 15 лѣтъ. Дорога (желѣзная) изъ Москвы въ Нижній Новгородъ еще была бы нужнѣе дороги изъ Москвы въ Петербургъ. И мое мнѣніе было бы — съ нею и начать... Я конечно не противъ желѣзныхъ дорогъ, но я противъ того, чтобъ этимъ занялось правительство. Нѣкоторыя возраженія противу проекта неоспоримы. Напримѣръ: о заносѣ снѣга. Для этого должна быть выдумана новая машина, *sine qua non*; о высылкѣ народа

или о наймѣ работниковъ для сметанія снѣга нечего и думать: это—цельность.

Статья Волкова писана живо, остро. Отрѣшковъ отдѣланъ очень смѣшно; но не должно забывать, что противу желѣзныхъ дорогъ были многіе изъ государственнаго совѣта; и то пѣ статьи вообще долженъ быть очень смягченъ. Я желалъ, чтобъ статья была напечатана особо, или въ другомъ журналѣ; тогда бы мы объ ней представили выгодный отчетъ съ обильными выписками.

Я согласенъ съ вами, что эпиграфъ, выбранный Волковымъ, неприличенъ. Слова Петра I были бы всего болѣе приличны.

М. Л. Яковлеву.—*Спб., 19 ноября.*—Милый и почтенный мой Михайло Лукьяновичъ! я было тебя заваля сегодня къ себѣ отобѣдать, а меня дома не будетъ. До другого раза — прости великодушно—не забудь записку о святыхъ доставить мнѣ грѣшному.

М. Л. Яковлеву.

Смирдинъ меня въ бѣду повергъ:
У торгаша сего семь пятницъ на недѣлѣ;
Его четвергъ на самомъ дѣлѣ
Есть послѣ дождичка четвергъ.

Завтра получу деньги въ 2 часа по полудни.—А ввечеру тебѣ доставлю.—Весь твой А. П.

Гр. А. Х. Бенкендорфу (по французски).—*Спб., 21 ноября.*—Графъ! Считаю себя въ правѣ и даже обязаннымъ сообщить вашему сіятельству о томъ, что произошло въ моемъ семействѣ. Утромъ 4-го ноября, я получилъ три экземпляра безыменнаго письма, оскорбительнаго для моей собственной и для жены моей чести. По виду бумаги, по слогу письма,

редакціи, я съ первой же минуты догадался, что оно отъ иностранца, человѣка высшаго круга, дипломата. Я сталъ разыскивать. Узнаю, что семь или восемь особъ въ тотъ же день получили по экземпляру такого же письма, запечатаннаго и адресованнаго на мое имя, подъ двойнымъ конвертомъ. Большая часть лицъ, его получившихъ, подозрѣвая гнусность, не переслали его ко мнѣ. — Вообще негодовали на столь подлую и незаслуженную обиду; но, повторяя, что поведеніе моей жены безупречно, говорили, что поводомъ такой гнусности послужило настойчивое, ухаживанье за нею г. д'Антеса. — Не мнѣ было допустить, чтобы въ данномъ случаѣ имя жены моей было связано съ чѣмъ бы то ни было именемъ. Я поручилъ передать это г. д'Антесу. Баронъ Геккернъ пріѣхалъ ко мнѣ и принялъ вызовъ за г. д'Антеса, прося у меня 15-ти дневной отсрочки. — Случилось такъ, что въ этотъ условленный промежутокъ времени д'Антесъ влюбился въ мою свояченицу, дѣвицу Гончарову, и сталъ просить ея руки. Узнавъ объ этомъ по общественнымъ слухамъ, я поручилъ попросить г. д'Аршіака (секунданта г. д'Антеса) смотрѣть на мой вызовъ, какъ на несостоявшійся. Между тѣмъ я удостовѣрился, что безыменное письмо было отъ г. Геккерна, о чемъ считаю долгомъ довести до свѣдѣнія правительства и общества. — Будучи единственнымъ судьей и блюстителемъ моей и жениной чести, а потому и не требуя ни правосудія, ни мщенія, я не могу и не хочу кому бы то ни было предъявлять доказательства того, что утверждаю. — Во всякомъ случаѣ надѣюсь, графъ, что это письмо служитъ доказательствомъ уваженія и довѣрія моего къ особѣ вашей. Съ этими чувствами имѣю честь быть и пр.

Барону Геккерну (по франц.). — *Спб., 21 ноября.* — Господинъ баронъ! Позвольте изложить вамъ вкратцѣ все, что случилось. Поведеніе вашего сына было мнѣ давно извѣстно, и я не могъ относиться къ нему равнодушно. Я довольствовался ролью наблюдателя съ тѣмъ, чтобы вмѣшаться въ дѣло, когда сочту это нужнымъ. Случай, неприятный во всякое другое время, выпуталъ меня изъ затрудненія. Я получилъ безыменныя письма. Я увидѣлъ, что пришла мнута дѣйствовать, и воспользовался ею. Остальное вамъ извѣстно. Я заставилъ вашего сына играть такую жалкую роль, что жена моя, удивленная пошлостью его поведенія, не могла удержаться отъ смѣха, и волненіе, которое, быть можетъ, она ощущала ввиду этой высокой страсти, угасло въ презрѣніи, самомъ спокойномъ и вполне заслуженномъ. Вы позволите мнѣ сказать вамъ, господинъ баронъ, что роль ваша во всемъ этомъ дѣлѣ была не изъ самыхъ приличныхъ. Вы, представитель коронованной особы, были отеческимъ сводникомъ вашего ублюдка или считающагося такимъ. Все его поведеніе (впрочемъ довольно неловкое) было, вѣроятно, направляемо вами; вѣроятно, вы подсказывали ему жалкія любезности, въ которыхъ онъ разсыпался, и пошлости, которыя онъ писалъ. Подобно старой развратницѣ, вы подстерегали жену мою во всѣхъ углахъ, чтобы говорить ей о любви вашего сына, и когда онъ, больной любострастной болѣзнію, сидѣлъ дома на лекарствахъ, вы говорили, что онъ умираетъ отъ любви къ ней, вы ей бормотали: „отдайте мнѣ моего сына“. — Вы понимаете, что послѣ всего этого я не могъ терпѣть, чтобы какія нибудь сношенія существовали между моимъ и вашимъ семействомъ. Только на этомъ условіи я согласился оста-

вить безъ послѣдствій это грязное дѣло и не опозорить васъ въ глазахъ дворовъ нашего и вашего, на что имѣлъ и право, и намѣреніе. Я не хочу, чтобы жена моя выслушивала ваши отеческія увѣщанія. Не могу дозволить, чтобы сынъ вашъ, послѣ гнуснаго своего поступка, осмѣливался еще съ нею говорить, и того менѣе ухаживать за нею и отпускать ей казарменные каламбуры, разыгрывая нѣжно преданнаго и несчастнаго вздыхателя, тогда какъ онъ не что иное, какъ негодяй и мерзавецъ. И такъ, я вынужденъ просить васъ, г. баронъ, прекратить всѣ эти продѣлки, если желаете избѣжать новаго скандала, передъ которымъ я, конечно, не отступлю. Имѣю честь быть и проч. *А. С. Пушкинъ.*

Кн. В. Ѳ. Одоевскому. — *Спб., въ декабрь.* — Я не очень здоровъ и занятъ. Если вы сдѣлаете мнѣ милость ко мнѣ пожаловать съ г. Сахаровымъ (извѣстный археологъ), то меня очень обяжете. Жду васъ съ нетерпѣніемъ — *А. П.*

Н. М. Коншину. — *Спб., 22 декабря.* — Письмо ваше очень обрадовало меня, любезный и почтенный Николай Михайловичъ, какъ знакъ, что вы не забыли еще меня. Довладную записку сегодня же пушу въ дѣло. Жуковскаго увижу и сдамъ ему васъ съ рукъ на руки. Съ Уваровымъ — увы! я не въ такихъ дружескихъ сношеніяхъ; но Жуковскій, надѣюсь, все уладитъ. Занявъ мѣсто Лажечникова, не займетесь ли вы, по примѣру вашего предшественника, и романами? А куда бы хорошо! Все-таки, вы меня забыли, хоть наконецъ и вспомнили. И я позволю себѣ дружески вамъ за то попенять. Не будете ли вы въ Петербургѣ? Въ такомъ случаѣ надѣюсь, что я васъ увижу...

Отвѣтъ постараюсь доставить вамъ какъ можно скорѣе.—*А. П.*

Ки. В. Ѳ. Одоевскому.—*Спб.*, въ концѣ декабря.—Такъ же зло, какъ и дѣльно. Думаю, что однакожь не все уничтожатъ. На всякій случай спрось не бѣда; не увидимся ли въ академіи наукъ, гдѣ засѣдаетъ князь Дундукъ (М. А. Дундуковъ-Корсаковъ).

Ки. П. А. Вяземскому. — Письмо твое прекрасно. Форма „М. Г.“ или „О“, и т. д., кажется, ничего не значитъ; главное—дать статью какъ можно болѣе ходу и извѣстности. Но во всякомъ случаѣ цензура не осмѣлится ее пропустить, а Уваровъ самъ на себя розогъ не принесетъ. Бенкендорфа вмѣшивать тутъ мудрено и неловко. Какъ же быть? Думаю оставить статью, какъ она есть, а впоследствии времени выбирать, изъ нея все, что будетъ можно выбирать, какъ пѣкогда дѣлалъ ты и въ „Литературной Газетѣ“ со статьями, не пущевными Щегловымъ. Жаль, что ты не разобралъ Устрялова по формѣ, изобрѣтенной Воейковымъ для Полевого, а куда бы хорошо. Стихи для тебя переписываю.

1837.

Ѳ. А. Снобелъцину.—*Спб.*, 8 января.—Не можете ли вы, любезный Ѳедоръ Аванасьевичъ, дать мнѣ взаймы на три мѣсяца, или достать мнѣ, три тысячи рублей. Вы бы меня чрезвычайно одолжили и избавили меня отъ рукъ книгопродавцевъ, которые рады меня притѣснить.—*А. Пушкинъ.*

А. О. Ишимовой. — *Спб., 25 января.* — Мнѣ хотѣлось бы познакомить публику съ произведеніями Barry Cornwall. Не согласитесь ли вы перевести нѣсколько изъ его драматическихъ очерковъ? Въ такомъ случаѣ буду имѣть честь препроводить къ вамъ его книгу.

Виконту д'Аршлану. — *Спб., 27 января.* — Виконтъ! Я не имѣю ни малѣйшей охоты вмѣшиваться въ мои семейныя дѣла праздныхъ людей Петербурга; поэтому совершенно отказываюсь отъ переговоровъ между секундантами. Я привезу моего лишь на мѣсто поединка. Такъ какъ г. Геккернъ вызвалъ меня, онъ же и обиженный, то если ему угодно, можетъ выбрать мнѣ секунданта; заранѣе принимаю его, хотя бы это былъ его выѣздной лакей. Касательно часа и мѣста я совершенно къ его услугамъ. По нашимъ русскимъ обычаямъ этого достаточно. Повѣрьте, виконтъ, что это мое послѣднее слово, и что болѣе мнѣ не на что отвѣчать относительно этого дѣла, и я тронусь изъ дому лишь затѣмъ, чтобъ ѣхать на мѣсто дуэли.

Благоволите принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи. *А. Пушкинъ.*

А. О. Ишимовой. — *Спб., 27 января.* — Милостивая государыня, Александра Осиповна! Крайне жалѣю, что мнѣ невозможно будетъ сегодня явиться на ваше приглашеніе. Покамѣстъ, честь имѣю препроводить къ вамъ Barry Cornwall. Вы найдете въ концѣ пьесы, отмѣченныя карандашомъ: переведите ихъ, какъ умѣете — увѣрю васъ, что переведете какъ нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открылъ вашу „Исторію въ разсказахъ“ и поневолѣ зачитался. Вотъ какъ надобно писать!

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. *А. П.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
<i>Письма 1816 года</i>	3
(Вяземскому, Кн., П. А.)	
<i>Письма 1817 года</i>	5
(Вяземскому, Кн., П. А.)	
<i>Письма 1819 года</i>	5
(Мансурову, Тургеневу, А. И.)	
<i>Письма 1820 года</i>	7
(Вяземскому, Гнѣдичу, Пушкину, Л. С.)	
<i>Письма 1821 года</i>	14
(Гнѣдичу, Горчакову, Гречу, Давыдову, Дегильи, Дельвигу, Неизвѣстному лицу, Пушкину, Л. С., Раевскому, А. Н., Тур- генову, А. И., Тургеневу, С. И.)	
<i>Письма 1822 года</i>	28
(Бестужеву, кн. Вяземскому, Гнѣдичу, Катенину, Неизвѣстной дамѣ, Плетневу, Пушкину, Л. С., Толстому.)	
<i>Письма 1823 года</i>	47
(Бестужеву, Вигелю, Вяземскому, Горча- кову, Дельвигу, Инзову, Кривцову, Неиз- вѣстному лицу, Неизвѣстнымъ дамамъ въ Кишиневѣ, Пушкину, Л. С., Раевскому, А. Н., Тургеневу, А. И., Шишкову.)	
<i>Письма 1824 года</i>	70
(Адеркасу, Бестужеву, Булгарину, Все- воложскому, Вульффу, Вяземскому, Вя- земской, Дельвигу, Жуковскому, Каз- начееву, Княжевичу, Кривцову, Неиз- вѣстному лицу въ Москвѣ, Плетневу, Пушкину, Л. С., Раевскому, А. Н., Тур- генову, А. И.)	
<i>Письма 1825 года</i>	110
(Бестужеву, Вульффу, Вяземскому, Гнѣ- дичу, Дельвигу, Жуковскому, Кате-	

нину, Кернъ, Кюхельбекеру, Мойеру, Осиповой, Плетневу, Полевому, Пушкину, Раевскому, Н. Н., Рокотову, Рыгзеву.)	
<i>Письма 1826 года</i>	190
(Алексѣеву, Бенкендорфу, Великопольскому, Вульфу, Вяземскому, Дельвигу, Жуковскому, Катенину, Осиповой, Плетневу, Погодину, Соболевскому, Языкову)	
<i>Письма 1827 года</i>	211
(Бенкендорфу, Дельвигу, Погодину, Осиповой, Соболевскому, Языкову.)	
<i>Письма 1828 года</i>	217
(Бенкендорфу, Великопольскому, Вульфу, Дельвигу, Осиповой, Погодину, Соболевскому).	
<i>Письма 1829 года</i>	226
(Вульфу, Гончаровой, Н. И., Осиповой, Пушкину, Л. С., Раевскому, Н. Н., Снегиреву, Соболевскому, Яковлеву.)	
<i>Письма 1830 года</i>	234
(Бенкендорфу, Верстовскому, Вяземскому, Вяземской, Гнѣдичу, Гончаровой, Н. И., Гончаровой, Н. Н., Гончарову, А. Н., Дельвигу, Загоскину, Нащокину, Неизвѣстной дамѣ, Неизвѣстному лицу, Осиповой, Плетневу, Погодину.)	
<i>Письма 1831 года</i>	280
(Бенкендорфу, Воейкову, Вяземскому, Гоголю, Гончаровой, Н. И., Гончарову, А. Н., Коншину, Кривцову, Нащокину, Осиповой, Плетневу, Погодину, Полевому, Пушкиной, Пушкину, Л. С., Смирновой, Уварову, Хмѣльницкому, Чаадаеву, Языкову, Яковлеву.)	
<i>Письма 1832 года</i>	331
(Бантышъ - Каменскому, Бенкендорфу, Дмитріеву, Нащокину, Орлову, Осиповой, Погодину, Пушкиной, Хвостову.)	

III

СТР.
348

Письма 1833 года.
(Ананьину, Бенкендорфу, Дмитриеву,
Корфу, Лажечникову, Нащокину, Одо-
евскому, Осиповой, Погодину, Пушки-
ной, Фуксъ, Чернышеву.)

Письма 1834 года. 380

(Бантышъ-Каменскому, Бенкендорфу,
Гоголю, Жуковскому, Загоскину, Нащо-
кину, Осиповой, Погодину, Пушкиной,
Строгонову, Фуксъ, Языкову, Яковлеву.)

Письма 1835 года 428

(Бантышъ-Каменскому, Бенкендорфу,
Вѣдной вдовѣ, Главному комитету цен-
зуры, Гоголю, Дмитриеву, Клейнмихелю,
Лажечникову, Нащокину, Осиповой,
Плетневу, Пушкиной, Пушкину, Л. С.,
Фуксъ.)

Письма 1836 года 449

(Бенкендорфу, Вяземскому, Геккерну,
Глинкѣ, Голицыну, Гречу, Давыдову,
Дмитриеву, Дуровой, Жандру, Жобару,
Коншину, Корфу, Лажечникову, Нащо-
кину, Одоевскому, Погодину, Пушки-
ной, Пушкину, Л. С., Репнину, Ушакову,
Фуксъ, Хлюстину, Чаадаеву, Языкову,
Яковлеву.)

Письма 1837 года 479

(Аршіаеву, Ишимовой, Скобельцыну.)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

- Адеркасу, 1824: 94.
Алексѣеву, 1826: 209.
Ананьину, 1833: 351.
Аршіаку, 1837: 480.
Бантышъ-Каменскому, 1832: 848. —1834: 391,
399. —1835: 429, 431.
Бенкендорфу, 1826: 207, 210. —1827: 212, 216. —
1828: 218, 219, 225. —1830: 234, 235, 243. —
1831: 284, 308, 310. —1832: 332, 336. —1833:
31, 377. —1834: 407, 410, 410, 412. —1835:
429, 432, 433, 434, 449. —1836: 475.
Бестужеву, 1822: 33. —1823: 51. —1824: 72, 73,
85. —1825: 113, 123, 137, 183, 188.
Булгарину, 1824: 73.
Бѣдной вдовѣ, 1835: 448.
Великопольскому, 1826: 196, 199. —1828: 219.
Верстовскому, 1830: 273.
Вигелю, 1823: 66.
Воейкову, 1831: 320.
Всеволожскому, 1824: 87.
Вульфъ, 1824: 90. —1825: 129, 175, 182. —1826:
197. —1828: 222. —1829: 233.
Вульфъ, Аннѣ Ник., 1825: 148.
Вяземскому, 1816: 3. —1817: 5. —1820: 7. —1822:
28. —1823: 50, 52, 55, 58, 59, 61, 65. —1824:
75, 76, 83, 89, 100. —1825: 112, 112, 115, 118,
132, 132, 135, 139, 144, 145, 147, 158, 161,
169, 171, 175, 177, 184. —1826: 198, 199, 200,
203, 205, 210. —1830: 236, 238, 239, 244, 268.
—1831: 280, 285, 285, 287. —1836: 479.
Вяземской, 1824: 98. —1830: 247.
Геккерну (Дантесу), 1836: 477.
Главному Комитету цензуры, 1835: 442.
Глишкѣ, 1836: 452.
Гнѣдичу, 1820: 8, 12. —1821: 16. —1822: 31, 31, 34,
42. —1825: 119. —1830: 234.

II

- Гоголю, 1831: 321.—1834: 398.—1835: 448, 448.
 Голицыну, 1836: 473.
 Гончаровой (тещѣ), 1829: 232.—1830: 240.
 Гончаровой (невѣстѣ), 1830: 240, 249, 251, 251, 253, 255, 257, 261, 263, 264, 267, 269, 273, 275, 276, 1831: 301.
 Гончарову, 1830: 245, 249, 250, 254, 255, 257.—1831: 290.
 Горчакову, 1821: 27.—1823: 47.
 Гречу, 1821: 26.—1836: 469.
 Давыдову, В. Л., 1821: 21.
 Давыдову, Д. В., 1836: 465, 469.
 Дегильи, 1821: 23. 68
 Дельвигу, 1821: 14.—1823: 61.—1824: 107.—1825: 143, 150, 182.—1826: 192, 192, 202.—1827: 213.—1828: 224, 225.—1830: 266.
 Дмитріеву, 1832: 335.—1833: 377.—1835: 430, 431.—1836: 467.
 Дуровой, 1836: 468.
 Жандру, 1836: 468.
 Жобару, 1836: 452.
 Жуковскому, 1824: 93, 97, 102.—1825: 140, 146, 164, 180.—1826: 190, 195.—1834: 410, 411.
 Загоскину, 1830: 235.—1834: 412.
 Иязову, 1823: 65.
 Ишимовой, 1837: 480, 480.
 Казначееву, 1824: 79, 81.
 Катенину, 1822: 36.—1825: 168, 184.—1826: 193.
 Кернъ, 1825: 152, 159, 165, 170, 178, 185.
 Клейнмихелю, 1835: 446.
 Княжевичу, 1824: 101.
 Коншину, 1831: 318.—1836: 478.
 Корфу, 1833: 378.—1836: 469.
 Кривцову, 1823: 68.—1824: 109.—1831: 288.
 Кюхельбекеру, 1825: 187.
 Лажечникову, 1833: 377.—1835: 445.—1836: 456.
 Мансурову, 1819: 6.
 Мойеру, 1825: 154.

III

- Нащокину, 1830: 278. — 1831: 297, 297, 297, 298,
 299, 300, 314, 316, 318, 322, 324, 325. — 1832:
 331, 334, 335, 336, 346. — 1833: 348, 375, 378.
 — 1834: 380, 427. — 1835: 428, 443. — 1836: 466.
- Неизвѣстнымъ лицамъ, 1821: 27. — 1822: 47. —
 1823: 57, 62. — 1824: 76. — 1830: 278, 279.
- Одоевскому, 1833: 373. — 1836: 453, 454, 474, 474,
 478, 479.
- Орлову, 1832: 333.
- Осиповой, 1825: 152, 155, 155, 157, 159. — 1826:
 194, 204, 204. — 1827: 211. — 1828: 217. — 1829:
 230. — 1830: 260. — 1831: 303, 317. — 1832: 334,
 345. — 1833: 350. — 1834: 414. — 1835: 444, 447.
- Плетневу, 1822: 46. — 1824: 91. — 1825: 156, 186. —
 1826: 190, 194, 196. — 1830: 246, 256, 258,
 259, 265, 277. — 1831: 282, 283, 286, 287, 289,
 291, 292, 294, 295, 305, 307, 307, 315, 319, 321.
 — 1835: 441.
- Погодину, 1826: 208. — 1827: 211, 212, 214, 214,
 217. — 1828: 218, 220. — 1830: 247, 270,
 271. — 1831: 288, 302. — 1832: 337. — 1833:
 349. — 1834: 382. — 1836: 455.
- Полевому 1825: 156. — 1831: 280.
- Пушкиной, 1831: 326, 326, 328, 329, 330. — 1832:
 338, 340, 341, 342, 344. — 1833: 352, 353, 355,
 357, 358, 359, 361, 362, 364, 365, 366, 367,
 369, 370, 371, 374. — 1834: 383, 384, 386,
 388, 389, 390, 392, 393, 394, 395, 396, 397,
 399, 401, 402, 403, 404, 405, 408, 413, 416,
 417, 418, 420, 420, 422, 424. — 1835: 435, 436,
 437, 438, 440. — 1836: 457, 458, 460, 462, 463.
- Пушкину, Л. С., 1820: 8. — 1821: 23. — 1822: 29,
 37, 38, 43, 44. — 1823: 48, 49, 53. — 1824: 70, 78,
 82, 91, 95, 96, 103, 104, 106, 106. — 1825: 110,
 117, 120, 121, 122, 127, 129, 129, 131, 184, 153. —
 1829: 232. — 1831: 294. — 1835: 432. — 1836:
 456, 466.
- Раевскому, А. Н., 1821: 18. — 1823: 68. — 1824: 88.
- Раевскому, Н. Н., 1825: 173. — 1829: 226.

IV

- Репнину, 1836: 450, 451.
 Рокотову, 1825: 189.
 Рыгъеву, 1825: 113, 136.
 Скобельцыну, 1837: 479.
 Смирновой; 1831: 323.
 Снегиреву; 1829: 231.
 Соболевскому, 1826: 209. — 1827: 211. — 1828:
 222, 223. — 1829: 230.
 Строгонову, 1834: 383.
 Толстому, 1822: 40.
 Тургеневу, А. И., 1819: 5. — 1821: 25. — 1823: 64. —
 1824: 88.
 Тургеневу, С. И., 1821: 25.
 Уварову, 1831: 324.
 Ушакову, 1836: 466.
 Фуксъ, 1833: 362. — 1834: 426. — 1835: 434. — 1836:
 451.
 Хвостову, 1832: 346.
 Хлюстину, 1836: 449.
 Хмѣльницкому, 1831: 291.
 Чаадаеву, 1831: 305. — 1836: 470.
 Чернышеву, 1833: 348, 350.
 Шишкову, 1823: 69.
 Языкову, 1826: 207, 207. — 1827: 212. — 1831:
 325. — 1834: 425. — 1836: 454.
 Яковлеву, И. А., 1829: 231.
 Яковлеву, М. Л., 1831: 313. — 1834: 409, 422,
 426. — 1836: 470, 475, 475.

DUE DATE

MAY 26 1994

MAY 16 1994

201-6503

Printed
in USA

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

0022164278

